

Александръ Агапьевъ.

О П Ы Т Ъ
ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ
СТРАТЕГІИ И ТАКТИКИ

(наемныхъ и постоянныхъ армій новыхъ
государствъ)

ВЫПУСКЪ I.

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНІЯ ШАХМЪ И ИСКУССТВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Столичная Скоропечатня» С. Х. Золотухина,
ул. В. Морской и Гороховой ул., д. № 23—12.

1902.

Печатано по распоряженію Начальника Николаевской академіи Генеральнаго Штаба

Предисловіе

КЪ ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ.

Настоящій выпускъ составляетъ первую часть диссертациі, представленной въ Николаевскую академію Генеральнаго Штаба, въ февралѣ мѣсяцѣ 1900 года, на соисканіе каведры по исторіи военнаго искусства.

Послѣдовавшая затѣмъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ того-же года, командировка на Дальній Востокъ и участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ, задержали печатаніе книги, а также дальнѣйшую разработку той-же темы, которую предполагалось довести до великой французской революціи, а затѣмъ, по мѣрѣ возможности, и до современной намъ эпохи. Эти причины, а также желаніе переработать свой трудъ соотвѣтственно своимъ теперешнимъ взглядамъ, нѣсколько измѣнившимся, за эти два года, столь полныхъ самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній,—обусловили также задержку въ печатаніи второй половины диссертациі, которая, впрочемъ, подготавливается къ печати и, вѣроятно, выйдетъ осенью текущаго года.

Свою работу я назвалъ «опытомъ», такъ какъ рѣшился, при изслѣдованіи развитія стратегіи и тактики новыхъ европейскихъ государствъ, принять нѣсколько отличный отъ преобладавшаго до послѣдняго времени метода военно-историческихъ изслѣдованій.

Военное дѣло принято, большею частью, разсматривать, какъ нѣчто замкнутое, обособленное, не имѣющее непосредственной связи съ обще-государственными учрежденіями и независимое отъ духа времени и по-

литической жизни всего общества. Между тѣмъ, казалось-бы, что именно теперь, когда армія стала «вооруженнымъ народомъ», когда обще-обязательная воинская повинность привлекла въ ряды арміи все классы и сословія государства, — вооруженныя силы, болѣе чѣмъ когда-нибудь прежде, должны отражать въ себѣ характерныя черты всего строя общественной жизни соответствующей страны и должны испытывать на себѣ вліяніе всей совокупности политическихъ условій, при которыхъ развился и окрѣпъ государственный организмъ, выдѣлившій изъ собственной плоти и крови эту вооруженную силу, для защиты своихъ жизненныхъ интересовъ. Я попытался, прослѣдить, въ настоящемъ изслѣдованіи, *не сказывалось-ли и прежде вліяніе общей политической жизни страны на организацію ея вооруженной силы, не замѣтили-ли слѣды этого вліянія даже на вѣнныя формы, въ которыхъ вылилось военное искусство въ соответствующую эпоху, не было-ли во взглядахъ на войну, въ стратегіи и въ тактикѣ, — элементовъ, явившихся естественными слѣдствіями того уровня обще-государственной идеи, до котораго достигла, въ данное время, соответствующая національность.*

Изслѣдованіе начато съ эпохи возрожденія наукъ и искусствъ, которая является, вмѣстѣ съ тѣмъ, началомъ новыхъ вѣковъ, и временемъ, когда ясно обозначились существующія до нынѣ государства западной Европы; разсмотрѣніе политическаго роста этихъ государствъ и, параллельно ему, роста ихъ вооруженныхъ силъ представляется, такимъ образомъ, возможнымъ вести, начиная съ этой эпохи, для всехъ современныхъ намъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ и довести его до переживаемыхъ нынѣ временъ, не дѣлая перерыва, вызываемаго появленіемъ на историческомъ поприщѣ новой народности, новаго государства: возникшія въ концѣ среднихъ вѣковъ государства западной Европы не исчезли до сихъ поръ, и не явились на смѣну имъ новые народы, съ новой культурой, а потому и въ наше время приходится считаться съ вооруженной силой тѣхъ-же государствъ, которыя утвердились въ западной Европѣ къ началу эпохи возрожденія.

Это приводит и къ утилитарной, такъ сказать, цѣли принятаго метода изслѣдованія: не дадутъ ли возможности такія историческія сопоставленія вывести сравнительную оцѣнку и современныхъ намъ европейскихъ армій, съ перваго взгляда, столь сглаженныхъ по своему вышнему виду, столь одновременно усовершенствующихъ разнообразныя техническія усовершенствованія, которыя такъ быстро дѣлаются пылгъ обще-извѣстными всему міру; чувствуется однако, что подъ этимъ однообразнымъ обликомъ современныхъ армій кроются, тѣмъ не менѣе, крупныя внутреннія различія, которыя именно и обусловятъ побѣду или поражение въ будущей неминуемой борьбѣ. Можетъ быть, выводы настоящаго «опыта» могутъ послужить первымъ шагомъ къ раскрытію разнообразныхъ внутреннихъ сторонъ вооруженной силы, путемъ опредѣленія существовавшихъ и въ прежнее время различій между арміями, различій, обусловленныхъ, главнымъ образомъ, разницей въ географическихъ особенностяхъ соответствующихъ государствъ, въ національномъ характерѣ ихъ обитателей, во всемъ политическомъ строѣ выработанной ими народной жизни...

Избранный методъ изслѣдованія «исторіи развитія стратегіи и тактики» отличается отъ принятаго бывшимъ преподавателемъ Берлинской военной академіи, М. Іенсомъ, выдающійся трудъ котораго по исторіи всѣхъ вообще военныхъ наукъ («Geschichte der Kriegswissenschaften»; томы I, II и III; 1889—1895) касается только одной литературы военныхъ наукъ, но не разсматриваетъ примѣненія выработанныхъ теорій положеній этихъ наукъ на практикѣ, т. е., совершенно не изслѣдуетъ военно-историческихъ фактовъ, относя ихъ къ военному искусству, которое, по его мнѣнію, слѣдуетъ разсматривать совершенно независимо отъ исторіи военныхъ наукъ *). Съузивъ рамки своей работы изслѣдованіемъ лишь исторіи развитія *стратегіи и тактики* разсматриваемой эпохи, намъ казалось однако, что современное ей со-

*) Тотъ-же авторъ издалъ впрочемъ еще раньше тоже весьма солидную работу по исторіи всего вообще военнаго дѣла («Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens, von der Urzeit bis zur Renaissance», Leipzig, 1880) которая, къ сожалѣнію, доведена лишь до конца XVI вѣка.

стояніе этихъ наукъ характеризуется не только тѣми данными, которыя проводятся въ военной литературѣ того времени, но еще въ большей мѣрѣ развитіе ихъ опредѣляютъ тѣ формы, въ которыхъ явились стратегія и тактика на театрѣ военныхъ дѣйствій и на полѣ сраженія, т. е., въ дѣйствительномъ примѣненіи ихъ на практикѣ. Вотъ почему, наряду съ параллельнымъ изученіемъ литературы по стратегіи и тактикѣ данного времени, мы привели и важнѣйшіе военно-историческіе факты, отдавая имъ даже предпочтеніе въ сужденіяхъ о состояніи указанныхъ военныхъ наукъ, такъ какъ такое изслѣдованіе скорѣе даетъ возможность привести къ извѣстнымъ выводамъ и можетъ быть удобнѣе поставлено въ связь съ обще-историческимъ ходомъ событій.

Заканчивая настоящее предисловіе, считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь мою глубокую признательность почетному члену конференціи Николаевской академіи Генеральнаго Штаба, Генералу отъ инфантеріи *А. К. Пузыревскому*, за сообщеніе мнѣ весьма цѣнныхъ для моего изслѣдованія источниковъ, а также ординарному профессору той-же академіи, Генераль-Маіору *П. А. Гейсману*, за сдѣланныя имъ, по представленной мною рукописи, указанія о моей работѣ, которыми я и воспользовался отчасти при переработкѣ своего труда для печати.

А. Агапѣвъ.

10 мая 1902 г.
С.-Петербургъ.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВЪ.

I. Источники, современные изслѣдуемой эпохѣ.

1. **Niccolo Macchiavelli.** «I sette libri del'arte della guerra». Firenze. 1521. Нѣмецкій переводъ Ziegler'a: «Die Kriegskunst in sieben Büchern». Karlsruhe. 1833.
2. **Его-же.** «Dei discorsi sul Tito Livio». Нѣмецкій переводъ Ziegler'a: «Vom Staate». Karlsruhe. 1833.
3. **Его-же.** «Il Principe». Русскій переводъ Затлера «Монархъ». С.-Петербургъ. 1869.
4. **Gvillaume dv Bellay, Seigneur de Langey.** «Discipline militaire». Lyon 1592. (Библиотека Николаевской академіи Генеральнаго Штаба). Первое изданіе этой книги относится къ 1535 году и носить другое заглавіе: «Instructions sur le fait da la guerre extraites de livres de Polybe, Frontin, Vegece, Cornazzani, Machiavel et plusieurs autres bons auteurs»; авторъ этого изданія не былъ указанъ.
5. **Martin dv Bellay, Seigneur de Langey.** «Memoires». Paris. 1569. (Императорская публичная библиотека—залъ 12, шк. VII, п. 2, № 14; кромѣ того, издается также изданіе 1573 г.—залъ 12, шк. XXVIII, п. 6, № 43).
6. **Philippe de Cleve.** «Instruction de toutes manières de guerroyer tant par terre que par mer et choses y servantes». Paris. 1558. Нѣмецкій переводъ Fronspenger'a «Hertzog Philipsen von Cleue Kriegsordnung». Wien 1596.
7. **Leonhardt Fronspenger.** «Kriegszbuch» Wien. 1596. (Императорская публичная библиотека. Залъ 5, шк. VIII, п. I, № 100; экземпляръ того-же изданія, но съ болѣе

многочисленными гравюрами, имѣется также въ библиотекѣ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба). Первое изданіе этой книги относится къ 1566 году, написана она между 1555 и 1560 годомъ.

8. **Lazarus Schwendi.** «Kriegs Discurs. Von Bestellung des ganzen Kriegswesens». Frankfurt am Mayn. 1600. (Императорская публичная библиотека. Заль 5, шк. XXII, п. 10, № 139) Первое изданіе относится къ 1575 г.; написана книга около 1558 года.
9. **Hanns Lohr.** «Kriegs Feldbüchlin von allerlay Schlachtordnungen». Dillingen. 1569. (Библиотека Главнаго Штаба; 11а—2—26—№ 2619).
10. **Daniel Wintzenberger.** «Krieges Ordnung zu Rosz und Fusz sampt der Artalerey». Dreszden. 1594. (Императорская публичная библиотека. Заль 4; шк. IV; п. 2; № 108).
11. **Blaise de Montluc,** maréchal de France. «Commentaires». Paris. MDCVII. (Библиотека Николаевской академіи Генеральнаго Штаба; въ Императорской публичной библиотекѣ имѣется изданіе 1760 г. «nouvelle edition»; заль 14, шк. IV, п. 3, № 4). Мемуары касаются періода 1521—1574 годовъ.
12. **Guicciardini.** «Storia d'Italia. 1494—1534». Firenze. 1561. Французскій переводъ: «Histoire des guerres d'Italie traduite de l'italien, de François Guichardin». I, II, III tomes. Londres. MDCCXXXVIII. Итальянскій оригиналь написанъ до 1540 года (года смерти Гюиччардини).

II. Источники по исторіи военного искусства, военной исторіи, стратегіи и тактикѣ.

а) на русскомъ языкѣ:

13. **Рюстовъ.** «Исторія пѣхоты»; т. I и II, перев. Пузыревскаго, подъ редакціей Стапкевича. (Военная библиотека, т. XV и XVI). Спб. 1876.
14. **Голицынъ.** «Всеобщая военная исторія»; ч. II и III; 1876—1878 г. Спб.
15. **Пузыревскій.** «Исторія военного искусства въ средніе вѣка» (V—XVI стол.) Ч. I и II. Спб. 1884.
16. **Марковъ.** «Исторія конницы». Ч. 2-я. Тверь. 1886. Ч. 3-я, отд. I и II. Тверь, 1887—1888.

17. **Н. С. Сухотинъ**. «Исторія военного искусства» (Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ). Т. III; Вып. 3. Спб. 1888.
18. **Лееръ**. «Стратегія» (Тактика военныхъ дѣйствій). Ч. I. Главныя операціи. Изд. 6-е. Спб. 1898. Ч. II. Подготовительныя и дополнительныя операціи. Изд. 5-ое. Спб. 1898 г. Ч. III. Операціи — типы частнаго характера. Изд. 2-е. Спб. 1899.
19. **Гейсманъ**. «Краткій курсъ исторіи военного искусства въ средніе вѣка». Спб. 1893.
20. **Михневичъ**. «Исторія военного искусства съ древнѣйшихъ временъ до начала девятнадцатаго столѣтія». Спб. 1895.
21. **Масловъ**. «Научныя изслѣдованія по тактикѣ». Выпуски I и II. Спб. 1896.
22. **Денисонъ**. «Исторія конницы». Переводъ съ нѣмецкаго изданія Врикса, барона Е. А. Раушъ фонъ Траубенберга, подъ редакціей В. А. Сухомлинова. Т. I. и II. С.-Петербургъ. 1897.
23. **Михневичъ**. «Стратегія». Книга I. Спб. 1899. Книга II. Спб. 1901.
24. **Гейсманъ**. «Записки военной администраціи». Историческій отдѣлъ. Петербургъ. 1902.
25. **Гейсманъ**. «Генеральный Штабъ». Военный Сборникъ 1902. №№ 1, 2 и 3.

б) на французскомъ языкѣ:

26. **Rocquancourt**. «Cours élémentaire d'art et d'histoire militaires» Paris. 1834.
27. **Liskenne et Sauvan**. «Bibliothèque historique et militaire»; t. IV. Paris. 1864.
28. **Prince Napoléon-Louis Bonaparte**. «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie»; t. I. Paris. 1846.
29. **Favé**. «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie». Ouvrage continué à l'aide des notes de l'Empereur; t. III. Histoire des progrès de l'artillerie. Paris. 1862.
30. **Susane**. «Histoire de la cavalerie française», t. I. Paris. 1874.
31. **Viолlet le Duc**. „Dictionnaire raisonné du mobilier français“. Paris. 1874. t. II, V п VI.
32. **Susane**. «Histoire de l'infanterie française», t. I. Paris. 1876.

33. **Bernard.** «Traité de tactique. Tactique expérimentale»; t. I. Tarbes. 1878.
34. **Quarré de Verneuil.** «L'armée en France depuis Charles VII jusqu'à la révolution». (1493—1789). Paris. 1880.
35. **Hardy.** «Origines de la tactique française»; t. II. Paris. 1881.
36. **Veynante.** «Historique de la tactique de l'infanterie française». Paris—Limoges. 1892.
37. **Gerôme.** «Essai historique sur la tactique de l'infanterie». Paris—Limoges. 1895.
38. **Lavisse, Guiraud, Langlois, Gebhardt.** «L'armée à travers les âges». Paris. 1899.

а) на немецкомъ языкѣ;

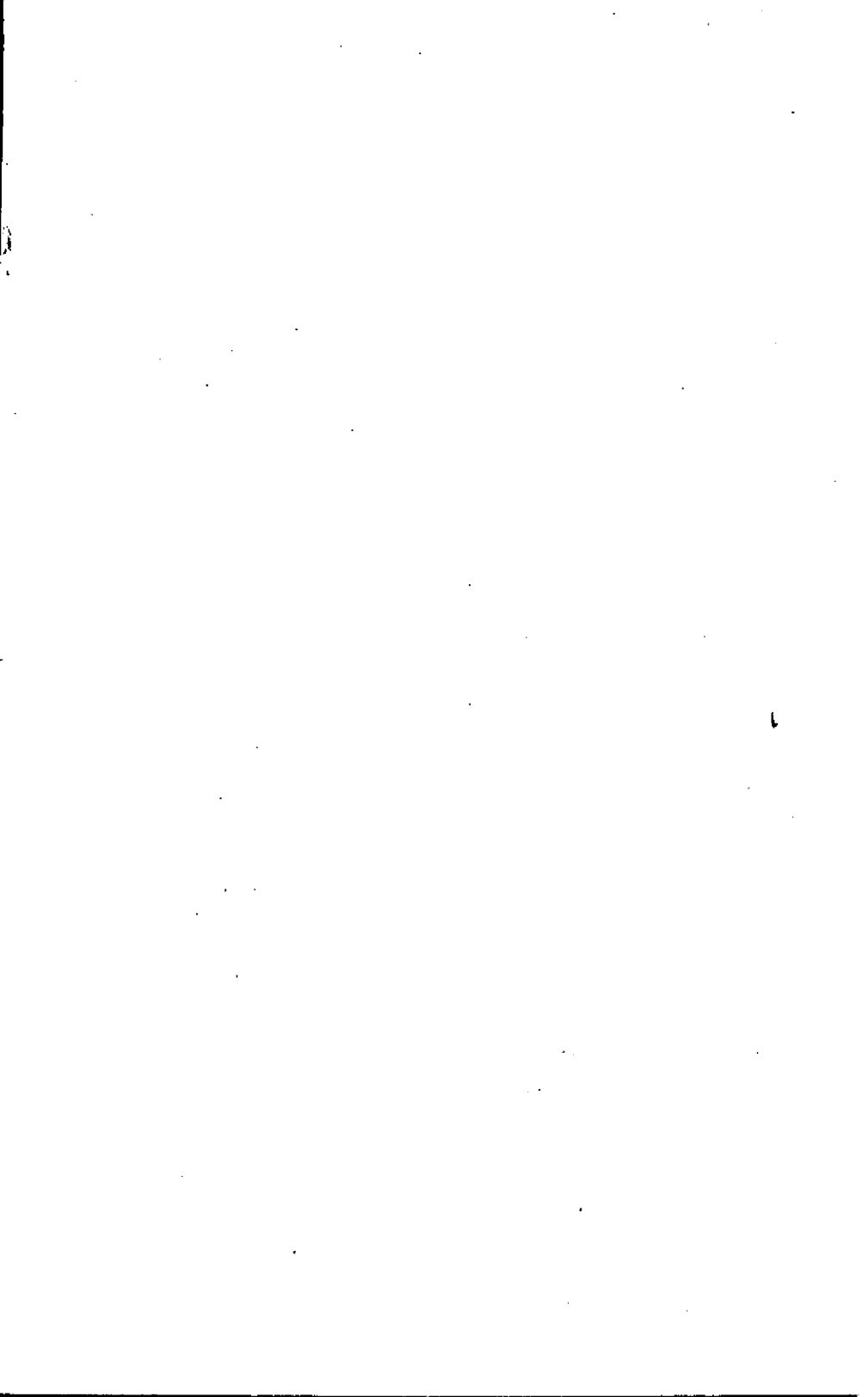
39. **Brandt.** «Geschichte des Kriegswesens»; t. III. Berlin. 1838.
30. **Carl von Clausewitz.** «Vom Kriege»; t. I, II и III. Berlin. 1857.
41. **Dr. Hermann Meynert.** «Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen in Europa»; t. II. Wien. 1868.
42. **Hermann Weiss.** «Kostümkunde. Geschichte der Tracht und des Geräthes». Stuttgart. 1872. Abth. I и II.
43. **Max Jähns.** «Atlas zur Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zum Ende des 16 Jahrhunderts». Berlin. 1878 (для картографическихъ приложений).
44. **Max Jähns.** «Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zur Renaissance». II Lieferung. Leipzig. 1880.
45. **Max Jähns.** «Geschichte der Kriegswissenschaften, vornehmlich in Deutschland». Erste Abtheilung. München und Leipzig. 1889.
46. «**Leitfaden** der allgemeinen Kriegsgeschichte». Verfasst im Auftrage des k. u. k. Reichs-Kriegsministeriums. Wien. 1896.
47. **Carl Bleibtreu.** «Zur Geschichte der Taktik und Strategie». Berlin.
48. **Reichenau.** «Einfluss der Kultur auf Krieg und Kriegsrüstung. Berlin. 1897.

III. Источники обще-историческіе.

49. Шлоссеръ. «Всемірная исторія». Переводъ Л. М. М., под редакціей Зайцева. Т. XIII и XIV. Спб. и Москва 1867.
50. Кольбъ. «Исторія человѣческой культуры». Переводъ Над. Вѣлзерской и Марка Вовчка. Спб. 1872. Т. I и II.
51. Карбевъ. «Исторія Западной Европы въ новое время». Т. I—IV. Спб. 1890—1892.
52. Guizot. «Cours d'histoire moderne. Histoire générale de la civilisation en Europe». Bruxelles. 1847.
53. Joseph Aschbach, «Geschichte Spaniens und Portugals zur Zeit der Herrschaft der Almoraviden und Almohaden». Frankfurt am Main; t. I и II. 1833—1837.

IV. Источникъ библиографическій.

54. Pohler. «Bibliotheca historico-militaris». Cassel-Leipzig. 4 тома. 1895—1899.
-

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

Эпоха возрожденія наукъ и искусствъ.

(1450—1550 г.).

	Стр.
Предисловіе	III
Перечень печатниковъ	VII
Введеніе	1
Глава I. Постоянныя и наемныя войска до эпохи возрожденія включительно	7
Армія Рима; войска феодальной эпохи. Развитие наемныхъ войскъ въ Италіи; пѣхота; конница; артиллерія. Попытка Максимилиана создать народную армію. Выводы.	
✓ Глава II. Первые постоянныя войска во Франціи	88
Паденіе феодальнаго строя. Армія при Карлѣ VII. Людовикъ XI (1461—1483). Армія Карла Смѣлаго. Наемныя войска Людовика XI. Сраженія при Монпері (1465 г.) и при Гивегаттѣ (1479). Карлъ VIII (1483—1498). Походы 1494—1495 г. Людовикъ XII (1498—1515). Сраженіе при Аньиделло (14 мая 1509 г.). Походъ 1512 года. Сраженіе при Равеннѣ (11 апрѣля 1512); разборъ. Ля-Рютта и Терулякъ (1513 г.). Францискъ I (1515—1547). Сраженіе при Мариньяно (13—14 сентября, 1515 г.); разборъ. Походы 1521—1522 г. Сраженіе при Ля-Бикокъ (27 апрѣля 1522 г.); разборъ. Кампанія 1524—1525 г. Осада Павія. Сраженіе подъ Павіей (24 февраля 1525 г.); разборъ.	
Глава III. Организція вооруженныхъ силъ Испаніи, въ XV и XVI вѣкахъ	132
Вліяніе арабовъ. Образованіе испанскаго государства и первые испанскія войска. Гонсальвъ Кордуанскій.	

✓ Глава IV. Наемныя арміи въ Германіи, при Максимилианѣ I и при Карлѣ V

Причины преобладанія феодализма въ Германіи до XV вѣка. Организація арміи при императорѣ Максимилианѣ I (1493—1516). Конница. Пѣхота. (Ландскнехты). Артиллерія. Инженерныя войска. Организація обще-имперской арміи. Вліяніе эпохи возрожденія наукъ и искусствъ на организацію вооруженной силы.

✓ Глава V. Французская армія въ концѣ правленія Франциска I и при Генрихѣ II

Учрежденіе негюповъ. Конница. Артиллерія. Инженерныя войска. Кампанія 1536 года. Война 1542—1544 г. Сраженіе при Чернаолѣ (11 апрѣля 1544 г.). Разборъ сраженія. Генрихъ II (1547—1559). Выводы.

Глава VI. Стратегія и тактика конца XV и первой половины XVI вѣка

Понятія и стратегія. Тактика (пѣхота; конница; вагенбургъ; артиллерія). Соединеніе трехъ родовъ оружія на отдыхѣ, на походѣ и въ бою. (Расположеніе на отдыхѣ—лагери; сторожевая служба; походные порядки; боевые порядки трехъ родовъ оружія).

Общій выводъ о стратегіи и тактикѣ въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ

Приложеніе I.

«Le rozier des guerres». (Розанъ войны).

Приложеніе II.

Письмо Франциска I своей матери, Луизѣ Салюйской, послѣ сраженія при Мариньяно, 14 сентября 1515 г.

Картографическія приложенія.

Табл. I. № 1. Схема къ походамъ французовъ въ Италію въ началѣ XVI вѣка.

№ 2. Схема къ походу 1509 года.

№ 3. Сраженіе при Аньяделло, 14 мая 1509 года.

№ 4. Пикинеръ при встрѣчѣ атаки пѣхоты.

№ 5. Пикинеръ при встрѣчѣ атаки конницы.

№ 6. Стрѣльба швейцарцевъ «ожомъ».

Табл. II. № 7. Схема къ походу Гастона де-Фуа, 1512 года.

№ 8. Сраженіе при Равеннѣ, 11 апрѣля 1512 года.

№ 9. Боевой порядокъ арабовъ.

№ 10. Вой ландскнехтовъ XVI вѣка.

Табл. III. № 11. Схема къ походу Франциска I въ Италію, 1515 года.

- Табл. IV. № 12. Схема сражения при Мариньяно, 13 сент. 1515 года.
 № 13. Схема сражения при Ля-Биконь, 27 апр. 1522 года.
 № 14. Сражение при Мариньяно (По барельефу на гробнице короля Франциска I).
- Табл. V. № 15. Осада Палин и ср. подъ Палией, 1525 года.
 № 16. Сражение подъ Палией, 24 февр. 1526 г. (второй периодъ боя).
 № 17. Сражение при Черизоль, 11 апрѣля 1544 года.
 № 18. Восвой порядокъ чеховъ-гуситовъ.
- Табл. VI. № 19. Восвой строй полка ландскнехтовъ.
 № 20. Квадратный строй, съ двумя стрѣлковыми крыльями.
 № 21. Квадратный строй, съ 4-мя стрѣлковыми крыльями.
 № 22. Квадратный строй, съ 4-мя стрѣлковыми крыльями и вѣшнимъ поисомъ стрѣлковъ.
- Табл. VII. № 23. Наступленіе боевого порядка, прикрытаго съ фланговъ боевыми повозками.
- Табл. VIII. № 24. Лагерь подъ стѣнами осажденной крѣпости.
- Табл. IX. № 25. Ордоннансовый латникъ.
 № 26. Вооруженіе рыцари 1450 года.
 № 27. Императоръ Максимилианъ I.
 № 28. Легко-конный всадникъ (шево-лежеръ).
 № 29. Стратіотъ.
 № 30. Конный аркебузеръ (аргулетъ).
- Табл. X. № 31. } Полное рыцарское предохранительное вооруженіе.
 № 32. }
 № 33. Пѣший латникъ 1520 года.
 № 34. Ландскнехты.
 № 35. Легіонеръ.
 № 36. Капитанъ пѣшей дружины.
 № 37. Аялебардистъ.
 № 38. Стрѣлокъ съ 3-хъ ствольной аркебузой, 1550 года.
- Табл. XI. № 39. Феконно.
 № 40. Боевая повозка, съ разными видами пѣхотинцевъ на ней.
 № 41. Боевая повозка съ орудіями.
 № 42. Полное орудіе временъ Максимилиана I (1473—1519).
 № 43. 15-ти дюймовая вѣмечная мортира середины XVI вѣка.
 № 44. Копія барельефа на гробницѣ короля Франциска I (Полное орудіе на фонѣ редута подъ Палией).
 № 45. Заряжаемое съ казны орудіе XVI вѣка.
 № 46. Копія барельефа на гробницѣ Гальо де-Жонувьяна (+ 1546 г.). Орудіе съ запряжкой въ II лошадей.

В в е д е н і е.

Главнымъ орудіемъ для борьбы, главнымъ матеріаломъ арміи всѣхъ временъ и народовъ, является человекъ. Тактика и стратегія должны поэтому, прежде всего, считаться со свойствами этого важнѣйшаго элемента всякой вооруженной силы.

Основные законы государства, опредѣляющіе ту или другую систему образования и организаціи вооруженныхъ силъ, указываютъ элементы, комплекующіе армію, устанавливаютъ, слѣдовательно, тотъ или другой качественный составъ арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляютъ и ея численность.

Такимъ образомъ, совокупность законовъ, опредѣляющихъ комплектованіе и организацію вооруженной силы данной страны (то, что на западѣ принято называть «военной администраціей»), должна вліять и на дѣйствіе этой силы, т. е., на ея тактику и стратегію.

Тактика войскъ представляетъ, какъ-бы, пробный камень ихъ организаціи и не можетъ быть разсматриваема, какъ нѣчто независимое и тѣсно съ нею несвязанное. Стратегія не можетъ задаваться тѣми или другими цѣлями, если она не имѣетъ въ своемъ распоряженіи соответствующихъ по качеству и по количеству войскъ, т. е., она находится въ зависимости отъ ихъ организаціи и комплектованія.

Но организація и комплектованіе вооруженной силы страны представляетъ собою лишь часть общихъ государственныхъ законовъ, которая, очевидно, должна находиться съ послѣдними въ полной гармонической связи; такимъ образомъ, вся государственная система, вся внутренняя политическая жизнь общественаго организма, все направленіе его культуры, выработавшія въ результатѣ его основные законы, накладываютъ свою

печатать на организацию вооруженной силы страны, а потому дають тотъ или другой характеръ тактикѣ и стратегіи ея арміи.

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы постараемся опредѣлить эту зависимость, — *уловить связь между государственными строемъ страны, ея политическими учрежденіями и состояніемъ культуры съ одной стороны, и тѣми формами, отъ которыхъ вытекались боевыя дѣйствія войскъ соответствующей эпохи — съ другой.*

При этомъ, конечно, необходимо имѣть ввиду и другой факторъ, непосредственно влияющій на боевыя дѣйствія войскъ, — ихъ вооруженіе, усовершенствованія матерьяльнаго характера; тактика, во многомъ, зависитъ отъ свойствъ того оружія, которыми владѣютъ въ данную эпоху войска, и отъ свойствъ театра борьбы; но, во-первыхъ, состояніе вооруженія и снаряженія войскъ также находится въ значительной зависимости отъ культуры страны, отъ общаго уровня ея интеллектуальныхъ и матерьяльныхъ средствъ, а во вторыхъ, эти данныя все-же уступаютъ, по своему влиянію на исходъ вооруженной борьбы, — главному ея элементу — человѣку. Почти четыре вѣка тому назадъ, Макіавелли, перечисляя элементы войны, на первомъ планѣ поставилъ человѣка *); на сколько работа духа и мысли служитъ болѣе могучимъ рычагомъ культурной общественной жизни, чѣмъ механической трудъ, — на столько-же и въ военномъ дѣлѣ, составъ и качество войскъ, духовная работа вождя и его помощниковъ сильнѣе влияетъ на исходъ борьбы, чѣмъ матерьяльные факторы, въ видѣ вооруженія, снаряженія, обмундированія войскъ, фортификаціонныхъ сооружений и т. п.

Дѣйствительно, не столько перевороты въ области вооруженія, не столько усовершенствованія техники и изобрѣтенія новыхъ матерьяльныхъ орудій для борьбы, сколько перевороты политико-государственные, сколько реформы основныхъ, социальныхъ законовъ и ломка внутренней жизни государства, — сопровождаютъ обыкновенно и переворотами въ области военного искусства, являюся, въ большинствѣ случаевъ, одновременно съ крупными измѣненіями въ области тактики и стратегіи, или непосредственно предшествующими такимъ измѣненіямъ.

Казалось-бы, что въ исторіи развитія техники вооруженія

*) «Люди, желѣзо, золото и хлѣбъ составляютъ нервы войны. Но изъ этихъ четырехъ, два первыхъ — важнѣйшіе, такъ какъ съ людьми и желѣзомъ найдется золото, а съ хлѣбомъ и водою не найти людей и желѣза». «I sette libri dell'arte della guerra», di Niccolò Machiavelli. Переводъ Ziegler'a: Die Kriegskunst in sieben Büchern. Karlsruhe, 1883, стр. 184).

войскъ пѣтъ болѣе крупнаго переворота, какъ вызваннаго изобрѣтеніемъ пороха; слѣдовало-бы поэтому ожидать, что съ введеніемъ этого могущественнаго средства, какъ орудія для борьбы, явится полный переворотъ употреблявшихся до него боевыхъ формъ и тактическихъ порядковъ. А между тѣмъ, мы ничего подобнаго въ дѣйствительности не находимъ, тогда какъ непосредственно *передъ* изобрѣтеніемъ пороха, втеченіи столѣтій, предшествовавшаго примѣненію пороха къ военнымъ цѣлямъ, совершается дѣйствительно значительный переворотъ въ исторіи развитія военнаго искусства, заключающійся въ возрожденіи пѣхоты, какъ рода оружія, и обусловленный паденіемъ феодальнаго порядка и ленной системы, испроверженіемъ рыцарства, упроченіемъ государственной власти и первымъ пробужденіемъ къ политической жизни среднего сословія — горожанъ и мѣщанъ. Ополченія освободившихся отъ феодальнаго ига городскихъ и отчасти сельскихъ общинъ образуютъ ядро войскъ новой организаціи; будучи лишены средствъ и времени, чтобы обучаться рыцарскому способу веденія боя и обзавестись дорого стоящимъ конемъ, доспѣхами, латами и щитомъ, эти ополченцы вооружаются легкими копьями, пиками, алебардами (швейцарская пѣхота) или луками, арбалетами и гёндендагомъ *) (фламандская пѣхота) и рѣшаются въ пѣшемъ строю встрѣтить гордыхъ латниковъ, которые ихъ настолько презираютъ вначалѣ, что и не считаютъ за достойныхъ противниковъ и, какъ бы изъ снисхожденія, атакують ихъ.

И вотъ, происходитъ странное, повидному, явленіе: гордые рыцари побѣждены въ цѣломъ рядѣ сраженій презираемыми ими горожанами, сельскими жителями и ремесленниками, которые ничего не понимали въ военномъ искусствѣ рыцарей.

Сраженія при Куртрэ (11 июля, 1302 г.), при Моргартепѣ (16 ноября, 1315 г.), при Лаупенѣ (21 июля, 1339 г.), при Земпахѣ (9 июля, 1386 г.), и другія представляютъ побѣды фламандской и швейцарской пѣхоты надъ рыцарями, причемъ съ обѣихъ сторонъ еще пѣтъ и помину объ употребленіи огнестрѣльнаго оружія. Побѣды эти, поразившія современниковъ и особенно потерпѣвшихъ пораженія рыцарей, трудно объяснить матеріальными данными, тѣмъ болѣе, что численное превосходство почти всегда оставалось на сторонѣ рыцарей (при

*) Палица съ желѣзнымъ законечникомъ и шаровиднымъ утолщеніемъ у передняго конца; ею можно было драться, оглушая противника ударомъ, или употреблять гёндендагъ, какъ колющее оружье.

Моргартенъ это превосходство выражалось отношеніемъ 9: 1!) Дашниа же моральнаго порядка заключались въ томъ сильномъ двигателѣ, побуждавшемъ горожанъ бороться за свои права, за тѣ льготы и привилегіи, которыя должны были служить наградой въ случаѣ побѣды надъ ненавидимыми феодалами, до сихъ поръ душившими ихъ жалкую жизнь; это была борьба за свободу въ жаго, почувствовавшаго свою силу сословія съ одряхлѣвшимъ, отжившимъ рыцарствомъ, вдобавокъ потерявшимъ свои лучшія силы въ предшествовавшую эпоху крестовыхъ походовъ.

Сознаніе трудности неравной борьбы заставляетъ начальниковъ общинныхъ ополченій принимать особыя мѣры для обезпеченія успѣха противъ грозныхъ рыцарей; работа мысли въ этомъ направленіи даетъ указанія: на искусное пользованіе мѣстностью (Куртра), на возможность вознаградить неравенство силой внезапностью атаки (Моргартенъ), на принятіе новыхъ способовъ атаки, неожиданныхъ для противника (залпъ камнями подъ Лаупеномъ), на нравственную подготовку войскъ передъ боемъ. Увѣренные въ побѣдѣ рыцари пренебрегаютъ всѣмъ этимъ и атакуютъ шаблоннымъ порядкомъ, не дающимъ однако ожидаемыхъ результатовъ, и неуклюжія, неповоротливыя фаланги рыцарей разстраиваются и гибнутъ подъ ударами подвижной, легкой и примѣняющейся къ мѣстности новой пѣхоты, и такимъ образомъ рушится одинъ изъ предрасудковъ феодальной эпохи, въ силу котораго единственнымъ войскомъ, единственною имѣющей значеніе вооруженной силой считали рыцарскую конницу и полагали пѣхоту годной только для охраненія обозовъ.

Итакъ, явился новый (или вѣрнѣе забытый со времени исчезновенія римскихъ легионовъ) родъ оружія, явилась новая тактика пѣхоты, новыя формы боевыхъ построеній, — не задолго до *восденія огнестрѣльнаго оружія*, которое начало входить въ употребленіе въ половинѣ XIV вѣка, но и то въ видѣ образцовъ, стрѣлявшихъ менѣе мѣтко и на болѣе близкія дистанціи, чѣмъ современные пѣхоты арбалеты и камнеметныя машины, а потому и не могло вліять на тактическія формы войскъ. Дальнѣйшія усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, въ концѣ XIV, въ XV и особенно въ XVI вѣкахъ вызываютъ уже извѣстныя реформы въ военномъ искусствѣ: является новый видъ пѣхоты, вооруженной огнестрѣльнымъ оружіемъ (сперва аркебузеры, потомъ, съ 1521 г., мушкетеры); появляется затѣмъ и новый родъ оружія — артиллерія; окончательно падаетъ и сходитъ со сцены

рыцарство; облегчаются и кавалерія и пѣхота, постепенно сплывая тяжелое предохранительное вооруженіе, которое становится проицасымъ для нуля, а слѣдовательно бесполезнымъ, вырабатывается окончательно типъ легкой, подвижной, способной къ маневрированію пѣхоты...

Но такого рода усовершенствованія въ области военного искусства получили уже зародышъ, какъ мы видѣли, въ эпоху, предшествовавшую изобрѣтенію пороха, и явились только естественными слѣдствіями главной первоначальной причины — надеія феодальнаго строя и возникновенія сильной центральной государственной власти, обратившейся, для своей борьбы, съ вассалами, къ среднему и низшему сословіямъ — городскимъ и сельскимъ жителямъ, которые и выдвинули изъ своей среды новые средства для борьбы съ рыцарствомъ, а именно подвижную, легкую пѣхоту...

Черезъ 4½ столѣтія, западная Европа испытываетъ новый политическій переворотъ; въ развитіи общественныхъ законовъ челоѣчества наступаетъ новый фазисъ, такъ какъ провозглашенная французской революціей «свобода, равенство и братство» всѣхъ сословій не ограничилась предѣлами одной лишь Франціи, но оказали неотразимое вліяніе на общественные взгляды и на государственную политику всего культурнаго міра.

И вотъ, новый крутой переворотъ въ области тактики и стратегіи сопровождается коренною ломкою государственнаго организма; во Франціи-же зарождаются новыя боевыя формы, является цѣлый рядъ выдающихся полководцевъ, которые успеваютъ разрушить вѣками установившійся предрассудокъ о преимуществахъ линейныхъ порядковъ и, смѣло вступивъ въ вооруженную борьбу, во главѣ необученныхъ конскриптовъ, противъ вымуштрованныхъ наследниковъ славы Фридриха Великаго, съ честью выходятъ изъ этой борьбы; обойдя всю Европу, французы оказываются побѣжденными только тогда, когда противникъ успѣлъ усвоить, втеченіи 25-лѣтней, почти непрерывной борьбы, основы новыхъ тактическихъ формъ и сосредоточилъ противъ гениальнаго полководца-императора подавляющее численное превосходство силъ.

Здѣсь, какъ и въ началѣ XIV вѣка, нельзя указать причины новаго фазиса, въ развитіи военного искусства, въ данныхъ матерьяльнаго поридка; нѣтъ никакого замѣтнаго усовершенствованія вооруженія, которое могло-бы вызвать переворотъ тактики и стратегіи; нельзя указать и на случайность —

появленіе великаго полководца—Наполеона, какъ на причину, обусловившую этотъ переворотъ, такъ какъ совершился онъ и успѣлъ уже принести замѣтные плоды и весьма ощутительные результаты до выступленія Бонапарте на политическую арену. Бонапарте только упорядочилъ и усовершенствовалъ формы веденія войны, которыя примѣнялись кѣлымъ рядомъ выдающихся республиканскихъ генераловъ,—его предшественниковъ и современниковъ. Словомъ, не единичная личность, не талантъ полководца обусловилъ зарожденіе новыхъ боевыхъ формъ, но опять—таки ломка всего общественнаго строя, государственный переворотъ, выдвинувшій, между прочимъ, и новые законы комплектованія и организаціи вооруженной силы, установившіе всеобщую обязательную воинскую повинность и тѣмъ, измѣнившіе кореннымъ образомъ составъ войскъ, качество бойца и его отношеніе къ дѣлу защиты отечественныхъ интересовъ.

Ограничиваясь пока двумя приведенными примѣрами неотразимаго вліянія на военное искусство обще-государственнаго строя современнаго ему общества, мы постараемся, при дальнѣйшемъ историческомъ изслѣдованіи развитія стратегическихъ и тактическихъ формъ, прослѣдить зависимость таковыхъ отъ современнаго имъ политическаго роста государствъ, начиная со времени образованія существующихъ до-нынѣ постоянныхъ армій главнѣйшихъ европейскихъ державъ.

Г Л А В А

Постоянные и наемные войска до эпохи возрожденія включительно.

Зависимость состава арміи, ея устройства и боевой дѣятельности отъ внутренней и внѣшней политической жизни государственнаго организма возросла въ значительной мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ армія стала постоянной и начала комплектоваться исключительно изъ состава подданныхъ того государства, оборона котораго на нее возложена; еще тѣснѣе стала связь арміи съ народной жизнью, когда начала примѣняться всеобщая воинская повинность.

Первые постоянныя войска, объ устройствѣ и дѣятельности которыхъ намъ даетъ достовѣрныя свѣдѣнія исторія, были войска древняго Рима, при первомъ императорѣ—Августѣ.

Римъ, во времена республики, имѣлъ армію миллионнаго характера; съ объявленіемъ войны, всѣ римскіе граждане, до 45-лѣтняго возраста, могли быть призваны подъ знамена, но, какъ только кончалась война, всѣ, отъ диктатора до послѣдняго солдата, обращались въ первобытное состояніе.

Громадное пространство, на которомъ раскинулось римское государство при цезаряхъ, побуждало имѣть армію, готовую во всякое время предупредить вторженіе противника на самыхъ границахъ; Маріи и Сулла, Цезарь и Октавій нуждаются въ сильной, преданной имъ арміи, которая поддержала-бы ихъ честолюбивыя стремленія, и наконецъ, достигнувшему власти, при помощи арміи, Августу она нужна уже не для новыхъ завоеваній, но для удержанія своего престола и власти; и вотъ, армія становится постоянной, но вмѣстѣ съ тѣмъ, военная служба обращается изъ обще-гражданскаго долга въ ремесло; вербовка становится нормальнымъ способомъ попол-

ноя арміи и доставляетъ въ среду ея крайне ненадежный въ нравственномъ отношеніи элементъ; падаетъ строгость древнеримскихъ нравовъ, ухудшается и римскій солдатъ, который не служить уже роди́нѣ, но личности цезаря и притомъ того, который больше ему платитъ.

Римскій гражданинъ отвлекаетъ смотрѣть на военную службу, какъ на свой долгъ: богатство и распущенность нравовъ являются результатомъ триумфовъ побѣдителей, а суровая служба солдата становится не по сердцу разбѣженному римлянину; въ армію проникаютъ чуждые Риму элементы: наемники, варвары, люди безъ чести и любви къ роди́нѣ. Армія становится ненадежной, и послѣдовавшее быстрое паденіе западной римской имперіи является запощымъ возмездіемъ за разрывъ общества съ арміей, за передачу священнаго гражданскаго долга—защиты родины—въ руки наемниковъ и иностранцевъ.

И тутъ, слѣдовательно, мы видимъ, какъ видоизмѣненіе формы правленія, условій народнои жизни и народныхъ нравовъ отразилась на устройствѣ, составѣ и дѣятельности арміи. Съ гибелью римской имперіи гибнетъ и постоянная армія; печальная слава ея перваго появленія, можетъ быть, явилась причиной того, что военные организаторы долго затѣмъ не прибѣгаютъ къ ея учрежденію.

На развалинахъ западной римской имперіи являются новые народы, нарождаются новыя государства, и образованіе ихъ сопровождается многочисленными войнами. Но война ведется снова по образцу римскихъ республиканцевъ: народъ идетъ весь на войну (самое названіе главнаго плѣ новыхъ народовъ является синонимомъ арміи: «Heer mannen» — люди войска-германцы); по наступаетъ зима, кончается походъ, и народъ отдыхаетъ по своимъ хижинамъ, а весной снова происходитъ сосредоточеніе къ зараженъ указаннымъ мѣстамъ, подъ предводительствомъ избранныхъ вождей.

Какъ въ этотъ періодъ, такъ и въ непосредственно слѣдующій за нимъ, когда народные вожди упрочили за собой власть надъ народомъ, уже независимо отъ войны, и стали владѣтельными и наследственными князьями, герцогами*) и королями, обязательная военная служба не только не оплачивалась, но еще, вдобавокъ, требовала многихъ заботъ отъ самого воина—по вооруженію, одеждѣ и пропитанію.

*) «Heer-zog», т. е., «войско велъ» — полководецъ.

Начиная съ VIII вѣка, въ арміяхъ франковъ является конница, а къ концу IX вѣка она уже рѣшительно преобладаетъ въ составѣ арміи, но и лошадей ставить не государство, а поставкой ихъ обязаны сами воины.

Естественно, что королевская власть должна была принять мѣры для опредѣленія обязанностей своихъ подданныхъ по несенію военной службы, въ зависимости отъ ихъ матеріальныхъ средствъ, и вотъ является капитуляріи Карла Великаго, устанавливающая отношеніе между доходами частныхъ лицъ и тѣмъ снаряженіемъ, вооруженіемъ, запасомъ продовольствія и количествомъ свиты, съ которыми они должны являться при выступленіи въ походъ. Капитуляріи Карла Великаго ввели посредниками между императоромъ и пародами «сеньоровъ» — саноныхъ графовъ и бароновъ, отбывавшихъ за своевременное и соответственное, по числу, прибытіе подчиненныхъ имъ людей.

Съ раздѣленіемъ монархіи Карла Великаго, павшая власть короля не въ силахъ воспрепятствовать быстрому усиленію «сеньоровъ»; они уже перестаютъ быть обязанными отправлять военную службу безъ вознагражденія, и король долженъ давать имъ «бенефиціи», т. е., ленъ. Народъ привыкаетъ къ власти своего сеньора и, хотя, по прежнему, обязанъ отправлять военную службу, но уже по требованію своего графа—вассала *), а не короля.

Словомъ, нарождается феодальная или ленная система, породившая непрерывныя междоусобія вассаловъ, другъ противъ друга, и возстанія вассаловъ противъ своихъ королей. Теоретически, въ случаѣ нужды, глава феодальнаго государства имѣлъ, по прежнему, право призвать на службу всѣхъ жителей своей страны; но короли почти вовсе не прибѣгали къ этой крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ потому, что трудно было-бы даже организовать и направить это громадное ополченіе, и кромѣ того, короли были стѣснены цѣлымъ рядомъ различныхъ исключеній и льготъ, данныхъ ими разнымъ общинамъ, вольнымъ городамъ и т. п. Гораздо удобнѣе было условиться съ жителями о числѣ вооруженныхъ и снаряженныхъ людей, которые должны быть поставлены отъ каждой общины, или о той суммѣ денегъ, которую должна была уплатить община взаменъ этой личной повинности.

*) Такимъ образомъ, вначалѣ «вассалъ» являлся, такъ сказать, лишь чиновникомъ короля, и только, мало по малу, они присвоили себѣ владѣтельные права.

Съ теченіемъ времени, король сталъ предпочитать послѣднее, такъ какъ подученный выкупъ позволялъ имъ набрать и содержать армію изъ воиновъ, бѣдѣ опытныхъ, цесытаныхъ въ бояхъ, и назначать начальниковъ по своему усмотрѣнію, а не тѣхъ, которые выставлялись-бы общинами.

Вассаламъ подобно выкупу отъ несенія военной службы, въ предѣлахъ ихъ земель, тоже были на руку, такъ какъ они вымалили съ населенія сумму, нѣсколько превышавшую ту, которая требовалась королю, и разнища, попятно, платъ въ ихъ пользу. Мало по малу, король поняли, какъ важно не прерывать непосредственной связи съ народомъ и, стремясь усилить свою власть, стали собирать этотъ выкупъ, обратившійся въ постоянную подать, на защиту страны, «pro defensione regni», прямо съ жителей, черезъ своихъ комиссаровъ, а феодалы, получавшіе за это разрѣшеніе—взимать подать—извѣстное вознагражденіе, не отказали будущимъ результатамъ этой мѣры и допустили этотъ сборъ, который забавлялъ ихъ отъ лишнихъ хлопотъ.

Противодѣйствовать, впрочемъ, подобнымъ мѣрамъ феодалы были не въ силахъ, такъ какъ послѣ крестовыхъ походовъ рыцарство начало оскудѣвать; дворяне, принявшіе въ нихъ самое дѣятельное участіе, обидѣли, а во время долгаго отсутствія вассаловъ многія владѣнія ихъ отошли къ королямъ, власть которыхъ поэтому значительно возросла.

Паденіе феодальнаго стролъ, завершившее рядъ систематическихъ усилій королей XIV и XV вѣковъ и достигнутое, главнымъ образомъ, союзомъ королей съ общинами и поддержкой этихъ послѣднихъ, должно было неминуемо привести королей къ необходимости организовать и содержать армію, которая замѣнила-бы войско, собиравшееся, до тѣхъ поръ, при помощи феодаловъ.

Обладаніе достаточными денежными средствами указывало самый простой и удобный способъ созданія арміи: надо было только найти подходящаго человѣка, который собралъ-бы армію за извѣстное вознагражденіе и взялъ-бы на себя всѣ хлопоты по ея организаціи; въ числѣ саговниковъ, окружавшихъ короля, обыкновенно, безъ особыхъ затрудненій, приписывался такой вождь, извѣстный своей мнувшей боевой дѣятельностью и имѣвшій въ своемъ распоряженіи извѣстное число людей, связанныхъ почему-либо съ его судьбой, съ его состояніемъ; онъ самъ выбиралъ себѣ помощниковъ изъ своихъ бывшихъ боевыхъ товарищей, которые, въ свою очередь, принимались за опредѣленную плату выставить опредѣленное число

вооруженных людей, организовать известной силы наемный отряд; продолжением до самых высших войсковых подразделений такой передачи права набирать войска, создавалась наемная вооруженная сила. То, что прежде было обязанностью сдѣлать вассалъ, безъ особаго вознагражденія (кроме права на земя), теперь дѣлалъ избранный королемъ военачальникъ, за известную наемную плату.

Наемныя войска конца средних и начала новыхъ вѣковъ являлись, до известной степени, элементомъ чуждымъ народу и его идеаламъ; они стали орудіемъ государственной политики, объ интересахъ которой, въ сущности, сами имѣли очень смутное представленіе; они боролись, побѣждали и гибли, не будучи побуждаемы къ тому любовью къ родинѣ, стремленіемъ къ ея славіи и ея возвеличенію, но просто желая получить кусокъ хлѣба, сдѣлать себѣ ремесло изъ войны, и потому перѣдко войска эти являлись бичемъ того-же народа, за благо котораго они боролись, если только не получали обѣщаннаго имъ вознагражденія, и война не доставляла имъ добычи, для удовлетворенія своихъ нуждъ и прихотей. Грабежи и опустошенія, возмутительныя насилія и мародерство, побѣги массами и переходъ на службу противнику цѣлыми отрядами... являлись обычными слѣдствіями несоблюденія условій договора между наемниками и той властью, которая ихъ нанимала; и подобные переходы не считались даже измѣной, а лишь печальнымъ результатомъ недостатка средствъ для выполненія контракта, въ силу котораго были наняты войска.

Понятно, что вліяніе внутренней жизни государства на армію подобнаго типа не могло быть значительнымъ, и зависимость ихъ устройства отъ развитія государственной власти оказывалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что, такъ какъ эта послѣдняя была еще далеко не утвердившейся на прочныхъ началахъ, то и не могла предъявлять населенію тѣ требованія по отправленію воинской повинности, которыя впоследствии, укрѣпляясь и централизуясь, она, мало по малу, начала считать вполне нормальными и удобопримѣнимыми.

Такъ какъ наемныя войска, не будучи постоянными, нанимались лишь на опредѣленное время, то по истеченіи его, или съ окончаніемъ войны, являлась опасность, чтобы они не сохранили своей организаціи и не начали-бы «работать на себя».

Самымъ удобнымъ средствомъ избавиться, въ такомъ трудномъ положеніи, отъ наемниковъ—это послать ихъ въ новый

походъ, или сдать союзнику-сосѣду, за соотвѣтственное вознагражденіе; новый походъ давалъ имъ снова прощаніе, доставляя имъ практику въ военномъ дѣлѣ и освобождалъ страну отъ грозной сарачивъ, доставляя поистинѣ владѣтелю далеко не лишній для него финансовый доходъ. И вотъ, мы видимъ постоянную поддержку наемными войсками, оказываемую другъ другу европейскими государствами, за опредѣленную субвенцію. Дю Гескленъ ведетъ при Карлѣ V «Великую роту» (*Grande compagnie*) въ Испанію; при Карлѣ VII удаляется изъ Франціи въ Швейцарію, подъ начальствомъ Луи де Бейля, наемный отрядъ, извѣстный подъ внушительнымъ названіемъ «*écorceurs*» (живодѣры). Среди германскихъ владѣтелей отъкрылась настоящая торговля своими наемниками.

Сплошь и рядомъ случалось, что наемные отряды переходили на сторону противника только потому, что онъ предлагалъ имъ болѣе выгодныя условія, или гарантировалъ болѣе аккуратную выдачу жалованья, и потому естественно, что, желая избѣгнуть подобнаго приращенія непріятельскихъ вооруженныхъ силъ на счетъ собственнаго ослабленія, правительство, нанимавшее войска, не будучи въ состояніи, порой, удовлетворить ихъ нужды, не могло принимать смѣлкомъ суровыя мѣры противъ того, чтобы войска доставляли-бы себѣ необходимое продовольствіе и деньги какими-бы то ни было другими путями, хотя бы даже грабежами и насильемъ. Въ результатѣ, грабежи нерѣдко дѣлались цѣлью похода, такъ какъ взятая добыча давала возможность удовлетворять наемниковъ и алчность ихъ военачальниковъ.

Стремленія мирныхъ гражданъ избавиться отъ опустошеній, производимыхъ наемными войсками, привели, въ XIV и XV вѣкахъ, къ довольно оригинальному составленію договоровъ между сельскими и городскими общинами, съ одной стороны, и наемными отрядами, квартировавшими и дѣйствовавшими въ районѣ этихъ общинъ—съ другой. Этими договорами, получившими во Франціи общее названіе «*patis*» (отъ «*pacis*»—договоръ), начальники наемнаго отряда, за опредѣленную плату, обязывались не только не позволять своимъ подчиненнымъ грабителямъ вмущества обывателямъ, но и защищать ихъ отъ нападкѣ другихъ наемныхъ отрядовъ.

Въ интересахъ наемныхъ начальниковъ было заключить какъ можно больше подобныхъ *patis* *), которые являлись для

*) Откуда и французскій глаголъ: *appatisser*—накормить, насытить.

нихъ чѣмъ-то вродѣ ежегодной ренты, п явились искусники, которые только этимъ п жили; одинъ изъ таиныхъ виртуозовъ XIV вѣка, Арно де Серволь, потребовалъ заключенія такого *patis* отъ самаго папы, когда онъ находился въ Авиенонѣ *).

Самое полное развитіе, самую, такъ сказать, утонченную — организацию наемныхъ арміи получили въ Италіи, а такъ какъ, въ концѣ XV и въ XVI вѣсѣ, эти арміи столкнулись съ арміями другихъ государствъ, заключавшими уже первые зачатки постоянныхъ войскъ, то, для правильнаго пониманія условій этой борьбы, необходимо болѣе подробное разсмотрѣніе устройства вооруженной силы Италіи съ XIII по XVI вѣкъ. Намѣтимъ, прежде всего, основныя историческія причины наемной системы, принятой итальянскими государствами, которая привела Италію на край гибели и печальныя послѣдствія которой лишили ее политической самостоятельности вѣмоть до середины текущаго столѣтія.

Послѣ паденія западной римской имперіи п нашествія варваровъ, начинается полное раздробленіе Италіи: лангобарды, готы, византийцы, германцы, позднѣе арабы, норманны п испанцы... захватываютъ большія или меньшія лакомыя части Аппенинскаго полуострова. Иностранныя расы, чуждые мѣстному населенію государи являются господствующими на немъ, а ослабѣвшіе, потерявшіе свои лучшія жизненныя силы потомки римскихъ гражданъ терпѣливо сносятъ это нго полурабства.

Съ XII вѣка начинается въ Италіи борьба Гвельфовъ п Гибеллиновъ; папа и вообще духовная власть стала во главѣ первыхъ; потомки старинныхъ германскихъ родовъ, утвердившихся, со времени основанія варварами новыхъ государствъ, на развалинахъ западной римской имперіи, не желаютъ признавать папу, какъ свѣтскаго государя, и призываютъ германскихъ императоровъ; медленная, но настойчивая междоусобная война, страшная по своимъ жестокостямъ п по уворству сторонъ, раздѣлила на двѣ враждующія партіи всю Италію, каждую область, каждый городокъ.

Выводниками послѣдовавшихъ несчастій Италіи, отъ значительной степени, явились папы; желая, во что-бы то не стало, захватить въ свои руки свѣтскую власть, они не оказались настолько сильными, чтобы объединить всю Италію

Развитіе
наемныхъ
войскъ въ
Италіи.

*) «L'armée à travers les âges». Paris. 1899, стр. 100. Langlois. Le service militaire soldé. Сборникъ лекцій, прочитанныхъ въ С. Сирской военной школѣ, въ 1898 г., подъ руководствомъ Lavisser'a.

и сдѣлаться ей государями; съ другой стороны, они не были и настолько слабыми, чтобы отказаться отъ этой заманчивой идеи и быть побѣжденными другою сильною властью; едва же начинало обнаруживаться на Апеннинскомъ полуостровѣ чье-нибудь сильное преобладаніе, угрожавшее господству папъ, какъ они призывали сосѣднихъ государей, и, съ ихъ помощью, уничтожали или, по крайней мѣрѣ, сильно ослабляли своихъ противниковъ. Такъ, еще въ IX вѣкѣ, подорвали они господство объединившихъ подъ своею властью почти всю Италію, лангобардскихъ королей, призвавъ на помощь Карла Великаго, такъ сломали они, въ XVI вѣкѣ, сплу Венеціи, вооруживъ противъ нея французскихъ королей. Не будучи въ силахъ завоевать всю Италію и не позволивъ другимъ исполнить это, папы были причиной того, что изъ Италіи не образовалось одного цѣльнаго государства, и все она раздробилась на массу самостоятельныхъ владѣній не бывшихъ поэтому въ состояніи сопротивляться нашествію иностранцевъ *).

Къ основній причинѣ междоусобій городовъ Италіи скоро прибавились и другія, при чемъ изъ нихъ на первомъ планѣ стала рознь экономическихъ интересовъ: такъ, Флоренція, нуждаясь въ морскомъ пути для вывоза своихъ суконъ и бархата, ведетъ борьбу съ Пизой, владѣвшей устьемъ Арно и выходящею къ морю; ей необходимы пути къ Милану и Риму, — и она воюетъ съ Пистойей и съ Ареццо, расположенными на этихъ путяхъ и въ рукахъ которыхъ находились главнѣйшіе проходы по нимъ. Главной соперницей Флоренціи, на мировомъ рынкѣ того времени, является Венеція, и вотъ, Флоренція участвуетъ во всѣхъ заговорахъ и союзахъ противъ цѣлости венеціанской республики **). Эта борьба мелкихъ торгашескихъ интересовъ не дала единства и сплоченности ни одной изъ двухъ главныхъ борющихся партій, которая дробилась въ свою очередь на враждебныя другъ другу подраздѣленія; глава Гюбеллионы — императоръ, даже послѣ рѣшительной побѣды надъ Гвельфами, не въ силахъ прочно утвердиться въ странѣ, чуждой его главнымъ политическимъ интересамъ, призывавшимъ его по ту сторону Альпъ. Папа ищетъ помощи противъ феодаловъ въ городскихъ и сельскихъ общинахъ, но не въ состояніи слотить ихъ идеей общей родины

*) Machiavelli. «Dei discorsi sul Tito Livio». Нѣмецкій переводъ Ziegler'a «Vom Staate». Karlsruhe. 1832, т. 1-я, гл. XII, стр. 47—48.

***) Gebhart. «Les armées mercenaires de l'Italie», (изъ сборника Лангеса, стр. 119).

и необходимостью забыть экономическую рознь, для достижения національного единства; онъ самъ пресѣдуетъ свои личные, узкіе интересы и заботится лишь о признаніи его свѣтской власти. Нѣтъ вооруженной силы, способной противостать чужеземнымъ арміямъ, нѣтъ власти, которая объединила-бы общія усилія, — и уличная борьба, засады и убійства изъ за угла наполняютъ эту печальную эпоху исторіи Италіи.

Въ результатѣ, вся Италія раздѣлилась на множество отдѣльных республикъ или княжествъ, вѣчно борющихся другъ съ другомъ и совершенно позабывшихъ о національномъ единствѣ; понятно, что, при такихъ политическихъ условіяхъ, враждовавшія области не могли даже имѣть въ своемъ распоряженіи достаточнаго числа собственныхъ гражданъ, соответствующаго возраста, годныхъ къ военной службѣ, а потому, отчасти по необходимости, должны были прибѣгать къ наемникамъ.

Къ тому-же, богатія своей торговлей итальянскія республики не были склонны къ учрежденію національной могущественной военной силы, такъ какъ эта послѣдняя являлась бы постоянной опасностью для цѣлости республиканскихъ учреждений, способствовала-бы захвату власти честолюбцамъ, которые могли-бы опираться на эту военную силу. Вотъ почему устройство итальянской общины было строго цеховымъ, всѣ граждане приписывались къ какой-либо корпораціи, но цехъ военныхъ отсутствовалъ; венеціанскіе аристократы любили въ своей средѣ адмираловъ, дипломатовъ, государственныхъ чиновниковъ, судохозяевъ, но военныхъ между ними не было; не было мѣста военному сословію и въ другихъ городахъ Италіи, такъ какъ сдѣлался всеобщимъ предразсудокъ, что гражданскія доблести совершенно несовмѣстимы съ военнымъ дѣломъ *).

*) Такъ, даже знаменитый Макіавелли въ своемъ трактатѣ «I sette libri dell'arte della guerra». Firenze. 1521, утверждаетъ, что «добропорядочный гражданинъ не можетъ избрать своимъ ремесломъ военное дѣло» и что «хорошо управляемая республика или монархія не должна этого разрѣшать... Помпей и Цезарь и почти всѣ римскіе полководцы, вслѣдъ за послѣдней Пунической войной, сдѣлались славными, благодаря своей личной отвагѣ, но не прочтвъ своимъ добродѣтелямъ, тогда какъ ихъ предшественники приобрѣли двойную славу мужества и добродѣтели. И это различіе произошло потому, что послѣдніе никогда не дѣлали изъ войны ремесла, между тѣмъ какъ вышеазначенные пользовались ею, какъ ремесломъ». Какъ образецъ исполненія гражданскаго долга Макіавелли приводитъ дѣяте примѣръ Атика Регула, который даже въ битвѣ мысли считать войну доходной статьей подобно современнымъ кондотьерамъ, и, не смотря на то, что побѣды его въ Африкѣ доставляли ему огромныя сокровища картагенянъ, тѣмъ не менѣе, просилъ римскій сенатъ позволенія вернуть въ Италію свою армію, такъ какъ до него до-

Въ Венеціи изданъ былъ даже законъ, воспрещающій венеціанскому аристократу ношеніе оружія; оно разрѣшалось только во время плаванья на морѣ.

Естественно, что не оставалось другого выхода, какъ прибѣгнуть къ найму чужеземнаго военачальника, обязуя его образованъ и содержать извѣстной силы отрядъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе оградить, во что бы то ни стало, свои мелкіе торгашескіе интересы отъ захвата власти національными героями-честолюбцами—привело скоро къ еще болѣе печальнымъ для Италіи послѣдствіямъ.

Ильицы, апсанине, венгерцы, швейцарцы, испанцы и французы (гасконцы) стекаются со всѣхъ сторонъ, для поступленія въ ряды наминавшихся отрядовъ, называвшихся, въ XIV вѣкѣ, «Gran Compagnia».

Замѣчательно, что, ностываямъ современниковъ, эти наемники значительно ухудшились съ пребываніемъ ихъ въ рядахъ войскъ чуждой имъ страны, вдали отъ своей родины, такъ что создалась поговорка: «Tedesco italianizzato—diavolo incarnato». (Итальянизированный гѣмецъ—воплощенный дьяволъ). Въ половинѣ XIV вѣка, въ Италіи сражались за Николо Респци противъ папы, а затѣмъ была на службѣ у того-же папы, венгерская наемная банда подъ предводительствомъ Вернера фонъ Урелингена, на кольчугѣ котораго были выгравированы слѣдующія смущающія душу слова: «Я герцогъ Верноръ, начальникъ великой роты, врагъ Бога, жалости и милосердія»^{*)}. Съ теченіемъ времени, преимущественно съ XII вѣка, итальянцы начинаютъ находить небезвыгоднымъ службу солдата; и среди нихъ явились дѣрзныя военачальники, «кондотьеры», заключившіе точныя условія (condotta) съ городскими общинами,

шли свѣдѣнія о томъ, что плебен и подьящики бросили обработку полей, и что странъ могли грозить неурожаи. Тѣмъ по мѣнѣ, Маккавелли, не хотѣтъ этитъ вовсе исклнчить въ мирное время солдатское аваніе; онъ только вооружается противъ тѣхъ, которые продолжали жить войной, даже когда былъ заключенъ миръ, что въ его время было далеко не рѣдкостью. «Хорошо управляемая республика, говоритъ онъ, должна требовать, чтобы въ мирное время только упряжались-бы для войны и чтобы, въ случаѣ разрыва мирныхъ сношеній, скотрыли-бы на войну, какъ на необходимость и источникъ славы, но только государство можетъ вести ее, извлекая изъ нея свою пользу (т. е. для него война является какъ-бы ремесломъ). Такого взгляда держались во времена Рима (республики). Всякій гражданинъ, который ищетъ другіхъ дѣлей въ военномъ дѣлѣ,—плохой гражданинъ, и вселая республика, гдѣ дѣло поставлено иначе, — имѣетъ неудовлетворительную организацію». (Нѣмецкій переводъ Ziegler'a, стр. 13—14).

^{*)} «Duca Guarnieri, della gran compagnia, nimico di Dio, di pietà et di misericordia». (Brandt. Geschichte des Kriegswesens. Berlin. 1835, т. III, стр. 47).

обязывавшіеся защищать ихъ отъ враговъ, причѣмъ эти условия, конечно, нерѣдко нарушались кондотьерами, которые чувствовали свою полную безнаказанность. Происхождение этихъ кондотьеровъ было самое низкое: Карманьола, знаменитый венеціанскій кондотьеръ, былъ свщшопасомъ; семья Сфорца происходила изъ простыхъ крестьянъ-контрабандистовъ.

Сила ихъ, соединенная съ умомъ и твердостью воли, а съ другой стороны, беззащитность городовъ, которые ихъ призывали, нерѣдко приводила къ захвату ими верховной власти, и тогда кондотьеры обращались въ владѣтельныхъ князей и тирановъ. Положеніе кондотьера было однако крайне непрочнымъ: представители той власти, которой онъ служилъ, не могли ему вполне довѣрить и, опасаясь измены, окружали его шпионами, слѣдившими за каждымъ его шагомъ; тайное убійство сильнаго кондотьера, или даже казнь, при малѣйшемъ подозрѣніи въ изменѣ или въ попыткѣ захватить власть, стали заурядными; побѣды его усиливали эту подозрительность, такъ какъ увеличивали его могущество. Въ городѣ Сиенѣ происходило совѣщаніе, какъ чествовать кондотьера, даровавшаго побѣду республикѣ; одинъ изъ наиболее осторожныхъ гражданъ посовѣтовалъ сперва убить побѣдителя, а потомъ сдѣлать ему торжественные похороны и установить культъ его, какъ патрона города. При подобныхъ условіяхъ, при постоянной двуличности правительства, которому служилъ кондотьеръ, онъ долженъ былъ съ крайней предусмотрительностью вести свои дѣла, тѣмъ болѣе, что враждующія стороны постоянно стремились подкупить, привлечь его на свою сторону и способствовать его изменѣ. Вотъ почему вполне естественно грустное восклицаніе Данте (пачало XIV в.): «Ah! serva Italia di dolore ostello!» (Увы, порабощенная Италия, убѣжище печалей!).

Понятно, что и на боевыя дѣйствія наемныхъ арміи той эпохи, на ихъ стратегію и тактику, подобныя условія вліяли самымъ неотразимымъ образомъ: стратегія не могла задаваться цѣлью разрушенія вооруженной силы противника, такъ какъ кондотьеръ, позволивъ, долженъ былъ щадить своего врага, который, завтра, могъ сдѣлаться его повелителемъ. Война сдѣлалась, въ сущности, мимой, такъ какъ, при боевыхъ столкновеніяхъ, главное вниманіе обращалось не на то, чтобы разбить противника, но на то, чтобы захватить у него побольше пленныхъ, за которыхъ можно было-бы получить затѣмъ хорошій выкупъ. Въ бою при Ангіари (1440 г.) миланцы были

разбиты флорентинцамъ кондотьеромъ, захватившимъ до 400 офиц. и 500 нижн. чиновъ плѣнными у миланцевъ, которые и должны были за нихъ заплатить крупный выкупъ; замѣчательно, что въ этомъ бою, убѣловѣннымъ картонами Леонардо де Винчи и Микеля Анджело, убитымъ оказался только 1 человекъ, унавившій съ лошади и задавленный своими же!

Полководецъ-кондотьеръ не могъ быть воодушевленъ ни чувствами патриотизма, любви или хотя-бы привязанности къ странѣ, защита которой была ему доверена, и къ ея повелителю, ни чувствомъ ненависти къ тѣмъ, съ которыми ему приходилось вести борьбу. А такъ какъ, съ теченіемъ времени, кондотьеры образовали родъ корпоративнаго братства и часто, выходили изъ одной и той же школы *), то очевидно явилось между ними известное чувство товарищества, которое не могло быть вполне заглушено даже тогда, когда имъ приходилось бороться другъ противъ друга, потому что вчерашніе враги легко могли сдѣлаться союзниками. Отсутствие сильнаго нравственнаго побудителя, въ видѣ страстнаго порыва преданности отчизнѣ и вражды къ ея врагамъ, являлось причиною того, что вся стратегія кондотьеровъ сводилась къ тому, чтобы сохранить свои войска, свое положеніе и получить возможно большую личную выгоду отъ войны. Такимъ образомъ, съ стратегической стороны, получили известное развитіе заботы по обезпеченію войскъ продовольствіемъ, искусство въ маневрированіи, устранявшемъ при томъ пролитіе крови, въ чемъ доходили даже до виртуозности. Быстрое окончаніе войны было кондотьерамъ вовсе не на руку, такъ какъ, съ прекращеніемъ ея, они переставали быть нужными государству, которому служили; чтобы не быть вынужденными пришекивать себѣ новаго повелителя, нуждавшагося въ нихъ, выгодно было возможно болѣе затягивать войну, не ради какой-либо политической цѣли, а ради самой войны, дававшей имъ пролитіе; вотъ почему надо было вести ее медленно, избѣгая крупныхъ рѣшительныхъ столкновеній; безконечныя осады не имѣвшихъ никакого стратегическаго значенія пунктовъ, безчисленные марши и контръ-марши, безъ всякой боевой цѣли, сдачи въ открытомъ полѣ, безъ всякихъ потерь ранеными и убитыми, и при всемъ этомъ возмутительныя грабежи и насилия надъ мирными жителями—представляютъ главныя отличительныя черты урод-

*) Такъ, знаменитая школа Варбично считала своими учениками двухъ противниковъ: Брачо и Сфорца.

ливой стратегіи кондотьеровъ, которая однако стала естественными слѣдствіями устройства итальянскихъ государствъ и паденія народнаго духа въ итальянскомъ обществѣ, ослабленномъ эгоизмомъ, преследовавшемъ исключительно личные цѣли и нисколько не заботившемся о дѣйствительномъ благе родины.

Кондотьеры принуждены были скорѣе искать способы, чтобы наилучшимъ образомъ выйти изъ своего труднаго положенія и чтобы съ успѣхомъ бороться въ душной атмосферѣ недоверія и политическаго двуличія, чѣмъ думать о развитіи военнаго дѣла и о собственномъ самоусовершенствованіи въ немъ.

Тѣмъ не менѣе, въ самомъ началѣ XV вѣка, мы встрѣчаемъ въ числѣ ихъ энергичныя личности Браччо ди Монтепе, Бартоломео Коллеони, Роберто и Сигизмондо Малаятеста и особенно Сфорца (Аттендоло и Франческо), которые ввели въ современную имъ тактику многія улучшения. Чтобы оцѣнить ихъ вліяніе на развитіе военнаго дѣла, необходимо сдѣлать скатый очеркъ тактической организаціи и дѣятельности въ бою итальянскихъ армій XIV и начала XV вѣковъ.

Пѣхота составляла не болѣе $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ армій кондотьеровъ, а порою еще менѣе; она дѣлилась на тяжелую пѣхоту, вооруженную пиками и кинжалами или шпалами, п легкую—стрѣлковъ, арбалетчиковъ и аркебузеровъ, число которыхъ впрочемъ было незначительнымъ (отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{10}$ пиклеровъ).*) Тяжелая пѣхота носила предохранительное вооруженіе, состоявшее изъ кольчуги и нагрудника; у нѣкоторой части отборной пѣхоты были латы, прикрывавшіе руки и спину, но шлемовъ въ Италіи пѣхота почти не носила. Легкая пѣхота была вооружена частью еще металельнымъ оружіемъ—арбалетомъ.

Въ бою тяжелая пѣхота строилась въ сомкнутой квадратной массѣ, численностью въ 6—8, иногда до 10 тысячъ человекъ. Впередѣ этой грузной фаланги наступала разсыпанная легкая пѣхота, завязывавшая бой.

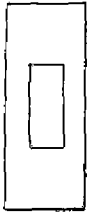
Маккиавелли, увлекаясь примѣромъ древнихъ римлянъ, сильно ратовалъ за введеніе пиктовъ и мечей, которыми считалъ необходимымъ вооружить, по крайней мѣрѣ, половину пѣхоты (**). Пи-

*) Vallo libro contenente appartenentie ad capitani (Manns. «Geschichte der Kriegswissenschaften», т. I, стр. 472 и 702).

**) Около $\frac{1}{3}$ пѣхоты онъ предлагалъ вооружить пикой, а остальныхъ ($\frac{1}{6}$) имѣть аркебузеровъ.

кинеры должны были становиться по наружным частям фаланги, называвшейся батальоном или батальей («battaglione», т. е., строй для боя), или вообще тамъ, гдѣ болѣе всего слѣдовало ожидать кавалерійской атаки, а за никинерами, въ серединѣ, становились алебардисты и щитолосцы, которые вели рукопашный бой^{*)}. Если численность пѣхоты превышала 8—10 тысячъ, то она образовала нѣсколько (преимущественно три) батальи, называвшіяся авангардомъ, главными силами и арьергардомъ; однако, во время боя, всѣ три массы выстраивались рядомъ, въ одну линію, и, сталкиваясь одновременно^{**)}, встрѣчали другъ друга пиками, а затѣмъ схватывались въ рукопашную.

Чертежъ 1.

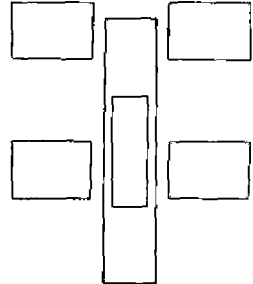
Пустой прямоугольникъ.

Чертежъ 2.

Прямоугольникъ съ рогами.

Чертежъ 3.

Построеніе въ 2 линіи (della Valle).

Макіавелли упоминаетъ впрочемъ о пустомъ прямоугольникѣ и о прямоугольникѣ съ рогами (черт. 1 и 2), но признаетъ батальонную квадратную колонну самой лучшей боевой формой.

Della Valle приводитъ боевые порядки пѣхоты болѣе сложнаго построенія; такъ, для отряда, численностью до 10.000 чел., дается построеніе изъ 4-хъ массъ, располагавшихся попарно, въ 2 линіи (черт. 3) и сплошь состоявшихъ изъ никинеровъ; въ центрѣ-же этихъ 4-хъ массъ помѣщаяся прямоугольникъ изъ никинеровъ и стрѣлковъ, въ серединѣ которыхъ располагались зѣмаи, артиллерія и начальники отряда. Другое построеніе рекомендуется имъ тоже изъ 4-хъ массъ, располагае-

*) «Dei'arte della guerra». Перев. Ziegler'a, кн. II, стр. 45 и 55.

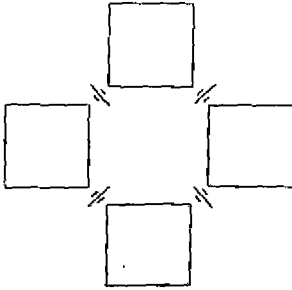
**) Ввиду этого иногда происходили, по теперешнимъ позрѣніямъ, курьезы: такъ, въ ср. при Черивольѣ (1544 г.), въ наступательномъ бою, первый сталкивается съ противникомъ арьергардъ итальянцевъ (подъ начальствомъ принца Салерскаго).

мьхъ въ видѣ креста (черт. 4); въ центрѣ его располагался обозъ и знамя а во входящихъ углахъ—артиллерійскія орудія, обстрѣливавшія фланги массы. По желанію, этотъ крестообразный порядокъ могъ видоизмѣняться въ шахматное построение въ три линіи, причѣмъ дистанція между линіями не превышала глубины каждой отдѣльной массы.

Въ большомъ ходу было также построение «клиномъ» (свиная голова); въ первой шеренгѣ клипа было 3—4 ряда, а въ каждой изъ слѣдующихъ на 2 ряда больше, чѣмъ въ впередѣ стоящей.

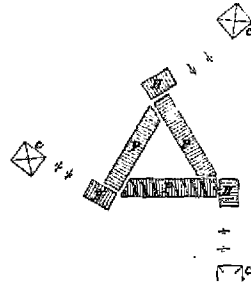
Валло рекомендуетъ также придавать такому клипу съ каждаго изъ фланговъ, крылья или рукава (*doi brazza*), чтобы можно

Чертежъ 4.

Крестообразное построение (della Valle).

Чертежъ 5.

Треугольный боевой порядокъ.

было быстрее придти на выручку головѣ клинѣ, при проникновеніи ея въ неприятельскую массу. Впрочемъ, такія крылья имѣли также назначеніе, при столкновеніи съ противникомъ, охватывать и поражать фланговымъ огнемъ фронтъ противника, и съ этой цѣлью, они состояли, главнымъ образомъ, изъ стрѣлковъ; такія же крылья предлагаетъ онъ примѣнять и при квадратныхъ и крестообразныхъ построеніяхъ. Вообще Валло даетъ много образцовъ весьма искусственныхъ построений, какъ-то: пустой клинъ, треугольный (черт. 5), эллиптическій и полулунный порядки, и даже *боевой порядокъ свидъ скорпіона* (a modo de scorpione) *, которые, конечно, принадлежали только къ теоретическимъ измышленіямъ и, вѣроятно, на практикѣ никогда не примѣнялись.

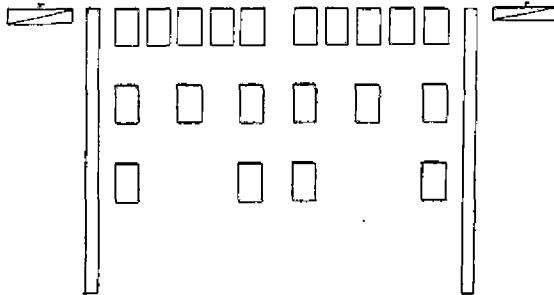
Боевые порядки гѣхоты, предлагавшіеся Макіавелли, имѣли въ себѣ гораздо болѣе жизненныхъ сторонъ, гѣмъ болѣе, что

*) M. Jähns. Geschichte d. Kriegswissenschaften, т. I. стр. 704.

они не принадлежали къ области фантазіи, какъ у Валло, а были основаны на изученіи военнаго искусства грековъ и римлянъ.

Макіавелли особенно восторгается легионарнымъ порядкомъ; указывая гибельную склонность полководцевъ своего времени строить боевой порядокъ изъ длинныхъ и тонкихъ линій, при которыхъ рѣшается сразу вся участь боя, онъ противопоставляетъ этому примѣръ римлянъ, которые вводили свои силы въ бой послѣдовательно и, постепенно усиливая свой ударъ, тѣмъ вѣрнѣе склоняли успѣхъ на свою сторону; три раза подрядъ счастье должно было измѣнить построенной такимъ образомъ арміи,

Чертежъ 6.

Боевой порядокъ по Макіавелли.

чтобы она потерпѣла поражение *). Критикуя однако современные ему боевые порядки, указывая, что и при расположеніи нѣсколькихъ линій, полководцы его эпохи не умѣютъ устранить возможность пораженія заднихъ линій своими-же собственными войсками первой линіи, когда эти послѣднія принуждены къ отступленію, Макіавелли, въ своихъ предложеніяхъ, довольно значительно уклоняется отъ построенія легиона и далеко не совершенствуетъ его при этомъ; принимая армію слой въ двѣ баталіи (черт. 6), по 4000 чел. каждая, Макіавелли ставитъ обѣ баталіи рядомъ, причѣмъ дѣлитъ каждую на 10 значковъ («Fähnlein» у пѣшцевъ); пять изъ нихъ онъ ставитъ въ первую линію, въ видѣ колоннъ, по 20 рядовъ; въ каждой изъ нихъ 20 шеренгъ, причѣмъ первая

*) Macchiavelli. «Dei discorsi sul Tito Livio». Нѣмецкій переводъ Пиглера: «Vom Staate». Karlsruhe. 1832, стр. 201 (кн. II-я, гл. XVI). Также Dell'arte della guerra», стр. 76—77.

5 шеренг вооружены пиками, а остальные 15—мечами и щитами; интервалы между значками оставляются в 10 футов (4 шага); во 2-й линии, в 40 шагах за первой, три значка располагались в затылок среднему и фланговым значкам; наконец, в третьей линии—остальные 2 значка, также на дистанция в 40 шагов от 2-ой линии, в затылок фланговым значкам 2-й линии. В случае неудачного боя, значки первой линии могли отступить в интервалы значков 2-й линии и, не производя в них замешательства, возобновить бой; наконец, если обе первые линии были опрокинуты, то они могли отступить на 3-ю линию и, вместе с ней, сделать последнее решительное усилие. Желая прикрыть фланги своих значков от копейной атаки, Маккиавелли снабжает их тоже пикинерами, для чего на каждую баталью придется 1000 «особых» пикинеров, которые располагаются вдоль вышних флангов обеих батальи, в глубокой колонии, из 143 шеренг, по 7 рядов, так что хвост этой колонии прикрывает обоз и пестровых *).

В боевых порядках пехоты того времени мы видим склонность к оборонительным формам; пехота все еще считается точно неспособной к наступательным действиям, и в этом нельзя не видеть известного предубеждения против пехоты и возможного взгляда на превосходство рыцарской конницы, хотя уже доказано было победами швейцарцев, фламандцев и гуситов высокое значение пехоты и полная возможность для нее вести борьбу с латниками, с значительными шансами на успех, хотя бы вышние условия боя, т. е., данные силы, времени и пространства, не доставляли бы ей исключительных выгод. Этому взгляду, отчасти, подчинится и Маккиавелли: он считает, что пехота нуждается в создании выгодных для нее условий обороны, полагая, что иначе она не в силах бороться с латниками, и потому его боевой порядок не достигает высоты образа, к которому Маккиавелли старался приблизиться. В легион^е ясно выступает наступательная тенденция: интервалы между манипулами 1-й линии позволяют *ожидать* между ними манипулам 2-й линии, тогда как Маккиавелли заботится, чтобы 1-я линия могла бы *отойти* в интервалы 2-й и даже 3-й линии; интервалы-же 1-й линии слишком малы, чтобы сделать возможным переход 2-й линии в наступление.

*) Там-же, стр. 81.

Конница. *Конница* итальянских наемных армий XIV и начала XV вѣковъ составила отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ всей арміи; необходимость жить грабежами и добычей способствовала увеличенію численности конницы, такъ что она иногда составляла до $\frac{9}{10}$ численности арміи *), причемъ образовала обыкновенно «конья», въ 5 — 6 коней каждое: изъ латника, въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи, его оруженосца (слуги), имѣвшаго большею частью облегченное вооруженіе, и двухъ или трехъ лучниковъ. Кромѣ этой тяжелой конницы, имѣлась средняя—конные арбалетчики, тоже имѣвшіе облегченные латы и сопровождавшіеся оруженосцами (съ арбалетами) и нажами. Представителями легкой конницы были *спратіоны* **), вооруженные коньемъ, а также частью арбалетами, частью аркебузами, и *вентерскіе гусары*.

Въ промежуткахъ между батальонами, а главнымъ образомъ на флангахъ, становилась конница, стропившаяся въ глубокія массы, отъ 12 до 16 шеренгъ въ глубину.

Въ конницѣ также было въ ходу постропіе *многмъ*, вытѣсненное прежній рыцарскій боевой строй «en haie», («ча-стоколомъ»), по коньямъ, расположеннымъ въ одну шеренгу, специальное назначеніе котораго было доставленіе удобства въ поединкѣ рыцарей между собой.

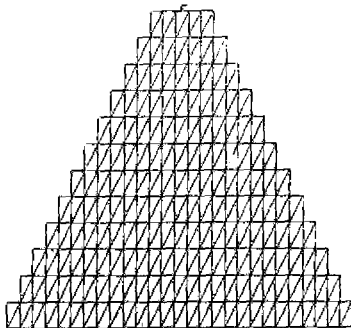
Въ клинообразномъ боевомъ строѣ (черт. 7), первую шеренгу составляли 5—7 всадниковъ, и въ каждой слѣдующей шеренгѣ становилось по 2 латника больше, чѣмъ въ находящейся впереди. Для двухъ-сотеннаго отряда, имѣя въ 1-й шеренгѣ 5 всадниковъ, понадобится, такимъ образомъ, 12 рядовъ. Знамя возилось въ серединѣ 4-й шеренги; при большей численности коннаго отряда, увеличивалось число латниковъ 1-й шеренги (до 9—11) и самое число шеренгъ.

*) Макіавелли приводитъ составъ арміи колдотеровъ изъ 20000 всадниковъ и 2000 пѣхотинцевъ («Il Principe», русскій переводъ Заттлера: «Монархъ». С.-Петербургъ, 1869 г., стр. 83). Въ сущности, войны той эпохи не даютъ уже такого крупнаго преобладанія конницы, и въ своемъ сочиненіи «Dell'arte della guerra» (стр. 73) Макіавелли подлагаетъ достоятымъ имѣть на баталью 300 коней, (150 латниковъ и 150 легкихъ кавалеристовъ), что на 5000 чел. батальи составитъ всего $\frac{1}{11}$.

**) Такъ называлась греческая и албанская легкая конница, служившая, главнымъ образомъ, у венеціанцевъ; стратіоты были вооружены копьемъ, отъ 10 до 12 фут. длины, которое имѣло желѣзные наконечники съ обонхъ концовъ и называлось арцагаей (arzagaye). Итальянцы прозываютъ ихъ названіемъ отъ «strada» — дорога, указывая тѣмъ, что они выставлялись впередъ по большому коростамъ, для развѣдки; («bateurs d'estrade», какъ говоритъ Рокакуръ, «Сонз элементаире», I, стр. 295); Іансъ предполагаетъ болѣе правильнымъ происхожденіе ихъ имени отъ греческаго στρατιώτης — воинъ. (Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens. Leipzig, 1880, стр. 918, выд.).

Маденіе нравственнаго уровня прежняго рыцаря, со времени окончанія крестовыхъ походовъ, не замедлила, такимъ образомъ, отразиться на боевыхъ построеніяхъ тяжелой конницы: вмѣсто прежняго строя, открывавшаго широкое поле для частной инициативы и, порой, даже излишней самостоятельности каждаго изъ отдѣльныхъ бойцовъ, явилась грузный, неудобно-управляемый строй рассчитанный исключительно на дѣйствіе массой, на механическую поддержку тыльныхъ частей. И болѣе проницательные современники уже сознавали, что прежняя слава рыцарской конницы померкла, такъ, Маккиавелли *) говоритъ: «... нельзя теперь полагаться на конницу такъ, какъ прежде. Сколько

Черт. 7.

Книпообразный строй.

разъ, въ наши времена, обратила пѣхота атаку конницы въ позорное бѣгство; и это будетъ постояннымъ явленіемъ, если ей будетъ противостоять пѣхота, вооруженная и построенная согласно онымъ указаніямъ... Народы и государства, полагающіе, что болѣе значеніе въ организаціи имѣетъ конница, чѣмъ пѣхота, — всегда слабы и подвержены такимъ-же случайностямъ, какъ, въ наши дни, Италия, которая опустошена, разграблена и пройдена иностранцами вдоль и поперекъ — только потому, что она не позаботилась учредить стойкой пѣхоты... Безъ сомнѣнія, хорошо имѣть конницу, но лишь въ видѣ второстепеннаго рода оружія въ арміи. Очень полезно и необходимо на войнѣ посылать конницу на развѣдки, изобродить и опустошить ею непріятельскую страну, беспокоить и приводить въ замѣшательство его войска, держать противника постоянно на чеку въ боевой готовности, отрѣзывать его отъ жизненныхъ средствъ. Что касается однако сраженія, главнаго акта на войнѣ, и цѣли, для которой создаются арміи, то здѣсь конница полезнѣе для преслѣдованія разбитаго, приведеннаго въ безпорядокъ противника, чѣмъ для другихъ боевыхъ дѣйствій...».

*) «Dell'arte della guerra», пер. Ziegler'a, стр. 46—47.

Положительно не вѣрителъ, что такія мысли были высказаны уже почти четыре вѣка тому назадъ!

Но, конечно, Макіавелли значительно опередилъ своихъ современниковъ, проповѣдуя такіе взгляды о конницѣ; въ дѣйствительности, она продолжала занимать первенствующее мѣсто, и послѣдники славныхъ рыцарей, не пугившіе однако внутренней нравственной силой послѣднихъ, ревниво оберегали свои привилегіи, не желая поступиться ими въ пользу презираемой пѣхоты, а организаторы арміи все еще были загипнотизированы традиціоннымъ значеніемъ отжившаго рыцарства.

Артиллерія.

Артиллерія. При арміи возилась на быкахъ бомбарды, стрѣлявшія каменными ядрами: тяжелыя — 300 фунтова и облегченныя—200 фунтова; первыя возилась на 8 быкахъ, вторыя на 5.

Въ большомъ ходу были такъ называемыя чербатыны (ишталли), занимавшія среднее мѣсто между аркебузой и пушкой. Но, вообще, артиллерія была въ самомъ зачаткѣ; наемники ее не любили и называли чумой. Кондотьеръ Paolo Vitelli приказалъ выкололотъ глаза и обрубить руки всѣмъ плѣннымъ, захваченнымъ при артиллерійскихъ орудіяхъ. Подобнымъ варварскимъ способомъ кондотьеры противились введенію оружія, которое, поражая издали, нарушало расчеты виртуозовъ въ маневрированіи, безъ потерь, и затрудняло разыгрывать безкровныя сраженія.

Ученикъ Франческо Сфорцы, Орсо деи Орсини, въ сочиненіи своемъ, помѣченнымъ 1477 годомъ и извѣстнымъ подъ именемъ «Trattato del governo e exercitio» (хотя на рукописи, хранящейся въ Парижской національной бібліотекѣ, не имѣется этого заглавія), даетъ намъ полную картину вышеизложенной организаціи итальянской наемной арміи послѣдней четверти XV вѣка, при чемъ распредѣляетъ ее по родамъ оружія слѣдующимъ образомъ:

Конница	12,000 ч.
(Изъ нихъ 1,000 копей по шести—и другая тысяча по пяти копей и 1,000 арбалетчиковъ).	
Пѣхоты	6,000 »

(Изъ нихъ 1,000 арбалетчиковъ, 500 аркебузеровъ, остальные пикинеры, алебардасты и вооруженные всякаго рода холоднымъ оружіемъ).

Рабочихъ саперъ	500 ч.
Пряслуга при 2-хъ бомбардахъ и 200 пербатапахъ	400 »
Писарей, секретарей и лицъ свиты	100 »
<hr/>	
Всего около	20,000 ч. ^{*)}

Изъ этого перечня видно, что главную массу составляла конница, которая вдвое превосходила пѣхоту: число тяжелыхъ бомбардъ очень ограничено, а мелкихъ пербатапъ, которыя, строго говоря, не могли даже считаться артиллеріей, очень много. Немудрено, что при такомъ жалкомъ состояніи артиллеріи, требовавшей при томъ цѣлой массы повозокъ (2 бомбарды, съ принадлежностью и снарядами, возились на 50 повозкахъ), значеніе ея было очень слабое. Тѣмъ не менѣе, въ сраженіи при Равеннѣ, 11 апрѣля 1512 года, она уже даетъ себя знать, и одна канонада вырываетъ около 1.000 человекъ изъ 8.000-пой массы батальи ландскнехтовъ (изъ арміи французскаго полководца Гастона де Фуа)**). Поэтому не вполнѣ понятно презрительное отношеніе Макіавелли къ артиллеріи, высказанное имъ въ вышеупомянутомъ его трудѣ: «I sette libri dell'arte della guerra», хотя онъ и былъ заоченъ уже послѣ сраженія при Равеннѣ.

Про дѣйствія артиллеріи Макіавелли говоритъ, что она только и способна производить дымъ, пыль и шумъ, а про залпъ артиллерійскихъ орудій противника, въ описаніи прихвѣрнаго сраженія, увѣренно говоритъ: «по ядра безвредно пролетаютъ надъ головами нашихъ пѣхотинцевъ»***). Въ этомъ презрѣніи къ артиллеріи видна, можетъ быть, слишкомъ страстная приверженность Макіавелли къ античнымъ боевымъ формамъ, времени грековъ и римлянъ, на которыхъ онъ постоянно ссылается; извѣстно, что введеніе баллиствъ и катапультъ сопровождалось у нихъ упадкомъ военной доблести и мужества. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Макіавелли, современная ему артиллерія не препятствуетъ принятію древнеримскихъ боевыхъ построеній, которыя онъ считаетъ даже менѣе уязвимыми подъ огнемъ, чѣмъ являвшіяся, по примѣру швейцарцевъ, сожнутыя массы, въ 6—8000 пѣхотинцевъ¹⁾.

Самымъ лучшимъ средствомъ привести къ молчанію неприятельскую артиллерію Макіавелли считаетъ дружную, бы-

*) Jähns, Geschichte der Kriegswissenschaften, т. I, стр. 363.

*) Подробноети этого сраженія изложены ниже.

**) Книга IV-я, стр. 81. (переводъ Ziegler'a).

1) Тамъ-же, стр. 89—90.

твую атаку ей, и въ этомъ онъ былъ правъ, при тогдашнихъ слабыхъ дѣйствіяхъ артиллерійскихъ орудій. Онъ предлагать имѣть всего 10 позиціонныхъ орудій, калибра не боѣе 50-ти фунтоваго, а остальную артиллерию — пѣзъ 15 десяти фунтовыхъ орудій. Артиллерія не считается современниками за отдѣльный родъ оружія, и артиллеристы считаются наравнѣ съ погонщиками воловъ и прислугой при обозѣ.

Во время боя рекомендуется артиллерию ставить на флангѣ, на безопасномъ мѣстѣ, недоступномъ для атаки противника, а если это невозможно, то ее распределяютъ равномерно, по всему фронту.

Позиціонныя орудія не передвигались во время боя послѣдствіе ихъ тяжести, да и легкую, если двигали, то съ тѣмъ, чтобы отвезти за пѣхоту. Впрочемъ, въ сраженіи при Равеннѣ, есть уже зачатки маневрированія артиллеріи, и талантливый герцогъ Феррарскій переводить ее съ одного фланга на другой, для продольнаго обстрѣливанія войскъ Фабриція Колонны.

Что касается *управленія войскъ во время боя*, то кондотьеры Браччо и Сфорца примѣняли уже на дѣлѣ планъ резерва и старались недопустить одновременнаго шока всѣхъ имѣвшихся въ ихъ распоряженіи войскъ, оставляя въ своихъ рукахъ отборную часть пѣхоты, для окончательнаго удара, что, какъ выше указано, требовалъ и Маккиавелли, порицавшій въ своихъ современникахъ необдуманность, съ которой они бросали всѣ свои силы сразу, рискуя всѣмъ успѣхомъ боя съ перваго-же столкновенія войскъ. Сфорца и Браччо развивали также подготовку этого удара предварительнымъ утомленіемъ противника дѣйствіями легкой пѣхоты и прикрывали свое расположеніе высылкой сильной кавалеріи.

Оба противника Браччо — Атендоло и Франческо Сфорца — не менѣе замѣчательны своими заботами по организаціи хорошей пѣхоты, численность которой они стремились увеличить и довести до численности конницы. Въ подчиненныхъ имъ войскахъ они ввели суровую дисциплину и строгія наказанія за пзмѣну и возмущенія; зачинщики возстанія подвергались казни. Съ кончавшихъ свою службу наемниковъ бралась клятва, что они не будутъ служить противной сторонѣ. Побѣгъ считался пзмѣной, и поручитель наемника долженъ былъ уплатить казнѣ выданную бѣжавшему наемную плату.

Тѣмъ не менѣе, эти выдающіеся кондотьеры не могли создать ничего прочнаго, такъ какъ всѣ дѣйствія ихъ были

скованы, въ самомъ корнѣ, гибельной системой комплектованія вооруженной силы, вытекавшей, какъ мы старались выяснить, изъ самой политической исторіи Италіи, ея внутренняго разложенія. Сфорца, Браччо, Коллеоне и Малияеста только боролись между собой, тратили на эту борьбу всё свои силы, *игнорировали развитіе военной дѣла во всей остальной Европѣ*, не заботясь ни о техническомъ усовершенствованіи своего вооруженія, ни, главное, *объ измѣненіи въ корнѣ всего внутренняго строя вооруженной силы*, для чего, впрочемъ, ихъ единичныя усилія были-бы сляпкомъ слабы.

Италія получала первое грозное предостереженіе: 31 декабря 1494 года, король французскій, Карль VIII вступилъ въ Римъ, во главѣ арміи, которая, во многомъ, уже отличалась отъ наемныхъ итальянскихъ армій.

Во-первыхъ, не наемный кондотьеръ предводительствовалъ ею, но самъ король, представитель законной, постоянной и независимой власти. Свиту его составляли рыцари, дворяне, цѣль французской молодежи, служившіе больше ради чести, уваженія и преданности королю, а не ради жалованья, которое получали (а часто, по бѣдности казны, и не получали) отъ милострвоу короля, а не отъ наемлаго кондотьера. Самая армія, болѣе, чѣмъ на половину, состояла изъ чисто-національныхъ элементовъ и, хотя въ ней были наемники — шотландцы и швейцарцы *) , но ядро въ ней — французы, дисциплинированные и также преданные своему королю, какъ и дворяне, а, главное, чувствующіе, что они исполняютъ народное дѣло для блага родины и своего собственнаго.

Армія эта была сплочена внутреннимъ единствомъ и дисциплиной, представляя собой уже прообразъ современныхъ народныхъ армій; кондотьеру не было никакихъ побужденныхъ причинъ, чтобы прекратить грабежи своими войсками чуждыхъ ему мирныхъ жителей, а порою ему это было прямо выгодно, чтобы вознаградить своихъ подчиненныхъ, за службу и за понесенные труды, и привлечь богатой добычей побольше такихъ-же искателей приключеній, какъ онъ самъ. Болѣе возвышенные идеалы преслѣдовалъ король вторгнувшейся французской арміи: онъ шелъ, какъ рыцарь, на освобожденіе униженной Италіи; призванный герцогомъ Миланскимъ онъ

*) Подробный составъ арміи Карля VIII, во время похода въ Италію, даетъ Quarté de Vergeuil въ своемъ трудѣ *L'armée en France depuis Charles VII jusqu'à la révolution*, стр. 67—70. Согласно приведенныхъ имъ данныхъ, иностранцевъ въ 60-тысячной арміи было 10.000, т. е. 1/6.

имѣются въ трудѣ Маккиавелли: „La cagione della ordinauza“; эти основы, возведенныя затѣмъ въ законъ, заключались, въ общемъ, въ слѣдующемъ:

Все граждане Флоренціи, въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ, признанные годными къ службѣ, обязаны, по требованію республики, военной службой *). Особая коммиссія, назначенная изъ высшихъ сановниковъ республики, дѣлитъ страну на батальонные участки, и, съ помощью начальниковъ этихъ участковъ, организуетъ батальи (battaglie), которыя обучаются военному дѣлу и обязаны собираться по первому призыву.

Главными занятіями Маккиавелли считаетъ: движеніе шагомъ и бѣгомъ, плаваніе и стрѣльбу съ полнымъ боевымъ снаряженіемъ. Требуется желѣзная дисциплина, причѣмъ указывается примѣръ римлянъ, которые обязаны ей своими громадными успѣхами. Численность арміи считается достаточной въ 25—30.000 чел., такъ какъ такой силы армія можетъ избѣгнуть боя, если таковой не входитъ въ расчеты полководца, и можетъ, въ то-же время, принудить противника держать сосредоточенною даже болѣе сильную армію, что легко можетъ сдѣлаться для него затруднительнымъ. А какъ только противникъ раздѣлитъ свои чрезмѣрно большія силы, съ цѣлью облегченія продовольствованія ихъ, такъ сейчасъ-же слѣдуетъ его атаковать и бить по частямъ.

Полководецъ долженъ быть отчетливо знакомъ съ топографіей и статистикой театра военныхъ дѣйствій; при немъ состоитъ генеральный штабъ изъ офицеровъ, обладающихъ обширными познаніями, прирожденнымъ разумомъ и, главное, сильнымъ характеромъ.

Чины штаба призываются полководцемъ, для общихъ совѣщаній съ нимъ, по всевозможнымъ вопросамъ; главныя-же ихъ обязанности заключаются въ сборѣ свѣдѣній о противникѣ и о мѣстности (разработка картъ), а также заботы о продовольствіи. Развѣдка страны и жителей вѣроятныхъ противниковъ должна быть организована уже въ мирное время, чему можетъ много способствовать толковая организація шпіонства; самыя точныя однако данныя полководецъ можетъ получить, выславъ впереди своей арміи сильныя кавалерійскіе отряды, подъ предводительствомъ разумныхъ и смѣлыхъ кавалерійскихъ началь-

*) Вслѣдъ за окончательнымъ проведеніемъ реформы, предполагалось производить ежегодный наборъ 17 лѣтнихъ юношей.

никовъ *). Читая подобныя поученія, поневолѣ приходится изумляться, что такіе взгляды, считающіеся современными въ нашу эпоху, были высказываемы передовыми людьми (къ тому-же, не специалистами военнаго дѣла), почти четыре вѣка тому назадъ.

Законъ, обязывавшій военной службой всѣхъ флорентинскихъ гражданъ, конечно, не встрѣтилъ во многихъ изъ нихъ должнаго сочувствія; явились противники предложеній Маккиавелли, предпочитавшіе остаться при старыхъ наемныхъ войскахъ; многіе полагали, что ввѣрять главное командованіе войсками флорентинцу-же—крайне опасно, такъ какъ онъ легко могъ сдѣлаться узурпаторомъ, а потому республикѣ непременно слѣдовало-де имѣть наемнаго военачальника. Для спасенія своей идеи о народной милиціи, Маккиавелли долженъ былъ взяткомъ, вопросъ уступить и согласиться на врученіе власти чужестранцу-кондотьеру, какъ ни противно это было его собственнымъ убѣжденіямъ.

Воодушевленный горячимъ патриотизмомъ Маккиавелли безкорыстно посвятилъ всѣ свои силы, всю свою неутомимую энергію исполненію завѣтной мечты—создать ядро крѣпкой духомъ, сплоченной, народной вооруженной силы, при помощи которой достигнуть свободы и единенія сирва Флоренціи, а затѣмъ и всей Италіи.

Но не успѣли еще войти въ плоть и кровь нововведенія Маккиавелли, какъ противъ флорентинской республики образовалась „Священная Лига“. Сoderини принужденъ былъ уда-

*) Jahn's. Geschichte der Kriegswissenschaften, т. I, стр. 466. Въ заключеніе своего сочиненія о военномъ искусствѣ (Dell'arte della guerra) Маккиавелли приводитъ еще дѣлую серію военныхъ афоризмовъ, изъ которыхъ мы считаемъ не лишнимъ привести наиболѣе интересныя.

Важность сохраненія въ тайнѣ плана кампаніи Маккиавелли выражаетъ словами: «лучшій планъ тотъ, который остается противнику неизвѣстнымъ, пока вы его не выполните». Поэтому необходимо мѣнять первоначальные планы, лишь только противникъ начинаетъ ихъ разгадывать». Однако «никогда не слѣдуетъ дѣлать перемѣнъ въ назначеніи какого-либо отряда во время самаго сраженія». «Полезно узнать мнѣніе многихъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ, но немногіе должны знать, на что полководецъ рѣшился». «Новое и неожиданное страшило противнику; обычное-же и медленное (le cose solite e lento) не можетъ на него дѣйствовать рѣшительно. Надо поэтому заранѣе обдумывать всевозможныя случайности обстановки». «Отъ природы немногіе людей надѣлены силой и мужествомъ, но искусство и опытность могутъ выработать такихъ людей». «Трудно побѣдить полководца, который умѣетъ правильно счѣнить собственныя силы и силы противника». «Что полезно противнику—вредно вамъ и что полезно вамъ—вредно противнику. Лучше держать за первой линіей боеваго порядка сильныя резервы, чѣмъ разбросать свои силы, безъ желанія занять ими возможно широкій фронтъ». (Перев. Ziegler'a, стр. 182; сравни также: Пузыревскій, «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка»; ч. II, стр. 91).

освободить Папу от рабскаго подчиненія Флоренціи; отклинувшись на горячую проповѣдь Савонаролы, онъ общалъ низложить папу Александра Борджиа и очистить церковь; въ головѣ его создаются туманныя, но высокія мечты объ освобожденіи Константинополя и Иерусалима—продолженіе тицетныхъ стремленій своихъ предковъ,—для отнятія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ *).

При такихъ широкихъ взглядахъ, итальянскіе народы не могли казаться чужими Карлу III; онъ явился съ благородною цѣлью освободить и вывести ихъ изъ состоянія рабства и угнетенія. Вотъ почему, какъ только начался неизбежный по тѣмъ временамъ грабежи, какъ только появились жалобы итальянцевъ на французскую армію, принимается рядъ мѣръ къ прекращенію мародерства и, подъ страхомъ висѣлицы, запрещенъ даже входить насильно въ дома жителей.

Мы рассмотримъ нѣсколько ниже организацію арміи Карла VIII, но уже изъ приведеннаго очерка политическаго состоянія Италіи въ XV вѣкѣ и изъ помѣченной организаціи итальянскихъ наемныхъ войскъ становится понятнымъ, почему французская армія прошла всю Италію съ сѣвера на югъ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, почти безъ выстрѣла; по словамъ Карла VIII, онъ завоевалъ Италію мѣлкомъ квартирера; правда, завоеваніе было-бы, можетъ быть, прочіе, еслибъ оно было закрѣплено кровью, потому что оно утратилось также легко, какъ легко стерся мѣлокъ квартирера. Но примѣръ былъ данъ: жадные сосѣди увидали, какъ не трудно завладѣть той прекрасной страной, надъ которой разстилается «чуждое итальянское небо»; французы, испанцы, нѣмцы и швейцарцы устремляются, какъ коршуны, на беззащитную добычу и рвутъ ее на части.

За нашествіемъ Карла VIII послѣдовательно совершаютъ походы въ Италію: въ 1498 г.,—Людовикъ XII, въ 1501 г.—французы и испанцы, въ 1509 г.—Фердинандъ католикъ, въ 1512 г.—французы (противъ Священной Лиги), въ 1515 и 1524 г.—Францискъ I, въ 1526 г.—контетабль Бурбонъ, французскій кондотьеръ, поддерживаемый императоромъ Карломъ V; наемныя банды испанцевъ и нѣмцевъ (послѣднія подъ началь-

*) Гюллардини проводитъ параллель между войсками Франціи и Италіи того времени и, будучи самъ итальянцемъ, все-таки сознается, что всѣ преимущества въ качествѣ войскъ были на сторонѣ французамъ. (Французскій переводъ, «Histoire des guerres d'Italie». Londres, 1738, томъ I, стр. 76).

ствомъ Георга фонъ Фрундсберга), предали грабежу и насмѣламъ всю Италію и нанесли смертельный ударъ возрожденію въ ней наукъ и искусствъ, задержавъ на долго и ея политическую самобытность.

Походъ Карла VII долженъ былъ раскрыть итальянцамъ ихъ пагубныя заблужденія, ихъ вѣковыя промахи. Но тогда какъ въ Россіи поняты были, до известной степени, аналогичныя политическія причины (кромѣ только наемныхъ армій, которыхъ у насъ никогда не было), приведшія къ монгольскому игу, и народъ нашелъ въ себѣ мощь и силу объединиться и, сдвинувшись въ устойчивую массу, сбросить ненавистныя оковы, въ Италіи этихъ силъ не хватило, нравственные оскудѣніе и политическая рознь остались прежними.

Лучшіе люди Италіи, истинные патриоты, возвысившіеся до идеи ея единства, призывали народъ и государей измѣнить въ корнѣ гибельный порядокъ вещей, но слова этихъ передовыхъ людей оказались «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Больше другихъ достигла результата страстная и убѣдительная проповѣдь даровитаго Макіавелли. Въ своихъ трудахъ („I sette libri dell'arte della guerra“, „Dei discorsi sul Tito Livio“, „Il Principe“ и другихъ) онъ привелъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ, какъ ненадежна и непостоянна та сила, которая не зиждется на своихъ собственныхъ основахъ, какъ продажны и ненадежны наемныя арміи, какъ, напротивъ, живучи и устойчивы народныя арміи, составленныя изъ гражданъ той страны, которую они призваны защищать. Но онъ не ограничился одними теоретическими доводами. Будучи избранъ въ число десяти секретарей управленія флорентинской республики, онъ убѣдилъ стоявшаго во главѣ военныхъ силъ Флоренціи Гонфалоньера (знаменосца) Содерини организовать ядро постоянной арміи изъ народной милиціи; сперва началъ сформировать, въ видѣ опыта, небольшой милиціонный отрядъ, въ надеждѣ, что флорентинцы убѣдятся въ пользѣ новаго учрежденія и поддержать реформу, а когда это дѣйствительно удалось, то, въ декабрь 1505 года, самъ Макіавелли объѣхалъ всю Тоскану, съ цѣлью завербовать мѣстную молодежь въ свой отрядъ, и, уже черезъ годъ, реформа настолько привилась, что Содерини писалъ Макіавелли: «кажется, дѣйствительно, этотъ порядокъ угоденъ Богу („questa ordinanza sit a Deo“), потому что, несмотря на злобныя противодѣянія, онъ становится все болѣе и болѣе прочимъ». Основы организаціи этой милиціонной арміи знаменитаго флорентинца

Попытка
Макіавелли
создать
народную
армію.

литься; Медичисы возвратились во Флоренцію; законы, проведенные Маккиавелли, объявлены были уничтоженными, а он самъ заключенъ въ тюрьму, преданъ ссылкѣ, а затѣмъ изгнанъ^{*)}.

Не перенося бездѣтельности, Маккиавелли поступилъ вновь на службу—къ Медичисамъ; ему поручено было написать исторію Флоренціи, и затѣмъ онъ былъ назначенъ въ комиссію по оборонѣ города; этия онъ навлекъ на себя подозрѣнія народной партіи, и когда, весной 1527 года, послѣ занятія Рима имперцами, Медичисы вновь пали, то Маккиавелли былъ опять изгнанъ и лишень всѣхъ должностей, а черезъ нѣсколько недѣль умеръ въ забвеніи. Уже 2 года спустя послѣ его смерти, при осадѣ Флоренціи многочисленной арміею Карла V, обнаружались плоды проведенной Маккиавелли реформы, и стойкость созданныхъ имъ народныхъ войскъ позволила оборонять городъ втеченіе 11 мѣсяцевъ. Но затѣмъ общенародная воинская повинность, необходимость которой онъ впервые доказалъ практическимъ, нагляднымъ образомъ, безслѣдно исчезаетъ, и только слабые слѣды идеи знаменитаго флорентинца остаются еще замѣтными въ организаціи военныхъ силъ тосканскихъ владѣтелей XVII вѣка. Господство наемныхъ армій дѣлается всеобщимъ, во всей западной Европѣ; и только Фридрихъ II, а главное, великая французская революція облекли въ плоть и кровь самую возвышенную мечтанію Маккиавелли и дали окончательное торжество идеѣ народной постоянной арміи, пополняемой по обще-обязательной воинской повинности.

Выводы.

Такимъ образомъ, эпоха возрожденія наукъ и искусствъ дала, повидному, довольно слабые результаты въ смыслѣ развитія военного искусства въ Италиі. Начавшееся изученіе классическаго міра обратило вниманіе передовыхъ государственныхъ людей на несовершенство современной имъ военной организаціи и на превосходство въ этомъ отношеніи римлянъ и грековъ; являясь впервые въ печати труды древнихъ военныхъ авторовъ (комментаріи Вегеція, Цезаря, Элиана, Фронтіна и Модеста въ трудѣ, «Veteres de re militari», изданномъ въ 1487 году, и т. п.), но попытки упорядочить военное дѣло, на основаніи античныхъ образцовъ, ограничились теоретиче-

*) «Видашь-ли ты мучимаго гогодомъ орла», пишетъ, по этому поводу, Маккиавелли къ Содернини, «взлетѣвъ къ облакамъ, поднимаетъ въ когтяхъ своихъ черепаха, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ, бросивши ее на землю, разбить ей броню и насатиться ею мясомъ. Такъ поднимаетъ судьба человека, но не для того, чтобы онъ остался на верху—цѣль! Чтобы насладиться его паденіемъ и чтобы онъ затѣмъ оплакивалъ свою гибель».

скими трактатами и получили практическое применение въ очень слабой формѣ.

Причины этого, на первый взглядъ, страннаго явления, — что Италия, болѣе другихъ европейскихъ странъ отдававшая изученію наукъ и искусствъ Греціи и Рима, менѣе всѣхъ извлекла изъ древняго міра поучительнаго въ военномъ отношеніи, — кроется въ государственномъ устройствѣ или вѣрнѣе — неустойчивѣ Аппенинскаго полуострова, въ эпоху возрожденія: *не было единства государственной мысли, не было еще итальянскаго возрожденнаго патриотизма, и потому не было и единой арміи — защитницы идеи объединенія Италии — и не было образованных военныхъ руководителей, которые заинтересовались бы военнымъ искусствомъ римлянъ и грековъ и задались бы цѣлью создать, по древнимъ образцамъ, могучую армію, способную защитить ихъ родину отъ послѣдовавшаго ряда нашествій.* Вотъ почему чуть-ли не единственнымъ проповѣдникомъ возрожденія военного искусства явился человекъ не военный — Маккиавелли; вотъ почему и горячая проповѣдь его не нашла себѣ примѣненія въ жизни: не нашлось практика-полководца, который пропился бы цѣлями и идеями великаго флорентинца настолько страстно, чтобы создать армію, достойную великихъ предковъ итальянцевъ, измѣльчавшихъ въ своемъ торгашествѣ. Какое было дѣло кондотьеру до единой Италии, до арміи Греціи и Рима, до Цезаря, Аннибалы и Александра, когда онъ долженъ былъ посвящать все свои силы на самые жизненные и роковыя для него вопросы: *будетъ-ли онъ еще нуженъ завтра своему правительству, или принужденъ будетъ искать себѣ другое, или вынужденъ будетъ спасаться бѣгствомъ отъ плахи?* Поэтому, въ то время, когда Маккиавелли проникается необходимостью создать національную армію, — войска итальянскихъ кондотьеровъ пополняются почти всегда изъ подданныхъ «другихъ владѣтелей чѣмъ тотъ, за котораго они вели войну» *); въ то время, когда Маккиавелли указываетъ необходимость имѣть прежде всего сильную пѣхоту, сосредоточить на ней свое вниманіе и считать основой арміи, — на дѣлѣ, пѣхота пополняется поддоками общества (*la lie du peuple*) и образуетъ порой меньше $\frac{1}{10}$ войскъ кондотьеровъ; въ то время, когда Маккиавелли рекомендуетъ строп, приближающіеся къ древне-римскимъ построеніямъ, — кондотьеры строятъ свои войска въ грузныя колонны, дававшія имъ возможность, хотя бы

*) «...presque toujours sujets d'un autre Prince, que de celui pour lequel ils faisoient la guerre». Guicciardini, т. I, стр. 76.

вышшимъ образомъ, сплотить находившуюся въ ихъ распоряженіи ненадежную массу наемниковъ, которая, при малѣйшемъ послабленіи, разбѣгалась въ безпорядкѣ для грабежей *).

Итакъ, возрожденіе наукъ и искусствъ въ Италіи ожидало и значительно возвысилось (благодаря взаимной конкуренціи мелкихъ владѣтелей и правительства), всѣ представляли въ классическое время проявленія народной дѣятельности, за исключеніемъ политической и военной. Не созрѣла еще государственная реформа, — не явилось и переворота въ военномъ дѣлѣ; слабыя правительства не могли создать сильныхъ армій, а роскошные плоды возрожденія на прочихъ поприщахъ привлекли въ Италію чужеземныя арміи тѣхъ странъ, въ которыхъ государственная идея сдѣлала большіе успѣхи, чѣмъ въ Италіи, и способствовала образованію болѣе сильныхъ армій; и эти нашествія, въ свою очередь, надолго задержали политическое и военное возрожденіе Италіи.

Нельзя однако отрицать извѣстнаго вліянія эпохи возрожденія наукъ и искусствъ на военное дѣло въ Италіи. Духъ ренессанса, какъ извѣстно, выразился въ освобожденіи взглядовъ современниковъ отъ средневѣковой схоластической условности и въ переходѣ отъ фантастическаго идеализированія къ жизненному реальному чувству, одухотворявшему древній классическій міръ. Условія военной дѣятельности кондотьеровъ, въ извѣстной мѣрѣ, способствовали воспріятію именно такого взгляда на постановку военного дѣла; взаимная борьба за существованіе, развивая самостоятельность итальянскихъ военачальниковъ, при общемъ отказѣ отъ сковывающаго вліянія рыцарскихъ предрасудковъ, указывала на необходимость считаться съ реальными данными, побуждала къ заботамъ о сохраненіи силъ своихъ отрядовъ, о ихъ вооруженіи, продовольствіи, усовершенствованіи тактическихъ формъ и т. п. Обращеніе къ такимъ дѣйствительнымъ факторамъ войны способствовало въ Италіи еще то обстоятельство, что рыцарство и ленная система не получали въ ней такого развитія, какъ въ Германіи и Франціи, а потому отказъ отъ системы ленныхъ ополченій и переходъ къ наемникамъ совершился въ Италіи раньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ западной Европы.

Начальники образовавшихся наемныхъ отрядовъ, сдѣлавъ

*) Гюнчардини говоритъ даже, что итальянская пѣхота «совсѣмъ не сражалась на мѣстѣ и въ извѣстномъ порядкѣ, но разбѣгалась по полюмъ и чаще всего скрывалась за укрышеніями или рвами». (Histoire des guerres d'Italie, т. I, стр. 77).

шіся, такъ сказать, специалистами военного искусства, не смотря на выясненныя выше крайне неблагопріятныя условія, тормозившія дальнѣйшее развитіе военного дѣла, все-же могли, обратившись къ живой дѣйствительности, получать въ трудахъ своихъ современниковъ изучавшихъ античныхъ героев Греціи и Рима, весьма полезныя указанія для своего военного самоусовершенствованія. Въ ряду-же авторовъ, посвятившихъ свои силы подобному изученію, имя Макиавелли является окруженнымъ такимъ блескомъ таланта и страстной любви къ родинѣ, какого не достигали писатели ни одного изъ европейскихъ государствъ того времени.

Г Л А В А П.

Первые постоянные войска во Франціи.

Феодальная система, по своему духу, была несомвѣстима съ идеей народнаго единства и общей родины, защита которой должна быть прямымъ долгомъ каждаго изъ гражданъ; дѣйствительно, ленныя войска собирались, двигались и боролись не для защиты отечественныхъ интересовъ, не съ цѣлью сохраненія національности и достиженія обще-государственной пользы, но просто, ради интересовъ ленныхъ владѣтелей, въ силу побужденій этихъ частныхъ лицъ, часто не только не согласныхъ съ интересами общей родины, но нередко направленныхъ прямо во вредъ имъ *).

Короли Франціи, оцѣнивъ вредъ, приносимый феодальнымъ строемъ обще-государственной идее, рядомъ вѣковыхъ усилій, систематически старались осуществить эту идею ослабленіемъ своихъ вассаловъ, сокращеніемъ ихъ господства и замѣной феодальныхъ порядковъ централизацией королевской власти и непосредственнымъ подчиненіемъ ей всего французскаго народа.

Съ постепеннымъ наденіемъ феодальнаго строя, они должны были однако принять мѣры, для созданія, съ этой цѣлью, вооруженной силы, способной замѣнить ополченія (*ban* и *arrière ban*), собиравшіяся въ силу леннаго права. Постепенно перейдя

*) Изъ этого общаго правила, конечно, имѣлись исключенія; энергичные, сильные своимъ влияніемъ короли достигали объединенія феодальныхъ ополченій въ критическіе дни жизни государства моменты. Такъ, въ 1214 году, Филиппъ II Августъ соединилъ, передъ сраженіемъ при Буинвѣ, рыцарскую конницу и городскія и сельскія ополченія 16 городовъ и общинъ (*Quinté de Vernoil. L'armée en France*, стр. 6).

отъ права—собрать, въ случай угрожающаго страгѣ непріятельскаго нашествія, для обороны страны (pro defensione regni), всѣхъ годныхъ къ службѣ подданныхъ,—къ праву ежегоднаго сбора подати, независимо отъ того, была-ли война или нѣтъ, французскіе короли получили необходимыя средства для созданія вооруженной силы, которая вначалѣ собиралась только въ случай войны, а во время мира распускалась; выше было указано, какіе мотивы обусловили то, что эти войска сдѣлались наемными.

Войска, нанимаемая на заранѣ опредѣленный промежутокъ времени, далеко однако не удовлетворяли нѣтъ, съ которой они собирались: они не давали возможности начать войну быстро, неожиданно для противника, такъ какъ организація ихъ требовала извѣстнаго времени; выборъ начальниковъ, сборъ наемниковъ, снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ для войны—все это, конечно, требовало не мало времени. Между тѣмъ, при желаніи округлить свои владѣнія, захватить владѣнія полу-независимаго вассала, или всецѣлъ независимаго сосѣдняго владѣтеля, зачастую требовался именно способъ дѣйствій, основанный на быстротѣ и неожиданности. Умирать-ли кто-нибудь изъ владѣтелей областей, на которыя имѣли виды французскіе короли, погибать-ли они въ бою съ сосѣдями, удалялся-ли изъ своихъ предѣловъ в терпѣль пораженія въ борьбѣ со своими противниками, понадаль-ли случайно въ трудныя денежныя или политическія условія,—всѣмъ такими обстоятельствами надо было быстро пользоваться, для того, чтобы не давать времени его послѣдникамъ, или ему самому опомниться и принять энергичныя мѣры для противоудѣствія захвату его владѣній.

И вотъ, еще съ конца XII вѣка, короли стремятся оставлять на болѣе продолжительное время лучшихъ начальниковъ, съ ихъ наемными отрядами. Имъ назначается постоянное жалованье, а для болѣшаго порядка расчетовъ съ ними и для устраниенія произвола въ опредѣленіи наемной платы, устанавливается жалованье и нѣкими чинами, задерживаемымъ по окончаніи похода; въ первый разъ они получаютъ названіе—*soldats* («soldats», или «souldoyers», отъ слова «solde»—жалованье)*).

* Жалованье это, впрочемъ, войска получали далеко не аккуратно, такъ какъ финансовыя средства королей были ограничены; вотъ почему необходимость добыть себѣ пропитаніе побуждала этихъ наемниковъ, вмѣсто защиты родины, организовать нападенія цѣлыми шайками на

Съ другой стороны, соседніе владѣтельные князья и полунезависимые вассалы сами пользовались затруднительными обстоятельствами короля и перѣдко производили разгромы его владѣній, особенно, когда наемныя королевскія войска были распущены или отвлечены трудной войной. Съ цѣлью противодействия такимъ набѣгамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, для полученія возможности обзавести ненадежныхъ наемниковъ, французскіе короли обнаруживаютъ стремленіе найти опору въ городскихъ общинахъ, которыя, въ свою очередь, вмѣстѣ съ духовенствомъ, видятъ именно въ сильныхъ вассалахъ и въ наемникахъ своихъ злѣйшихъ враговъ, болѣе всего угрожавшихъ ихъ мирному благосостоянію. Общность интересовъ, проявившаяся, такимъ образомъ, между городскими общинами и королемъ, очень довольнымъ, что найдено почти даровое средство для усиленія своей власти, способствовала тому, что обѣ стороны оказали другъ другу взаимную поддержку и, соединившись, общими силами окончательно побѣдили вассаловъ, усмиривъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наемниковъ и положивъ предѣлы ихъ буйству и грабежамъ.

Такимъ образомъ, по выраженію Карѣна *), «сословный строй, вышедшій изъ феодализма, разрушался сверху и снизу, государствомъ и народомъ, но такъ, что первое разрушало, главнымъ образомъ, политическую сторону этого строя, послѣдній социальную... Королевская политика стремится къ общественному нивелированію какъ разъ въ то время, когда само общество, переросшее феодальныя рамки, призывается ходомъ событій къ участию въ государственной жизни».

Города не могли однако дать королю солидной силы, способной замѣнить наемниковъ; городскія милиціи, хотя и многочисленныя, но очень мало-обученныя и далеко не всегда дисциплинированныя, были способны почти исключительно къ оборонительнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ болѣе, что города, для собственной безопасности, окружали себя крѣпкими стѣнами, глубокими рвами и всякаго рода оборонительными постройками. Городскія ополченія, въ противоположность рыцарскимъ леннымъ войскамъ, состояли, главнымъ образомъ, изъ пѣхоты, вооруженной самымъ разнообразнымъ образомъ, при чемъ, съ

мирныхъ жителей, и король бывалъ иногда вынуждаемъ вести противъ нихъ настоящую войну (жакерія).

*) «Исторія Западной Европы въ новое время»; т. I, изд. 1898 г. Спб., стр. 405.

конца XIV вѣка, у нея явились уже и первые образцы огнестрѣльнаго оружія.

Нормальное систематическое развитіе королевской власти было однако сильно задержано и даже поколеблено столѣтней борьбой Франціи съ Англіей (1337—1437 г.). Французскія войска, состоявшія изъ: 1) рыцарской конницы эпохи паденія феодализма, 2) наемниковъ, въ числѣ которыхъ были отряды совершенно независимыхъ искателей приключеній, при случаѣ грабившихъ обѣ стороны, и 3) городскихъ ополченій, — не оказались на должной высотѣ и потерпѣли рядъ пораженій отъ англійской арміи, составленной на болѣе прочныхъ началахъ и болѣе сплоченной своимъ народнымъ единствомъ.

Неудачи французовъ въ борьбѣ съ Англіей не замедлили вызвать рознь и борьбу съ неустановившимся еще достаточно прочно во Франціи королевскимъ режимомъ; усмирение, было, засамы вновь подняли голову; явились партіи, державшія сторону противника и признавшія даже англійскаго короля своимъ государемъ. Англичане, въ союзѣ съ бургундцами, заняли большую половину Франціи и отбросивъ короля *Карла VII* *) къ Луарѣ, осадивъ Орлеанъ, послѣднюю его опору. Въ эту трудную минуту, когда вся Франція была на краю гибели, проснулось чувство національнаго самознанія въ самой глубинѣ народной толпы... и изъ самаго сердца ея, изъ сельскаго селовія, бывшаго въ презрѣніи у надменныхъ феодаловъ, явилось спасеніе Франціи, въ лицѣ Жанны д'Аркъ. Король Карлъ VII ухватился, какъ утопающій за соломинку, за послѣднее средство, чтобы сломить врага, поднять религиозное и патріотическое чувство въ рядахъ оставшихся ему вѣрными подданныхъ, и обратился за помощью къ духу народной толпы. И вотъ, это средство, къ силѣ котораго онъ, вѣролпно, до того, не питалъ особаго довѣрія, вдругъ неожиданно дало самыя блестящіе результаты. Орлеанской дѣлѣ удалось пробудить патріотизмъ всего французскаго народа; ея глубокая вѣра въ правоту своего святаго дѣла и ея одухотворенный порывъ образумили французовъ, а прямиръ ея привлекъ къ королю народную массу **).

Армія при
Карлѣ VII.

*) Къ тому-же, еще не коронованнаго и не имѣвшаго поэтому должнаго престижа.

**) Замѣчательно отзывъ выдающагося французскаго писателя XVI вѣка, дю Бейля-Ляжюе, относительно этого критическаго момента, въ исторіи Франціи: «Du temps de Charles 7 en la gnerre qu'il avoit contre les Anglais fut lanee la pucelle en France, reputée persouane divine et chacun affermoit qu'elle avoit esté envoyée de Dieu: mais à ce que lon veut dire le

Освобождение Орлеана, коронация Карла VII в Реймсе и изгнание англичан из Франции быстро следуют, в награду народу, за его отзывчивость къ самым глубоким патристическим чувствам и за обращение на истинный путь искания въ самомъ себѣ силъ, для защиты попранных своихъ правъ на самобытность и самостоятельность. Выполнивъ свою миссію, Орлеанская дѣва погибаетъ, сожженная англичанами на кострѣ въ Руанѣ, но духъ ея остался живымъ, и не погибла съ нею мѣра въ указанное ею средство для борьбы съ вторгнувшимися чужеземцами. Бургундцы отшатнулись отъ англичанъ *), которые потеряли всѣ свои завоеванія во Франціи, за исключеніемъ Калэ, и война кончилась, даже безъ формальнаго заключенія мира.

Окончательно убѣдившись въ полной невозможности основывать защиту страны на ленной системѣ и давать рыцарямъ исключительную монополію на этотъ долгъ каждаго гражданина, французскіе короли обратились къ организаціи своихъ боевыхъ средствъ на другихъ началахъ. Прежде всего, пущы были денежные средства, и вотъ, собравъ, въ 1439 г., въ Орлеанѣ, государственныхъ чиновъ, Карлъ VII добился утвержденія налога въ 1,200.000 ливровъ, для уплаты жалованья войскамъ, которыя предложено было содержать достойно **).

Король утвердилъ лишь за собою однимъ право собирать войска и отнялъ это право у вассаловъ и владѣтельныхъ вельможъ, а также и у общинъ; мѣра эта вызвала бунтъ вельможъ, извѣстный подъ именемъ «прагеріи» (praguerie), впрочемъ скоро потушенный энергичнымъ коннетаблемъ Ринемонгъ.

Затѣмъ послѣдовала мирная эпоха, во время которой спокойно совершалась реорганизація французской арміи. Реформа организаціи вооруженной силы, положившая прочное начало постояннымъ арміямъ современнаго характера, началась паданіемъ Карломъ VII, черезъ 2 года по окончаніи 100-лѣтней войны, Прагматикой 2 ноября 1439 года (Pragmatique Lettre pour obvier aux pilleries et vexations des gens de guerre), упорядочившей строй войскъ наемныхъ Франціи. Прагматикой было опре-

Roy s'estoit adaisé de cests ruse pour punner quelque bonne esperance aux Francois. «Discipline militaire de Messire Guillaume du Bellay Seigneor de Langey». Lyon. 1592 (т. II, стр. 123—124).

*) Въ 1435 году, въ Аррасѣ былъ заключенъ договоръ между герцогомъ бургундскимъ и французскимъ королемъ.

**) Этотъ налогъ государственные чины утвердили на 1 годъ, но король продолжалъ его взимать ежегодно, уже безъ согласія чиновъ, и даже увеличилъ его, къ концу своего царствованія, до 1.800,000 ливровъ (Quarré de Verneuil, «L'armée en France», стр. 25 и 36).

дѣлепо, чтобы всѣ начальники наемныхъ отрядовъ утверждались не иначе, какъ королевскими приказами или письмами («lettres royales»), при чемъ на службу короля принимались только люди, жизнь и поведеніе которыхъ были не запятнаны грабежами, поджогами и насиліями; прекращены были переходы съ мѣста на мѣсто наемныхъ отрядовъ, бродившихъ перѣдко, до того времени, съ спеціальной цѣлью—доставать себѣ «ratis»; расквартированіе королевскихъ войскъ по городамъ и пограничнымъ мѣстечкамъ было твердо установлено королемъ, и на всякія перемѣщенія требовалось его разрѣшеніе *). Постановленія прагматики 1439 года явились предвозвѣстанками цѣлаго ряда болѣе серьезныхъ реформъ, сдѣлавшихся возможными послѣ того, какъ наиболѣе безпокойные отряды авантюристовъ, числомъ до 50.000 чел., такъ называемые „арманьяки“, оказавшіеся бездѣла, по окончаніи войны съ Англіей, были направлены въ Швейцарію, въ помощь австрійцамъ, которые, впрочемъ, просили всего отъ 5 до 10.000 чел., и тамъ, въ значительномъ числѣ, были вырубаны швейцарцами и эльзасцами.

Эдиктомъ 26 мая 1445 года, даннымъ Карломъ VII въ замкѣ Лулли (Lourry), близъ Шалона, съ одобренія королевскаго совѣта, были организованы 15 ордоннансовыхъ ротъ (compagnies d'ordonnance), изъ которыхъ каждая состояла изъ 100 коней; каждое полное копьё (lance fournie), организованное еще по рыцарскому способу, состояло изъ одного латника (homme d'armes), избраннаго изъ числа выдающихся и преданныхъ королю французскихъ дворянъ, одного пажы (page), тоже въ лагахъ, трехъ конныхъ лучниковъ (archers) и одного вооруженнаго слуги (coustillier **) . Такимъ образомъ, ордоннансовая рота представляла, въ сущности, конный полкъ, смѣшаннаго состава, въ 600 коней; во главѣ ея были поставлены капитаны изъ наиболѣе способныхъ и отличившихся военачальниковъ; помощниками у нихъ были: поручикъ (lieutenant), хорунжий (enseigne), прапорицъ (guidon) и квартирмейстеръ (maréchal de logis). Въ бою капитанъ и хорунжий

*) «26. Ordonne le roy, que les capitaines et gens de guerre soient mis et establis en garnisons et places des frontières sur les ennemis qui leur seront ordonnez par le roy et illec demeureront et tiendront; et défend le roy à tous capitaines et gens de guerre que aucun ne se dépaete, ni à laisser en la forteresse et garnison, où il sera mis et establi, sans le mandement du roy; et qu'ils ne aucun d'eux ne aille vivre sur le pays en quelque manière que ce soit» (Тамъ-же, стр. 27).

**) *Roqueancourt*. Cours élémentaire d'art et d'histoire militaires. Paris 1834; т. I, стр. 292. *M. Jähns*. «Geschichte», т. I, стр. 314. *Quarré de Verneuil*.

вели тяжелую конницу ротъ, т. е., латниковъ (gensdarmes) съ ихъ оруженосцами, а поручикъ и прапорщикъ начальствовали легкой конницей—лучниками и кутильерами. Съ 1447 года составъ коня увеличился однимъ всадникомъ—оруженосцемъ^{*)}.

Для пополненія этой вновь сформированной конницы, общей численностью нѣсколько болѣе 9000 копей, были избраны лучшіе изъ ветерановъ наемныхъ отрядовъ, сражавшихся въ Швейцаріи и въ Эльзасѣ; на обширной Маринской равнинѣ, подѣ Шалономъ, король съ кометаблемъ—главой французской арміи—и 15-ю вновь назначенныхъ капитановъ, въ присутствіи колова изъ 3000 рыцарей, произвели смотръ возвратившимся съ похода войскамъ и избрали тѣхъ, которые, по ихъ мнѣнію, были достойны поступленія въ новыя войска; исключенныя-же изъ рядовъ арміи были водворены на родину и, подѣ страхомъ смертной казни, должны были приняться за полевые работы.

Чтобы избѣгнуть возстанія, распускаемые наемники были раздѣлены на отряды, которые слѣдовали, по радiallyно расходящимся маршрутамъ, къ ихъ мѣстамъ рожденія, и по пути ихъ слѣдованія были выставлены особые этапные отряды, которые, вмѣстѣ съ ополченіями городскихъ общинъ, способствовали дальнѣйшему рассредоточенію отрядовъ наемниковъ и водворенію ихъ по мѣстамъ жительства. Такъ рѣшена была трудная задача распушенія до 70.000 чел. наемниковъ и утвержденія новой регулярной арміи. Правда, она еще заключала въ себѣ много слѣды предшествовавшей эпохи; кромѣ указанной уже рыцарской организаціи на коня, необходимо, въ этомъ отношеніи, отмѣтить и строй для боя, который также остался прежній, рыцарскій, т. е., «en haie», — «частоклономъ»; мотивомъ для этого, повидимому, служила также возросшая дѣйствительность артиллеріи, побуждавшая къ принятію болѣе тонкаго строя. (См. фиг. 25, на табл. IX).

Формированіе ординансовыхъ ротъ было закончено вполнѣ успѣшно, и не только былъ пополненъ весь личный составъ ротъ, но, съ теченіемъ времени, особенно во время войны, образовались роты, вдвое превосходившія численностью выше-указанный составъ (600 ч.), вслѣдствіе наплыва охот-

*L'Armée en France, стр. 32—23. У полковника Гейсмана (краткій курсъ исторіи воен. искусства, ч. I, стр. 80) составъ коня указанъ нѣсколько иной, а именно: 1 жандармъ, 1 кутильеръ, 1 пажъ, 2 лучника и 1 слуга, изъ которыхъ боевое значеніе имѣли лишь 4: жандармъ, кутильеръ и два лучника.

^{*)} Жандармъ получая въ мѣсяцъ 10 ливровъ, лучникъ—5 ливровъ, кутильеръ—4 ливра и пажъ—3 ливра.

никовъ, поступавшихъ добровольно въ ихъ ряды. Впрочемъ, не только латники, но и оруженосцы пехъ, а также лучники принадлежали къ благородному сословию; юности, желавшіе посвятить себя военной службѣ, поступали къ извѣстному латнику въ конье, которое служило, такимъ образомъ, военной школой для молодыхъ людей *).

Въ самомъ комплектованіи ординансовыхъ ротъ допущены были впрочемъ и иностранцы, не только среди латниковъ, но даже въ числѣ начальствующихъ лицъ; была даже цѣлая испанская рота. Значеніе этого учрежденія, тѣмъ не менѣе, было, огромное, потому что оно стало постепенно замѣнять рыцарство; дѣйствительно, титулъ рыцаря пересталъ, со времени образованія ординансовыхъ ротъ, давать какія-либо особыя права на начальствованіе войсками, или, какіе-бы то ни было прерогативы власти. И вотъ, хотя посвященіе въ рыцари встрѣчался еще вплоть до царствованія короля Карла IX, но рыцарскія знамена уже потеряли свою притягательную силу, и званіе рыцаря являлось лишь наградой за подвигъ, что впрочемъ, въ XVI вѣкѣ, также было постепенно замѣнено введеніемъ военной іерархіи и знаковъ отличій, при чемъ награды чинами и орденами даровались исключительно королямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, учрежденіе постоянной конницы было лишь первымъ шагомъ дальнѣйшихъ мѣропріятій въ томъ-же направленіи, и съ постепеннымъ преобладаніемъ національнаго элемента **).

Черезъ три года послѣ учрежденія ординансовыхъ ротъ (въ апрѣлѣ 1448 г.), были проведены опять созданія національной пѣхоты; въ каждомъ приходѣ, изъ мѣстныхъ жителей, избирался одинъ лучникъ, полное боевое снаряженіе котораго поставилось также приходомъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, лучники привлекались къ упражненіямъ въ стрѣльбѣ; по первому требованію они выступали въ походъ и тогда начинали получать жалованье отъ короля (4 франка въ мѣсяцъ). Такъ какъ эти люди были освобождены отъ податей то ихъ называли «franc-archers» — «вольными лучниками» ***).

*) Roschasseot; т. I, стр. 234—5.

***) Кроме ординансовой тяжелой конницы, Карлъ VII, съ 1428 года, имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько наемныхъ ротъ карабинеровъ, соответствовавшихъ легкой конницѣ и, повидимому, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ испанской легкой конницѣ.

****) Quarré de Vernueil. «L'armée en France», стр. 38—39. Знаменательно приведенное въ этомъ трудѣ вступленіе къ приказу, учреждавшему «вольныхъ лучниковъ»: „Afin qu'il ne soit besoin de nous aider d'autres que de nos

это была, дѣхота, хотя и національная, но чисто милитари-наго характера, такъ какъ единственными кадромъ вольныхъ лучниковъ были капитаны (учрежденные въ 1451 году), по одному на 500 лучниковъ.

Наконецъ, при Карлѣ VII, явились и первые артиллеристы, которыхъ, къ 1450 году, насчитывается уже 3000 чел., но, конечно, артиллерія была въ младенческомъ состояніи; сперва орудія были побольшихъ калибровъ и стрѣляли каменными ядрами; затѣмъ стали стремиться къ возможно большимъ калибрамъ, предполагая, что дѣйствіе такихъ орудій будетъ тѣмъ значительнѣе. Были орудія, требовавшія при перевозкѣ до 50 лошадей. При несовершенствѣ отливки, такія орудія были весьма опасны во время стрѣльбы для самихъ артиллеристовъ.

Людовикъ XI
(1461—1483).

Въ царствованіе сына и преемника Карла VII, Людовика XI, продолжается борьба короля съ могущественными вассалами и владѣтельными князьями; во главѣ ихъ сталъ герцогъ бургундскій, Карлъ Смѣлый, который, послѣ перѣшительнаго боя при Мондери (1465 г.), успѣлъ собрать армию до 100.000 ч. и пригнулъ Людовика XI къ уступкѣ Соммскихъ горъ, Булони и другихъ городовъ. Трудная борьба, закончившаяся притомъ неудачно, побуждала Людовика XI принять, прежде всего, мѣры къ усовершенствованію учрежденій вольныхъ лучниковъ, получившихъ болѣе сплоченную и опредѣленную организацію. Въ 1469 году, владѣнія французскаго короля были раздѣлены на 4 округа (2—къ сѣверу отъ Луары и 2—къ югу), и каждый изъ нихъ комплектовалъ отрядъ лучниковъ, въ 4000 чел., а каждый такой отрядъ подраздѣлялся на 8 ротъ, по 500 чел. въ каждой *). Всего было, такимъ образомъ, организовано 16.000 чел., подъ общимъ начальствомъ «главнаго начальника арбалетчиковъ» (Grand maitre des arbalétriers). Во главѣ отрядовъ были поставлены генераль—капитаны (capitaine-général), которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, командовали и I-й ротой своего отряда; остальными ротами командовали просто капитаны (capitaine). Учрежденіе вольныхъ лучниковъ не долго держалось; населеніе ему по сочувствовало, а дворяне—дѣтски презирали; не смотря на стремленія Людовика XI сохранить организацію этой созданной его отцомъ милиціи, которая должна была замѣнить земскія ополченія, она была отменена; послѣ сраженія при Гинграттѣ (1479), гдѣ «вольные

сujet* . . . (съ тѣмъ, чтобы не пользоваться услугами другихъ, какъ только нашихъ подданныхъ. . . »).

*) Тамъ-же, стр. 45—50, также Jahns, «Geschichte», т. I, стр. 836, и его-же «Handbuch», стр. 837.

лучники» не поддерживали тяжёлую конницу и предалися паническому бѣгству, они были совершенно расформированы.

Главный противник Людовика XI, герцог бургундский, Карль Смѣлый, рѣшился, въ 1471 г., организовать свою армию, по французскому образцу, въ видѣ ордоннансовыхъ ротъ, по стгою разницей, что свелъ въ конья п конныхъ и пѣшихъ людей. Согласно его «Grande Ordonnance», данной въ Аббевиль, 31 июля 1471 г., каждое конье состояло изъ трехъ всадниковъ: латника (homme d'armes), его оруженосца и кутильера (coustillier), и изъ шести пѣхотинцевъ: 3 лучниковъ (archers), одного арбалетчика, одного кулевринера и одного пикинера. Впрочемъ, на маршѣ, 3 лучника должны были также быть верхами, но для боя они спѣшивались.

Армія Карла
Смѣлого.

Вслѣдъ затѣмъ эта организация была нѣсколько измѣнена; конье образовали: латникъ, оруженосецъ, кутильеръ и 3 лучника; на каждое конье прилавалась выюнная лошадь; 5 копій образовали палату (chambre), 5 палатъ составляли эскадронъ (escadre), а 4 эскадрона—роту (compagnie), во главѣ которой становился командиръ, подѣ начальствомъ котораго было, такимъ образомъ, 100 копій *).

Пѣхота, состоявшая изъ лучниковъ, кулевринеровъ и пикинеровъ, была сведена въ самостоятельныя роты, численностью въ 600 чел., подѣ начальствомъ капитана, которому подчинялись: хорунжий (porte-enseigne) и прапорщикъ (guidon). Эта пѣхота имѣла особое назначеніе — служить прикрытіемъ артиллеріи, которая приняла уже типъ полевыхъ орудій и состояла преимущественно изъ серпантинъ и бомбардъ. Ротные командиры завѣдывали обученіемъ войскъ, которое стало систематическимъ въ мирное время; жалованье уплачивалось казной каждые 4 мѣсяца; продовольствіе люди доставляли себѣ сами. Расположены войска были преимущественно въ гостиницахъ и постоялыхъ дворахъ. На походѣ люди получали квартирные билеты, причѣмъ отъ хозяевъ поставлялось, безъ вознагражденія, сѣно и солома, а на продукты и овесъ утверждалась постоянная такса. Побѣгъ, на маршѣ, наказывался денежнымъ штрафомъ — лишеніемъ 8-ми дневнаго жалованья, а въ виду противника — смертной казнью.

*) По организаціи 1471 года, 6 копій образовали палату, 2 палаты—десятокъ, во главѣ котораго стоялъ десятникъ (dizainier), а одинъ изъ десятниковъ назначался начальникомъ всего отряда.

Подробности организаціи арміи Карла Смѣлого см. у Пузыревскаго: «Исторія воюнаго искусства въ средіе вѣка»; ч. II-я, стр. 45—52.

Наемныя войска
Людвика XI.

Побѣды, одержанныя надъ бургундской арміею швейцарцами, при Грансонѣ, Муртенѣ и Нанси, а также отчасти подозрительно-недовѣрчивый характеръ Людвика XI, опасавшагося слишкомъ явныхъ проявленій національнаго чувства, побудили его совершенно отказаться отъ способности, принятыя имъ и его противникомъ, для образованія народнои пѣхоты, и обратиться къ старому средству — пайму, причѣмъ король панель наиболѣе соотвѣственнымъ обратиться къ самимъ побѣдителямъ, т. е., къ швейцарцамъ. Въ 1479 году, съ ними былъ заключенъ оборонительно-наступательный союзъ, въ силу котораго они обязывались во всѣхъ войнахъ Людвика XI, а особенно противъ Карла бургундскаго, доставлять королю содержимое на его собственный счетъ войско; онъ давалъ имъ ежегодную субсидію въ 20.000 ливровъ (6000 р.), а швейцарцы обязывались отдать въ распоряженіе французскаго короля столько войскъ, сколько они въ состояніи выставитъ. Позднѣе, численность наемнаго швейцарскаго отряда была опредѣлена въ 6000 чел. и даже до 16.000 чел. *). Впрочемъ идея національной пѣхоты не была окончательно оставлена, такъ какъ швейцарцы должны были скорѣе служить инструкторами, и кромѣ нихъ, въ 1480 году, было набрано, при помощи добровольной вербовки, 10.000 чел. пѣхотинцевъ и 2500 пионеровъ, которые, вмѣстѣ съ 1500 ордошпансовыми латниками **) и значительнымъ обозомъ, присоединились къ 6000 швейцарцевъ, въ лагерѣ у Понъ-де-л'Аригъ, близъ Руана. Здѣсь войска (всего до 25.000 пѣхотинцевъ и 1500 латниковъ), въ первый разъ, обучались совмѣстному маневрированію, пріучались къ строгой дисциплинѣ и порядку. Это уже былъ значительный шагъ впередъ, такъ какъ, до того времени, войска обучались боевымъ дѣйствіямъ, только веда дѣйствительный бой. Когда же выучка вновь сформированныхъ войскъ швейцарцами показалась Людвику XI достаточно совершенной, онъ отпустилъ большую часть швейцарскихъ войскъ, оставивъ лишь изъ нихъ отборную роту — для своей личной охраны.

Изъ войскъ, обучавшихся въ лагерѣ у Понъ-де-л'Аригъ, черезъ два года (въ 1482 г.), были сформированы такъ называемая Никардійскія дружины ***) , численностью отъ

*) Brandt, т. II, стр. 7 и 8; Quarré de Verneuil, стр. 52.

**) Составъ конія былъ Людвикомъ XI уменьшенъ, и съ 1473 г. ово состояло изъ лучника, пала, кутильера, двухъ лучниковъ и слуги, — всѣ 6 имѣли лошадей (Quarré de Verneuil, стр. 56.); это и есть составъ конія, указанный полковникомъ Гельманомъ (выписка на стр. 44).

***) Такъ какъ изъ окрестностей Руана ихъ перевели въ Никардію и расположили тамъ во городахъ и мѣстечкахъ.

500 до 1000 чел. Вооруженіе ихъ составляли: пика (gisarme) и аллебарда (voûge), а изъ метательнаго оружія, преимущественно, луки и арбалеты; первые образцы ручнаго огнестрѣльнаго оружія, хотя и имѣлись уже, въ ограниченномъ количествѣ, въ пѣхотѣ, но были тяжелы и мало дѣйствительны, такъ что Людовикъ XI предпочиталъ имъ пика и аллебарды. Предохранительнымъ вооруженіемъ пѣхотинца былъ небольшой круглый шишакъ (salade), кожаный колетъ до колѣнъ (jaque), подбитый сложеннымъ, въ 20 рядовъ, холстомъ; на колетъ одѣвалась кольчужная рубашка (бригантина); имѣлся также небольшой круглый щитъ (tondelle). Были уже первыя попытки установить однообразную форму; такъ, есть извѣстіе, что сформированный, для дѣйствій въ Арденнахъ, отрядъ, въ 1260 чел., имѣлъ однообразную, красную одежду.

Мало довѣряя значенію ручнаго огнестрѣльнаго оружія, Людовикъ XI однако удѣлялъ большое вниманіе изготовленію тяжелыхъ артиллерійскихъ орудій, большинство которыхъ, при вступленіи его на престолъ, принадлежало не государству, а отдѣльнымъ городамъ, общинамъ и замкамъ частныхъ владѣтелей; такъ, даже коллегія нотаріусовъ имѣла нѣсколько орудій *). Людовикъ XI принялъ мѣры къ увеличенію числа орудій, которыя не были-бы прикрѣплены къ мѣсту, а могли-бы содѣйствовать его войскамъ въ полѣ, и принялъ первыя мѣры къ установленію однообразныхъ калибровъ. Въ сильной артиллеріи онъ видѣлъ вѣрное средство, для борьбы съ неподчинившимися ему еще вассалами. Въ 1477 году, были отлиты 12 тяжелыхъ орудій, получившихъ названіе 12 перовъ Франціи и расположенныхъ по три: въ Парижѣ, Орлеанѣ, Турѣ и Амьенѣ; это были, огромныхъ размѣровъ, бронзовыя бомбарды, возбуждавшія всеобщее удивленіе; онѣ стрѣляли каменными и желѣзными снарядами. Кромѣ того, были отлиты орудія меньшихъ калибровъ, на душкахъ которыхъ были выдѣланы формы разныхъ звѣрей (что дѣлалось и прежде—на катаультахъ и другихъ метательныхъ машинкахъ), которые давали свое имя самому орудію; такъ, были 24 фунт. серпантинны (отъ «serpent» — змѣя), большія, 16 фунт., и среднія, 12 фунт., кулеврны (отъ «coulevre» — гадюка), двухъ и одно-фунтовыя фоконно **) (отъ «faucou» — соколъ). Орудія, при Людовикѣ XI, получили лафеты и возились на лошадахъ, при чемъ число послѣднихъ

*) *Prince Louis-Napoléon Bonaparte*. „Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie“. Paris, 1846, т. I, стр. 68.

**) Тамъ-же, стр. 97; *Quarré de Verneuil*, стр. 66—67.

колебалось отъ 35—для 50-ти фунтовыхъ бомбардъ—до двухъ для фоконно; одно-фунтова фоконно возилась даже одной лошадыю. Собственно къ разряду полевыхъ орудій только принадлежали фоконно. (См. фиг. 39, на табл. XI).

Въ 1478 году, была отлита огромная бомбарда, стрѣлявшая снарядомъ, въ 500 фунтовъ вѣсомъ. Стрѣльба изъ подобныхъ орудій была далеко небезопасна для своей-же прислуги. Артиллерія образовала 4 дружины, которые были, въ первый разъ, подчинены одному общему начальнику (Grand maitre d'artillerie). Главнымъ дѣйтелемъ въ отношеніи улучшенія артиллеріи, времени Людовика XI, былъ Гаспаръ *Боро*.

По мѣрѣ увеличенія численности арміи, расходы на нее росли. Такъ, по показаніямъ Филиппа де-Комминъ *), Карль VII, по своей смерти, оставилъ 1.700 копій ордонансовыхъ роговъ, на которыя, изъ ежегоднаго бюджета, расходовалось 1.800.000 фр. Въ концѣ царствованія Людовика XI, число копій дошло до 5.000, и содержалось болѣе 25.000 пѣхоты; общая численность арміи превышала 60.000 чел., которые стоили ежегодно до 4.700.000 франковъ.

Независимо отъ этихъ регулярныхъ войскъ, Людовикъ XI продолжалъ принимать мѣры по организаціи городскихъ ополченій, при чемъ ласковымъ предупредительнымъ обхожденіемъ ему удалось привлечь на свою сторону горожанъ; особыя заботы его были направлены въ отношеніи жителей Парижа (хотя самъ онъ жилъ, преимущественно, въ замкѣ Plessis les Tours, окруженный шотландскою гвардіей).

Вооруженнымъ городскимъ милиціямъ производились королевскіе смотры, на которые обязаны были являться, подѣ страхомъ наказанія висѣлицей (!) въ случаѣ неявки, всѣ, безъ исключенія, обыватели, отъ 16 до 60 лѣтъ, не исключая дворянъ, чиповниковъ и духовенства, съ соответствующимъ оружіемъ. Города являли свои хоругви, подѣ которыми собирались милиціонеры, являвшие также однообразную форму—красную тунику, съ панитымъ бѣлымъ крестомъ. На одномъ изъ такихъ смотровъ, въ 1467 г., по свидѣтельству современниковъ, однимъ городомъ Парижемъ было выставлено до 80.000 чел., подѣ 72-мя знаменами; въ 1474 г., ихъ было уже до 100.000 чел., при значительномъ числѣ орудій **).

*) *Quarré de Verneuil*, стр. 53—54, также—*Brandt*, т. III, стр. 10.

**) *Brandt*, т. III, стр. 14—15; подробности смотра (по Филиппу Коммину) описаны также Циглеромъ, въ приложеніи къ его переводу сочиненія Макиавелли (*Dell'arte della guerra*), стр. 280—284.

Такое возрастание вооруженной силы городских ополчений, конечно, достигало главной цели короля—устранения дворянства и вельмож, но, как уже выше было указано, эти ополчения не могли быть солидными войсками, годными для ведения наступательной войны. Кроме того, чрезмерное усиление городских милиций устанавливало известную зависимость короля от больших городов, и сознание этого побуждало подозрительного Людовика XI не прибегать к их помощи, а когда вельможи были усмирены и королевская власть значительно была упрочена, то подобные смотры стали все болѣе и болѣе рѣдкими, чтобы не давать повода горожанам, вообще, убедиться въ ихъ внушительной силѣ. Дальнѣйшія событія показали, что опасенія Людовика XI имѣли всѣскія основанія.

Взгляды на войну современниковъ эпохи Людовика XI характеризуются сочиненіемъ «Le rozier des guerres», появившимся въ печати въ 1522 г., но, повидимому, написаннымъ около 1480 года, при чемъ авторомъ этого сочиненія называютъ самого короля Людовика XI, пожелавшаго дать своему сыну, будущему королю Карлу VIII, наставленіе для организаціи войскъ и веденія войны („pour servir d'instruction à Monsieur le Dauphin Charles“).

Сочиненіе это обнаруживаетъ хорошее знакомство съ древне-римскими и греческими образцами военного искусства и частью заимствовано изъ Вегеція; авторъ преклоняется передъ обученіемъ войскъ у римлянъ, подготовленныхъ къ веденію войны, при самой разнообразной обстановкѣ, а также предлагаетъ весьма простую тактическую организацію, основанную, главнымъ образомъ, на десятичной системѣ.

«Le rozier des guerres» даетъ нѣсколько разумныхъ указаній, въ отношеніи нравственной подготовки людей къ бою, значенія личнаго примѣра начальника и необходимости приучать людей еще въ мирное время исполнять все то, что имъ придется прихлѣпать на войнѣ; малочисленные, но хорошо обученныя войска предпочитаютъ не получившимъ обученія массамъ. Наряду съ здравыми разсужденіями, встрѣчаются и совѣты, въ подражаніе Вегецію, избѣгать сраженій, которыя слишкомъ опасны, никогда не преграждать противнику пути отступленія и т. п. Взгляды Людовика XI, обнаруженные въ этомъ сочиненіи, были однако, для своего времени, еще значительно опередившими дѣйствительное состояніе военного искусства, и образцы его, проявившіяся на практикѣ,

стояли еще далеко ниже высказываемых теоретически взглядов *).

Сражения
при Монлери
(1465 г.)
и Гинегаттё
(1479 г.)

22-хъ лѣтнее царствование Людовика XI было, для Франціи, относительно мирной эпохой, чему, во многомъ, можетъ быть, способствовала сильная вооруженная сила, созданная усиліями Карла VII и его преемника. Только два выдающихся боя въ столкновеніи можно указать за это время, а именно: сраженія при Монлери и при Гинегаттё; оба они были первѣнственными; въ первомъ сраженіи противникомъ короля явился Карль Смѣлый, во второмъ — эрцг. австрійскій Максимилианъ **); король, вѣрный своимъ принципамъ, хотѣлъ избѣгнуть боя и въ первомъ и во второмъ случаѣ, но при Монлери, 27 іюля 1465 г., онъ былъ принужденъ къ бою необходимостью не допустить бургундцевъ занять Нарпякъ; сраженіе же при Гинегаттё, 7 августа 1479 г., было дано, вопреки его желанія, французскимъ полководцемъ д'Ескьердомъ, ради освобожденія отъ блокады австрійцами крѣпости Теруань. Французская конница, въ обоихъ сраженіяхъ, своими дѣйствіями показала уже результаты предшествовавшей реформы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, проявила и свое прямое происхожденіе отъ жадныхъ къ добычѣ феодалныхъ рыцарей, мало заботившихся о достиженіи общей цѣли, а преслѣдовавшихъ лишь личныя выгоды; такъ, при Гинегаттё, опрокинувъ слабѣйшую конницу противника, французскіе латники не поставили себѣ цѣлью разбить затѣмъ собранія части его боевого порядка, но увлеклись захватомъ возможно большаго числа плѣнныхъ, чтобы получить за нихъ побольше выкупъ. Послѣдовавшее разсѣяніе, для этой цѣли, французскихъ ординансовыхъ ротъ, въ разныя стороны, ослабляло, совершенно несвоевременно, боевой порядокъ французской арміи, которая лишлась, такимъ образомъ, наиболѣе надежной своей части, въ самую критическую минуту. Пѣхота, при Гинегаттё, вела бой, тоже съ значительной склопностью пограбить. Вылазка французовъ изъ крѣпости Теруань, которую осаждалъ Максимилианъ, встрѣтила, прежде всего, австрійскій

*) Болѣе подробно положеніе содержанія этой интересной книги см. въ приложеніи I.

***) Сынъ императора Фердинанда III и впоследствии императоръ, Максимилианъ I былъ женатъ на Маріи Бургундской, дочери Карла Смѣлаго, и послѣ смерти послѣдняго (въ сраженіи при Нанси, въ 1477 г.), явился претендентомъ на Бургундію, которую Людовикъ XI, освободившись отъ своего злѣйшаго врага, послѣдній захватить. Результатомъ столкновенія видовъ Франціи и Австріи на Бургундію и явилась война, въ которой однако Людовикъ XI потерпѣлъ неудачу.

обозъ и принялась его грабить, а пѣхота Максимилиана, отбросивъ слабыя части вылазочнаго отряда, перешла въ наступленіе, опрокинула французскую пѣхоту и, дойдя до обозовъ, тоже начала ихъ грабить. Къ ночи, обѣ стороны разошлись. Австрійская пѣхота (съ англійскими мучниками, во главѣ), дерется съ бѣльшей устойчивостью, чѣмъ французскіе вольные стрѣлки, благодаря чему поле сраженія остается за Максимилианомъ. Пѣхота, въ обоихъ сраженіяхъ, дралась совершенно независимо отъ конницы: гордые потомки рыцарей не хотѣтъ имѣть съ нею никакихъ сношеній и преслѣдуютъ свои личныя цѣли, бросая на произволъ судьбы презираемую ими пѣхоту *).

Заслуга Людовика XI бесспорно велика, въ смыслѣ упроченія королевской власти, настойчивой борьбы съ грозными еще представителями феодальной системы и созданія вооруженной силы на твердыхъ основаніяхъ, съ попыткой завести дѣйствительно постоянную армию. Онъ является учредителемъ французской пѣхоты, впервые установившимъ ея обученіе въ мирное время. Но отправная точка, для созданія армии, была избрана имъ неправильно, и, послѣ перваго неудачнаго опыта, онъ отказывается отъ мысли имѣть народную армию. Замѣчательно, что приближающийся, по чертамъ своего характера, но своей подозрительности, коварству и жестокости, къ италійскимъ государямъ-тирапамъ XIV и XV вѣковъ, онъ, подобно этимъ послѣднимъ, отказался отъ комплектованія армии исключительно народными элементами, повидному, не довѣрилъ имъ, не принявъ системы вооруженной силы, указанной ему примѣромъ его отца, Карла VII, — учрежденіемъ ординансовыхъ ротъ, — далъ доступъ въ ряды французской армии толпамъ наемниковъ и искателей приключеній и захотѣлъ *купить* себѣ вѣрныхъ защитниковъ своихъ правъ. Чуждый народу наемникъ прививается къ государственному организму Франціи, подобно паразиту, и долго еще будутъ замѣтны слѣды его разлагающаго, глетворнаго вліянія.

Въ царствованіе *Карла VIII* внутренне окрѣпшая Франція, Карлъ VIII (1483—1498). получившая, заботами Людовика XI, солидную вооруженную силу, вступаетъ уже на путь вѣдшихъ расширеній своихъ естественныхъ границъ; организованная войска требовали ихъ эксплуатаціи, и вотъ начинается вѣковая борьба фран-

* *Susane*. «Histoire de l'infanterie française», стр. 50—51. *Brandt*, т. III, стр. 25—29.

пузыннихъ королей съ Габсбургами, за преобладаніе въ западной Европѣ, и, прежде всего, сталкиваются ихъ интересы въ Италиі. Взоры французскихъ королей давно уже обращались въ сторону Италиі, представлявшей, по вышеуказанному политическому своему строю, очень легкую добычу, но надо было сперва закончить побѣду надъ внутренними врагами королевей,—пасть грозными вассалами,—оправиться отъ тяжелой столѣтней борьбы съ Англіей и создать солидную армію. Достиженію этихъ-то цѣлей и было, главнымъ образомъ, посвящено 22-хъ лѣтнее царствованіе Людовика XI. Молодой, энергичный король, Карль VIII, волнуемый миражемъ освобожденія Гроба Господня изъ рукъ пелѣриныхъ, и изгнанія Османовъ изъ древней Византіи, рѣшился воспользоваться созданной его отцомъ арміей и обратиться къ ближайшей цѣли—завоеванію Италиі и очищенію ея отъ пга тирановъ и узурпаторовъ.

Обезпечивъ себѣ союзъ Савон, Генуи и Милана, а также нейтрализовать Венеціи, король сосредоточилъ свою армію, численностью около 37.000 чел., между Миланомъ и Греноблемъ, перешелъ, въ августѣ 1494 года, черезъ Альпы, избравъ путь на гору Мисневръ и отправивъ тяжелую артиллерию внизъ по Ронѣ и затѣмъ моремъ въ Сиенцію *). Въ сентябрѣ, король занялъ Асти и соединившись съ войсками Лаврентія Мавра (общая сила союзной арміи въ Тосканѣ достигала до 60.000 чел. и 30.000 лошадей), совершилъ, почти безъ выстрѣла, свое торжественное шествіе по Италиі и, 31 декабря 1494 г., вступилъ въ Римъ. Описанія итальянскихъ писателей (Гюнчардини, Джовіо и др.) вступленія Карла VIII въ Римъ даютъ очень цѣпныя свѣдѣнія о составѣ его арміи и ея вооруженіи. Во главѣ арміи, шла мѣрно, съ барабаннымъ боемъ **), швейцарская и нѣмецкая наемная пѣхота, общей численностью въ 6000 человекъ, вооруженная мечами и пиками, длиной до 16 футъ; впрочемъ, четвертая часть швейцарцевъ имѣла аллебарды, а $\frac{1}{20}$ (50 чел. на 1000) вооружена была уже аркебузами ***). За ними наступали 5000 гасконцевъ

*) Гюнчардини указываетъ, что артиллерія была перевезена въ Геную. Мы ссылаемся французскимъ даннымъ, указаннымъ въ трудѣ *Quinté de Verneuil, L'Armée en France*, стр. 70.

**) Есть показаніе современника, дающее возможность предположить, что пѣхота двигалась мѣрнымъ шагомъ, хотя этотъ послѣдній, какъ извѣстно, введенъ въ общее употребленіе, по предложенію Мориса Саксонскаго, значительно позже. Тѣмъ не менѣе, у Джовіо имѣется такое показаніе: «*Justis passibus ad tyntrani pulsum*».

***) По другимъ источникамъ, число вооруженныхъ огнестрѣльнымъ

(по Гюичардини—6.000), лучниковъ и арбалетчиковъ, составлявшихъ лучшую народную пѣхоту французской арміи; затѣмъ слѣдовалъ цѣль дворянства Франціи, — богато снаряженные и закованные въ латы 2.500 латниковъ (*gens d'armes*), каждый съ оружіемъ и двумя слугами. Далѣе двигалась легкая конница—5.400 конныхъ лучниковъ, съ облегченными щитами, и въ томъ числѣ 100 отборныхъ шотландскихъ тѣлохранителей. Затѣмъ ѣхалъ самъ король, окруженный 200 рыцарей, наиболѣе выдающихся по рожденію и по своимъ подвигамъ. 36 бронзовыхъ душекъ, 100 фокопно и кулевринъ, на колесныхъ лафетахъ, замыкали шествіе; орудія эти были соединены съ передками и могли быть снимаемы съ нихъ для боя; только менѣе значительныя изъ нихъ везлись парой лошадей и, будучи двухколесными*), могли, по своей легкости, слѣдовать по всевозможнымъ дорогамъ, даже за конницей**). «Diabolico instrumento» говорятъ съ униженіемъ Гюичардини, по поводу французской артиллеріи, вышедшей итальянцамъ, до известной степени, суровѣйшій ужасъ***). При орудіяхъ находились: 500 артиллеристовъ, 6.200 пионеровъ (*vastadores*), 4.120 подводчиковъ и около 2.000 рабчихъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ армію Карла, вступающую въ Римъ, численностью до 26.000 чел., причемъ $\frac{1}{2}$ ея составляла конница, и имѣлась уже довольно сильная, по тому времени, артиллерія (136 ор.).

Слабую сторону арміи однако представляло то, что значительную часть ея составляли иностранные наемники (швейцарцы, пѣхоты, шотландцы и т. п.). Очевидно, для грандіоз-

оружіемъ было 100 чел. на 1.000, т. е., $\frac{1}{10}$. Такъ, Ронакуръ приводитъ описаніе историка Кала Джоніа (Giovio): «Chaque troupe de mille fantassins avait cent soldats armés d'escopettes, т. I, стр. 305. («Въ каждомъ отрядѣ, въ 1.000 пѣхотинцевъ, было 100 солдатъ, вооруженныхъ аркебузами»).

*) «...minoribus rotae binascrant subjectae».

***) «...ut equitum eursum aequioribus in locis adaequaret». (Brandt, т. III, стр. 55—57, Lavisse, стр. 113—114).

**) Guicciardini, «Storia d'Italia, da 1490 a 1532». См. также переводъ: «Histoire des guerres d'Italie de François Guichardin». Londres, 1738. т. I, стр. 76, «C'este machine plus infernale qu'humaine... Составъ французской артиллеріи Карла VIII, въ трудѣ *Napoleon-Louis Bonaparte*: «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie», указать слѣдующій: 140 тяжелыхъ, 50-ти ф. орудій, 200 бомбардъ, 1000 тяжелыхъ аркебузъ съ крюкомъ (стр. 405). Названіе бомбардъ примѣнялось, какъ собирательное, къ орудіямъ разныхъ калибровъ: кулевринамъ, фокопно и т. п.; 16-ти фунтовый кулевринъ употреблялся, какъ при осадахъ, такъ и въ полѣ; 2-хъ и 4-хъ фунт. фокопно были приданы пѣхотнымъ частямъ. Тяжелыя аркебузы были вѣсомъ въ 50 фунтовъ и возились на вьючныхъ животныхъ, на спинахъ; для стрѣлыбы онѣ ставились на особыхъ козлахъ. *Quarré de Veniseil*, (стр. 68—69).

ныхъ замысловъ Карла VIII, армія, составленная исключительно изъ пародныхъ элементовъ, оказалась-бы слишкомъ малочисленною, и ее пришлось усилить иноземными наемными контингентами. Но именно эта невозможность обойтись своими собственными національными войсками точно указывала, что Франція еще не достигла той внутренней мощи, той крѣпости всего государственнаго организма, чтобы быть способной на обширныя завоеванія. Иностранные наемные элементы, бездомные авантюристы всевозможныхъ европейскихъ странъ, ставъ въ ряды арміи, только вышнимъ образомъ усиливали вооруженную силу французскаго короля, увеличивая ея численность, не придавая однако арміи дѣйствительнаго внутренняго могущества, основаннаго на сплоченномъ національномъ чувствѣ. На сколько недоставало прочности и въ исполненномъ завоеваніи,—не замедлили показать послѣдовавшія затѣмъ событія.

Послѣ занятія Рима послѣдовало не менѣе удачное завоеваніе Неаполя, но здѣсь войска Карла VIII предалися распущенному, изнѣженному образу жизни; въ арміи развились эгоистическіе аппетиты, и она скоро навлекла на себя недовольство жителей. Мечты Карла VIII объ освобожденіи Иерусалима разлетѣлись, какъ дымъ; уже въ апрѣлѣ 1495 года, ему пришлось принимать мѣры противъ образовавшейся Священнои лиги, заключенной венеціанскою республикой, папой, имперцами, испанскимъ посломъ Фердинандомъ и Изабеллой кастильской, а также герцогомъ миланскимъ, при чемъ главною цѣлью лиги была поставлена защита Италіи отъ всякаго чужеземнаго нашествія, охраненіе христіанства противъ владычества турокъ и взаимная гарантія владѣній участниковъ лиги. 25 мая, сосредоточивъ около 10.000 чел. (900 копій латинковъ, 3.000 швейцарцевъ, 3.500 французской пѣхоты и личная охрана *) и оставивъ остальные войска по гарнизонамъ крѣпостей неаполитанскаго королевства и въ Калабріи, подъ начальствомъ Монпансье и д'Обиньи, Карлъ VIII выступилъ изъ Неаполя въ Тоскану. Между тѣмъ, лига успѣла выставить войско, численностью болѣе 30.000, которое заняло угрожающее положеніе на р. Таро, притока р. По, на пути отступленія французской арміи.

*) Въ сочиненіи *Hardy: «Origines de la tactique française»* (т. I, стр. 112), приводятся нѣсколько отличающіяся отъ приведенныхъ здѣсь цифръ, указанныхъ по *Quarté de Yernuil* (стр. 74), а именно: 1000 копій французскихъ вѣтчиковъ, 300 итальянскихъ копій, 3000 швейцарцевъ, 2000 бретонцевъ и гасконцевъ, и 42 орудія (изъ которыхъ 14 тяжелыхъ).

Переправившись, съ немощными трудами, по отвратительными путями, испорченными вдобавок непогодой, через Аппенины, а именно через Понтремолийскій кряжъ, армія Карла VIII подошла, 6 іюля 1495 года, къ позиціи союзниковъ, и, послѣ боя у Форново, пробила себѣ путь во Францію. Противникъ былъ отброшенъ съ потерей до 3.500 чел. убитыми; французы потеряли всего около 300 ч.; побѣдѣ во многомъ способствовали швейцарцы, которыхъ звали «надеждой арміи» (*l'espérance de l'ost*), а также ордонпансовая конница. Артиллерія дѣйствовала всего $\frac{1}{4}$ часа и вывела у обѣихъ сторонъ едва десятокъ людей. Французы отошли, не тревожимые затѣмъ противникомъ, въ Асти и далѣе на Бриансонъ.

На другой-же день послѣ сраженія при Форново, непопулярное населеніе возстало противъ своихъ «освободителей», призвало вновь короля Фердинанда арагонскаго, и изъ французскихъ войскъ, тамъ оставленныхъ, ослабленныхъ войной, лишениями и болѣзнями, только 1.500 чел. вернулось, уже въ 1496 году, во Францію. Такъ безплодно закончилась рыцарско-романтическая затѣя Карла VIII, котораго не столько привлекало въ Италію созваніе политическихъ выгодъ, получавшихся для Франціи съ покореніемъ Аппенинскаго полуострова, сколько манила къ себѣ сама Италія, казавшаяся ему и его приближеннымъ какой-то волшебной страной чудесъ, съ ея лазурными небомъ, прекрасными женщинами, съ ея художественной роскошью городовъ и плодородіемъ полей и садовъ *).

По смерти Карла VIII, *Людвигъ XII*, прежде всего, по Людвигъ XII (1498—1515). сѣмилъ организовать средства, для исполненія завѣтной мечты своего отца, и принялся за организацию хорошей *пѣхоты*. Сознавая уже важность этого рода оружія и необходимость имѣть многочисленную дисциплинированную пѣхоту, онъ постарался побѣдить предрасудокъ своихъ современниковъ, считавшихъ пѣхоту войскомъ, служить въ которомъ было недостойно дворянина и главная обязанность котораго была лишь завязывать бой, а затѣмъ прикрывать обозъ, предоставляя рѣшеніе боя однимъ коннымъ латникамъ. Людвигу XII удалось убѣдить нѣкоторыхъ благородныхъ французскихъ дворянъ, изъ числа наиболѣе даровитыхъ и отличившихся на войнѣ, стать во главѣ пѣхотныхъ дружинъ (силой отъ одной до двухъ и даже до 5 тысячъ), набранныхъ уже исключительно изъ французовъ и состо-

*) *Quarré de Verneuil*; стр. 63.

являлись преимущественно из инкиперовъ съ тяжелымъ предохранительнымъ вооруженіемъ, по образцу швейцарскихъ отрядовъ. Въ числѣ такихъ начальниковъ, мы встрѣчаемъ Баярда, который, до того времени, служилъ въ рыцарской конницѣ *). Контингентъ для этихъ пѣхотныхъ отрядовъ образовался, въ значительной мѣрѣ, изъ обѣднѣвшихъ латинковъ, дворянъ, потерявшихъ своихъ боевыхъ коней; ихъ звали «lances rompres» (сломаппы кони) или, отъ итальянскаго перевода того-же выраженія, «lancia spezzada», — «лалспесадамы». Но въ числѣ начальниковъ дружинъ были поставлены и иностранцы (преимущественно пѣмцы и швейцарцы). Еще болѣе доступъ получили иностранцы въ отряды легкой пѣхоты, составленные изъ такъ называемыхъ *авантюристовъ* (avanturiers), не получившихъ жалованья, имѣвшихъ самое разнообразное вооруженіе и обмундированіе и потому грабившихъ и своихъ и чужихъ **). Въ вооруженіи легкой пѣхоты, главная роль принадлежала метательному оружію — лукамъ, арбалетамъ, пращамъ, затѣмъ аркебузамъ; если тяжелая пѣхота не пользовалась должнымъ уваженіемъ въ арміи, то, тѣмъ болѣе, это распространялось на легкую пѣхоту, и вотъ, можетъ быть, причина, почему и оружіе ея (метательное, а затѣмъ — огнестрѣльное) долгое время считается годнымъ лишь для «подлыхъ трусовъ». Тѣмъ не менѣе, въ концѣ правленія Людовика XII, являются уже аркебузеры, придававшіеся въ помощь пѣхотнымъ дружинамъ, при чемъ, вначалѣ, они были преимущественно изъ иностранцевъ, вслѣдствіе указаннаго несочувствія французовъ огнестрѣльному оружію.

*) Ему былъ взвѣренъ королемъ отрядъ въ 1000 чел., при чемъ онъ считъ своимъ долгомъ сдѣлать заявленіе, характерное для той эпохи и для самого Баярда, но врядъ-ли повторившееся въ позднѣйшую эпоху; именно онъ доложилъ, что считаетъ такой отрядъ слишкомъ для него многочисленнымъ, опасаясь, что не будетъ въ состояніи досгойно выполнить лежащая на немъ обязанности начальника, почему и просилъ уменьшить отрядъ до 500 чел., утверждая, что, съ помощью Божьей и своихъ друзей, онъ разобьетъ и вдвое болѣе сильного противника («qu'il avoit le top de gens sous sa charge que ces mille pour s'en acquitter très dignement... par quoy il pria de ne lui en donner que cinq cents et qu'il s'assureroit avec l'ayde de Dieu et de ses amis, de lui faire mener une si belle troupe, que pour pet te qu'elle seroit, il battoit bien une plus grande deux fois que la sienne», Brantôme. Discours des colonels. Выдержки у Susane: «Histoire de l'infanterie», стр. 62, также у Brandt'a, т. III, стр. 76—77).

**) Последнее, по показаніямъ Брантома, кромѣ разнообразія, отличалось тѣмъ, что далеко не ввѣдопріяло всѣхъ частей тѣла: такъ какъ «...ils monstroient la chair de la cuisse, voire des lesses...». Вообще это былъ всякій сбродъ, которому придаются далеко не лютыя эпитеты: «C'estoient la plupart gens de sac et de corde, mé-hants garnemens, esclappez à la justice...» Выдержки у Quarré de Verneuil, стр. 76, и Susane, стр. 61.

Тяжелая конница, по прежнему, представляла цѣль французскаго дворянства и увеличилась, при Людовикѣ, еще 5-ю ординарными ротами; всего было до 2000 копій; желаніе многихъ рыцарей служить въ пехтѣ, въ офицерскихъ чинахъ, побудило уменьшать численность ротъ, съ тѣмъ, чтобы увеличивать число капитановъ и офицеровъ, такъ что встрѣчались роты въ 25—35 копій (вмѣсто прежнихъ 100). Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличился и составъ копій, которыя, съ 1498 года, состоятъ уже изъ 8 всадниковъ, а въ 1510 г., копій образуются даже изъ 10 всадниковъ *).

Легкая конница, тоже находившаяся въ пренебреженіи, получила развитіе принятіемъ на службу такъ называемыхъ стратиотовъ **, пополнявшихся изъ албанцевъ и грековъ изъ Морен (рисунокъ № 29, на табл. IX); вооруженіе ихъ состояло изъ шпата и арцагайя (arzegaye), родъ копья, окованнаго желѣзомъ съ обоихъ концовъ; предохранительнымъ ихъ вооруженіемъ была кольчуга и легкій шлемъ безъ забрала (salade); они сражались иногда и въ сѣшенномъ строю, дѣйствуя арцагайей, какъ пикой ***). Кромѣ бывшихъ еще ранѣе крепельниковъ, ****) или конныхъ арбалетчиковъ, при Людовикѣ XII, появляются впервые и конные аркебузеры, тоже изъ иностранцевъ (преимущественно изъ испанцевъ), которые были первымъ преобразомъ позднѣйшихъ драгуновъ (рисунокъ № 30 на табл. IX).

Французская артиллерія, при Людовикѣ XII, не сдѣлала особыхъ успѣховъ, даже пришла скорѣе въ упадокъ, такъ какъ она не является уже такой многочисленной, какъ при Карлѣ VIII; отвращеніе рыцарей ко всякаго рода машинамъ и скудость финансовъ были главными причинами этого явленія. Тяжелые же, въ походѣ 1507 года, на Геную, при французской арміи, численностью въ 50.000 чел., находилось 6 тяжелыхъ серпантинъ, 13 кулевринъ, 8 фоконно и 50 тяжелыхъ возимыхъ аркебузъ съ крюкомъ; при нихъ состояло: 50 артиллеристовъ ¹⁾ и 2.500 шюперовъ.

Франція, по прежнему, стремится, при Людовикѣ XII, къ новымъ завоеваніямъ, и, по прежнему, главной цѣлью похо-

*) *Quarré de Vernail*, стр. 80.

***) См. выше выноски на стр. 24.

****) *Desquanesque*; т. I, стр. 295—6.

*****) Отъ «сгадокинъ» — наиболее крѣпкой части оленьяго рога, которой заводились арбалеты.

¹⁾ *Hardy*. «*Origines de la tactique française*»; стр. 164—167; *Quarré de Vernail* (стр. 83) даетъ общее число тяжелыхъ орудій—60 и аркебузъ—500.

довъ является Италия. Тотчасъ-же, по вступленіи на престолъ, король заявляетъ свои права на миланское герцогство, завоеваніе котораго не удалось ему, во время перваго похода Карла VIII въ Италію, въ качествѣ герцога орлеанскаго. Борьба эта, ознаменованная измѣнами наемниковъ, закончилась въ 1500 г., взятіемъ въ плѣнъ герцога миланскаго, Лодовика Сфорцы, и покореніемъ французами всего герцогства.

Въ 1501 г., французская армія д'Обинья, вмѣстѣ съ союзными испанскими войсками, подъ начальствомъ Гонзалва Кордуанскаго, овладѣваютъ неаполитанскимъ королевствомъ и дѣлятъ его: Лудовикъ XII получаетъ титулъ короля неаполитанскаго и іерусалимскаго, захвативъ страну Аббруцъ и Терра-ди-Лаворе, съ Неаполемъ и Газзой. Фердинандъ католикъ, король испанскій, получаетъ, съ званіемъ герцога, Апулію и Калабрию *). Скоро между союзниками являются однако несогласія, перешедшія въ открытую войну. Благодаря искусству Гонзалва, испанцы овладѣваютъ всѣмъ неаполитанскимъ королевствомъ, бьютъ французовъ при Чериньолѣ (1509 г.) и вынуждаютъ ихъ къ полному очищенію всей южной и средней Италіи.

Въ 1509 г., открывается походъ Лудовика XII, заключившаго союзъ съ австрійцами, испанцами и папой Юліемъ II (такъ называемая Камбрейская лига), противъ венеціанской республики. Впервые вооруженная сила этой послѣдней получаетъ національную окраску; призвавъ, для защиты республики отъ вторженія чужеземцевъ, цвѣтъ итальянскаго дворянства, для противодѣйствія французскимъ латникамъ, венеціанскій сенатъ озабочился созданіемъ пародной итальянской пѣхоты, главную массу которой составили такъ называемые «берзингелы», **) набранные въ Апуліи и Романьи (преимущественно пѣз общинъ Валь-де-Ламоне), и обученные, Діонисіемъ ди-Нальди ди-Берзингелла, дѣйствию шпкой и аркебузой, въ сомкнутомъ строю—на открытой мѣстности, и въ разсыпномъ—на гористой и пересѣченной мѣстности. Кромѣ того, изъ среды самого населенія венеціанской республики, было образовано ополченіе, изъ крестьянъ и горожанъ, получившихъ обученіе, сходное съ берзингелами. Эта пародная армія была усилена наемниками—легкой конницей—стратиотами, отличившимися при Формио, и

*) Голицынъ. Всеобщая военная исторія среднихъ вѣковъ. С.-Петербургъ, 1878 г., ч. 3-я стр. 146.

**) Не отгуда-ли современные берсальеры?

критскими лучниками — сагдарами *). Всего, въ венеціанской арміи, состояло: 2.000 латниковъ, 3.000 легкихъ всадниковъ и 20.000 пѣхотинцевъ, при 60 тяжелыхъ орудіяхъ **).

Во главѣ этой арміи, стали уже не ремесленники-кондотьеры, но два патриота: хладнокровный, осторожный Пяттильяно и пылкій, отважный Альвиано.

Противъ 33-хъ тысячной венеціанской арміи, расположенной на сильной оборонительной позиціи, южнѣ Тревилю (табл. I, схема № 1), Людовикъ XII собралъ, въ Миланскомъ герцогствѣ, около 30 тысячъ ***) , именно 12.000 французской и миланской пѣхоты, 6.000 швейцарцевъ и 2.000 копій латниковъ. Артиллерія была, повидному, слабая, потому что о ней современные историки не упоминаютъ. Высланному на лѣвый берегъ Адды кошному отряду Шомона д'Амбуазъ удается внезапно захватить замокъ Тревилю; венеціанцы пытаются обратно имъ овладѣть и, овладѣвши, начинаютъ грабить мѣстечко, а между тѣмъ, французская армія, въ тотъ-же день, 11 мая, быстро и безъ помѣхи, совершаетъ переправу черезъ Адду, по двумъ наведеннымъ у Кассано мостамъ на судахъ. На слѣдующій день, Людовикъ XII овладѣваетъ штурмомъ мѣст. Ривольта; итальянцы рѣшаются на уклоненіе отъ боя, во-первыхъ, ввиду указанія сената—держаться оборонительно, а во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что равнинная мѣстность благоприятствовала французскимъ латникамъ, которыхъ венеціанцы, повидному, сильно опасались.

Людовикъ рѣшается, съ цѣлью выманить противника съ его крѣпкой позиціи у Тревилю, направиться, 14 мая, на Пандано и Вайле (схема № 2, на табл. I), имѣя ввиду также отрѣзать венеціанцевъ отъ Кремы и Кремоны, откуда они получали все продовольствіе; это движеніе принудило и венеціанцевъ идти къ Кремѣ, при чемъ армія ихъ двинулась по двумъ дорогамъ (на Арсаго и на Вайлате); въ боковой колоннѣ, ближайшей къ французамъ, направлень былъ пылкій Альвиано. Не смотря на то, что пересѣченнал болотами, ручьями и мокрыми лугами дорога затруднила французамъ движеніе, тѣмъ не менѣе, не доходя Альяделло, авангардъ ихъ, подъ начальствомъ Шомона и Тривульція (500 копій латниковъ и 6000

Сраженіе
при
Альяделло.
(14 мая 1509г.)

*) Brandt, т. III, стр. 82—83.

**) Таловы данныя, приведенныя въ соч. Hardy («Origines de la tactique», стр. 186—187), при чемъ онъ ссылается на Гюнцардини, но у послѣдняго численность пѣхоты показана всего въ 3000 (т. II, стр. 20); здѣсь, вѣроятно, опечатка.

***) У Голлицина—32.000 (стр. 148), у Brandt'a—28.000 (стр. 172).

швейцарцевъ, при 20 орудіяхъ), встрѣтился съ тыльнымъ отрядомъ колоны Альвіано. При пересѣченности мѣстности, встрѣча произошла довольно неожиданно для итальянцевъ. Альвіано, повидному, счелъ мѣстность удобною для обороны, такъ какъ путь наступленія французовъ проходилъ по плотинѣ, вдоль берега полувысохлаго лѣснаго ручья, за которымъ была довольно сильная позиція. (Схема № 3, на той-же таблицѣ). На самой плотинѣ Альвіано расположилъ 6 орудій; въ виноградникахъ, позади ея, онъ расположилъ стрѣлковъ-берзигеловъ, а остальную артиллерію, подъ прикрытіемъ конницы поставилъ на холмахъ, позади виноградинокъ; лучшіе стрѣлки-аркебузеры размѣстались вдоль плотины и заняли промежутки между 6-ю орудіями. вмѣстѣ съ тѣмъ, Альвіано послалъ къ Питильяно, за подкрѣпленіями. Отважно кинувшіеся на плотину швейцарцы, шедшіе въ французскомъ авангардѣ, были отброшены, съ значительными потерями. Атака латинковъ, направленная противъ засѣвшихъ въ виноградинокъ берзигеловъ, также потерпѣла неудачу; артиллерія не подготовила атаки французовъ; а между тѣмъ, мѣстность была на столько пересѣчена, что дѣйствіе тяжелой конницы было крайне затруднено, и романьольскіе стрѣлки сбивали, цѣлыми десятками, латинковъ съ коней. Швейцарцы-же были затруднены своими пиками, которыя, въ густыхъ виноградинокъ, только мѣшали; швейцарскіе батальоны разстроились, и люди скользили по мокрой глинтѣ, покрывавшей скаты плотины, подъ убійственнымъ огнемъ берзигеловъ.

Согласно поставленной Альвіано цѣли марша, ему слѣдовало воспользоваться удачною минутой, для продолженія отступленія на Крему и для присоединенія къ главнымъ силамъ отряда; но онъ увлекся достигнутымъ въ бою успѣхомъ и продолжалъ держаться на позиціи. Питильяно-же, вмѣсто поддержки, прислалъ совѣтъ уважать постановленія сената и отступить на Вапле.

Между тѣмъ, къ Шомону, извѣстившему короля о необходимости скорѣе поддержать его, подошла выручка, съ Людовикомъ Бурбономъ и Ля-Тримуйль во главѣ. Прибытіе ея, вслѣдствіе разразившагося сильнаго дождя, осталось, повидному, итальянцами незамѣченнымъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, дало время прибывшему на мѣсто боя королю построить самостоятельный боевой порядокъ; въ центрѣ его стали швейцарцы, на лѣвомъ флангѣ—гасконцы, а въ резервѣ латинки, отъ которыхъ 2 ординапсовыя роты были выдвинуты на

правый фланг; онъ успѣлъ взобраться на плотину и, атакой во флангъ берзигеловъ, принудили ихъ отступить, подъ прикрытіе своей второй линіи артиллеріи. Между тѣмъ, французская пѣхота, подъ начальствомъ Баярда, Ринемона, Молара и др., пройдя вбродъ ручей, пробралась виноградниками на правый флангъ позиціи Альвиано и частью въ тылъ венеціанской конницы, которая тотчасъ-же отступила, бросивъ свои орудія, немедленно обращенныя французами на берзигеловъ. Итальянской пѣхотѣ, утомленной боемъ, окруженной съ обоихъ фланговъ, предложена была сдача, но берзигелы отказались отъ нея, и эти 4000 пѣхотинцевъ, съ утра выдержавшихъ весь бой на своихъ плечахъ, еще нѣсколько часовъ держались противъ всей французской арміи, пока они, наконецъ, всѣ не были изрублены; никто изъ нихъ не сдался. На правомъ флангѣ, король приказалъ латникамъ атаковать итальянскую конницу, которая выстроилась на высотахъ; самъ король сталъ во главѣ своихъ латниковъ, и первый-же падежъ ихъ смялъ итальянскую конницу и заставилъ ее бѣжать съ поля сраженія. Преслѣдованіе было скорѣе остановлено *).

Венеціанцы потеряли боями 8000 человекъ и 20 тяжелыхъ орудій; самъ Альвиано былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Пизиялло видѣлъ, съ сосѣдней командующей высоты, поражение своего сотоварища, но не подаль ему помощи, ввиду бывшаго между ними передъ тѣмъ недоразумѣніа.

Бой при Аньяделло, не смотря на то, что онъ разгрялся изъ небольшого аррьергарднаго дѣла, имѣетъ уже нѣкоторыя черты, значительно отличающія его отъ ведения боя въ Италіи, въ предыдущую эпоху. По словамъ Сисмонди, до этого боя, атаковали преимущественно то, что не оборонялось; теперь бой перестаетъ уже быть безопаснымъ фарсомъ, въ духѣ кондотьеровъ; господство ихъ кончается, и побѣда достается не иначе, какъ съ уничтоженіемъ вооруженной силы противника, для чего становится необходимымъ полное напряженіе силъ побѣдителя. Такой переворотъ въ характерѣ боя, конечно, обусловился, прежде всего, реформой въ способѣ комплектованія венеціанской арміи и національной ея окраской, при чемъ воплилъ естественно, что миллионный характеръ ея, недостатокъ обученія берзигеловъ и ошибка

*) Описаніе боя при Аньяделло составлено по Hardy: «Origines de la tactique», (стр. 191—194), Guicciardini (t. II, стр. 21—25) и по Brandt'y (т. III, стр. 171—181).

Альвиано повлияли на то, что не было, пока, еще достигнуто осязательный результат благодѣтельной, въ корень, реформы.

Тактика въ этомъ бою тоже мѣняется: мы видимъ уже искусное примѣненіе къ мѣстности и сильное развитіе стрѣльцоваго боя; итальянскіе ополченцы, берзингелы, долго, съ успѣхомъ, ведутъ его противъ пресловутыхъ швейцарцевъ и даже латниковъ; попытка французовъ форсировать занятое итальянцами дефиле кончается неудачей; вслѣдъ затѣмъ, является перерывъ въ бою, французы получаютъ поддержку, а утомленные боемъ берзингелы, оставленные на произволъ судьбы, теряютъ присутствіе духа и гибнутъ почти цѣлкомъ; опять новыя явленія, въ видѣ постепеннаго ввода въ бой силъ, хотя и прошедшаго, въ дашномъ сраженіи, случайно, вслѣдствіе постепеннаго подхода ихъ къ мѣсту боя, давшаго, тѣмъ не менѣе, возможность его современникамъ замѣтить, какъ важно подготовили свѣжими силами взнемогающія въ бою войска (швейцарцы), которыя становятся способными къ новымъ усиленнымъ послѣ неудачи, какъ только къ нимъ прибываютъ поддѣрки.

Послѣ побѣды при Аньядемо, Людовикъ XII покоряетъ большинство городовъ венеціанской области и затѣмъ возвращается во Францію, а на его мѣсто, въ Италію прибываетъ его союзникъ, императоръ священной Римской имперіи, Максимилианъ I.

Походъ
1512 года.

Вскорѣ между союзниками Камбрейской лиги явился недоразумѣніи: Максимилианъ вернулся въ Германію, а папа Юлій II сблизился съ венеціанской республикой и послалъ свои войска атаковать Геную и область герцога Феррарскаго, союзника Людовика XII *). Въ то-же время, 12,000 швейцарцевъ угрожали французамъ вторженіемъ въ миланское герцогство съ сѣвера. Французамъ, подъ начальствомъ Шомона, а послѣ его смерти, — замѣнившаго его Тривульція, удалось, въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, удержать свои завоеванія и занять, къ концу 1511 года, Имолу, на самой границѣ папскихъ владѣній.

Но къ 1512 году, политическое положеніе французовъ въ Италіи еще болѣе ухудшилось, такъ какъ противъ нихъ образовалась грозная коалиція, подъ именемъ «священной лиги» (папа, Венеція, Испанія, Англія, а затѣмъ и императоръ Максимилианъ). Кампанія этого года, въ смыслѣ развитія

*) Голицынъ, стр. 148.

тактики и стратегии XIV вѣка, представляетъ значительный интересъ по сраженію при Равеннѣ (11 апрѣля, 1512 г.), въ которомъ особенно отличился и палъ геройской смертью французскій полководецъ, талантливый 23-хъ лѣтній *Гастонъ де-Фуа*, герцогъ Немурскій, племянникъ Людовика XII.

Занимая постъ правителя миланскаго герцогства, Гастонъ де-Фуа получалъ, въ подкрѣпленіе изъ Франціи, лучшую дворянскую конницу и талантливейшихъ воспалыльниковъ — Баарда, «рыцаря безъ страха и упрека», Лотрека, Ля-Палисъ, Ивъ д'Аллегръ, Момара, а также служившую, подъ французскими знаменами, нѣмецкую пѣхоту (ландскнехты), подъ начальствомъ братьевъ Эмсъ. Собравъ 1300 копій латниковъ и 15.000 пѣхотинцевъ, Гастонъ де-Фуа быстро двинулся на выручку осажденной испанцами Болоньи. Осада послѣдней, подъ руководствомъ искуснаго инженера, Педро Наварро, уже близилась къ концу; осаждающій успѣлъ разрушить минами *) часть городской стѣны, и штурмъ, предпринятый испанцами, 1 февраля, съ трудомъ былъ отраженъ французскимъ гарнизономъ, подъ начальствомъ храбрыхъ офицеровъ — Ля-Файетта и Венсена (послѣдній слылъ у итальянцевъ подъ кличкой «il gran diavolo»). Между тѣмъ, на маршѣ къ Болоньѣ, прибывъ въ Реджіо, Гастонъ де-Фуа узнаетъ, что горожане г. Брешии, призвавъ венецианцевъ, возстали противъ французскаго гарнизона, изгнали его изъ города и осадили занятый имъ замокъ. Тревожное извѣстіе это однако нисколько не поколебало рѣшенія Гастона и, не смотря на снѣжную бурю, 5-го февраля, онъ неожиданно появился подъ Болоньей, послѣ чего испанцы принуждены были снять осаду и отойти за р. Идису.

Давъ своимъ войскамъ дневку и усиливъ гарнизонъ Болоньи до 4000 пѣхотинцевъ и 250 латниковъ, Гастонъ, 6 февраля, обращается къ Брешии **) и переправляется черезъ р. По, у Сталлаты. Авангардъ его, подъ начальствомъ большаго

*) Въ чемъ особенно былъ искусенъ Педро Наварро, начавшій службу простымъ солдатомъ и отличившійся сперва, при осадѣ замка Св. Георгія, на островѣ Кефалонія, въ 1500 г., а затѣмъ, въ 1503 г., при взятіи испанцами неаполитанскихъ замковъ, стѣны которыхъ, въ 6 дней, были имъ разрушены помощью заложенныхъ минъ.

**) Замѣчательно, что, съ цѣлью сдѣлать безопасной Болонью, на время своего отсутствія, отъ возобновленія неприятельской атаки, и привести въ порядокъ ея оборонительныя постройки, Гастонъ де-Фуа заключилъ съ испанскимъ полководцемъ, Карденой, 14-ти-дневное перемиріе, обязавшись, за каждый день, уплатить ему по 1000 скуди (червонцевъ). *Brandt*, III, вып. на стр. 188.

Байрда, бьетъ, у Изода-дзеля-Скала, венеціанскій отрядъ (400 латниковъ, 4000 пѣх.), слѣпившій къ Брешии, и на 8-й день марша, пройди около 200 верстъ, французскій полководецъ явился подъ стѣнами этого города; цитадель еще удерживалась французскимъ гарнизономъ. Андрей Греттъ, ирредиторъ (полководецъ) венеціанской республики, призвалъ къ оборонѣ горожанъ Брешии, собравъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свои 400 копій, 800 стратіотовъ, 1000 конныхъ арбалетчиковъ и 6.000 пѣхотинцевъ, для стойкой обороны города.

На зарѣ слѣдующаго-же дня, 17 февраля, Гастонъ де-Фуа построилъ свои войска (12.000), для штурма: въ головномъ отрядѣ наступала пѣхота Молара, съ разсыпанными впереди «пропавшими ребятами» (*enfants perdus*). Затѣмъ слѣдовали авангардъ, изъ 2000 ландскнехтовъ, капитана Эмсъ, за которыми шли главные силы, изъ 7000 пѣхотинцевъ Боппе и герц. Клеве, имѣя на флангѣ латниковъ, въ пѣшемъ строю, съ герцогомъ де-Фуа во главѣ. 150 латниковъ, подъ начальствомъ Байрда, прикрывали головной отрядъ, сражаясь также пѣшкомъ. Байрдъ первый ворвался въ укрѣпленныя линіи, окружавшія городъ, и тутъ-же былъ раненъ пикой; черезъ $\frac{1}{2}$ часа, венеціанцы были разбиты, пытались бѣжать черезъ ворота С. Жанъ, но тутъ ихъ встрѣтили 300 копій латниковъ Пль д'Аллегръ.

Штурмъ закончился избиеніемъ 11.000 венеціанцевъ и брешианцевъ, втеченіи 24-хъ часовою рѣзней, и полнымъ разграбленіемъ города. Добычу оцѣнивали въ 3 милліона дукатовъ, и многіе такъ поживились ею, что не хотѣли больше служить, и покинули армию, забравъ, конечно, съ собой награбленное добро. Потери французовъ не превышали 50 чел. убитыми. По свидѣтельству одного изъ очевидцевъ штурма, Гастонъ де-Фуа велъ за 500 слѣпоплыми латниками, большую роту аркебузеровъ, которые, по очереди, открывали пальбу по защитникамъ города, и передъ каждымъ ихъ залпомъ подавалась команда, чтобы впереди идущіе латники ложились па землю, а послѣ залпа они тотчасъ-же поднимались и продолжали наступленіе, чѣмъ былъ обезпеченъ прекрасный порядокъ стрѣльбы и атаки *).

Между тѣмъ, члены священной лиги, склонивъ на свою сторону императора Максимилиана I, задумали перенести войну въ предѣлы Франціи, для чего рѣшили усилить свои войска.

*) *Napoléon-Louis Bonaparte* «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie», т. I, стр. 136.

паймомъ значительныхъ швейцарскихъ отрядовъ. Такъ какъ эти планы сдѣлались извѣстными Людовику XII, то онъ приказалъ своему иному полководцу (получившему, за простоту и неотразимость своихъ дѣйствій, прозвище «моляинъ Италинъ») и «сокола Ломбардинъ»), дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ противъ Венеціи, чтобы съ нею раздѣлаться, а главное, разбить армию союзниковъ. Послѣ рѣшительной побѣды, Людовикъ XII предполагалъ заключить миръ съ папою и приготовиться къ грозившему ему вторженію англичанъ. Въ половинѣ марта, 1512 г., Гастонъ де-Фуа двинулся съ арміею, около 20.000 ч., къ рѣкѣ Папаро. (См. схему № 7, на табл. II).

Армія союзниковъ, подъ начальствомъ вице-короля неаполитанскаго, Раймона де-Кардона (котораго папа Юлій II, за его рѣшительный, медлительный характеръ, называлъ «Мадоппа де-Кардона»), заняла сильно укрѣпленную позицію, за рѣкой Саутерно. Фердинандъ католикъ, король испанскій, приказалъ, избѣгая, по возможности, рѣшительнаго боя, выиграть время, до прибытія швейцарцевъ, и занять сильными гарнизонами главные города папской области. Ввиду этой дѣли, Кардона отступилъ, при приближеніи Гастона къ Имольтъ, на Фазицу и выдѣлилъ отрядъ Марка Антонія Колонны (60 коней латниковъ, 100 легкихъ всадниковъ и 600 испанскихъ пѣхотинцевъ), составившій гарнизонъ папскаго города Равенны. Гастонъ, желая ускорить рѣшительный бой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, перенести свои дѣйствія на болѣе открытую равнинную мѣстность, присоединилъ къ своей арміи большую часть оставленнаго имъ въ Болоннѣ гарнизона, выждалъ 4 дня, до прибытія къ нему 12 тяжелыхъ и 12 легкихъ орудій герцога Феррарскаго, двинулся затѣмъ отъ Имоли, съвершше Апеннинскихъ предгорій, на Русси, быстрымъ маршемъ захватилъ, 8 апрѣля, это мѣстечко, вечеромъ, того-же дня, неожиданно явился подъ стѣнами Равенны и ночью-же заложилъ двѣ батареи. На слѣдующій день, онъ рѣшается штурмовать городъ, такъ какъ въ стѣнахъ его уже была пробита брешь.

*) Источниками, при изложеніи фактической стороны Равенненскаго сраженія, послужили: *Hardy*, «Origines de la tactique française», т. II, стр. 227—241; *Jähns*, «Handbuch», стр. 1081—1088; *Brandt*, т. III, стр. 193; *Ростомъ*, «Исторія пѣхоты», пер. Пузыревскаго. Спб. 1876, стр. 243—250. *Миласевичъ*, «Исторія военнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ», стр. 193. *Guichardin*, «Histoire des guerres d'Italie». Londres. 1738; т. II, стр. 243—256. *Путырскій*, «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка». Ч. II, стр. 174—180. *Prince Napoléon-Louis Bonaparte*, «Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie», стр. 135—140. *Ziegler*, «Die Kriegskunst in sieben Büchern»; приложеніе къ переводу сочиненія Маккиавелли, стр. 336—363.

Между тѣмъ, Кардона рѣшился выйти изъ пассивнаго образа дѣйствій и, переправившись, у Форли, черезъ Ронко, двинулся по правому берегу этой рѣки, для предупрежденія противника въ занятіи Равенны. 9 апрѣля, выдѣлявъ заслонъ противъ арміи Кардона, Гастонъ штурмуетъ Равенну тремя колоннами (французы, итальянцы и ландскнехты), но, послѣ трехъ-часоваго боя, потерявъ около 300 человекъ убитыми и еще болѣе ранеными, французы были отбиты мужественнымъ испанскимъ гарнизономъ Марка Антонія. Брешь оказалась не удобовосходимой и обстрѣливалась сильнымъ артиллерійскимъ фланговымъ огнемъ.

10 апрѣля, обѣ арміи противниковъ настолько сблизились, что Гастонъ отказался отъ штурма Равенны и рѣшился дать бой; весь день происходили мелкія схватки передовыхъ войскъ. По порученію Гастона, оправившійся отъ раны Баярдъ произвелъ, съ 50 конными лучниками и ротой ординансовыхъ латниковъ, смѣлую развѣдку непріятельской арміи и заставилъ ее развернуть большую часть своихъ силъ, выручая, въ то-же время, другого рыцаря, завязавшаго также развѣдывательный бой, со своими 50 конями. (См схему № 8, на табл. II).

Ожидая прибытія швейцарцевъ, Кардона, по совѣту Подро Наварро, рѣшилъ держаться оборонительно на укрѣпленной позиціи, которую занялъ южнѣ Равенны, на правомъ берегу р. Ронко, близъ слиянія ея съ р. Монтоне, хотя нѣкоторые начальники (Фабриціи Коломна), узнавъ о начавшейся переправѣ французовъ черезъ р. Фіуми Уинти, убѣждали Кардону перейти въ наступленіе и постараться разбить французовъ по частямъ, пока они еще не все закончили переправу. Мѣстность, впереди позиціи, была равнинная, мѣстами болотистая, покрытая рисовыми полями, которая сопровождаютъ оба берега рѣки Фіуми Уинти, протекающей, по слияніи рѣкъ Ронко и Монтоне, въ неглубокомъ песчаномъ руслѣ, еще около 3-хъ миль, до устья въ море. Р. Ронко прикрывала, такимъ образомъ, дѣввій флангъ и тылъ позиціи Кардона; примѣрно, позади ея центра, былъ наведенъ черезъ Ронко мостъ; фронтъ прикрывался искусственнымъ ровомъ, въ которомъ оставленъ былъ лишь одинъ проходъ, около 10 саж. шириной; за ровъ были выставлены ряды повозокъ, въ видѣ вагенбурга, при чемъ многія повозки были такъ называемыя «боевыя», съ придѣланными къ осямъ серпамъ и косами, а позади ихъ были 30 двуколокъ, съ положенными на

оси пиццалими (тяжелыми аркебузами), попарно на каждую двуколку *). Кроме того, впереди лѣваго фланга, было до 20 орудій.

Фронтъ позиціи, въ общемъ направленіи на востокъ, шелъ уступами: на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, образованшемъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, *авангардъ* (*vanguardia*), стали, примыкая къ рѣкѣ, 800 копій латниковъ и масса въ 6000 ч.**) отлпчной испанской пѣхоты, подъ общимъ начальствомъ *Фабриція Колонны*; пѣхота авангарда составили такъ называемые «корсалети», вооруженные пиками, клинками, длинными шпагами и щитами; всѣ они носили бѣлыя туники. Правѣ авангарда и уступомъ назадъ, подъ начальствомъ самого *Кардони*, расположились *главныя силы* (*cuerno de batalla*), изъ 600 копій латниковъ, правѣ которыхъ стала масса въ 4000 ч. итальянской пѣхоты. Правый флангъ образовалъ *аррьергардъ* (*retroguardia*),—изъ 400 копій, и правѣ ихъ—400 пѣхотинцевъ, подъ командой *Дона Кароахаля*. Наконецъ, на крайнемъ правомъ флангѣ и тоже уступомъ, позади аррьергарда, расположилась, въ видѣ *общаго резерва*, легкая конница (1000 копій), и неаполитанскій пѣший отрядъ, подъ начальствомъ молодого талантливаго маркиза *Пескари*. Педро Наварро, съ 500 отборными испанскими пѣхотинцами, не имѣя опредѣленнаго назначенія, долженъ былъ подкрѣпить оборону тамъ, гдѣ это оказалось-бы необходимымъ, по ходу боя. Общая численность арміи лиги доходила, такимъ образомъ, до 27.000 чел. (12.000 конницы ***) и 15.000 пѣхотинцевъ).

Положеніе Гастона было тяжелое: армія союзниковъ на-двинулась настолько близко къ Равеннѣ, что рисковать вторичнымъ штурмомъ города, при обнаружившемся упрствѣ обороны его защитниковъ, было невозможно; атаковать укрѣпленный лагерь союзниковъ, со своей арміей, которая была, примѣрно, на 1000 чел., слабѣе арміи лиги, казалось тоже рискованнымъ и шло въ разрѣзъ съ общепринятыми тогда правиламъ; оставаться на мѣстѣ, помимо другихъ невыгодъ, было тоже затруднительно, вслѣдствіе крайняго недостатка въ продовольствіи, такъ какъ венеціанцы отрѣзали сообщенія французовъ съ

*) Харди указываетъ, что число тяжелыхъ аркебузъ достигало 200, тогда какъ, по приведенному расчету (согласно Гюнчардини), ихъ было всего 60.

**) У Брандта 4000; мы слѣдуемъ цифрамъ, приведеннымъ Гюнчардини, согласно которому онъ приведенъ также у Рюстова и у Харди.

***) Считая въ 1800 копѣяхъ по 6 чел., т. е., 10.800 ч., и 1000 легкихъ всадниковъ.

Ломбардіей, служившей имъ базой, и венеціанскія галеры крейсировали по рѣкѣ По, захватывая отправляемые по ней французскіе запасы. Окрестности Равенны были настолько опустошены, что приходилось посылать на фуражировку болѣе, чѣмъ на переходъ (8 миль), чтобы что-нибудь найти. Кромѣ того, армія Гастона грозило скоро значительное ослабленіе силъ, такъ какъ начальникъ лацскнехтовъ, Яковъ Эмскій, уже получилъ извѣщеніе отъ имперскаго посла въ Римѣ, чтобы онъ отдѣлился отъ французской арміи. По соглашенію съ Гастономъ, Яковъ Эмскій, предавшій французскому полководцу, согласился впрочемъ, не объявляя своимъ подчиненнымъ этого извѣщенія, временно остаться при арміи, тѣмъ болѣе, что у него были сомнѣнія въ подлинности письма посла. Собранный Гастономъ военный совѣтъ, по его предложенію, единогласно рѣшилъ атаковать позицію союзниковъ, предупредивъ ихъ соединеніемъ съ швейцарцами.

На сколько извѣстно изъ военной исторіи, французскій полководецъ впервые издалъ войскамъ, передъ сраженіемъ при Равеннѣ, письменное распредѣленіе ихъ для боя *).

*) Дю-Беллэй - Ляжюв приводитъ это распредѣленіе, потерянное въ архивахъ Гренобли (Chambres des comptes de Grenoble). Вотъ оно, въ томъ видѣ, въ какомъ его воспроизводитъ Брандтъ (т. III, стр. 197—200):

L'ordre de l'armée du Roi le 11 Avril	
jour de Pâques l'an 1512.	
Prémièrement le Duc de Ferrare, qui	
menera la dite avant-	
garde	100 lances.
M. de Lautrec	50 »
M. le Grand-Maitre	50 »
M. d'Imbrecourt	40 »
M. de Boisy	50 »
M. le Sénéchal de Rou-	
ergue	60 »
M. le grand Beuver	50 »
M. le comte de Mussi	40 »
M. de Fontanilles	40 »
M. de Bodan	100 »
M. du Plessis	100 »
M. de Maziers, bâtard	
de Rieux	20 »
Somme 750 lances.	

Plus Jean Bernar-	
din Carach	500 Allemands.
Le bâtard de la	
Balme	100 »
Plus, les 800 che-	
vaux légers du	
Duc de Ferrare	300 ch. légers.
Somme 900 chevaux.	

Gens de pied	
M. du Monlar	2000 hommes.
Le capitaine Jacob	2000 »
Le bâtard de Clè-	
ves	1000 »
Le capitaine Phi-	
lippe	1000 »
Le frère du capi-	
taine Jacob	1000 »
Le baron de Gave-	
ral	1000 »
Somme 8000 hommes.	

Bataille.	
Toute la bande de l'artil-	
lerie que M. le grand	
Sénéchal conduira	
avec les Gentilshom-	
mes de l'hôtel du	
Roi	200 lances.
M. de Crussol	200 archers.
La compagnie de Mon-	
sieur (de Gaston de	
Feix)	100 lances.
M. de Lorraine, Bayard	
conduisant la compa-	
gnie	80 »
M. d'Aubigny	50 »

Согласно этому распределению, по переправѣ черезъ рѣку Фіуми Унити, правый флангъ боевого порядка французовъ образовалъ *авангардъ* герцога Феррарскаго, изъ 750 копій французскихъ латниковъ Имбрекура и Трибульция, направленныхъ вверхъ, по самому берегу рѣки, и наступавшихъ лѣвѣ ихъ 3000 ландскнехтовъ, братьевъ Эмсъ, и 5000 гасконцевъ Молара; съ ними-же двинулись 900 всадниковъ легкой конницы.

Въ центрѣ наступали *главныя силы* (bataille) 3000 *) гасконцевъ, валонцевъ и пикардійцевъ и 580 копій ордонансовою конницы и 200 лучниковъ, подъ начальствомъ *Ля-Паласа* съ войсками кардинала С. Северино,—во второй линіи и уступомъ вправо.

M. de Duras	50 lances.
M. l'Amiral	50 »
M. de Tende	50 »

Somme 580 lances.

Gens de pied.	
Le cadet de Duras .	1000 hommes.
Le capitaine Odet de Foix, parent de Gaston	1000 »
M. de Mont-miral .	1000 »
Et s'en iront join-dre à l'avantgarde, si l'affaire y est, ou à l'arrière-garde.	

L'arrière garde.

L'arrière-garde con- duira M. d'Allègre avec la compa- gnie	50 »
Le Marquis de Mont- Ferrat	50 »
Le Sénéchal d'Ar- magnac	20 »
M. de Prix	50 »

M. d' Estausen ou le chevalier Blanc	60 lances.
M. de Bussy	20 »

Somme 250 lances.

Gens de pied.	
Le Sieur Frédéric . .	1000 hommes.
Le comte Malesloc . .	500 »
Le comte Parisot . . .	500 »
Le Marquis de Males- pine	300 »
Le Marquis Bernardo	500 »
Longueval	300 »
Antoine Bellot	300 »
Jean Jaques de Castille	500 »
Verdançon	500 »

Somme 4.400 hommes.

Monsieur sera avec quarante hommes d'armes et trois ou quatre Capitaines, tels qu'il lui plaira aviser, pour l'accompagner, et ira où sera affaire pour y donner ordre.

Somme de lances	1.580
Albanais et chevaux légers .	900
Gens de pied	15.400

*) Брандтъ, а за нимъ и Лессъ, указываютъ число пѣхоты главныхъ силъ въ 8000, хотя у Брандта-же приведено прилагемое подлинное распределение силъ, изъ котораго видно, что пѣхота «bataille» состояла всего изъ 3000 чел. Только у Рюстова и Пузыревскаго (стр. 176) находимъ мы вѣрную цифру; возможно, впрочемъ, что къ главнымъ силамъ присоединились 5000 гасконцевъ Молара; такъ именно рассчитано у Харди и Гюнчардини. Лессъ считаетъ ландскнехтовъ 6000, что, какъ видно изъ распisanія армій, также не вѣрно. Повидному, нѣмецкіе авторы постарались уменьшить дѣяры французскаго полководца, преувеличить численность его силъ и указывая, что армія Кардовы была чуть-ли не на 6000 чел. слабѣе французской арміи; на дѣлѣ-же, какъ указано выше, численное превосходство, хотя и незначительное, было на сторонѣ союзниковъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, особенно у Лесса, видно стремленіе подчеркнуть дѣятельность нѣмецкихъ ландскнехтовъ и приписать чуть-ли не имъ однимъ всю побѣду дня.

Пѣхота еще избѣгала большаго пораженія, такъ какъ, по указанію Педро Наварро, она ложилась при каждомъ выстрѣлѣ; но конница страдала страшно отъ огня, продолжавшагося уже болѣе двухъ часовъ. Испанская конница Фабриція Колонны, поражаемая и съ фланга и съ фронта (оставшейся на прежней позиціи частью французской артиллеріи), громко требовала перехода въ наступленіе, но Педро Наварро хотѣлъ непременно встрѣтить противника на позиціи и отказывался переходить за ровъ.

Ненавидѣвшіе его, какъ выскочку, рыцари однако не выдержали: «Неужели мы всѣ позорно погибнемъ изъ за козней этого злобнаго жиделка, не зарубивъ ни одного противника?» крикнулъ Колонна и приказалъ двинуться въ атаку *). Съ крикомъ «España y San Iago!» его латники прорываются черезъ оставленный передъ фронтомъ проходъ и бросаются на французскихъ латниковъ, посѣдившихъ къ нимъ на встрѣчу, съ Гастомъ во главѣ. Впереди позиціи испанцевъ, завязывается тогда большое кавалерійское дѣло, въ которомъ постепенно принимаютъ участіе конные отряды остальныхъ частей боевого порядка обѣихъ армій. Со стороны французовъ прибываетъ изъ резерва Ля-Пались; къ испанцамъ присоединяется конница главныхъ силъ Пескары.

Долго остается этотъ бой нерѣшительнымъ; съ обѣихъ сторонъ отвага и смѣлость выражаются въ самой полной степени. Копье Гастона де-Фуа пронзываетъ насквозь грудь одного изъ его противниковъ и выходитъ на футъ за его спину; испанцы-же преимущественно направляютъ свои удары на коней, а затѣмъ уже добиваютъ свалившагося рыцаря **).

Въ это время, Ивъ д'Аллегръ, наблюдая за боемъ, рѣшается, въ эту критическую минуту, привести отъ моста свою конницу, и этотъ своевременный ударъ свѣжей части рѣшаетъ участь кавалерійскаго боя. Вой этотъ принимаетъ для французовъ благоприятный оборотъ, особенно, когда, въ поддержку латникамъ, явились конные лучники, которые начали рубить своими топорами, подвѣшенными у нихъ къ сѣдлу и служившими специально для разбивки палатокъ. Кромѣ того, Баярду

*) Гюнцардини предполагаетъ, что Педро Наварро, какъ организаторъ испанской пѣхоты, хотѣлъ доказать этимъ сраженіемъ преимущества своей пѣхоты надъ латниками и нанести ей послѣдній рѣшительный ударъ, когда конница будетъ уже настолько ослаблена огромными потерями, что окажется не въ силѣ играть роль въ одержаніи надъ противникомъ побѣды, которую онъ не сомнѣвался достигнуть своей пѣхотой.

***) Въ Касилия была поговорка: «muerto el caballo—perdido el hombre d'armas», т. е., «палъ конь—погибъ латникъ».

и Ивз д'Аллегрѣ удалось расположить, на флангѣ конницы Фабриція Колонны, длинную, кулеврину, снаряды которой, въ короткое время, выводятъ изъ строя 300 испанскихъ латниковъ.

Хотя конница вырвалась изъ рукъ Педро Наварро, помимо его воли, тѣмъ не менѣе, онъ рѣшился перейти въ наступленіе и своей пѣхотой, не столько съ цѣлью поддержать рыцарскую конницу, сколько съ тѣмъ, чтобы доставить и пѣхотѣ честь побѣды этого дня. По его приказанію, съ барабаннымъ боемъ и съ развѣвающимися знаменами, началось наступленіе испанскихъ «корсалетъ», подъ начальствомъ Маркиза делья-Палюде; свертываясь къ выходу изъ окоповъ, пѣхота, пройдя его, вновь выстраивается вправо, образуя квадратныя сомкнутыя массы, прикрывшія правый флангъ еще рупившейся конницы; на лѣвый-же ея флангъ направилась итальянская пѣхота главныхъ силъ, воспользовавшись промежуткомъ между Ронко и береговой плотиной, такъ какъ главный проходъ былъ еще занятъ вытягиваніемъ испанцевъ. Однако на эту пѣхоту, едва она вступила въ бой съ гасконцами, наскочила отбитая въ это время конница Фабриція Колонны, которая привела итальянцевъ въ полное смятеніе и обратилась, вмѣстѣ съ ними, въ бѣгство. Увлечшись общимъ примѣромъ, подъ градомъ ядеръ, которыми продолжала осыпаться неутомимая артиллерія герцога Феррарскаго, самъ Кардона позорно бѣжалъ съ поля сраженія, а за нимъ послѣдовала и большая часть аррьергарда.

Только Наварро, отведя «корсалетъ» за ровъ, стойко держался за свои линіи и даже успѣлъ отразить первую непріятельскую атаку. Ландскнехты и гасконцы, пользуясь отступленіемъ конницы Фабриція Колонны, приняли вправо, на лѣвый флангъ укрѣпленнаго лагеря испанцевъ, и, по собственному почину, кинулись въ атаку на ихъ линіи.

Послѣдовавшій штурмъ этихъ линій нѣмецкой и гасконской пѣхотой окончился неудачей; перебравшись за ровъ, французы были встрѣчены залпомъ аркебузеровъ, поставленныхъ Педро Наварро за валомъ, и изъ лищелей боевыхъ повозокъ. Въ то-же время ударили въ ручную схватку корсалетъ, при чемъ въ единоборствѣ погибъ нѣмецкій капитанъ, Яковъ Эмскій *). Успѣхъ рукопашнаго боя оказался на сторонѣ испанцевъ, бывшихъ болѣе искусными въ работѣ кинжалами и ножами.

*) Передъ столкновеніемъ обѣихъ массъ пѣхоты, изъ среды ландскнехтовъ выступили двое нѣмцевъ, вызывавшихъ на бой противниковъ; но не успѣли еще добѣжать къ нимъ ихъ противники—испанцы, какъ одного изъ нихъ сразила пуля; другой-же успѣлъ побѣдить своего врага, но вслѣдъ за тѣмъ тоже погибъ.

Напрасно пытались гасконскіе лучинки выдвинуться на флаанг ландскнехтовъ и оттуда осыпать стрѣлами расположеніе испанцевъ; послѣдніе дрогнули, было, но запасъ стрѣлъ былъ скоро израсходованъ лучинками, и они должны были отступить за линію повозокъ. Узкій проходъ въ лагерь былъ занятъ испанскими шквнерами, и не было возможности пробиться черезъ лѣсъ никъ; тогда одинъ изъ капитановъ ландскнехтовъ—Фабіанъ, взявъ свою пикъ поперекъ, обѣими руками, и поднимая ее надъ пиками испанцевъ, быстро опустил ихъ кинзу и, хотя самъ былъ тотчасъ-же убитъ, но въ образованнѣйшій узкій перерывъ между пиками, по тѣлу его, бьетро ворвались въ лагерь ландскнехты и гасконцы и схватились въ рукопашную со своими противниками. Въ то-же время, на мѣсто боя пѣхоты прибываетъ поддержка со стороны латинковъ, подъ начальствомъ того-же наблюдательнаго Ивъ д'Аллегръ; испанцы дрогнули; но вотъ, почти на глазахъ этого героя, падаетъ его сынъ, и, въ безумномъ гору, отецъ съ яростью кидается въ самую сѣчу и, окруженный испанцами, погибаетъ въ ней.

Смерть Ивъ д'Аллегръ вновь поколебала гасконцевъ, и они опять отхлынули назадъ, а оправившіеся корсажети кинулись на нихъ и на державшихся еще ландскнехтовъ, готовясь сломить ихъ упорство.

Но въ это время прибываетъ къ мѣсту боя пѣхоты Гастонъ де-Фуа, который преслѣдовалъ бѣжавшую съ поля сраженія конницу Колонны и теперь немедленно бросился, со своими латинками, на испанскую пѣхоту. Этимъ послѣднимъ ударамъ французской конницы не устояли испанцы; все бѣжало въ беспорядкѣ, а самъ Наварро, бросившись въ рукопашную схватку, повидимому, искалъ смерти, но, вмѣсто того, былъ взятъ въ плѣнъ. Изъ всѣхъ оставшихся войскъ Кардоны, только 2000 испанцевъ, сравнительно въ порядкѣ, начали отступление.

Гастонъ, снявъ шлемъ, готовился отдохнуть, но, въ это время, ему докладываютъ о сохраненіи еще порядка отступившими испанцами; желая разбить послѣдній отрядъ противника, сохранившій еще нѣкоторую сплоченность, Гастонъ, всего съ 30 рыцарями, бросается для ихъ преслѣдованія. Испанцы въ это время втягивались въ узкое дефиле, между Ропко и плотинной, но именно это обстоятельство не позволило рыцарямъ развернуться для атаки, а поставленные въ безвыходное положеніе испанцы, съ энергіей отчаянія, обра-

тивясь противъ отдѣльно наметавшихъ на нихъ рыцарей и, окружая ихъ, стремился, по обыкновенію, поразить сперва лошадь, а за тѣмъ и самого всадника. Гастонъ, одинъ изъ первыхъ наскочившій на испанцевъ, не смотря на убѣжденія Лотрека подождать прибытія остальныхъ силъ, долженъ былъ спѣшиться и тотчасъ былъ окруженъ притивниками. «*S'il faut périr, faisons nous regretter*», говоритъ онъ своему спутнику, Лотреку, напрасно удерживавшему его отъ вѣрной гибели, и, порубивъ цѣсколькихъ испанцевъ, онъ былъ сраженъ алебардой, не смотря на крикъ Лотрека, что предъ нимъ брать ихъ королевы. 14 ранъ покрыли героя, ни на минуту не поколебывшагося идти на вѣрную гибель и предпочитаваго умереть, чѣмъ хоть на одинъ шагъ отступить *).

Когда испанцы продолжали свое отступленіе, то на встрѣчу имъ появился Баярдъ, съ 50 латниками, возвращавшимися послѣ преслѣдованія непріятельской конницы. Онъ только что хотѣлъ атаковать корсалети, когда одинъ изъ испанскихъ капитановъ вышелъ къ нему впередъ и сказалъ: «Господишь, васъ здѣсь не много; наши вожди всѣ пали, и мы едва избѣжали общей участи; дайте намъ свободно отступить». Не зная о только что совершившемся, Баярдъ приказалъ передать себѣ оставшіяся знамена испанцевъ, которые за тѣмъ раскрыли ряды и пропустили французскихъ рыцарей.

Сраженіе продолжалось 8 часовъ (отъ 8 час. утра до 4 часовъ пополудни), и отличалось крупными жертвами съ обѣихъ сторонъ; 10.000 убитыхъ и раненыхъ покрывали поле сраженія, изъ которыхъ около $\frac{1}{3}$ приходилось на долю побѣдителей и $\frac{2}{3}$ —на долю побѣжденных **).

Всеобщая радость и торжество смѣнились печалью, когда войска узнали о смерти любимаго вождя. По свидѣтельству

*) По разсказу Файранжа, когда, во время пороправы, Гастонъ де-Фуа спросилъ одного рыцаря Шима, слышавшаго проинателемъ, что можетъ онъ предсказать по поводу предстоящаго сраженія, тотъ, указывая на багровое восходившее солнце, освѣщавшее лицо герцога, отвѣтилъ: «Вы побѣдите, но вы въ опасности быть убитымъ, если Богъ не смилуется надъ вами». Когда побѣда была одержана, и испанцы бѣжали, Гастонъ увидѣлъ того-же рыцаря и сказалъ ему насмѣшливо: «Ну что, болтуны? Развѣ я убитъ?»—«Дель еще не кончился», угромо отвѣтилъ Шима. Въ это время, явился лучшій съ донсеніемъ, что испанцы еще держатся.

**) По другимъ источникамъ, общее число выбывшихъ изъ строя, гораздо больше, именно до 23.000 чел. (Hardy, т. II, стр. 257). Вѣроятно, сюда включены и дезертиры, число которыхъ, послѣ сраженія, было тогда громаднымъ. Во всякомъ случаѣ, изъ испанской арміи спаслось всего 600 копій и 7000 чел.

Баярда *), уныніе и угнетенное состояніе войскъ были таковы, какъ будто они потерѣли пораженіе.

Конечно, болѣе всего чувствовали значеніе этой потери Людовикъ XII, который, при извѣстіи о Равеннской побѣдѣ, сказалъ: «пожелаемъ такпхъ побѣдъ нашему противнику». И дѣйствительно, счастье отвернулось отъ французской арміи, когда не стало юнаго героя. Лапскнехты оставили ея ряды, съ сѣвера надвигались швейцарцы, и положеніе французовъ въ Италіи скоро сдѣлалось настолько тяжелымъ, что они не смогли даже защитить гробницы Гастона де-Фуа, сооруженной въ миланскомъ соборѣ: она была разорена и поругана швейцарцами, не пощадившими даже тѣла покойнаго ихъ противника.

Разборъ.

Мы подробнѣе остановились на разсмотрѣніи сраженія при Равеннѣ, потому что оно заслуживаетъ особаго вниманія изслѣдователя, представляя, въ боевой дѣятельности арміи новыхъ европейскихъ государствъ, одинъ изъ первыхъ примѣровъ проявленія цѣлесообразной тактики различныхъ родовъ оружія.

Если уже въ бою, при Аньяделло, мы видѣли новую форму тактики пѣхоты, то Равеннское сраженіе даетъ намъ первый образецъ маневрированія на полѣ сраженія *артиллеріи*, которая сосредоточивается въ сильныя батареи и дѣятельно, втеченіе цѣлыхъ часовъ, ведетъ подготовку боя. Для достиженія еще болѣшихъ результатовъ, часть ея снимается съ позицій и смѣло выносится на флангъ боевого порядка, откуда ей представляется выгода болѣшей дѣйствительности, при продолжномъ обстрѣливаніи позиціи противника и при возможности продолжить подготовку уже тогда, когда пѣхотныя массы двинуты въ атаку, такъ какъ онѣ не заслоняютъ ея фронта. Группировка и дѣятельность испанской артиллеріи тоже заслуживаетъ вниманія; мы видимъ своеобразныя боевыя повозки, вооруженныя тяжелыми аркебузами, представлявшими средній типъ между ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и собственно артиллерійскими орудіями; интересно, что въ вагенбургѣ были снабжены косами и серпами повозки, которые не только служили преградой для атакующаго, т. е., усиливали оборону, но употреблялись иногда и при атакѣ; Баярдъ говоритъ, что онѣ предназначались для вкатыванія ихъ въ середину пѣхотныхъ массъ противника **), при чемъ пару-

*) Выдержка изъ письма его, своему дядѣ, Лорену Аллеману, приведена у Грандѣа, (т. III, стр. 216).

***) «pour faire rouler dans les gens de pied françois qui se seroient avancés». (Тамъ же, стр. 219).

палась ихъ сомкнутость и порядокъ, образованіемъ разрыва въ колоніяхъ, куда устремлялись атакующіе. Расположеніемъ боевыхъ повозокъ впереди тяжелыхъ аркебузъ достигалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрытіе прислуги этихъ послѣднихъ.

Кавалерія, повидимому, сражается въ прежнемъ рыцарскомъ строю «частоколомъ» (en haie), и ординансовыя роты въ 100 копій являются, какъ видно изъ приложеннаго распредѣленія арміи Гастона де-Фуа, уже скорѣе въ видѣ исключенія; только главные военачальники (владѣтельные князья) командуютъ такими ротами, большинство же ротъ—въ 50 копій; попадаются роты въ 30 и даже въ 20 копій. Однако, въ боевомъ порядкѣ конницы, тоже замѣтно новое вліяніе, выразившееся въ отдѣленіи отъ копій легкой кавалеріи, которая уже не сражается за своими рыцарями, а выдѣляется въ отдѣльныя массы и ведетъ самостоятельно бой на флапгахъ (Пескара и Гонзаго). Дальнѣйшимъ фазисомъ въ развитіи конницы будетъ уже созданіе спеціальнаго типа легкой конницы, какъ скоро получится доказательство возможности достиженія ею успѣха въ бою, независимо отъ тяжелой рыцарской конницы.

Замѣчательный примѣръ разумнаго и сознательнаго *почина* видимъ мы въ дѣйствіяхъ рыцарской конницы Ивъ д'Аллегръ: оставленный у моста съ спеціальнымъ назначеніемъ,—охранять переправу и отразить возможную вылазку Равеннискаго гарнизона противъ тыла французской арміи, опъ тѣмъ не менѣе, въ рѣшительную минуту, бросаетъ охрану мостовъ съ тѣмъ, чтобы поддержать бой латниковъ, и успѣваетъ дать ему, благопріятный оборотъ *).

Напрасно нѣмецкіе авторы претендуютъ на то, что ихъ войска чуть-ли не впервые открыли міру значеніе «принциповъ самостоятельности и инициативы», въ кампаніяхъ 1866 и 1870 годовъ; приведенныя дѣйствія Ивъ д'Аллегръ указываютъ, что, за 350 слѣшкомъ лѣтъ до побѣдъ подъ Кёнигсрейхомъ, Вёртомъ и Шихерномъ, духъ «частной инициативы» былъ далеко не чуждъ войсковымъ начальникамъ, не только не достигшимъ званія великихъ и выдающихся полководцевъ, но бывшимъ, повидимому, самими заурядными начальниками ординансовой конницы арміи Гастона.

*) Повелѣвъ напрашивается здѣсь сравненіе дѣйствій Ивъ д'Аллегръ съ разумной дѣятельностью полковника Шейннига, въ день сраженія подъ Марсъ-ля-Туромъ, 14 августа 1870 г., который имѣлъ тоже назначеніе прикрывать мосты черезъ Мозель, у Арри, для войскъ IX корпуса, находившихся еще на правомъ берегу Мозеля, и, не смотря на это, двинулся на выстрѣлы въ поле сраженія, для участія въ бою.

Нѣмецкіе историкъ, хотя и упоминають вскользь объ этомъ фактѣ *), но воздерживаются отъ всякихъ комментарій къ нему, и въ разборѣ сраженія совсѣмъ не касаются его и, конечно, никакого проявленія «иниціативы» въ немъ не видятъ; а между тѣмъ, ея очевидная наличность можетъ повести къ очень цѣльному выводу, что въ арміи разумно предводимой, съ начальникомъ, который стремится возможно полнѣе раскрыть обстановку, цѣль и способъ веденія боя (военный совѣтъ, развѣдка и первая написанная диспозиція), въ арміи, начальникъ которой исполнены довѣрія и преданности къ своему вождю, (на что, указываетъ, между прочимъ, упадокъ духа по смерти Гастона), въ такой арміи, гдѣ, словомъ, *бьетъ ключомъ здоровая, живительная струя разумной дѣятельности энергичнаго полководца, талъ сама собой зарождается и самостоятельность частныхъ начальниковъ*, тамъ, не страшась отвѣтственности, рѣшаются они проявлять свой собственный починъ, цѣлесообразно направляя свою личную дѣятельность къ достиженію общей поставленной цѣли. И это независимо ни отъ времени, ни отъ народовъ, ни отъ вооруженія...

Бой *тыюты* представляетъ также интересныя подробности; тактическіе порядки еще тѣ-же: массивныя прямоугольнички съ выдвинутыми впередъ застрѣльщиками, «пропащими ребятами» («enfants perdus», «verlorene Knechte»). Но прежнему, непосредственно передъ столкновеніемъ, впереди фронта обѣихъ непріятельскихъ массъ, являются вызовы на единоборство **), но уже знаменіе времени выразилось въ томъ, что вышедшіи на поединокъ были тутъ-же сражены непріятельской пулей.

Дальнѣйшее развитіе огнестрѣльнаго оружія скоро совсѣмъ вывело изъ употребленія этотъ обычай. Совсѣмъ уже новымъ способомъ дѣйствій является ружейный залпъ, которымъ встрѣчены ландскнехты и гасконцы, при атакѣ ими укрѣпленныхъ линій Педро Наварро.

Что касается общаго веденія войскъ въ бою, то оно еще носитъ отпечатокъ рыцарскаго романтизма; обѣ стороны испол-

*) Объ атакѣ латниками Ивъ д'Азлетръ *испанской тыюты* пишетъ, напр., не говоритъ ни слова, хотя она приведена у Врандта, Гюнчардони и друг.

***) Обычай этотъ былъ перенятъ пѣхотинцами отъ рыцарей, у которыхъ, при всеобщемъ поклоненіи личнымъ доблестямъ, мужеству отвагѣ и умѣнію владѣть оружіемъ, онъ былъ въ большомъ ходу, какъ въ военное, такъ и въ мирное время (турниры). Съ улучшеніемъ состава пѣхоты, естественно явилось стремленіе ея начальниковъ доказать, что и они обладаютъ такими-же качествами и не заслуживаютъ клички «обозной сводчи», какъ ихъ звали рыцари...

нены благородства средне-вѣковыхъ рыцарей: онѣ вѣжливо предупреждаютъ другъ друга о предстоящемъ боѣ; онѣ не считаютъ удобнымъ начинать атаку, когда противникъ еще только выстраиваетъ свои войска для бою, или совершаютъ переправу на глазахъ обороняющагося; по современному взгляду, казалось-бы преступленіемъ, если-бы, въ виду укреплённой позиціи, подобной позиціи Кардонъ, неприятельскія войска совершили-бы переправу (черезъ Фюми Ушты), и обороняющійся не воспользовался-бы этими удобными, для обороны, условіями, и не попытался-бы помѣшать переправѣ, или, по крайней мѣрѣ, разстронуть войска противника, по мѣрѣ дебюширования и развертыванія ихъ, но прохождение моста. Точно также и французы, повидимому, не пользуются удобной минутой, для атаки противника, въ то время, когда конница Фабриція Колонны дебюшируетъ, чрезъ проходъ въ линіяхъ испанцевъ, и развертывается восточнѣе его. Но, по старымъ рыцарскимъ понятіямъ, недостойно было атаковать врага, когда онъ еще не изготовился къ бою; французскіе латники ждутъ, пока онъ развернется, чтобы встрѣтить атаку, грудъ съ грудью, и потому упускаютъ удобный для атаки моментъ.

Подобнаго рода компромиссы рыцарскаго благородства, которые сковывали дѣятельность полководца, ставя ему извѣстныя рамки, за которыя онъ не имѣлъ права выходить, уже близки къ паденію; подъ Равенной, они проявляются еще въ достаточной силѣ; потому вліяніе ихъ на веденіе бою все болѣе и болѣе ослабляется; по мѣрѣ того, какъ падали остатки рыцарства, исчезали и его традиціи, и *военное искусство получаетъ печать болѣе суроваго, строгаго реализма*, при которомъ уже нѣтъ мѣста идеально-романтическимъ рыцарскимъ нормамъ.

Въ силу тѣхъ-же предразсудковъ, дѣятельность полководца, въ теченіи самаго бою, скована: онъ не имѣлъ права оставаться назадъ, при резервѣ, и отсюда руководить боемъ; его сочли-бы тогда трусомъ, недостойнымъ имени храбраго рыцаря; мѣсто его было впереди, чтобы, съ копьемъ въ рукѣ, показать примѣръ личной отваги и искусства въ владѣніи оружіемъ; и потому мы не вправе упрекнуть Гастона де-Фуа въ томъ, что онъ выпустилъ изъ рукъ управленіе боемъ и увлекся личными подвигами; онъ вліялъ только дань времени, и, если-бы онъ поступилъ иначе, то составляющіе основу его арміи латники-дворяне никогда не простили-бы ему пренебреженія основными рыцарскими тради-

циями, въ жертву которымъ и была принесена молодая жизнь героя...

Остается сказать нѣсколько словъ относительно *позицій* Кардоны; по современнымъ понятіямъ, она кажется запятой вецклесобразно, и Генсъ называетъ ее прямо ошибочной *); р. Ронко не только охраняла лѣвый флангъ позицій, но, протекая и въ тылу ея, неминуемо должна была крайне затруднить отступление, тѣмъ болѣе, что на этой рѣкѣ, повидному, былъ построенъ только одинъ мостъ.

Но и тутъ постараемся отрѣшиться отъ современныхъ взглядовъ и перенестись въ ту отдаленную эпоху. Тогда насъ должно прямо поразить всеобщее явленіе, что обороняющіеся именно стремились занять позицій, тылъ которыхъ прикрывался-бы рѣкой; мы будемъ видеть еще неоднократно случаи указывать именно такого рода расположенія и въ XVI, и въ XVII вѣкахъ, при чемъ особыхъ невыгодъ полководцы въ этомъ не видѣли, а скорѣе—напротивъ; обращая вниманіе на группировку войскъ Кардоны, мы не можемъ не замѣтить даже прямого стремленія приблизить тылъ своихъ войскъ къ рѣкѣ, придавая имъ уступное расположеніе, съ общими направлеиіемъ, параллельнымъ теченію рѣки Ронко; испанскій полководецъ, видимо, стремился уменьшить свободное пространство между тыломъ своихъ войскъ и рѣкой, такъ какъ ничто въдь ему не мѣшало направить фронтъ боевого порядка, отъ слиянія рѣкъ Монтоно и Ронко, прямо на югъ. Но онъ отказывается отъ этого, уклоняя назадъ, къ рѣкѣ, свой правый флангъ, считая, повидному, что рѣка надежнѣе охранитъ его тылъ, если она будетъ ближе къ его войскамъ. Итакъ, преграда отъ тылу позицій считалась, по тогдашнимъ взглядамъ, скорѣе желательной, и въ этомъ нельзя не видѣть вліянія состава тогдашнихъ наемныхъ армій; преграда въ тылу нужна была, не только съ цѣлью предупредить атаку противника съ тыла (въ данномъ случаѣ, Кардоны этого и не могъ опасаться), но она казалась желательной, чтобы предупредить бѣгство войскъ, при первомъ неудаченъ противника, или при первой неудачѣ; это было своего рода сожженіемъ кораблей, принужденіемъ войскъ вести бой возможно упорнѣе, лишая ихъ удобства отступления, чтобы они не слишкомъ быстро воспользовались этими удобствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, затруднялось преградой и

*) Handbuch, стр. 1088.

дезертирование войск, которое, при тогдашних наемных армиях, было самым заурядным явлением и практиковалось часто целыми массами, особенно съ приближеніем грознаго противника. При склонности къ пассивной оборонѣ, Педро Наварро постарался образовать изъ своей позиціи родъ крепости, а для этого необходима была, прежде всего, ограда и въ тылу, и вотъ онъ пользуется для этого рѣкой Ронко, уклоняя уступами назадъ, вопреки обыкновенію, не лѣвый, а правый флангъ, съ цѣлью приблизить все расположеніе къ рѣкѣ.

Такого рода расположенія, въ ту отдаленную эпоху, не имѣли неудобствъ, связанныхъ цѣпью съ критическимъ положеніемъ отступающаго, при его преслѣдованіи, по расположению въ тылу тѣсному дефиле, потому что преслѣдованію-то, въ большинствѣ случаевъ, или совсѣмъ не было, или оно велось на самую короткія дистанціи; въ силу уже упомянутыхъ рыцарскихъ традицій, не считалось нужнымъ добывать противника, разъ онъ самъ признавалъ себя побѣжденнымъ и покидалъ поле брани; для рыцаря этого было достаточно,—онъ не унижался до того, чтобы «бить лежачаго»; и вотъ почему преслѣдованіе считалось даже, до известной степени, недостойнымъ: падо было только пригнудить противника къ полному отступленію, а затѣмъ рубить «викторію» *). Преслѣдованіе имѣло и практическія невыгоды, такъ какъ часто вело къ тому, что войска побѣдителя, попросту, разбѣгались грабеть обозы, а иногда, съ награбленной добычей, дезертировали, и потому побѣдитель, допустившій преслѣдованіе, перѣдко самъ оставался безъ войскъ. Если побѣда не была вполне рѣшительной (а такія побѣды были рѣдки), то побѣжденный часто предлагалъ дезертирамъ побѣдителя очень выгодныя условія, лишь-бы скорѣе поподнить понесенныя въ сраженіи потери и вновь противопоставить побѣдителю хоть какую-нибудь вооруженную силу; вотъ почему побѣдителю надо было, по возможности, избѣгать, видъ поля сраженія, всякаго соприкосновенія его войскъ съ противной стороной, а потому своевременно прекращать всякаго рода преслѣдованія. Мы не встрѣчаемъ указаній историковъ на то, что отступившія подъ Равенной

*) При этомъ, въ силу обычая, побѣдитель долженъ былъ даже оставаться три дня на полѣ сраженія, и трубившіе «викторію» герольды его разбѣгали во всѣ стороны, громко призывая всякъ, кто сомнѣвается въ побѣдѣ ихъ властелина, прибыть на поле брани и сразиться съ нимъ...

войска Кардона и Наварро потеряли особый уронъ при переправѣ черезъ Ронко, на мосту; преслѣдованіе, повидимому, *велось именно до этого моста*, такъ какъ послѣдній бой Байрда и отступившаго отряда испанцевъ происходилъ между рѣкой и плотинной, сопровождавшей берегъ р. Ронко; самая встрѣча съ означеннымъ отрядомъ Байрда, этого образцоваго «рыцаря безъ страха и упрека», рельефно характеризуетъ взгляды современниковъ на преслѣдованіе разбитаго противника и вообще на отношеніе къ нему.

Ля-Рютта и Теруанъ. (1513).

Желаніе Людовика XII, но что-бы то ни стало, сохранить за собой миланское герцогство вызвало, въ 1513 году, отправленіе въ Италію новой французской арміи (17 — 18.000 чел.), подъ начальствомъ Ля-Тримуйль и Тривульци, вѣдѣ за которой было послано, въ поддержку, еще 5.000 ландскнехтовъ, подъ начальствомъ Таванна *). Максимальнѣе Сфорца, герцогъ миланскій, заперся въ Наваррѣ, которую осадили французы. Прибытіе, на выручку осажденнымъ, 1.000 швейцарцевъ принудило французовъ снять осаду и отступить къ Ля-Рюттѣ, гдѣ Тримуйль былъ разбитъ 11 тысячами швейцарцевъ **), воспользовавшимися рощей, примыкавшей къ лагерю ландскнехтовъ и неожиданно напавшими, на разсвѣтѣ, на французовъ, при чемъ ординансовая конница оставалась довольно пассивной зрительницей пораженія своей же пѣхоты и ландскнехтовъ. Въ томъ-же году, французамъ пришлось защищать собственные предѣлы отъ войскъ коалиціи (императора Максимилиана I, короля англійскаго, — Генриха VIII, и короля испанскаго), при чемъ союзники нанесли французамъ пораженіе при Теруанѣ (Гинегаттѣ), въ которомъ французская конница предалась позорному бѣгству, почему современниками (du Bellay) это сраженіе названо „la bataille des éperons“, — битва шпоръ, такъ какъ шпоры, при бѣгствѣ, играли въ немъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ коня.

Францискъ I. (1515—1547).

Въ 1515 году, скончался Людовикъ XII, и на престолѣ Франціи вступилъ Францискъ I. Тотчасъ послѣ коронованія, онъ рѣшилъ вновь занять миланское герцогство и началъ

*) Hardy, («Origines de la tactique», т. II, стр. 242) приводитъ слѣдующій составъ арміи Ля-Тримуйль: 1.200 коня датчиковъ, 800 легкихъ всадниковъ, 6.000 ландскнехтовъ и столько-же французской пѣхоты, при болѣе чѣмъ 100 орудій.

**) По Максимилиану, швейцарцевъ было всего 10.000 («Dei discorsi», перев. Циглера «Vom Staate», стр. 213), а у французовъ 10.000 ординансовой конницы и столько-же пѣхоты.

готовиться къ походу, при чемъ, для выигрыша времени и выведенія въ заблужденіе противниковъ относительно своихъ нахѣреній, онъ вступилъ съ ними въ мирные переговоры.

Такъ какъ армія, съ которой вновь было предпринято завоеваніе Ломбардіи, комплектовалась на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и при Людовикѣ XII, и крупныя реформы, въ ея организаціи, начались только со времени пораженія подѣ Павіей (1525 г.), закончившагося плѣномъ самого Франциска, то мы сдѣлаемъ сперва краткій очеркъ наиболѣе важныхъ военныхъ дѣйствій первой половины его царствованія, до сраженія подѣ Павіей включительно, а затѣмъ уже перейдемъ къ разсмотрѣнію предпринятыхъ Францискомъ I реформъ.

Увеличивъ число ордоансовою конницы до 2.500 полныхъ копій (по 5 чел. въ копѣ), выдѣливъ легкую конницу (до 1.600 чел.), подѣ начальствомъ Лотрека, и доведя общую численность пѣхоты до 40.000 человекъ (22.000 ландскнехтовъ, 10.000 басковъ и 8.000 французовъ - авантюрьеровъ; кромѣ того, было 3.000 пионеровъ)*), Францискъ сосредоточилъ эту армію на Ронѣ, въ окрестностяхъ Ліона. Перемещенію на службу французскаго короля Педро Наварро, котораго Фердинандъ Католикъ не пожелалъ выкупить изъ плѣна, послѣ Равеннскаго пораженія, привелъ изъ Наварры, Бискайи и Гаскони около 10.000 чел. пѣхоты; по его предложенію, были введены въ употребленіе небольшія орудія, около 2-хъ футъ длины, стрѣлявшія картечью изъ 50 пуль, и легко перевозившіяся на вьюкахъ (пѣхотѣ вродѣ горной артиллеріи). Кромѣ того, Гальо де-Изенульскъ сосредоточилъ, въ Лионѣ, до 72 тяжелыхъ орудій**).

Получивъ свѣдѣнія о сосредоточеніи французской арміи, Максимилианъ I, Фердинандъ Католикъ, папа и герцогъ миланскій заключили союзъ съ швейцарцами и рѣшили, было, вторгнуться, съ двухъ сторонъ, въ предѣлы Франціи; но когда Венеція, Генуя и Савойя примкнули, въ свою очередь, къ союзу съ Франціей, то противникамъ ея пришлось отказаться отъ наступательныхъ плановъ, и тогда была составлена планъ обороны Ломбардіи, для чего избраны были

*) *Guicciardini* (т. II, стр. 406); *Quirré de Verneuil* («L'armée en France», стр. 84—86). Изъ 22.000 ландскнехтовъ, 2.000—наѣли ружья, 300 вооружены однимъ мечомъ, остальные—пикинеры; отборную дружину ландскнехтовъ образовала «черная дружина» Таванна, въ 6.000 чел.

**) Максимилианъ («Des discours», стр. 213) указываетъ, что число подвижныхъ орудій достигало 100.

узловые пункты, восточнѣе хребта Альпъ, между Монъ-Сенсомъ и горой Визо (схема № 11, табл. III), съ нѣбю, допустивши переходъ французовъ черезъ горы, воспользоваться затѣмъ удобной минутой, для энергичнаго перехода въ наступленіе, и прижать ихъ къ крутымъ восточнымъ спускамъ Альпъ.

Для непосредственнаго наблюденія за дѣйствіями противника, былъ высланъ швейцарскій отрядъ, въ 2.500 чел. пѣхоты, въ Сузу. Поддержкой ему должны были служить два отряда: 1) въ Риволи и Авильянгъ—8.200 чел. и 2) въ Пиньероль—6.000; послѣдній наблюдалъ долину Перозы, и за нимъ находились еще швейцарскіе отряды въ Вигоне, Брихераско и Салуццо *). Весь вспомогательный отрядъ швейцарцевъ былъ численностью, около 20.000 чел. Целаускія войска Кардони и часть имперскихъ войскъ сосредоточивались къ Веронѣ, для дѣйствій противъ венеціанцевъ, а напскія войска, съ Лаврентіемъ Медичи во главѣ, расположились у Пьяченцы.

Группировка швейцарскихъ отрядовъ, у подножья восточныхъ склоновъ Альпъ, имѣла въ виду оборону переходовъ, которымъ до тѣхъ поръ французы, дѣйствительно, чаще всего пользовались, а именно: 1) *Сузскаго*, выходящаго, черезъ Риволи, въ долину р. По, по самому кратчайшему пути, и 2) *Сезанскаго*, ведущаго отъ Бриансона, черезъ гору Женевръ, къ долинѣ Перозы, или, черезъ долину Хуль, присоединяющагося къ черному пути. Признавая возможнымъ движеніе французовъ, вдоль берега моря, и затѣмъ, изъ Ривьеры, въ долину По, швейцарцы считали, что отъ такого движенія ихъ достаточно обезпечивалъ отрядъ, расположенный въ Салуццо.

Юный король-полководецъ, напомиравшій войскамъ, по необходимости обращенія и смѣлому рыцарскому характеру, погибшаго при Равеннѣ побѣдителя, узнавъ, по прибытіи съ арміей въ Гренобль, о прочномъ занятіи швейцарцами выходовъ всѣхъ наиболее удобныхъ путей черезъ Альпы, въ долину Ломбардіи, предполагалъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, — овладѣть долиной р. По, предварительно сѣвъ на суда, высадившись у Савонны и слѣдуя на Коль де-Тенде и г. Монферратъ; планъ этотъ однако было очень трудно привести въ исполненіе, вслѣдствіе крайняго недостатка продовольствія въ томъ районѣ, въ которомъ пришлось-бы дѣйствовать.

*) Brandt, т. III, стр. 243—244.

**) Голицынъ, т. III, стр. 151.

Тогда старший, испытанный Тривульций предложил провести армию, по известным ему тропкамъ, через Аркангерскій хребеть, съ береговъ Дюрансъ, въ долину Стуръ, и даже на Коинъ,—пути, на которыйи швейцарцы, повидимому, не обратили должнаго вниманія.

Изслѣдовавъ этотъ планъ и подвергнувъ его на обсужденіе своихъ помощниковъ, Францискъ остановился на немъ и тотчасъ принялъ мѣры къ его выполненію. Нѣсколько отрядовъ изъ пѣхоты и кавалеріи были выдвинуты, съ демонстраціонной цѣлью, къ путямъ на Монъ-Сенсъ и гору Женеуръ; за ними-же двинута и часть тяжелыхъ орудій; 800 коней, съ Ля-Палисомъ и Баярдомъ во главѣ, направлены на Салуццо, мимо горы Визо. 400 коней и 4.000 пѣхотинцевъ Эмара де-При посланы по Ривьерѣ, вдоль морскаго берега, съ цѣлью проникнуть затѣмъ къ верховьямъ р. По и оладѣть Александріей.

Король, съ главными силами, впереди которыхъ шли: коннетабль Франціи—Бурбонъ, Тривульцій и Наварро, съ авангардомъ изъ 13.000 ландскнехтовъ, выступилъ, 8-го августа, 1515 г., изъ Эмброна, вдоль по теченію р. Дюрансъ, на Монъ-Дофенъ, т. е., направляясь на сѣверъ—къ Монъ-Сенасу; въ тылу его двигался аррьергардъ, подъ начальствомъ герцога Алансонскаго *). На слѣдующій день, послѣдовалъ крутой поворотъ къ югу и форсированный маршъ къ Барселонеттѣ, а на третій день марша, уже быть перейденъ, съ невѣроятными успѣхами, хребеть Аркантьеръ, при чемъ шедшій во главѣ отрядъ Таллара организовалъ путь для колонны, взрывая скалы пороховомъ, наводя мосты черезъ пропасти и пробивая ломомъ и киркой дорогу, на отвѣсѣ крутыхъ скалъ.

Уже на 5-й день марша, авангардъ французской арміи спустился въ долину р. По и подошелъ къ г. Коинъ; такимъ образомъ, французы совершенно неожиданно появились на крайнемъ лѣвомъ флангѣ линіи, занятой швейцарцами. Въ то-же время, Баярду и Ля-Палисъ удалось, благополучно переправившись черезъ Альпы, 15 августа, атаковать врасплохъ, у Виллафранки, и захватить почти цѣлкомъ въ плѣтъ конный отрядъ Проспера Колонны, вслѣдствіе чего швейцарцы лишились почти всей своей конницы.

Швейцарцы должны были отступить, для сосредоточенія своихъ силъ, и, одно время, почти на-отрѣзъ отказывались

* *Hardy*; («Origines de la tactique»), т. II, стр. 263—264.

продолжать борьбу: только благодаря усилиям кардинала сионскаго *), Шинпера, бывшего душой всего похода, удалось их убедить не покидать армию и отступить на Верчелли, съ целью дать здѣсь бой вторгнувшемуся противнику.

Между тѣмъ, Францискъ I продолжалъ наступленіе на Туринъ и Кивассо и, узнавъ о колебаніяхъ швейцарцевъ, со своей стороны, принять, конечно, мѣры, чтобы отдѣлить ихъ отъ союза съ его врагами. Результатомъ этихъ стараній явилось отдѣленіе болѣе благоприятно настроенной, въ отношеніи французовъ, части швейцарцевъ, направившейся отъ Наварры къ Аронъ, въ предѣлы своей родины; другая часть, принужденная бросить въ Наваррѣ орудія, отivities, 2 года тому назадъ у французовъ подъ Ля-Рютой, отступила на Гатарату.

Между тѣмъ, Эмаръ де-При овладѣлъ, безъ сопротивленія, Александріей, Торгоной и всей долиной р. По, до устья р. Тичино. Венецианцы — 16.000 чел., подъ начальствомъ Альвиано, — выдвинулись, по нижнему теченію р. По, и своимъ смѣлымъ наступленіемъ къ Кремонѣ не позволили испанскимъ войскамъ императора Кардона, 20.000 чел., подать помощь швейцарцамъ; послѣдній успѣлъ только занять гарнизонами Верону и Брешию и, съ остальными войсками, расположился, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, на крѣпкой позиціи близъ Паченцы.

Получивъ извѣстіе о раздорахъ въ средѣ своихъ войскъ, капитаны Швейцаріи рѣшили выставить новый отрядъ, который въѣрѣнь былъ бургомистру цюрихскому, Марку Рейсту, и, въ количествѣ 15.000—20.000 чел., выступилъ въ 3-хъ колоннахъ: 1) черезъ гору Гримзелъ и Симплонскій проходъ—въ долину Адига; 2) черезъ С. Готардскій проходъ и 3) черезъ С. Бернаръ, — на присоединеніе къ дѣйствовавшей въ Пьемонтѣ арміи; послѣ многихъ усилій, лишеній и частныхъ стычекъ съ противникомъ, кардиналу Шинперу удалось сосредоточить близъ Монцы, сѣвернѣе Милана, 30-ти тысячную армию и всего 400 чел. конницы, хотя многие изъ предводителей швейцарцевъ все еще продолжали настаивать на мирныхъ переговорахъ съ Францискомъ, который уже командировалъ Лотрека, съ деньгами, для уплаты ихъ швейцарцамъ, требовавшимъ вознагражденіе еще за ихъ прежнюю службу, при Людовикѣ XII.

Только горячѣй проповѣдью Цвинглиа и общаго имъ цѣлью взять на службу союзной арміи 40.000 швейцарцевъ, удалось убедить ихъ отказаться отъ мира съ королемъ, и 10 сентября

*) Гор. Сиокъ, по итальянски, Зиттень, въ Швейцаріи.

швейцарцы выступили къ Милану, гдѣ герц. Максимилианъ Сфорца и кардиналъ Шиншеръ уговорили ихъ внезапно атаковать армию короля.

Между тѣмъ, положеніе французовъ упрочилось на нижнемъ Тичино; они овладѣли Наваррой и Павіей и, войдя въ связь съ Альвіано, выдвинулись къ Мариньяно, предполагая, черезъ нѣсколько дней, безъ боя, занять Миланъ.

13 сентября^{**}), послѣ полудня, швейцарцы выступили однако изъ Милана, по направленію къ Мариньяно, гдѣ французы заняли крѣпкую позицію. (Черт. № 12, табл. IV).

Доступъ къ ней преграждался многочисленными канатами и рвами, а впереди центра, путь къ позиціи шелъ по длинной гати, противъ которой была расположена французская батарея, изъ 7—8 орудій. Правый флангъ позиціи былъ прикрытъ рѣчкой Ламбро и ея притокомъ Вахабіо, протекавшимъ также и передъ фронтомъ позиціи. Позиція была укрѣплена вдоль фронта валомъ, насыпаннымъ вдоль берега рѣчки Вахабіо, и засѣкой, а по брустверу, согласно показаніямъ швейцарцевъ, была укрѣплена въ землю рядъ связанныхъ канатами щитовъ, прикрывавшихъ стрѣлковъ; въ тылу находилась деревня С. Врингито, которую Педро Наварро укрѣпилъ для обороны; 74 орудія были размѣщены Галло де-Женульякомъ вдоль фронта позиціи. Между ними, въ интервалахъ, стали 4.000 «прованскихъ ребятъ» Педро Наварро; по флангамъ позиціи, стали по 5.000 стрѣлковъ, — гасконцевъ и авантюрьеровъ.

Правымъ крыломъ (*авангардомъ*) французовъ командовалъ коннетабль *Бурбонъ*; *главныя силы*, состоявшія изъ двухъ массъ конницы и колонны ландскнехтовъ, въ 9.000 чел., стали во 2-й линіи и были подъ непосредственнымъ начальствомъ короля. Въ *аррьергардъ* находились 9.000 ландскнехтовъ

^{*} Источниками послужили: *Guichardin* («Histoires des guerres d'Italie», т. II, стр. 416—419). *Du Bellay Langey* («Mémoires», liv. I, стр. 10—12). *Brandt* («Geschichte des Kriegswesens»; т. III, стр. 257—267). *Марковъ* («Исторія конницы», ч. 3-я, отд. 1-ое, стр. 30). *Hardy* («Origines de la tactique française», т. II, стр. 266—283). *Listenne et Savaon* («Bibliothèque historique et militaire», т. IV, стр. 314—310). Іенсъ объ этой побѣдѣ французскаго оружія не упоминаетъ.

^{**} Голицыны, а также Марковъ указываютъ, что ср. при Мариньяно происходило 13—14 ноября. Однако по первоисточнику: *Mémoires de Mess. Martin du Bellay*, ясно указываетъ первый день сраженія—13 сентября: «Le jeudi treizième de Septembre, jour de sainte Croix...» (liv. I, стр. 10). *Hardy* (т. II, стр. 281) приводитъ также написанное Францискомъ I письмо своей матери, на другой день послѣ сраженія, и письмо это подписано: «Escrit au camp de St. Brigitte, le vendredi quatorzième jour de septembre 1515», что не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что первый день сраженія при Мариньяно былъ 13 сентября. См. переводъ означеннаго письма въ прилож. II.

Сраженіе
при Мариньяно^{*}.
(13—14 сентября,
1515 г.).

(съ «черной дружиной»), подъ начальствомъ *герц. д'Амансона*. Расположеніемъ артиллеріи на позиціи и укрѣпленіемъ послѣдней руководилъ *Педро Наварро*. Общая численность силъ французовъ достигала 40.000 чел., въ томъ числѣ: 2.500 коній латчиковъ, 1.800 легкиихъ всадниковъ, 18.000 ландскнехтовъ, 6.000 гасконцевъ и 4.000 авантюрьеровъ.

По дорогѣ на Миланъ, былъ высланъ отрядъ легкой кавалеріи, рыцаря Флѣранжа, который, послѣ полудня, 13 сентября, произвелъ тревогу въ лагерѣ швейцарцевъ. Не смотря на позднее время, кардиналъ Шиннеръ убѣдилъ швейцарцевъ немедленно выступить съ тѣмъ, чтобы еще до вечера атаковать французовъ; швейцарцы двинулись въ 3-хъ колоннахъ, съ общимъ авангардомъ впереди, изъ 500 чел. легкой пѣхоты, Вернера *Штейна*, которому были приданы 4 полевыхъ серпантинъ, взятыхъ изъ миланскихъ арсеналовъ. Общаго руководства надъ швейцарскими войсками не было, и въ каждой колоннѣ былъ независимый отъ другихъ начальникъ, но, повидному, они наступали, заранѣе стоворившись между собой о предстоящихъ дѣйствіяхъ, а впереди всѣхъ, съ крестомъ въ рукѣ, ѣхалъ кардиналъ *Шиннеръ*.

Подойдя на пунечный выстрѣлъ къ позиціи противника, около 5 часовъ пополудни (за два часа до наступленія темноты, какъ указываетъ Гюнчардина), 4 серпантинъ швейцарскаго авангарда открыли по ней живой огонь, на который дѣятельно стали отвѣчать французскія орудія. Французы не ожидали, повидному, атаки, и потому наступленіе швейцарцевъ ихъ застало врасплохъ; король самъ садился, какъ разъ, за ужинъ вмѣстѣ съ прибывшимъ изъ Лоды, для совѣщаній, венеціанскимъ полководцемъ, Альвіано, когда началась канонада. Въ то-же время, прибылъ рыцарь Флѣранжъ, съ донесеніемъ, что швейцарцы наступаютъ изъ Милана въ трехъ колоннахъ, сплелъ до 24.000 чел., при 8 орудіяхъ.

Альвіано немедленно отправился за своими войсками, въ Лоды, а французы изготовились къ бою. Они быстро построили боевой порядокъ, который былъ уже заранѣе опредѣленъ. Пѣхота первой линіи французовъ была однако вскорѣ сброшена отчаяннымъ наступленіемъ непріятельскихъ «пропащихъ ребятъ» (*verlorene Haufen*), представлявшихъ авангардъ швейцарцевъ; въ поддержку французскимъ стрѣлкамъ двинулись и ландскнехты, находившіеся при французскихъ орудіяхъ. Контръ-атака эта однако не увѣчалась успѣхомъ, и

швейцарцы, успѣвшіе подвести въ трехъ массивныхъ колоннахъ (отъ 8 до 10.000 чел. каждая), свои главные силы, перевели свою артиллерию еще ближе къ непріятельской позиціи. Такимъ образомъ, первымъ натискомъ швейцарцевъ центръ расположенія французовъ былъ прорванъ; на выручку пѣхоты, двинулись въ атаку изготовившіеся, тѣмъ временемъ, ордонансовые латники второй линіи; однако двѣ послѣдовательныя атаки французской конницы были отбиты съ урономъ, и швейцарцы энергично продолжали наступленіе, которое, по условіямъ мѣстности, велось въ очень глубокихъ колоннахъ, сильно терпѣвшихъ отъ огня французской артиллеріи; прикрывавшіе ее ландскнехты не выдержали атаки и бѣжали, бросивъ 8-ми орудійную батарею, которою тотчасъ завладѣли швейцарцы, немедленно открывшіе изъ нея огонь по французскимъ войскамъ *). Коннетабль Бурбонъ, для спасенія остальныхъ орудій первой линіи, приказалъ уже начать отступленіе, когда, подъ личнымъ начальствомъ короля, вступили въ бой первой линіи главные силы и аррьергардъ герц. д'Алапсона; «черныя дружины», поддержанныя огнемъ оставшихся во власти французовъ орудій, съ многочисленною конницей во главѣ, схватились въ рукопашномъ бою съ передовыми швейцарскими войсками. Собралъ отъ 500 до 600 латниковъ, король съ фронтомъ и правѣе его, коннетабль Бурбонъ бросились на переправившихся 5 или 6.000 швейцарцевъ, давъ предварительно по нимъ залпъ изъ сохранившихся орудій, и отбросили противника за бродъ, по которому они переправились **). Наступившая темнота не прекратила всеобщей свалки, которая продолжалась почти до полуночи, при лунномъ освѣщеніи. Первая линія французовъ была сильно разстроена боемъ.

*) Французскіе источники умалчиваютъ объ этой потрѣхъ орудій; о ней однако имѣются указанія въ архивахъ швейцарской исторіи и географіи Эшера Хоттингера, которыми пользовался Врангль (т. III, стр. 242 и 261, выноска). Гюнчардини (т. II, стр. 416—417), указываетъ даже, что число взятыхъ швейцарцами орудій достигало 15; потому они были брошены во вракъ, при отступленіи къ Милану. По нѣкоторымъ показаніямъ (выдержки изъ «Loyal serviteur» у Harly, стр. 272, выноска), ландскнехты задумали перейти въ наступленіе и часть ихъ переправилась черезъ рѣку; швейцарцы допустили переправу 7—8 шеренгъ и затѣмъ яростной атакой сбросили переправившихся обратно въ каналь; латники (съ Гизомъ, Бурбономъ и Вайромъ), выручили ландскнехтовъ, атакой швейцарцевъ, уже при наступившей темнотѣ («et n'eut été le seigneur de Guise, ils eussent fait grande fâcherie, car il faisait nuit et la nuit n'a pas de honte» — ночь не имѣетъ стыда); «il eut quelque peu de désordre» — осторожно пишутъ самъ король объ этомъ эпизодѣ сраженія.

***) Этотъ именно эпизодъ изображенъ на приложенномъ снимкѣ съ барельефа гробницы короля Франциска I, въ С. Деми (табл. IV, фиг. № 14).

12 орудій и 10 знаменъ взято швейцарцами *), и кардиналъ сьонскій разослалъ во всѣ стороны гонцовъ, съ извѣстіями объ одержанной надъ французами побѣдѣ.

На самомъ дѣлѣ, однако, войска швейцарцевъ были не менѣе разстроены; всю ночь раздавались сигналы, которыми обѣ стороны старались собрать разсѣянныхъ, что, повидимому, удалось сдѣлать французамъ болѣе быстро и успѣшно. Францискъ I употребилъ всѣ свои силы и энергію, чтобы привести разстроенныя боемъ войска въ порядокъ, за вторыми воль, образовавшимъ его новую позицію, и самъ провелъ ночь на пунѣхъ, близъ своей раненой лошади и трубача, который непрестанно подавалъ «сборъ» **).

Подъ покровомъ ночи, къ утру, 14 сентября, къ королю сосредоточились до 20.000 чел. (ландскнехты и вся его ордоинансовая конница). Опасавиися потерять свою боевую славу швейцарцы, предполагая, что король французскій, на разсвѣтѣ, начнетъ отступленіе, рѣшили на слѣдующій день возобновить атаку непріятельской позиціи, чтобы окончательно овладѣть полемъ сраженія и имѣть дѣйствительное право на «викторію».

Войска бликакировали такъ близко другъ отъ друга, что французы успѣли замѣтить, что у костра, на сторонѣ швейцарцевъ, собралась кучка начальниковъ, обсуждавшихъ дѣйствія слѣдующаго дня; тотчасъ по нимъ открытъ былъ огонь изъ французскихъ орудій, успѣвній скоро разсѣять этотъ совѣтъ. На разсвѣтѣ, король Францискъ произвелъ со своимъ начальникомъ артиллеріи, Галло де-Женульякомъ (Gaillot de Genouillac) развѣдку противника, указавъ на тѣ пути, которыми, вѣроятнѣе всего, онъ воспользуется для атаки, и приказалъ расположить свою артиллерію такъ, чтобы эти пути подвергались перекрестному огню. Затѣмъ онъ съузилъ фронтъ расположенія своихъ войскъ, увеличивъ ихъ глубину, оставивъ тотъ-же порядокъ расположенія, т.-е., съ пѣхотой—въ первой линіи и конницею — во второй.

Едва окончены были эти распоряженія, какъ послышались на сторонѣ швейцарцевъ троекратные сигналы къ атакѣ, и вновь началось ихъ наступленіе. Войска ихъ успѣли центръ и оставили болѣе слабыми свои крылья; правый ихъ флангъ долженъ былъ обойти непріятельскую позицію слѣва, а центръ и лѣвое крыло атаковало французовъ съ фронта.

*) По швейцарскимъ же источникамъ.

***) *Martin du Bellay*, liv. I, стр. 11, лѣв.

Авангард швейцарцев, истребленный артиллерийским огнем (около дожины залпов), не выдержал и обратился в бѣгство, но их главныя силы, несмотря на этот огонь и градъ пуль и стрѣлъ, которыми осыпали ихъ противники, не останавливаясь, продолжали наступленіе. Видя безуспѣшность дѣйствія ружейнаго огня, черная дружина и прочіе ландкнехты ринулись въ рукопашный бой; послѣ продолжительной свалки, черная дружина дрогнула и начала отступать, а швейцарцы стали уже подходить къ французскимъ орудіямъ. Но въ эту именно минуту, они были атакованы съ фланга кошицей Франциска и, послѣ отчаянныхъ усилій, были, наконецъ, отбиты и обращены въ бѣгство.

Нѣсколько удачнѣе для нихъ были дѣйствія на ихъ лѣвомъ флангѣ, такъ какъ здѣсь они успѣли даже опрокинуть правое крыло французовъ. Въ 9 ч. утра, для контръ-атаки противъ лѣвой обходной колонны швейцарцевъ, воспользовавшихся ложницей, шедшей въ тылъ расположенія французовъ, были притянуты послѣдній резервъ изъ аррьергарда герц. д'Алансона, который успѣлъ остановить дальнѣйшее движеніе швейцарцевъ. Въ это время, около 10 часовъ утра, къ французамъ прибыла поддержка, вивидъ легкой венеціанской кошицы, съ Альвиано во главѣ, котораго они приветствовали радостными кликами «Санъ-Марко, Санъ-Марко!», такъ какъ знали, что вся венеціанская армія слѣдуетъ за Альвиано; теперь эта поддержка являлась, какъ нельзя болѣе, кстати; дѣйствительно, успѣвъ сдѣлать, въ этотъ день, 32 версты, венеціанцы двигались со стороны Лоды, въ обходъ лѣваго фланга и въ тылъ боеваго порядка швейцарцевъ; поднятыя ими облака имели отняты у швейцарцевъ послѣднюю надежду на благоприятный исходъ сраженія *). Замѣтивъ колебанія въ рядахъ противника, французы дружно переходятъ въ наступленіе, и начинается ужасная рѣзня, въ которой впервые блекнетъ слава непобѣдимости швейцарцевъ; лѣвѣмъ обѣ стороны не берутъ, рубя всѣхъ безощадно **): 15.000 швейцарцевъ и отъ 4-хъ до 5.000 французовъ были убиты на полѣ сраженія ***);

*) Какое-то Альвиано былъ исполненъ рвѣности поддержать своихъ союзниковъ, видно изъ его отвѣта на дошедшіе до него въ пути слухи о побѣдѣ, одержанной надъ Францискомъ швейцарцами: «Тыя лучше, отвѣчалъ онъ, мы внезапно атакуемъ ихъ и выведемъ у нихъ побѣду!»

***) Нѣмецкіе историки передаютъ о страшныхъ изобрѣткахъ, совершенныхъ нѣмецкими-же ландкнехтами: такъ, тѣло одного изъ лучшихъ швейцарскихъ вождовъ, Адольфа Салпса, было зарублено, сжарено и съедено ландкнехтами, вмѣстѣ съ кусками его зеленого знамени, послужившаго салатомъ къ этому ужасному блюду. (*Brandt*, т. III, стр. 267).

****) Потери обѣихъ сторонъ въ этомъ сраженіи, вообще, крайне равнорѣчны: Гюнцардани говоритъ, что со стороны швейцарцевъ пало, по

остатки швейцарцевъ, отступили, въ относительномъ порядкѣ, къ Милану, усиливъ до 1.500 чел. гарнизонъ цитадели, а остальные направились къ предѣламъ Швейцарии, на встрѣчу ожидаемымъ подкрѣпленіямъ. Преслѣдованія не было, ввиду значительныхъ потерь и общаго утомленія боемъ; «nous fimes *semblant de marcher aux autrse...*» пишетъ король Францискъ. Только двѣ роты швейцарцевъ, скрывшіяся, при отступленіи, въ фермѣ, которая была подожжена венепанцами, погибли въ пламени.

Францискъ I, послѣ одержанной побѣды, занялъ Павію, гдѣ былъ принятъ съ восторгомъ населеніемъ, а 16.000 войскъ его, подъ начальствомъ констебля Бурбона, Наварро и Лотрека, были выдвинуты кородемъ, для овладѣнія Миланомъ. Слабый духомъ герцогъ Максимилианъ Сфорца, черезъ 20 дней, подписалъ условія сдачи своей столицы, а также Кремоны, и былъ затѣмъ отправленъ во Францію. Испанская армія Кардона, узнавъ о пораженіи швейцарцевъ, послѣдно отступила отъ Пьяченцы, къ предѣламъ неаполитанскаго королевства. 16 октября, Францискъ I торжественно вступилъ въ Миланъ.

Резьборъ.

Походъ Франциска I въ Италію, закончившійся сраженіемъ при Марпьяно, которое французы называютъ сраженіемъ великановъ («*bataille de géants*»), вслѣдствіе тѣхъ нечеловѣческихъ усилій, которыя были проявлены въ немъ обѣими сторонами, для одержанія побѣды, представляетъ намъ интересный фазисъ въ дальнѣйшемъ развитіи стратегіи и тактики. Образцовый выборъ путей для форсированія горнаго хребта Альпъ арміей Франциска I, искусно vedenія демонстрацій и пренебреженіе мѣстными затрудненіями и лишениями, если есть возможность, при нихъ преодоленіи, одержать стратегическую побѣду—обойти фронтъ расположенія противника—и дать возможному бою условія, выгодныя для себя, лишивъ обороняющагося всѣхъ его выгодъ, основанныхъ на свойствахъ мѣстности,—все это доказываетъ возрожденіе древнихъ стратегическихъ образцовъ, въ духѣ Аннибала и Юлія Цезаря, и въ исторіи новыхъ народовъ является едва-ли не впервые.

однимъ изъ великанъ, около 14.000, по другимъ,—всего 8.000, а къ которому удерживаютъ даже, что всего 3.000; французы потеряли отъ 6.000 до 3.000 чел. Согласно писемъ Франциска I, изъ 28.000 швейцарцевъ спаслось не болѣе 3.000 чел.; свои потери онъ опредѣляетъ около 4.000 чел. и общую убыль обѣихъ сторонъ доводитъ до 30.000 чел. Приведенныя въ текстѣ цифры потерь указаны въ трудѣ: *Listenne et Scivan*, «Bibliothèque historique et militaire»; т. IV, стр. 316.

Что касается самого сраженія при Мариньяно, то здѣсь, въ дѣятельности Франциска, обращаетъ на себя вниманіе стремленіе его организовать взаимную поддержку различныхъ родовъ оружія и примѣненіе ихъ соответственно свойствамъ мѣстности*). Занятая оборонительная позиція усиливается валомъ, рвомъ, засѣками и соответствующимъ мѣстнымъ условіямъ расположеніемъ артиллеріи, которая не раскидывается, какъ прежде, вдоль всего фронта, а, какъ подлѣ Равенной, сосредоточивается въ батареи, дающія продольный обстрѣлъ вдоль гати, служившей противнику главнымъ и наиболѣе вѣроятнымъ путемъ наступленія. Артиллерія прикрывается пѣхотой (ландскнехтами), а конница расположена такъ, чтобы имѣть возможность во-время поддержать пѣхоту, что она и выполняетъ въ критическую минуту.

Расположеніе французской арміи въ двѣ линіи, при чемъ 2-я линія играла роль резерва, цѣлесообразно введеннаго, въ рѣшительную минуту, въ бой, представляетъ также шагъ впередъ въ развитіи тактическаго искусства XVI вѣка. Изъ описанія боя видно, что конница уже не ограничивается фронтальной атакой, какъ въ минувшую эпоху, но старается выиграть фланги противника, сознавая, повидимому, ту выгоду, съ которой сопряжена подобная атака, сравнительно съ атакой въ лобъ; по все это остается еще какъ-бы въ зародышѣ и, можетъ быть, явилось скорѣе, вслѣдствіе стеченія благоприятныхъ обстоятельствъ, чѣмъ плодомъ зрѣлаго обдумыванія.

Въ источникахъ нѣтъ точныхъ указаній, въ какомъ порядкѣ вела бой французская конница; возможно, что она, по прежнему, придерживалась еще рыцарскаго настроенія «честоколомъ» (*en haie*), хотя въ шельмѣ своей матерн, послѣ сраженія при Мариньяно, Францискъ I пишетъ, что конница атаковала послѣдовательными группами, по 500 латниковъ, т. е., отъ 5 до 10 ордонансовыхъ ротъ (**).

*) На второй день боя, въ критическую его минуту, Францискъ I сѣвшился лично взять въ руки линію и, воскликнувъ: «Кто любитъ меня, пусть слѣдуетъ за мной», стѣлъ во главѣ пѣхотнаго батальона, увлекая его своимъ примѣромъ въ атаку. Это было уже крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ привлеченія пѣхоты къ почетному участію въ бою (*Suzanne, Histoire de l'infanterie*, стр. 67).

**) «Par cinq cents et par cinq cents, il y fut fait une trentaine de belles charges, et ne dira-t-on plus que les gendarmes sont Hèvres armés, car, sans point de faute, ce sont eux qui ont fait l'exécution». (Hardy, т. II, стр. 279). Письмо это доказываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что репутация латниковъ, къ 1515 г., уже пала, потому что король считаетъ долгомъ защитить ихъ отъ влиятельнаго оруженнаго заипецъ, которую они получили, главнымъ образомъ, послѣ сраженія при Теруанѣ (Гинегатт) 1513 г.

Со стороны швейцарцев, мы видимъ, что искусство ведения ими боя осталось на той-же ступени, какъ и въ XV вѣкѣ; предыдущіе ихъ успѣхи, не побуждая ихъ къ улучшенію своей тактики, явились косвенной причиною того, что они видѣли главную свою силу въ стремительномъ натискѣ, не считаясь съ новыми народившимися условіями ведения боя, вызванными успѣхами въ развитіи артиллеріи и въ искусствѣ занятія позицій, а также улучшеніемъ состава неприятельской пѣхоты и т. п.

Вотъ почему мы видимъ, что ихъ глубокія колонны, атакующія въ лобъ сильную неприятельскую позицію, терпятъ неудачу; на другой день, они хотя и приняли болѣе разумный способъ дѣйствій, соединивъ фронтальную атаку съ обходомъ фронта, но было уже поздно: мѣра напряженій, потребовавшихся отъ войскъ, была уже перейдена, и появленіе венепанской конницы, которое вызвало новыя нравственные и физическія успѣхи, окончательно сломило ихъ волю и обратило въ бѣгство, подорвавшее ихъ минувшую боевую славу.

Вспѣвъ съ тѣмъ, сраженіе при Мариньяно, бывшее, въ сущности, преимущественно боемъ французской конницы противъ швейцарской пѣхоты, доказываетъ, что хорошо руководимая тяжелая конница того времени могла не опасаться единоборства даже съ такими извѣстными, по своей боевой славѣ, пѣхотными войсками, какими были швейцарцы; такіе успѣхи закопанной въ латы конницы, конечно, болѣе всего задерживали дальнѣйшее развитіе въ европейскихъ арміяхъ сильной народной пѣхоты и побуждали *кряпне держатся прежнихъ организаціонныхъ порядковъ*, съ преобладаніемъ ординансовыхъ латниковъ.

Какъ и сраженіе при Равеннѣ, «битва гигантовъ» представляетъ дальнѣйшее развитіе указаннаго еще въ бою, при Аньяделло, новаго типа сраженій эпохи возрожденія: здѣсь еще рѣзче выдѣлилась необходимость долгаго и настойчиваго истощенія нравственныхъ и физическихъ силъ противника, прежде чѣмъ одержать надъ нимъ побѣду; бой продолжается уже не 2—3 часа, но почти двое сутокъ и стоить страшныхъ потерь; является постепенное введеніе въ бой силъ обѣихъ сторонъ, и та изъ нихъ, которая приводитъ послѣдней свѣжія силы (здѣсь, конечно, случайно—Альвіано) оказывается побѣдительницей.

Дальнѣйшій ходъ военныхъ событій представляетъ намъ послѣдовательное паденіе искусства ведения боя швейцарскими

наемными, войсками которых являются уже сильно отсталыми, по своей тактикѣ, сравнительно съ другими войсками, особенно, если эти послѣднія составились изъ хорошихъ народныхъ элементовъ и разумно управляются. Швейцарцы, сдѣлавшись профессиональными наемниками, набравшими военный промыселъ только потому, что онъ былъ выгоднѣе другихъ, словно вырождались, и боевая слава ихъ побѣдъ, одержанныхъ ими, когда они сражались за свою независимость и національную свободу (Гравсонъ, Муртенъ, Моргартенъ), постепенно меркнетъ.

Къ несчастію для Франциска I, онъ не оцѣнилъ значенія организаціи народной арміи, крѣпко сплоченной любовью къ родинѣ; онъ приписалъ побѣду единственно себѣ и своему искусству, что, въ сущности, представляетъ довольно естественную обще-человѣческую слабость; онъ не побоялся поэтому назвать, для веденія дальнѣйшихъ войнъ, тѣхъ-же разбитыхъ имъ, при Мариньяно, швейцарцевъ. Политическія обстоятельства привели его къ необходимости бороться съ могущественнѣйшимъ государемъ Европы XVI вѣка—Карломъ V; для этой борьбы Франциску пришлось организовать многочисленную армію, при пополненіи которыхъ онъ далъ доступъ, главнымъ образомъ, иностранцамъ и преимущественно швейцарцамъ, такъ какъ нѣмецкіе ландскнехты перешли, большей частью, на службу въ имперскую армію. Въ результатѣ, во французской арміи, національной частью была почти исключительно ордонансовая конница, тоже шедшая къ упадку—въслѣдствіе паденія дворянско-рыцарскаго строя. Полный разгромъ, подъ Павіей, былъ окончательнымъ естественнымъ слѣдствіемъ неразборчивости короля въ источникахъ для комплектованія своей арміи.

По смерти императора Максимилиана I, сынъ его, *Карлъ V*, Походы 1521—1522 г.г. объединилъ, подъ своей властью, Германію, Испанію, Нидерланды, Франшъ-Конте, королевство обѣихъ Сицилій и всѣ земли, открытыя Колумбомъ въ Новомъ Свѣтѣ. Унаследовавъ, по материнѣ, права на бургундское герцогство, Карлъ V, повидному, рѣшилъ продолжить непримиримую вражду своего дѣда—Карла Смѣлаго—съ Людовикомъ XI. Соперничество императора съ честолюбивымъ Францискомъ I изъ-за германскаго престола еще болѣе обострило эту борьбу, продолжавшуюся съ 1521 по 1544 г. и закончившуюся побѣдой Карла V.

Политическая подготовка этой войны велась болѣе усѣбно Карломъ V, такъ какъ, не ограничиваясь своими общими средствами для веденія борьбы, онъ усѣлъ привлечь на свою

сторону короля английскаго, Генриха VIII, мантуанцевъ, флорентинцевъ и папу Льва X, съ которыми императоръ согласился изгнать французовъ изъ миланскаго герцогства и возвести на престолъ Милана сына Максимилиана Сфорца, Франциска. Союзниками французовъ оказались лишь венецианцы.

Въ 1521 году, военныя дѣйствія открылись въ Нидерландахъ, при чемъ они ограничались лишь осадой нѣсколькихъ городовъ и крѣпостей и особенно удачной обороной Мезьера Баардомъ; встрѣча-же обѣихъ армій, подъ Валансьеномъ, обошлась безъ боя, такъ какъ противники разошлись въ разные стороны *).

Въ Италиі, послѣ неудачной осады союзниками Пармы, французскій наместникъ въ Миланѣ допустилъ, по оплошности своей, соединеніе союзной арміи съ швейцарцами и принужденъ былъ очистить всю Ломбардію, за исключеніемъ Кремоны. (Схема № 1, на табл. I).

Роспускъ папскихъ войскъ кардиналомъ Медичи, вслѣдствіе кончины папы Льва X, и переходъ 16.000 швейцарцевъ на сторону французовъ остановили успѣхи союзниковъ. Къ началу похода 1522 года, французы успѣли привлечь на свою сторону и папскія войска и, расположившись, въ количествѣ около 23.000 ч., въ окрестностяхъ Милана (у Касцано), рѣшили отнять у союзниковъ миланскую цитадель, въ которой оборонялся, съ 14.000 ч. имперской арміи, Просперъ Колонна. Успѣвши въ 6.000 ландскнехтами, которыхъ неспособный Лотрекъ вновь допустилъ соединиться съ Колонной, имперцы выступили изъ Милана, готовые, повидному, дать бой французской арміи, но Лотрекъ отошелъ къ Павіи и началъ ея осаду, которую впрочемъ, вслѣдствіе недостатка продовольствія и прибытія на выручку арміи Колонны, онъ принужденъ былъ скоро снять и отойти, черезъ Ландриано, на Монцу.

Въ это время, швейцарцы, составлявшіе главную массу войскъ Лотрека, узнали, что въ Аропу прибылъ большой транспортъ съ казною, предназначенной для уплаты имъ жалованья; транспортъ этотъ былъ однако остановленъ, такъ какъ, при дальнѣйшемъ его движеніи, онъ могъ сдѣлаться добычей имперцевъ **); такъ какъ швейцарцы не были удовлетворены слѣдующимъ имъ содержаніемъ, то они потребовали отъ Лотрека, чтобы онъ повелъ ихъ къ Аропѣ и выдалъ-бы тамъ задер-

*) Голлицъ, ч. 3, стр. 153.

***) Голлицъ (стр. 154) утверждаетъ, что транспортъ этотъ принадлежалъ имперцамъ и что швейцарцы захотѣли его отбить, но другіе источники этого не подтверждаютъ.

жанное жалованье. Предполагая исполнить марш къ Аропфъ незамѣтно для противника, Лотрекь, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласился на эту операцію и попытался обойти расположеніе союзниковъ, по у замка Ля-Викока (La Visocsa), въ 3-хъ миляхъ къ сѣверу отъ Мьяана, Колонна и Пескара успѣлъ преградить ему путь къ Аропфъ. Самъ Лотрекь и нѣкоторые выдающіеся офицеры французской арміи пытались заставить швейцарцевъ отказаться отъ движенія къ Аропфъ, но они настаивали на немедленной атакѣ непріятельской позиціи, грозя, въ противномъ случаѣ, немедленно покинуть ряды арміи. Часть итальянскихъ вождей (Юашиъ Медиччи) и французскихъ латниковъ поддерживали требованія швейцарцевъ.

Такимъ образомъ, французскій полководецъ былъ принужденъ собственными своими войсками къ атакѣ сильной непріятельской позиціи, — фактъ довольно характерный для тогдашней эпохи. 27 апрѣля, 1522 года, Лотрекь выступилъ изъ Монцы къ Ля-Викока, со своей арміей, состоявшей изъ 10.000 швейцарцевъ, 3.000 ордонансовыхъ латниковъ и 3.000 пѣшихъ итальянцевъ (такъ называемой «черной дружины», бывшей подъ начальствомъ Юашиа Медиччи и сражавшейся подъ черными знаменами, въ знакъ траура по папѣ Львѣ X); при арміи находилось 14 орудій.

Сраженіе при Ля-Викока * (27 апрѣля, 1522 года).

Предварительно высланъ былъ, для развѣдки непріятельской позиціи, отрядъ изъ 6.000 швейцарцевъ и 400 латниковъ, подъ начальствомъ Креки де-Пондорри, который донесъ, что около 14.000 чел. союзной арміи стоятъ ** за глубокимъ воднымъ ровомъ, окружавшимъ старыи охотничій замокъ миланскихъ герцоговъ, Ля-Викока. (Схема № 13, табл. IV). По окраинѣ этого рва были расположены 40 орудій, съ прикрытіемъ изъ испанскихъ аркебузеровъ (arcebuteros), расположенныхъ въ 4-хъ шеренгахъ, въ промежуткахъ между орудіями. Фланги позиціи также были надежно прикрыты водными рвами, и такой-же ровъ находился въ тылу, съ единственнымъ каменнымъ мостомъ, по которому шель путь отступленія союзниковъ.

Расположеніе союзниковъ на этой позиціи было слѣдующимъ: непосредственно за артиллеріей стали нѣмецкіе ланд-

* Источники: *Martin du Bellay* («Memoires», liv. II, стр. 39—41); *Mont-luc* («Commentaires», т. I, стр. 9); *Guichardin* (т. II, стр. 593—596); *Hardy* («Origines de la tactique», т. II, стр. 595—303); *Jöhns* («Handbuch», стр. 1038—1091); *Brandt* (т. III, стр. 275—285).

** Харди указываетъ силы союзниковъ: 1.200 латниковъ, 10.000 итальянцевъ, 4.000 владскихътовъ и 3.000 швейцарцевъ, т. е. всего около 24.000 чел.

кнехты, подъ начальствомъ своего знаменитаго вождя, Георга фонъ-Фруидсберга; правѣ его стали итальянскіе гибеллины; лѣвѣ, подъ начальствомъ Пескары, — 400 копій и 6.000 пѣхоты; это были испытанныя испанскія войска, сражавшіяся еще при Гонзальвѣ Кордуанскомъ *). Чтобы уравнивать численность своихъ силъ, Просперъ Колонна притянулъ изъ Милана, подъ начальствомъ молодаго Франциска Сфорца, 6.000 вновь набранныхъ итальянцевъ, частью конныхъ, частью пѣшихъ, которые стали въ тылу позиціи, близъ упомянутаго каменнаго моста.

Испанскіе аркебузеры, разсыпанные вдоль передоваго рва и между орудіями, для поддержанія непрерывнаго огня, получили отъ Пескары указанія, для стрѣльбы пошереножно, а именно: 1-я шеренга, по производствѣ выстрѣла, должна была стать на колѣно и заряжать аркебузу, въ то время, когда поверхъ ихъ головъ стрѣляла 2-я шеренга, которая, въ свою очередь, становилась затѣмъ на колѣно; а послѣ стрѣльбы 4-й шеренги, вновь поднималась 1-я шеренга (пріемъ, который затѣмъ перешелъ во всѣ европейскія арміи и былъ извѣстенъ подъ именемъ палбы «пидерфалленъ», т. е., «съ паденіемъ»).

Для атаки неприятельской позиціи, французская армія была построена въ три линіи: въ авангардѣ — на фронтъ позиціи — направлены были 8.000 швейцарцевъ, а во главѣ ихъ — Монморанси, Монפורъ и другіе выдающіеся французскіе рыцари.

Прикрывавшая наступленіе авангарда итальянская конница Юанна Медичи должна была затѣмъ отойти на лѣвый флангъ, гдѣ расположились остальные италіянскія войска. Во 2-й линіи шла «баталія», т. е., главныя силы — пѣ французскихъ пѣхотинцевъ и остальныхъ швейцарцевъ; правое крыло образовала ординанская французская конница. Въ 3-й линіи наступала аррьергардъ венеціанцевъ герцога Урбино **). 300 копій латниковъ, подъ начальствомъ Лоскэна, маршала де-Фуа, брата Лотрека, съ частью итальянской пѣхоты, должны были обойти лѣвый флангъ союзной арміи и проникнуть въ тылъ занятой ею позиціи, по упомянутому каменному мосту ***). Въ головѣ

*) По схемѣ № 13, составленной согласно рисунку, приложеннаго къ сочиненію *Savotmano* («Arte militare terrestre e maritima». Venezia. 1614), группировка войскъ пѣхоты была иная.

***) По той-же схемѣ № 13, аррьергардъ значится состоящимъ изъ швейцарцевъ (*Retroguardia di Svizzeri*), итальянцы — пѣхоты («leggeri») — во 2-й линіи, но, по другимъ источникамъ, дается расположеніе, указанное въ текствѣ.

****) При этомъ, для введенія противника въ заблужденіе, людямъ обходной колонны приказано было носить красныя кресты, на подобіе бывшихъ въ употребленіи въ имперской арміи, вмѣсто имѣвшихся во французской арміи бѣлыхъ крестовъ.

этой обходной колонны наступала Пондорми, съ 50 латниками и «вновь посвященными рыцарями» *), которые должны были слѣдить за противникомъ, чтобы онъ не попытался сдѣлать неожиданно вылазку изъ замка и атаковать втыль наступающія войска; вообще, отрядъ этотъ долженъ былъ дѣйствовать тамъ, гдѣ, по ходу боя, это признавалось соответственнымъ его начальникомъ. Самъ Лотрекъ, съ частью своихъ рыцарей и французской пѣхотой, рѣшилъ направиться въ обходъ праваго крыла союзниковъ и, проникнувъ въ ихъ лагерь, атаковать затѣмъ ихъ расположение также съ тыла. Педро Наварро долженъ былъ разработать пути, завалить фашинами рвы и выбрать расположение для артиллеріи, при чемъ рекомендовалось собрать орудія въ одну большую батарею, для энергичнаго обстрѣливанія неприятельской позиціи, съѣденный тылъ которой давалъ возможность рассчитывать на усиленный результатъ сосредоточеннаго артиллерійскаго огня.

Утромъ, 27 апрѣля, союзники замѣтили обходную колонну Фуа, но не обратили на нее особаго вниманія, полагая, что она направляется къ Милану; вскорѣ вслѣдъ затѣмъ, показались всадники Юанша Медичи, противъ которыхъ Песткара выдѣлилъ часть своихъ конныхъ аркебузеровъ; въ то-же время, открыла по нимъ огонь и союзная артиллерія.

Едва подошелъ къ приостановившейся итальянской конницѣ авангардъ швейцарцевъ, какъ они потребовали, чтобы ихъ немедленно повели въ атаку; напрасно стали ихъ убѣждать французскіе начальники, что необходимо выждать подготовки огня артиллеріи Педро Наварро; они сгорали лишь желаніемъ — поскорѣ добраться до Ароши и отбросить противника, который мѣшалъ имъ достигнуть желанной цѣли; градъ насмѣшекъ раздался, съ ихъ стороны, по адресу своихъ французскихъ начальниковъ: «А гдѣ-же дворяне? Гдѣ получающіе четверное жалованье? Впередъ имъ нужно идти, а не распоряжаться и кричать въ тылу!...» Эти вызывающія рѣчи должны были побудить лучшихъ французскихъ вождей къ наступленію и дѣлали неудобнымъ ихъ дальнѣйшее сопротивление немедленной атакѣ. Прибывшій къ авангарду Лотрекъ напрасно пытался лично приостановить дикіи порывы швейцарцевъ, доказывая необходимость выждать результата обхода конницы его брата, Лескэна, и дѣйствія французской

*) Здѣсь имѣется указаніе, что во французской арміи еще сохранялся средне-вѣковомъ обычай — посвящать въ рыцари наканунѣ боя, и давать имъ трудныя порученія въ бою, чтобы они, дѣйствительно, заслужили свои шпору.

артиллеріи; ослабленные, въ своемъ упрямствѣ, они хватали большіе камни, увѣряя, что ими они разстроятъ непріятеля гораздо успѣшнѣе, чѣмъ артиллерійскія орудія.

Образовавъ двѣ глубокія колонны, горюшкае — въ одной, и жители долины — въ другой, имѣя впереди «пропавшихъ ребятъ» (verlorene Haufen), которые, хотя и вели наступленіе отчасти въ разсыпномъ строю, но были вооружены большею частью холоднымъ оружіемъ, кинулись швейцарцы къ позиціи союзниковъ. Однако, уже при наступленіи по открытому полю, глубокія колонны ихъ стали сильно терпѣть отъ хорошо направленаго непріятельскаго пушечнаго и ружейнаго огня, вырвавшись изъ строя цѣлыя ряды; непрерывный дождь пуль аркебузеровъ Пескары, обдавалъ ихъ, при приближеніи къ рву, прикрывавшему фронтъ позиціи союзниковъ; глубина этого рва, вмѣстѣ съ высотой вала, оказалась «болѣе длины пика» (т. е., болѣе 18 футовъ), и такіе размѣры указывали необходимость заняться осадой этого укрѣпленнаго лагеря, штурмовать который открытой силой было крайне рискованно. 1.200 швейцарцевъ выбыло изъ строя, къ времени лишь подхода ихъ къ этому рву; тѣмъ не менѣе, они смѣло бросаются въ ровъ и, передохнувъ въ пемѣ, съ яростью взбираются по крутымъ его скатамъ, чтобы затѣмъ броситься въ пикъ на обстрѣльвавшихъ ихъ аркебузеровъ, но послѣдніе быстро скрываются за плотной массой нѣмецкихъ ландскнехтовъ, которые стали сперва па колѣни, молитвой призвали на помощь Бога, затѣмъ встали и, молча, ожидали атаку на мѣстѣ, вытянувъ свои длинныя пики. Началась отчаянная свалка и рядъ единоборствъ, въ которыхъ приняли участіе начальники обѣихъ сторонъ: Георгъ Фрундсбергъ, Арпольдъ Винкельродъ и другіе. Послѣ долгой рѣзни, швейцарцы увидѣли невозможность одолѣть сомкнутую массу ландскнехтовъ и, оставивъ на полѣ брани 22-хъ вождей дружины и до 3000 убитыхъ, отхлынули назадъ.

Какъ при наступленіи, такъ и при послѣдовавшемъ бѣгствѣ, приказанія начальниковъ были безсильны пасть ними. Совершенно не заботясь о другихъ частяхъ французской арміи, она продолжала отступать, успѣвъ лишь забрать вѣтренныя пмъ 14 орудій, которыя, повидимому, не сдѣлали ни одного выстрѣла.

Швейцарцы были уже въ полномъ отступленіи, когда Лескель, съ 400 латниковъ, успѣвъ, сравнительно удачно, достигнуть указаннаго ему каменнаго моста; отбросивъ ми-

ланцевъ Сфорца, онъ овладѣлъ даже частью лагеря союзниковъ; но вслѣдъ затѣмъ, конвоей, сопровождавшій Фрундсберга (такъ называемые «трабанты»), удержали первый натискъ французской конницы, а затѣмъ подошли и ландскнехты, успѣвшіе уже раздѣлаться съ швейцарцами. Кромѣ того, сюда явились и испанскіе аркебузеры Пескары, открывшіе по французскимъ латникамъ энергичный огонь. Тогда Лескэзъ началъ медленно отступать, что было крайне затруднено обратной переправой по мосту, ширина котораго не допускала движенія болѣе чѣмъ, колонной по 2—3 всадника.

Объ атакѣ Лотрека истощики умалчиваютъ, и, вѣроятно, французскій полководецъ, увидавъ неудачу штурма швейцарцевъ, отказался совсѣмъ отъ предполагаемой атаки. Вслѣдъ за отраженіемъ авангарда и главныя силы начали послѣднее отступленіе. Пескара, замѣтивъ это, приказала своей пѣхотѣ сдѣлать вылазку и направить свою контръ-атаку противъ отступающихъ швейцарцевъ. Эта контръ-атака была встрѣчена отрядомъ Пондормы, который приостановилъ наступленіе испанцевъ. Венеціанцы и черная дружина, Іоанна Медичи, не приняли дѣятельнаго участія въ бою, и нѣкоторые авторы видятъ въ ихъ бездѣйствіи главную причину неудачи (du Bellay). Хотя Пескара хотѣла немедленно начать энергичное преслѣдованіе отступающихъ, однако Фрундсбергъ наотрѣзъ отказался отъ перехода въ наступленіе, а французскіе латники отбили попытку итальянской и испанской конницы атаковать отступающую пѣхоту.

Такъ какъ казна французовъ была истощена, то швейцарцы бросили армію Лотрека и вернулись на родину; вся миланская область была вѣкорѣ водворена, подъ властью Сфорца, и признала верховенство императора; ландскнехты Фрундсберга осадили Геную, штурмовали и разграбили этотъ богатнй городъ...

Сраженіе при Ля-Викокѣ интересно въ томъ отношеніи, что оно дополняетъ оставшееся еще не вполне выясненнымъ въ тактикѣ различныхъ родовъ оружія, при разборѣ предшествовавшихъ сраженій, — при Равеннѣ и Мариньяно, и особенно указываетъ значеніе, которое получило разумное дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ. Фронтальная атака швейцарцевъ представляеть какъ-бы послѣднее успѣе отжившей формы — достигнуть успѣха въ бою, но слѣбная вѣра въ ея превосходство рушится подъ пулями аркебузеровъ Пескары, и движеніе массой въ лобъ на укрѣпленныя линіи противника, безъ

Разборъ.

всякой подготовки огнемъ, оказывается уже несостоятельнымъ. Выбѣтъ съ паденіемъ устарѣвшей формы тактическаго искусства, окончательно падаетъ престижъ и слава непобѣдимости представителей его—швейцарцевъ, подорванная уже при Мариньяно.

Хотя Голлицыиъ и указываетъ, что сраженіе при Либикотъ проиграно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе «неблагоразумныхъ распоряженій Лотрека», но, будучи вполнѣ безпристрастнымъ, съ этимъ согласиться нельзя. Распоряженія его, напротивъ, скорѣе доказываютъ, что и на сторонѣ французовъ явились болѣе зрѣлые взгляды на способы веденія боя: пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, Лотрекъ предполагаетъ атаковать позицію не исключительно съ фронта, какъ бывало прежде, но съ обходомъ обонхъ фланговъ, причемъ ударъ направляется въ самую чувствительную точку расположенія противника—на каменный мостъ, бывшій въ его тылу. Моллюкъ, участникъ этого боя, также защищаетъ Лотрека отъ обвиненій и полагаетъ, что онъ исполнилъ долгъ «хорошаго разумнаго генерала» *), но все его несчастье заключалось въ томъ, что *боевыя средства*, имѣвшіяся въ его распоряженіи, оказались несоответственными для выполненія предначертаній полководца. Движеніе наобумъ швейцарскаго авангарда, недождавшагося подготовки артиллеріей и обхода Лескена, разстроило всѣ планы французскаго полководца и позволило ландскнехтамъ, по очереди, отбить безсвязныя разрозненныя попытки французовъ овладѣть позиціей обороняющагося.

Въ отношеніи занятія послѣдней, вновь замѣчается указанное уже стремленіе обороняющагося предохранить своей боевой порядкомъ, со всѣхъ сторонъ, мѣстными преградами,—организовать рядъ крѣпостей, или огромнаго укрѣпленія, съ единственнымъ выходомъ въ тылу; какъ и подъ Равенной, мы не ви-

*) «...il n'y eust point de faute de la part de Monsieur de Lautrec qui y fit tout le devoir d'un bon et sage general. Aussi estoit il un des plus grands hommes de guerre, que jamais l'aye cogneu... laquelle bataille le dit sieur de Lautrec fut forcè d'accorder pour l'opiniastretè des Suisses». (Commentaires, liv. I, стр. 9). На дѣйствительную причину неудачи даетъ указаніе и слѣдующая затѣмъ характеристика швейцарцевъ Моллюкомъ: «Ils sont à la verité vrais gens de guerre: et servent comme de rampars à vne armée: Mais il faut que l'argent ne manque pas, ny les vivres aussi. Ils ne se payent pas de paroles». Этимъ-же недостаткомъ денегъ объясняетъ королю свое поражение Лотрекъ, по возвращеніи во Францію, дожививъ, что онъ не получилъ обѣщанныхъ ему 300.000 дукатовъ. Когда король спросилъ объ этомъ генерала финансовъ Самбланси, тотъ показалъ, что эти деньги взяты королевой-матерью, Луизой Савойской. Хотя это подтвердилось, но задержать такую Самбланси былъ скоро повѣнчанъ. (По мемуарамъ Та-ванна, *Hardy*; «Origines de la tactique»; т. II, стр. 304).

дима, чтобы такой способ действий вредилъ-бы оборонѣ; напротивъ, не смотря даже на направленіе части саль атакующаго именно на эту слабѣйшую точку, обороняющійся съ успѣхомъ пользуется окружающимъ его расположеніемъ мѣстными преградами, вознаграждая ихъ сопротивленіемъ численное превосходство силъ противника.

Изъ тактическихъ приѣмовъ, является новостью послѣдовательная пальба шеренгами «съ паденіемъ», хотя, какъ мы видѣли, первая попытка упорядочить въ подобномъ-же родѣ стрѣльбу аркебузеровъ сдѣлана была уже раньше Гастономъ де-Фуа, при штурмѣ Врешія (стр. 66). Аркебузеры Пескары, поставленные между орудіями, готовятъ ружейнымъ огнемъ бой сомкнутыхъ массъ ландскнехтовъ Фрундеберга, которые принимаютъ стрѣлковъ подъ свою защиту, какъ только противникъ, не обращая вниманія на огонь, рѣшается сойтись грудью съ грудью; такимъ образомъ, бой пѣхоты основывается на совокупномъ дѣйствіи и взаимной поддержкѣ двухъ родовъ ея—аркебузеровъ (потомъ мушкетеровъ) и пикинеровъ съ аллебардистами, и эта форма боя является преобладающею до самого изобрѣтенія ружья со штыкомъ, соединившаго оба вида пѣхоты.

Сраженіе при Ля-Бикокѣ, доказавшее, самымъ очевиднымъ образомъ, весь вредъ, причиняемый арміи иностранными наемниками, которые, преслѣдуя исключительно свои узкія эго истинческія цѣли, не даютъ полководцу необходимой свободы для рѣшенія *), не только въ стратегической (движеніе на Арону), но и въ тактической области (несвоевременная атака),—тѣмъ не менѣе, не побудило Франциска I отказаться отъ гибельнаго для Франціи способа комплектованія арміи, и тѣ-же швейцарцы, авантюриеры, итальянцы, ландскнехты и прочіе наемники всѣхъ странъ и народовъ, по прежнему, фигурируютъ, въ видѣ преобладающей массы, въ его арміи; напротивъ, процентъ французовъ, въ слѣдующей кампаніи, даже уменьшается, и, за исключеніемъ ординансовой кошицы, они составляютъ самое ничтожное меньшинство въ арміи. Такъ сильна у людей склонность приписывать свои неудачи побочнымъ случайнымъ причинамъ, обвинять въ пораженіяхъ мѣстные условія, пераспорядительность начальниковъ и разнаго рода случайно-

*) «Voyez donc l'inconvenient qu'il y a d'auoir la force d'une armée de nation étrangère qui est pour vous baiffer la loy». (Видите, какое неудобство имѣтъ главныя силы арміи изъ иностранцевъ, которые вамъ диктуютъ законы), говорить по этому поводу дю-Безювѣ («Memoires», IV II, стр. 46).

сти, и не смотрѣть въ корень вещей, не видѣть главной основной причины неудачи... Въмѣстѣ съ тѣмъ, военная исторія современной Франциска I эпохи не представляла примѣра рѣшительной побѣды *народной армии*, сила которой была бы основана на стойкой национальной пѣхотѣ, а неудача послѣдняго опыта созданія «вольныхъ лучниковъ» была еще у всѣхъ свѣжа въ памяти. Вотъ почему, вмѣсто привагія рѣшительныхъ мѣръ по созданію народной пѣхоты, Францискъ I рѣшилъ только менѣе довѣрять своимъ генераламъ и чаще принимать личное командованіе надъ войсками, къ чему его побуждалъ также блестящій исходъ своего перваго боевого опыта (Мариньяно).

Кампанія
1524—1525
годовъ.

Слѣдующій годъ (1523) былъ для Франциска I годомъ *политическаго* пораженія, такъ какъ бывшіе его союзники, — венеціанцы и папа — перешли въ лагерь его противниковъ, образовавъ съ ними такъ называемый «римскій союзъ».

Неблагодарное и легкомысленное короля, а также штриги его матери довели его до опаснаго шага — лишенія коннетабли Карла Бурбона всѣхъ его наследственныхъ владѣній, вслѣдствіе чего онъ перешелъ на службу къ Карлу V. Король готовился къ новому переходу черезъ Альпы, когда эта нѣмѣна и вторженіе англійчанъ въ область Соммы, наступленіе пѣшцевъ въ Шампани и испанцевъ — къ Байоннѣ, заставили Франциска I заботиться о защитѣ собственныхъ предѣловъ. Любимцу короля, адмиралу Бонниве, оказавшемуся совершенно неспособнымъ полководцемъ, было ввѣрено командованіе арміей въ Пьемонтѣ, которой вскорѣ пришлось также ограничиться обороной предѣловъ Франціи.

1524 годъ принесъ съ собою *стратическое* пораженіе арміи Бонниве, которую союзники, переправившись черезъ Тичино, отрѣзали отъ Пьемонта и Франціи; только слабыя остатки французской арміи, пробившись боемъ, на рѣкѣ Сезинѣ, успѣли отступить, черезъ Сузу, въ Дофинзъ. Въ одномъ изъ аррьергардныхъ дѣлъ, 30 апр., 1524 г., былъ смертельно раненъ Баярдъ, славный рыцарь «безъ страха и упрека» *). Велѣдъ затѣмъ, армія союзниковъ, численностью около 17.000 чел., при

*) Знаменательны слова умирающаго Ваярда, сказанныя имъ, по свидѣтельству д-Валлэй, прибывшему къ нему Бурбону, выразившему ему свои соболезнованія: «Il n'y a point de pitié en moi, отвѣтилъ Ваярдъ, «car je meurs en homme de bien. Mais j'ai pitié de vous, de vous voir servir contre votre prince, et votre patrie et votre serment». Какъ видно, идея *родины* была уже настолько сильна, что лучшие слуги ея уже не могли примириться съ фактомъ измѣны ей, ради личныхъ счетовъ. Но мы еще долго будемъ встрѣчать подобныя переходы на службу, къ врагамъ родины

18 орудійхъ, подъ начальствомъ Пескары и Бурбона, вступила въ Провансъ, заняла Тулонъ и осадила Марсель.

Стойкая оборона города его жителями, вооружившимися даже женщины и дѣтвой, въ связи съ продовольственными затрудненіями осаждавшихъ и возникшими несогласіями между Пескарой и Бурбономъ, принудили ихъ снять осаду, тѣмъ болѣе, что на выручку осажденнымъ приближалась паскорю набранная французская армія (силою около 35.000 ч., въ томъ числѣ до 1 500 латинковъ), съ самимъ королемъ во главѣ.

Только благодаря личной энергіи Пескары и замѣчательной стойкости его войскъ, союзной армія удалось исполнить послѣдовавшее обратное отступленіе, черезъ Геную, въ Пьемонтъ и Ломбардію. Король, наступая на Авиньонъ, едва не отрѣзалъ союзниковъ отъ пути ихъ отступленія на Миланъ. Усиленные марши, при неблагоприятныхъ условіяхъ погоды (зимой), лишены всякаго рода и болѣзни (чума въ Миланѣ), до такой степени ослабили имперскую армію, что, когда она сосредоточилась къ Лоди, то мало мальски энергичное преслѣдованіе французами привело-бы ее къ окончательной гибели, но король, приказавшій, было, своимъ войскамъ, занявшимъ уже г. Миланъ и осадившимъ миланскую цитадель,—двинуться на Лоди, вдругъ приказалъ ихъ вернуть и предпочелъ заняться осадой Павіи *). (Схема № 1, на табл. I).

Для союзниковъ крѣпость Павія имѣла значеніе, главнымъ образомъ, потому, что, при носѣнномъ отступленіи, они сосредоточили въ ней большинство своихъ боевыхъ припасовъ, а также оставили въ ней почти всю свою артиллерию; кромѣ того, стратегическое значеніе этой крѣпости обуславливалось тѣмъ, что она доставляла обезпеченную переправу

Осада Павіи **)
(1524—1525 г.).

*) По свидѣтельству Брантома, приведенному у Брандта (стр. 292), зимній походъ Франциска I въ Италію былъ вызванъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Вонвиво, въ яркихъ краскахъ, описалъ королю красоту одной миланской красавицы, сеньора Клериче, что, при романтическомъ характерѣ французскаго короля и его легкомысліи, кажется довольно правдоподобнымъ; можетъ быть, та-же сеньора Клериче побудила его не уходить далеко отъ Милана; возможно также, что король, какъ рыцарь того времени, считалъ неудобнымъ искать противника гдѣ-то вдали, когда онъ еще оказывалъ сопротивление здѣсь, на мѣстѣ.

***) Источники: *Martin du Bellay* («Memoires», liv. II, стр. 66—68); *Montluc* («Commentaires», стр. 17—19); *Guichardin* (т. III, стр. 63—95); *Brandt* (т. III, стр. 293—304); *Haray* («Origines de la tactique», т. II, стр. 323—336); *Jöhns* («Handbuch», стр. 1091—1107); *Расловъ* («Исторія пѣхоты персовъ. Пузыревскаго, ч. I, стр. 235—239); *Голлицыя* («Всеобщая военная исторія среднихъ вѣковъ»; ч. 3, стр. 156—157); *Rosquainville* («Cours élémentaire»; т. I, стр. 314).

на шажнемъ теченіи р. Тичино и образовава, такимъ образомъ, пунктъ, черезъ который удобнѣе всего было открыть наступательныя дѣйствія въ Пьемонтѣ. Ввиду изложеннаго, комендантомъ Павія былъ назначенъ очень энергичный и храбрый *Антонио де-Лейва* (испанецъ), а гарнизонъ образовали: двѣ дружины ландскнехтовъ, по 3.000 чел., 500 испанскихъ аркебузеровъ и 200 копій латинковъ. Союзники сосредоточивались близъ Лоди, при чемъ, въ поддержку Пескаръ, прибылъ, съ тяжелой конницей, испанолитанскій вице-король Лаянуа, назначенный на этотъ постъ послѣ смерти Проспера Колонны. Бурбокъ отправился въ Германію—ускорить прибытіе подкрѣпленій, именно ландскнехтовъ Фрундсберга.

28 октября, 1524 г., король Францискъ подошелъ къ Павію, съ арміей, состоявшей изъ 6.000 швейцарцевъ, 8.000 нѣмцевъ (ландскнехтовъ), 6.000 авантюрьеровъ, 4.000 итальянцевъ и 1.000 копій ордонансовой конницы, всего около 30.000 чел.*). (Схема № 15, табл. V).

Немедленно по прибытіи, король приказалъ сдѣлать брешь въ главной башнѣ пятадели и затѣмъ штурмовалъ замокъ, но 13 разъ возобновленный штурмъ кончился неудачей. Лейва укрѣпился въ ближайшихъ къ брешн домахъ**) и насыпалъ позади брешн новыя линіи, укрѣпленныя такъ, что французамъ пришлось обратиться къ медленной осадѣ города. Обширныя контръ и циркумъ-валационныя линіи окружили городъ; осадныя работы были раздѣлены на участки: на лѣвомъ берегу Тичино, центральный участокъ былъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ короля; правѣ его, былъ участокъ герцога Амансонскаго и авангарда Ля-Малиса; лѣвѣе, — до нижней части Тичино, — участокъ Шабанна (отличившагося обороной Марсеи); на правомъ берегу Тичино, по южную сторону предмета С. Антонио, болѣе слабо укрѣпленнаго,

*) Мы придерживаемся здѣсь цифръ, указываемыхъ безпристрастнымъ Брандтомъ, которая сходятся съ указываемыми у Гюичардиня; только легкая конница у послѣдняго присоединена къ латинкамъ, которыхъ онъ считаетъ всего 2.000 копій; но затѣмъ указываетъ ниже (т. III, стр. 82), что къ сраженію подъ Павіей осталось всего 800 копій латинковъ. У Тенка общая численность французской арміи указана въ 36.000 (число авантюрьеровъ—8.000 и число копій латинковъ—1.700); у Голицына указано (стр. 156), что, за выдѣленіемъ отряда герцога Стюарта д'Обинья 5.000 чел., у Франциска осталось 26—28 тысячъ.

**) Дю-Веллѣ даетъ указаніе, что въ стѣнахъ этихъ домовъ были пробиты баяницы, и сами дома заняты стрѣлками (*les maisons voisines étoient percées bien à propos et remplies d'arquebouzerie*), что представляетъ интересную данную для сужденія о приспособленіи мѣстныхъ предметовъ къ оборонѣ, еще въ началѣ XVI вѣка.

завѣдывалъ работами Монморанси, съ 3.000 ландскнехтовъ, 3.000 итальянцевъ и корейканцевъ, при 200 латникахъ. Въ каждомъ участкѣ были построены редуты, вооруженные тяжелыми орудіями, въ промежуткахъ между которыми были поставлены засыпанные землей туры *); орудія эти давали сильный фланговый огонь вдоль контръ-валанціонныхъ линій. Главная квартира короля расположилась въ аббатствѣ Лацфранко. Обширный паркъ-звѣрипецъ Чертоза («Certosa» — названный такъ по Картезіанскому монастырю, бывшему въ немъ), расположенный сѣвернѣе города, былъ также занятъ частью аррьергарда герцога Алансонскаго; лагерь французовъ былъ расположенъ въ паркѣ, а также въ промежуткѣ между нимъ и городомъ; центральнымъ пунктомъ, въ тылу осаждающихъ войскъ, былъ охотничій замокъ Мирабелло, расположенный въ серединѣ парка; здѣсь пріотылись лица многочисленной королевской свиты, а также разные легаты, дипломаты, чиновники и купцы, а рядомъ съ ними была постоянная армарка, а также лагерь части пѣхоты и почти всей ординансовой кошицы. Для облегченія связи между войсками, расположенными по осаднымъ линіямъ и находившимся въ паркѣ Чертоза, были продѣланы три прохода въ каменной стѣнѣ, ограждавшей съ юга самый паркъ. Черезъ Тичино, выше и ниже города, были наведены мосты, для связи между войсками осаднаго корпуса, расположенными на обоихъ берегахъ рѣки. Такъ какъ болѣе слабая южная часть города прикрывалась почти исключительно рѣкою Тичино, то была сдѣлана попытка отвести воду рѣки въ рукавъ ея, Граваллоне, съ тѣмъ, чтобы загнать штурмовать съ этой стороны городъ, по пересохшему руслу рѣки, но, къ несчастію французовъ, постоянно шедшіе дожди настолько подняли уровень воды въ рѣкѣ, что работы ихъ, возведенныя, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, съ замѣчательной энергіей и искусствомъ, были разрушены водою, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Между тѣмъ, политическая обстановка сдѣлалась для Франциска I болѣе благоприятной: папа съ нимъ примирился; Флоренція, Феррара, Тоскана, Лукка и Сиена объявили своей нейтралитетъ, а частью открыто перешли на сторону Франціи; въ Неаполѣ-же начала получать преобладающее партія приверженцевъ дома Арау; съ цѣлью поддержать

*) Участокъ такого редута изображенъ на барельефѣ гробницы Франциска I. (См. фиг. 44, на табл. XI).

яхъ, Францискъ I рѣшился ослабить себя выдѣленіемъ, въ январѣ, 1525 года, 8.000 пѣхотинцевъ и 600 всадниковъ *), подъ общимъ начальствомъ Стюарта д'Обинья (котораго звали также герцогомъ Албанца), для диверсій въ среднюю и южную Италію. Съ подобной-же цѣлью, выслалъ онъ отрядъ маркиза Салуццо, для поддержанія предпріятія Доріа, противъ Генуи.

Обѣ диверсіи были слишкомъ слабы, чтобы достигнуть рѣшительныхъ результатовъ, а между тѣмъ замѣтно ослабили армию Франциска, какъ разъ въ то время, когда къ неприятельской арміи прибыли значительныя поддѣлки.

Совокупными усиліями Лангуа, Бурбона и Георга Фрундеберга, не пожалѣвшими затраты своихъ личныхъ матеріальныхъ средствъ, для поддержки имперской арміи, сосредоточенной у Лоды, въ январѣ мѣсяцѣ, 1525 года, было собрано до 12.000 ландскнехтовъ, 2.000 нѣмецкихъ рейтаровъ и 600 бургундскихъ рыцарей. Слабѣе всего стоялъ вопросъ относительно пополненія союзной арміи артиллеріей, которая вся почти досталась въ руки французамъ, при преслѣдованіи отъ Марсели, на перевалахъ черезъ Альпы; всѣ старанія Бурбона привели лишь къ прибытію новыхъ 4-хъ бронзовыхъ и 2-хъ плохихъ желѣзныхъ орудій. Многочисленныя затрудненія являлись также вслѣдствіе полного оскудѣнія имперской казны. Только благодаря изобрѣтательности Пескары и славы имени Фрундеберга, а также указаннымъ уже личнымъ жертвамъ главныхъ начальниковъ, удалось удержать павановъ на линіи мѣсяцъ, не платя имъ содержанія. Въ Павіи, изъ серебряной церковной утвари, по приказанію Антоніо де-Лейва, были начеканены монеты, и этими деньгами, съ грѣхомъ пополамъ, удовлетворены были требованія объ уплатѣ жалованья. «Черная дружина» Юанна Медичи, 3.000 чел. пѣхоты и 3.000 легкихъ всадниковъ, вслѣдствіе пенсированной уплаты содержанія, перешла на службу къ королю Франциску **).

Пока сосредоточивалась армія союзниковъ, въ Лоды обсуждались, вмѣстѣ съ тѣмъ, дальнѣйшія дѣйствія. Хитрый папскій легатъ сталъ доказывать Лангуа необходимость возможно послѣш-

*) Такъ показывается численность отряда Брандта (т. 3, стр. 295); по Іенсу.—200 копей латниковъ, 600 легкихъ всадниковъ и 4.000 пѣхоты, при 12 орудіяхъ. («Handbuch», стр. 1093); по Харди—600 копей латниковъ, 600 легкихъ всадниковъ и 10.000 чел. пѣхоты (т. II, стр. 325, выв.) у Голцинына (стр. 156)—5.000 человекъ.

**) Впрочемъ, вскорѣ Юаннъ Медичи былъ раненъ, при отраженіи вылазки испанцевъ, и весь отрядъ его разбѣлся.

ибе направиться на югъ, для защиты неаполитанскаго королевства, ввиду диверсiи Стюарта д'Обиши, и Ланнуа уже сталъ колебаться; но прочіе вожди, особенно Пескара, горячо высказались за немедленную атаку французской арміи, осаждавшей Павію. При этомъ Пескара очень разумно замѣтилъ, что *на войнѣ нѣтъ никакой возможности все сохранить*; поэтому истинному полководцу необходимо избрать наименьшее зло; дѣленіе-же силъ всегда ведетъ къ гибели. Въ настоящемъ случаѣ, необходимо всеми своими силами бороться съ французами; побѣдой надъ ними будетъ спасенъ и Неаполь, еслибъ даже во власти императора, въ неаполитанскомъ королевствѣ, не осталось-бы ни одной башни. Когда остальные полководцы пришли къ тому-же убѣжденію, а папскій легатъ продолжалъ все настаивать на своемъ, то Пескара, наконецъ, выгналъ его вопъ изъ палатки, пустивъ въ ходъ рукоятку своего меча.

24 января, союзная армія перешла черезъ Адду и направилась на Мариньяно, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди двигались 500 албанскихъ легкихъ всадниковъ (стратиготовъ); за ними слѣдовала бургундская, нѣмецкая и испанская конница, подъ начальствомъ Ланнуа и Бурбона; затѣмъ двигалась испанская пѣхота Пескары, къ которой были также присоединены 1.000 итальянскихъ пѣхотинцевъ; они прикрывали собой 6 орудій съ 5 повозками, съ огнестрѣльными припасами. Колонна замыкалась двумя дружинами ландскнехтовъ Фрундсберга. Такимъ образомъ, армія эта, по своему составу, вполне соответствовала испано-германской пѣдѣ габсбургской монархіи.

Направленіе движенія союзной арміи ввело французовъ въ заблужденіе, заставивъ ихъ предположить, что она имѣетъ цѣлью Миланъ; однако отъ Мариньяно союзники круто повернули на югъ и овладѣли штурмомъ замкомъ С. Анджело (на пути между Лоди и Павіей), оборонявшимся 800 пѣхотинцами и 200 всадниками Пирро Боццола. 3 февраля, Пескара, бывшій душой всего предпріятія, достигъ С. Даміано и д. Прадо и сталъ уже въ виду французской арміи.

Въ послѣдней обсуждались способы дальнѣйшихъ дѣйствій; лучшие полководцы Франциска I, — Ля-Пались, Ля-Тремуйль, старшій Тривульпій и другіе, — совѣтовали снять осаду, ввиду опасности попасть между осажденной крѣпостью и прибывшей арміей противника, бой съ которымъ становился также опаснымъ, особенно вслѣдствіе развившихся во фран-

узкой арміи болѣе и общаго ослабленія всего ея состава, въ продолженіи долгой осады. Кромѣ того, бои казались имъ излишними, ввиду того соображенія, что цѣль войны—занятіе миланскаго герцогства—могла быть достигнута и безъ всякаго сраженія, такъ какъ недостатокъ средствъ у противника долженъ былъ его принудить скоро распустить свои войска; поэтому самый лучший способъ дѣйствій былъ, по ихъ мнѣнію, затянуть борьбу; пользуясь крѣпкими позиціями, медленно стягивать свои силы и избѣгать рѣшительнаго столкновенія, котораго такъ жаждалъ противникъ.

Однако Францискъ I, главнымъ образомъ подъ влияніемъ Бошиво, не считалъ возможнымъ компрометтировать свое королевское достоинство принятіемъ подобнаго осторожнаго рѣшенія и отказомъ отъ осады Павія; онъ возмущался отступленіемъ передъ пзмѣнникомъ—Бурбономъ и рѣшился продолжать осаду, а въ случаѣ необходимости, принять бой въ своихъ лѣсахъ, опосывая успѣхъ на ихъ силѣ и на численномъ превосходствѣ своихъ войскъ. Ля-Тривуэйль говорилъ, что даже снятіе осады, съ цѣлью боя съ имперской арміей, лучше насильнаго выжиданія подъ стѣнами крѣпости. Но король оставался непреклоннымъ. Ввиду такого рѣшенія, принято было лишь болѣе сосредоточенное расположеніе, и войска сведены въ общій лагерь, противъ восточной окраины города, но обѣими сторонамъ дороги въ Лоди. Главная квартира короля была переведена въ аббатство С. Паоло. Укрѣпленныя линіи подведены до самыхъ стѣнъ парка Чертоза, вмѣстѣ съ которыми позиція французовъ, усиленная 55 орудіями, казалась довольно неприступною.

Кромѣ того, съ цѣлью отрѣзать армію союзниковъ отъ Кремоны, откуда они получали продовольственные припасы, былъ командированъ отрядъ Іоанна Палавичини (2.000 чел. пѣхоты и 400 всадниковъ), я къ нему долженъ былъ присоединиться отрядъ гр. Раггона, примѣрно такой-же силы. Но когда находившійся въ Кремонѣ герц. Францискъ Сфорца собралъ до 2.000 чел. пѣхоты и нѣсколько копницы, подъ начальствомъ Александра Бендивольо, поручивъ ему отбросить отрядъ Палавичини, то послѣдній не дождался бывшаго въ одномъ переходѣ отъ него гр. Раггона, вышелъ неосторожно изъ своего укрѣпленнаго лагеря у Казаль-Маджоре, былъ разбитъ войсками Бендивольо и попалъ самъ въ плѣнъ, а весь отрядъ его разсѣялся.

Не смотря на силу французскихъ контръ-вакаціонныхъ

линий, Пескара задумалъ ихъ атаковать, но рѣшилъ, съ возможною предусмотрительностью, подготовить свой ударъ. Приблизившись, шаговъ на 800 къ позиціи противника, онъ позаботился, съ первыхъ-же дней, усилить свое расположеніе постройкой укрѣпленныхъ линій, въ направленіи отъ Санъ-Даміано на Каза делла-Терра; ниже устья рѣчки Вернакулло, протекающей по парку Чертоза, была паведена черезъ Тичино мостъ, для сообщенія съ правымъ его берегомъ. Стѣснивъ, такимъ образомъ, до крайности положеніе французской арміи, имперцы стали производить рядъ частныхъ нападеній на непріятельскіе передовые посты, при чемъ Пескара пользовался великимъ случаемъ, чтобы точнѣе развѣдать мѣстность и подробности расположенія французовъ.

Въ ночь съ 19 на 20 февраля, было произведено болѣе значительное нападеніе имперцевъ: Пескара, во главѣ 3000 чел. испанской пѣхоты, атаковалъ редуты французовъ, перемель частью ихъ укрѣпленныя линіи, положивъ на мѣстѣ до 500 чел. французовъ, послѣ чего, заклепавъ 3 орудія, отошелъ въ свой лагерь. Повидимому, осторожный Пескара полагалъ, что назойливыя мѣстія нападенія выведутъ противника изъ себя, и онъ рѣшится на атаку позиціи имперцевъ *). Однако, Францискъ I вовсе не думалъ покидать своихъ линій, и эти стычки привели лишь къ тому, что французы настолько къ нимъ привыкли, что перестали обращать на нихъ вниманіе, часто не брались даже за оружіе, когда къ ихъ линіямъ подступали молкія партіи испанцевъ **), и сторожевая служба отправлялась ими все болѣе и болѣе безопасно. Такъ прошло 3 недѣли, въ этихъ мелкихъ нападеніяхъ, сопровождавшихся частыми вылазками гарнизона Павія. Линіи союзной арміи приближались, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, шаговъ на 40 къ линіямъ французовъ ***).

Приближался конецъ срока, на который ландскнехты согласились остаться подъ знаменами безъ жалованья; положеніе гарнизона Павія становилось критическимъ, и Пескара уговорилъ колебавшагося Лаппуа атаковать французскія линіи,

Сраженіе
подъ
Павіей ***).
24 февраля
1625 г.

*) Эти ночныя нападенія получили даже особое названіе «каминдль» отъ «camisa» — рубашка, такъ какъ при нихъ, для отличія отъ противника, въ ночное время, испанцы одѣвали поверхъ латъ бѣлыя рубашки.

***) «Эй, вы, мадритавскія капальи», (matapanes caualia) кричали имъ французы, изъ своихъ укрѣпленныхъ линій, сдумавъ, что мы для васъ будемъ становиться въ ружье? Не стоите вы того?... и т. д. (Brandt, стр. 303).

****) Русская. «Исторія пѣхоты», т. I, стр. 236.

*****) Источники, кромѣ указанныхъ въ вышеслѣ на стр. 107: *Liskenne et Saugan* («Bibliothèque historique et militaire», т. IV, стр. 348—358); *Prince*

при чемъ рѣшился произвести нападеніе, главнымъ образомъ, на флангъ ихъ и, воспользовавшись почилиемъ временемъ, проникнуть съ арміею въ паркъ Чертоза, овладѣть замкомъ Мирабелло и наступать затѣмъ, приблизительно въ направленіи долины протекавшаго по парку ручья Вернакулло *).

Въ ночь съ 23 на 24 февраля, испанскіе гуастадоры (пионеры) пробрались къ сѣверной части каменной стѣны, окружавшей паркъ, и близъ монастыря С. Гелезіо, успѣли, незамѣченные противникомъ, пробить въ ней, въ ручную, брешь, шириной отъ 60 до 80 шаговъ **), чему способствовала темная, бурная ночь. Въ то-же время, было организовано нѣсколько демонстративныхъ атакъ на фронтъ французскихъ линій. Между войсками были распространены слухи, что имперская армія начинаетъ отступленіе; самый лагерь былъ ночью зажженъ, и обозъ отправленъ по дорогѣ на Лоди, а войска выступили въ направленіи на Миланъ. Общая численность имперской арміи достигала 24.000 чел. (12.000 ландкнехтовъ, 4.000 испанцевъ, 1.000 итальянцевъ, 1.000 коній латниковъ и 1.000 легкихъ всадниковъ). Французская армія, ослабленная выдѣленіемъ отрядовъ для диверсій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, усиленная вновь нанятой «черной дружиной» Суффолька (5.000), вѣроятно, въ общемъ, была силой около 25.000 чел.***),

Napoléon-Louis Bonaparte («Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie»; т. I, стр. 183). ? «Loifaden der allgemeinen Kriegsgeschichte», Verfasst im Auftrage des k. u. k. Reichs-Kriegs Ministeriums. Wien. 1891, (стр. 142—148).

*) До-Веллей предполагать, что главная цѣль союзниковъ была лишь—провести поддержки ослабѣвшему гарнизону Павіи и снабдить его припасами, почему маршъ имперцевъ и былъ направленъ на паркъ Чертоза, скрывавшій обходъ ими французскихъ укрѣпленныхъ линій; бой же былъ предположенъ только въ крайности—въ случаѣ выхода французовъ изъ ихъ линій. («Memoires». Liv. II, стр. 68, прав.).

**) «40—50 toises», какъ говоритъ *Martin du Bellay*. (L. II, стр. 68, прав.), по Гюнчардини (т. II, стр. 88).—20 туазовъ.

***) Врандъ считаетъ ее въ 30 000, Іенсъ даже въ 39.000; но, повидному, обѣ цифры преувеличены. Казалось-бы, что, ввиду выдѣленія отрядовъ и послѣдствіе потерь, во время осады, армія должна была скорѣе уменьшиться, чѣмъ увеличиться, сравнительно съ указанной имъ равные цифры въ 36.000 чел. Повидному, Іенсомъ руководило, главнымъ образомъ, желаніе—усилить краски пораженія французской арміи, тѣмъ болѣе, что источникъ, изъ котораго имъ почерпнуты эти преувеличенныя данныя, онъ не указываетъ. Въ австрійскомъ наданіи «Loifaden»... стр. 143, французская армія, ко времени сраженія, исчисляется всего въ 26.000 (7.000 французовъ, 6.000 итальянцевъ, 8.000 швейцарцевъ, 5.000 нѣмцевъ, 7.000 французской и итальянской конницы и 550 рыцарей), эта цифра совпадаетъ и съ приведенной у Гюнчардини (т. III, стр. 79); во послѣдній оговариваетъ, что по этому расчету Францискъ I платилъ жалованье своей арміи; на дѣль-же, по силности начальниковъ, она была значительно меньше; кромѣ того, 2.000 чел. оставались въ Миланѣ. Французы исчисляютъ армію короля гораздо меньшаго состава: *Hardy* (т. II, стр. 326) увѣряетъ, что подъ Павіей осталось всего 800 коній латниковъ (8.400 коней) и 13.000 пѣхоты, такъ какъ, кромѣ вы-

т. е., почти равной съ имперской, а если считать 5.000 чел. гарнизона Павии, принявшаго также участіе въ сраженіи, то окажется, что имперцы превзошли французозъ примѣрно на $\frac{1}{3}$.

На разсвѣтѣ, 24 февраля (въ день рожденія императора), *авангардъ* имперцевъ, въ 2.000 ландскнехтовъ Фрундсберга, 2.000 испанскихъ аркебузеровъ и 4.000 пталъянцевъ, при 400 стратіотяхъ, подъ общимъ начальствомъ маркиза *Гуасто*, племянника Пескари, подошелъ къ брени, которую только что закончили пробивать гуастадоры, и началъ дефлироваться въ паркъ Чертоза, послѣ чего испанская и нѣмецкая пѣхота заняла высоту впереди брени, чтобы прикрыть дебушированіе остальныхъ войскъ. Въ то-же время, 4 сотни стратіотовъ, подъ начальствомъ маркиза С. Алджело, внезапно атаковали замокъ Мирабелло и подняли тревогу среди его мирно спавшихъ обитателей, а также въ прилегавшемъ къ замку лагерѣ. Сонный караулъ изъ голуэцевъ Джустиньяни, находившіеся впереди замка, былъ частью изрубленъ и обращенъ въ бѣгство; присоединившіеся вслѣдъ затѣмъ къ стратіотамъ испанскіе аркебузеры безпрепятственно переправились черезъ р. Верпакулло и захватили, около 8 часовъ утра, замокъ Мирабелло. Находившіеся вблизи войска герцога Алансонскаго, въ беспорядкѣ, бѣжали къ лѣвому флагу позиціи французозъ, и только, когда авангардъ имперцевъ достигъ контръ-валаціонныхъ линій, встрѣтилъ онъ первое сопротивленіе со стороны поднятаго по тревогѣ отряда Бриона, которому удалось задержать дальнѣйшее наступленіе испанцевъ.

Между тѣмъ, черезъ брени въ стѣнѣ парка, продолжали дефлироваться *главныя силы* имперцевъ, въ двухъ эшелонахъ: въ первомъ—шла осталъная испанская пѣхота и конные аркебузеры, подъ личнымъ начальствомъ *Пескари* *); во второмъ—съ вице-королемъ *Ланнуа* и *Бурбономъ* во главѣ, наступала бургундская тяжелая конница графа Сальма, а затѣмъ

дѣлений отрядовъ, король отпустилъ 3.000 гроинцевъ Диана (изъ Граубюндена), что дѣйствиательно подтверждаетъ Мошлюкъ («Commentaires», стр. 17, глв.), полагающій, что это было сдѣлано изъ экономическихъ побужденій («Ne que ses petites mesageries apportent quelquesfois de pertes!» восклицаетъ онъ по этому поводу). Кроме того, 29 февраля, 3.000 гроинцевъ и италъянцевъ дезертировали. Согласно Гюнцардини и дю-Веллэй дезертировали 6.000 гроинцевъ. Мы привели среднюю цифру численности французской арміи.

*) Самъ Пескари не былъ облаченъ въ тяжелые рыцарскіе доспѣхи, но имѣлъ *высокое* снаряженіе и одежду; сѣдла на прекрасной лошади, онъ былъ въ красной туникѣ, поверхъ которой была одѣта, какъ и у всей пѣхоты, бѣлая рубашка (*camisa*), богато пророчемъ украшенная золотомъ и жемчугомъ.

двигались ландскнехты Ситтиха Эмского и Фрундсберга (однѣ-таго почему-то францисканцемъ, хотя онъ исповѣдывалъ лютеранство); наконецъ, *аррьергардъ* образовали итальянцы и 3 эскадра испанцевъ *Паликоти* и *Цезариона*, которые, до послѣдней минуты, производили шумныя демонстраціи на фронтѣ французскихъ линій; вмѣстѣ съ тѣмъ, они-же прикрывали незначи-тельную артиллерию имперцевъ (5 «стѣполомовъ»); съ на-ружной стороны парка Чертоза, у бреша, осталась лишь личная гвардія вице-короля неаполитанскаго, которая полу-чила приказаніе не двигаться съ мѣста, пока не будетъ полу-чено на то опредѣленнаго приказанія самого Лангуа.

Францискъ I, введенный въ заблужденіе демонстраціями Песары и полагаившій, что имперцы отступаютъ къ Лоди и только прикрываютъ свое движеніе нападеніемъ на фронтъ французовъ, чтобы избѣжать преслѣдованія получая первое свѣдѣніе о защитѣ неприятелемъ парка Чертоза, когда уже совсемъ разсвѣло; замѣтивъ, съ высоты своей стоянки, втягиваніе колоннъ противника черезъ брешь, продѣлан-ную въ стѣнѣ парка, король немедленно сдѣлалъ соответствующія распоряженія, для сосредоточенія своихъ силъ въ самомъ паркѣ Чертоза и для направленія главнаго ихъ удара въ наиболѣе чувствительную точку расположенія противника, а именно — къ продѣланной бреша у С. Гезезіо, оставивъ, для охраненія линій и противъ цитадели Пави, позначительныя силы: для первой цѣли—гасконцевъ и бретонцевъ графа Юссис д'Амбуазъ, для второй—небольшой птальянскій отрядъ; самъ король по-велъ всѣ свои остальные войска, въ 3-хъ колоннахъ, черезъ проходы въ южной стѣнѣ парка: впереди *средней* колонны, подъ прикрытіемъ легкой конницы принца *Воццоло*, двину-лась многочисленная французская артиллерія, подъ началь-ствомъ стараго сепешала, Жака *Галло де-Женульака*. За нею направилась тяжелая рыцарская конница, подъ личнымъ предводительствомъ *короля*; въ *правой* колоннѣ, наступавшей почти на одной линіи съ всадниками Воццоло, двигалась при-веденная въ порядокъ конница *Бриона*, а за нею—швейцарцы *Дисбахъ*; въ *левой* колоннѣ наступала «черная дружина» *Субфолька*, тоже предшествуемая конницей. Трудный ма-невръ—перемѣна фронта, при неожиданномъ нападеніи про-тивника, повидному, исполненъ былъ быстро и въ порядкѣ.

Французская артиллерія, приблизившись на пушечный вы-стрѣлъ къ бреша, черезъ которую продолжали еще дефилировать ландскнехты, открыла, подъ руководствомъ Галло, дѣйстви-

тельный огонь по втягивавшимся въ парк колоннамъ противника, который, потерявъ, втеченіи короткаго промежутка времени, убитыми и ранеными до 1.000 чел., принужденъ былъ бѣгомъ проходить черезъ брешь и сѣвнпль укрыться въ лощину ручья Вернакулло.

Пользуясь произведеннымъ артиллерійскимъ огнемъ Галло замѣшательствомъ, конница принца Боццолю кинулась въ атаку на аррьергардъ имперцевъ Панакоды и успѣла отбить слѣдовавшій при немъ 5 орудій, которыя не успѣли даже сдѣлать ни одного выстрѣла. Въ то время, когда среднія колонны и часть праваго крыла французовъ столкнулись съ аррьергардомъ и лѣвымъ флангомъ имперцевъ, главныя силы послѣднихъ успѣли развернуться по обѣ стороны замка Мирабелло, фронтомъ къ югу, постепенно выстраиваясь влѣво изъ походной колонны, при чемъ *правый флангъ*, почти доходя къ каналу, образовали испанскіе стрѣлки *Пескары* и 4.000 ландскнехтовъ, въ *центръ* стала тяжелая *конница*, а *лѣвой флангъ*, слегка поданный назадъ, вслѣдствіе энергичной атаки Галло, состоялъ изъ остальныхъ *ландскнехтовъ* и *итальянцевъ*, прикрытыхъ неаполитанской конницей *Кастальдо*. Легкая конница Гуасто, бывшая при авангардѣ, успѣла проникнуть за Мирабелло и, стараясь войти въ связь съ гарнизономъ Павія, пробралась въ тылъ расположенія французовъ.

Подъ прикрытіемъ огня своей артиллеріи, выстроилъ и король Францискъ свой боевой порядокъ, расположивъ въ *центръ* тяжелую *конницу*; *правѣ* ея стали *швейцарцы*, прикрытые съ наружнаго фланга конницей Боццолю, а *лѣвомъ* главннхъ силъ развернулась „черная дружина“ *Суффолька*, тоже прикрытая съ фланга легкой конницей *). 400 латниковъ герцога *Алансонскаго*, послѣ ночнаго нападенія, были приведены въ порядокъ и поставлены въ общемъ *резервѣ*.

По окончаніи развертыванія, Пескара рѣшительно повелъ въ атаку своихъ аркебузеровъ противъ черной дружины, но стойкость послѣдней удержала натискъ ипанской пѣхоты; въ то-же время, огонь французской артиллеріи привелъ въ замѣшательство не только лѣвый флангъ, но и центръ расположенія имперцевъ, а графъ Сальятъ, попытавшійся атакой

*) По схемѣ, приложенной къ соч. *Hardy* («Origines de la tactique», т. II, стр. 330), швейцарцы показаны на лѣвомъ флангѣ, а ландскнехты въ центрѣ; но де-Веллэй ясно указываетъ, что швейцарцы были *правѣ* короля: «Le Roy ayant en sa main dextre le bataillon de ses Suisses qui estoit sa principale force marcha droict, au marquis de St. Ange qui menoit la première troupe de leur gendarmerie». (Memoires, liv. II, стр. 68), почему на воспроизведенной на табл. V схемѣ № 16 сдѣлана соответствующая поправка.

своихъ бургундскихъ латниковъ помочь тяжелому положенію Пескаря, былъ отброшенъ и, при отступленіи, привелъ въ безпорядокъ дружину гѣмецкихъ ландкнехтовъ Ситтиха Эмского и часть тяжелой конницы центра. Французская артиллерія открыла огонь и на правой флангъ имперцевъ, что еще болѣе разстроило испанцевъ.

Такимъ образомъ, около 10 часовъ утра, разстройство центра и лѣваго крыла имперцевъ, подѣйствиельно непріятельской артиллеріи, и отбитая атака, на ихъ правомъ крылѣ, дѣлала ихъ положеніе критическимъ, тѣмъ болѣе, что путь отступленія, въ видѣ узкой брешіи въ стѣнѣ, представлялся крайне ненадежнымъ. Лаппуа уже отказался отъ мысли пробиться къ Павии и рѣшился занять замокъ Мирабелло сильнымъ аррьергардомъ, стойкая оборона котораго дала-бы возможность организовать отступленіе остальныхъ силъ. Однако Пескаря энергично настаивалъ на продолженіи наступательнаго боя, хотя и самъ уже отчалвался въ благополучномъ его исходѣ.

Повидимому, сраженіе могло быть выиграно почти исключительно однимъ дѣйствиельно французской артиллеріи, такъ какъ латники ордонансовой конницы еще не скрестили съ противникомъ ни одного кося. Пычкому Франциску казалось невозможнымъ предоставить лавры победы какому-то ремесленникамъ—артиллеристамъ, и вотъ, получивъ, вдобавокъ, донесеніе, что легкая конница Боццоло и Бриона, опрокинувъ аррьергардъ испанцевъ, захватила у нихъ нѣсколько орудій, король рѣшился немедленно произвести атаку своимъ центромъ, т. е.,—тяжелой конницей. Затрубили трубы, развернулись рыцарскія знамена и, блеща уборомъ и золотомъ, стройно двинулись въ атаку французскіе латники, имѣя во главѣ самаго короля, искусно направлявшаго свой ударъ въ промежутокъ между тяжелой испанской конницей и ландкнехтами, которые, подѣ огнемъ артиллеріи, небольшими кучками отступали, въ безпорядкѣ, въ долину Вервакульскаго ручья. Личной атакѣ французовъ не устояла имперская конница; испанскіе латники и двѣ бургундскихъ дружины Сальма, успѣвшія на встрѣчу французамъ, были опрокинуты, и подѣ кошемъ Франциска пали нѣсколько выдающихся рыцарей; онъ искалъ своего главнаго противника—Карла Бурбона, но тотъ прикрылся, на этотъ день, латами простого рыцаря, которому далъ надѣть свои собственныя доспѣхи. Желаніе, во что-бы то ни стало, отыскать и наказать измѣнника—завело короля слишкомъ далеко; онъ дрался, какъ рыцарь, не думая о томъ, что

атака его заставила замолчать собственную артиллерию и что продолжение боя конницы дает возможность противнику передохнуть и привести в порядок свои флаги, разстроенные предыдущим боем *).

Но это обстоятельство не ускользнуло от внимания наблюдававшего за боем Пескары, который тотчас-же рѣшился воспользоваться новым оборотом дѣла и повернуть бой въ свою пользу. Онъ успѣвши къ своимъ аркебузерамъ и, искусно расположивъ ихъ на холмѣ, вдоль оушки одной изъ рощицъ парка, открылъ ими пальбу во флангъ побѣдоноснымъ французскимъ латникамъ **). Мѣткій огонь испанской пѣхоты выводитъ скоро изъ строя лучшихъ бойцовъ ордонансовой конницы, и она яростно кидается на аркебузеровъ, но они ловко уклоняются отъ ударовъ латниковъ, примѣняются къ мѣстности и пользуются отдѣльными деревьями, пнями и пригорками парка; собираясь въ мелкія кучки, эти привычные къ дѣйствіямъ на пересѣченной мѣстности солдаты (то были преимущественно жители горныхъ странъ—Наварры и Бискаи), подъ руководствомъ энергичнаго капитана де-Кисада, и направляемые любимымъ вождемъ — Пескарой, продолжаютъ

*) «Le Roy abandonna son avantage pour aller chercher ses ennemis, tellement qu'il couvrit son artillerie et luy osta le moyen de jouer son jeu» определенно говорить, по тому поводу, *Martin du Bellay*. (Livre II, стр. 68).

***) Такъ утверждаютъ испанскіе и итальянскіе историки, не сходясь лишь въ численности взятыхъ для этой цѣли аркебузеровъ; по Сладовалу, ихъ всего было 200; по Джовіо (*Paulus Jovius*)—ихъ 900; въ сочиненіи же: «*Roſta e prigione di Francesco I.*», говорится о 500 аркебузерахъ. Другой итальянецъ, Тельо, въ сочиненіи «*Vera Narrazione del Toglio*», а также французскіе историки: Фоларъ (т. IV, стр. 133), дю-Беллѣ и, съ его словъ, Роканкуръ утверждаютъ, что Пескара расположилъ аркебузеровъ, по 20—30 человекъ, между эскадронами своей конницы. Роканкуръ (т. I, стр. 315) говоритъ, что такое построение приняли Лавнуа и Вурбонъ, расположивъ отъ 2,000 до 3,000 аркебузеровъ между эскадронами имперскихъ латниковъ, что и было причиною пораженія французской ордонансовой конницы. *Martin du Bellay*, который вообще долженъ считаться первоисточникомъ, ясно говоритъ (Liv. II, стр. 68): «*ayant esbandé, deux ou trois mille arquebouziers parau leur gendarmetie*»—«разбросавъ 2-3 тысячи аркебузеровъ между своими латниками». Нѣмецкіе историки, особенно Врандтъ (стр. 329—330) и Іенсъ (стр. 1101), оспариваютъ это построеніе, находя показанія эти очень странными. Полагая, что послѣ опыта походъ Ла-Бикойей, гдѣ аркебузеры были расположены тѣмъ-же Пескарой между артиллерійскими орудіями, онъ очень легко могъ придти къ мысли расположить аркебузеровъ и между частями конницы, находя удобнымъ присоединить къ латникамъ, вооруженнымъ холоднымъ оружіемъ, часть пѣхоты, съ ея огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ; мы скоро увидимъ, что такая построения привидѣсь и получили быстрое распространеніе, повторяясь чуть-ли не два столѣтія, поэтому мы вовсе не находимъ показанія историковъ объ означенномъ построеніи странными; но Іенсъ не нравятся, что возмозно такого построенія Фоларъ и Роканкуръ нѣтъ, до известной степени, объяснивъ пораженіе Франциска; ему кажется, что достаточно быть «французомъ», чтобы испытать пораженіе отъ «германца»...

подкашивать блестящую дворянскую конницу Франциска I; последний полагал избѣгнуть больших потерь, расширив фронт своего построения, но от этого положеніе его не улучшилось, тѣмъ болѣе потому, что Пескара, замѣтивъ произведенное его аркебузерами дѣйствіе, подвелъ къ нимъ новую поддержку изъ 400 стрѣлковъ, которые, проникнувъ между рыцарскими копьями, стрѣляли на выборъ въ латниковъ и дали этимъ возможность имперской конницѣ, оправившейся послѣ первоначальнаго пораженія, возобновить атаку неприятельскаго центра. Ланшуа и Бурбонъ несутся со своей конницей на рыцарей Франциска и на этотъ разъ обращаютъ ихъ въ бѣгство, направившеся на свою-же артиллерію; на нее-же направилась съ тыла атака стратіотовъ маркиза Гуасто, которая, какъ выше было упомянуто, пробралась въ тылъ французской арміи, еще во время первоначальнаго ея развертыванія. Французскіе латники не въ силахъ защитить своей артиллеріи, и вся она, такъ блистательно завязавшая это сраженіе, попадаетъ въ руки имперцевъ.

Милешная главнѣйшаго своего преимущества французская армія не въ силахъ уже стойко держаться: принужденные къ отступленію латники не получаютъ, со стороны своей пѣхоты, той поддержки, которую, какъ мы только что видѣли, оказала имперской конницѣ, въ подобномъ-же случаѣ, испанская пѣхота; наемныя дружины швейцарцевъ и авантюрьеровъ ведутъ бой лишь для того, чтобы можно было кое-какъ отступить. Когда-же Пескара замѣтилъ, что лѣвый флангъ имперцевъ еще не устроился послѣ безпорядка, произведеннаго отступленіемъ центра, то онъ смѣло повелъ свою испанскую пѣхоту съ своего праваго фланга, поперекъ всего поля сраженія, на неприятельскій правый флангъ и, прежде всего, на швейцарскихъ застрѣльщикомъ (*enfants perdus*) и находившіяся за ними скомкнутыя массы (Схема № 16, табл. V); предшествовавшіе этому наступленію аркебузеры осыпали швейцарцевъ градомъ пуль, и они тотчасъ-же обратились въ нозорное бѣгство къ выходамъ въ южной стѣнѣ парка и дальше къ рѣкѣ Тичино*); только одна

* По нѣкоторымъ источникамъ (мемуары маршала Вейвилья, выдержка изъ которыхъ приведена въ сочиненіи Hardy («Origines de la tactique»; т. II, стр. 331, выписка), швейцарцы даже вовсе не хотѣли сражаться и направившеся съ началомъ боя, по Миланской дорогѣ, ссылаяся на народный обычай—*никогда не драться по латникамъ*, хотя дѣйствительною причиною такого отступленія, въ самую критическую минуту, было ихъ желаніе отомстить за пораженіе при Мариньяно (1515 г.), что «должно было доказать королю, въ его несчастіи, правильность переговоровъ, съвѣтующей не довѣрять примирившемуся противнику».

плотная масса, въ которой сосредоточились лучшіе элементы швейцарскихъ пехотниковъ, отступала въ юго-западномъ направленіи, въ грозномъ еще порядкѣ, и скоро соединилась съ пяти-тысячной массой «черной дружины» Суффолька, также отступавшей въ сравнительномъ порядкѣ, съ лѣваго фланга французамъ; такимъ образомъ, образовалась громадная масса, около 10.000 чел., которая медленно двигалась къ югу, отражая попытки противника разбить ее. Кругомъ этой массы шло однако уже паническое бѣгство; толпы авантюрьеровъ и швейцарцевъ, смѣшавшись съ легкой конницей и резервомъ графа Алансонскаго, который даже вовсе не вступалъ въ бой, ринулись въ ужасѣ къ нижнему Тичинскому мосту, подозревая, что тамъ-то и ждетъ ихъ вѣрная гибель: съ цѣлью поскорѣе оставить за собой преграду, которая останавливала-бы ужасныхъ аркебузеровъ, латники графа Алансонскаго разрушили за собой мостъ черезъ Тичино, лежащій ниже города, и тѣмъ отрѣзали остаткамъ французской арміи единственный остававшійся путь отступленія.

Между тѣмъ, въ центрѣ продолжался неравный уже бой. Позади тяжелой конницы, которая въ бою съ французскими латниками продвинулась уже къ южной окраинѣ парка Чертоза, Пескара вновь переводитъ пѣхоту къ правому флангу, съ цѣлью разстроить единственную оставшуюся силоченную массу «черной дружины» и соединившихся съ нею швейцарцевъ, а также спѣшившихся, съ цѣлью замѣнить отступившую пѣхоту, ординарскихъ латниковъ Флѣранжа. Первая попытка Пескары атаковать этотъ послѣдній оплотъ французской арміи, кончилась неудачей, и пѣхота Пескары отброшена къ Мирабелло; по ту сторону поддержали его ландкнехты Фрундсберга, который успѣлъ привести своя войска въ порядокъ и, вида отступление Пескары, двинулся, полуоборотомъ налѣво, на выручку испанской пѣхоты. «Черная дружина» прекратила тотчасъ-же преслѣдованіе и приготовилась къ встрѣчѣ съ грознымъ противникомъ. Все еще по старому обычаю, передъ схваткой съ ландкнехтами, передъ фронтомъ черной дружины явился боецъ, потребовавшій на подмошку самого Фрундсберга, но оцъ тотчасъ-же былъ убитъ пулей аркебузера; охватывая массу противника съ двухъ сторонъ, направлениемъ въ обходъ дружины Ситтиха Эмскаго, имперцы врѣзались въ «черную дружину» и почти поголовно ее истребили.

Такимъ образомъ было подорвано, хотя и съ большими усилиями (самъ Пескара былъ при этомъ бою раненъ, но оправившись, немедленно вернулся, для руководства

боемъ), послѣднее сопротивленіе французской арміи; все уже бѣжало, и Лейва, комендантъ Пави, слѣдившій въ цитадели за ходомъ боя, приказалъ 5.000 ландскнехтамъ гарнизона выйти изъ сѣверныхъ воротъ цитадели и штурмовать окружающіи крѣпость линіи. Войска Бюсси д'Амбуазъ были разбиты и бѣжали, а отрядъ Лейвы ворвался тогда въ паркъ, на встрѣчу бѣжавшимъ передъ Фрундебергомъ швейцарцамъ и конницей графа Алаисонскаго; другую часть своего гарнизона Лейва направилъ къ верхнему мосту черезъ Тичино, къ которому тоже направлялись разсѣянныя бѣглецы; мостъ этотъ былъ занятъ и разрушенъ испанцами. Отступавшимъ въ паникѣ войскамъ Франциска не оставалось, другого выбора, какъ бросаться на вѣрную смерть, на пикъ ландскнехтовъ, или подъ пули аркебузеровъ, или погибать въ мутныхъ волнахъ Тичино.

Когда, такимъ образомъ, на обонхъ флангахъ, побѣда имперцевъ была уже окончательно рѣшена, въ центрѣ все еще шелъ отчаянный бой порѣдѣвшей ордошансовой конницы Франциска съ окружающими ее имперцами. Увидавъ бѣство швейцарцевъ и разгромъ черной дружины, король понялъ, что дѣло его, которое онъ считалъ блестящимъ, всего два часа тому назадъ, теперь проиграно окончательно. Видя, что ему остается или умереть, или сдаться, онъ однако, какъ вѣрный рыцарь, сдѣлалъ все, что отъ него зависало, чтобы избѣжать плѣна. Кругомъ него сплотился весь цвѣтъ французскаго дворянства, — испытанные вѣрные сподвижники его отца и дѣда, и одиѣ за другиѣмъ, падали любимые и высокочтимые имъ Ля-Палисъ, С. Севериль, Ля-Гремуиль... Видъ себя отъ горя за свой гибельный совѣтъ — принять бой, бросился на пикъ ландскнехтовъ Бонниве. Точно ослѣпленное героизмомъ, съ какой-то торжественной радостью, умирало за своего повелителя благородное рыцарство Франціи, стараясь лишь возможно дороже продать свою жизнь. И самъ рыцарь-король подавалъ въ этомъ примѣръ своимъ приближеннымъ, но допуская другой мысли, какъ отчаянно-мужественной обороной спасти хотя-бы свою честь. Но вотъ его, раленаго въ бокъ, отгѣснили къ маленькому мостику черезъ Вериакулло. Раленаго коня его убиваетъ графъ Сальмъ, и вмѣстѣ съ лошадію падаетъ король; но и тутъ, лежа на землѣ, онъ еще обороняется; на него накидывается великанъ-испанецъ, хватается за рукавъ, а другой всаживаетъ ему пикъ, въ промежутокъ между грудной кирасой и напечникомъ, и грозитъ убить его, если онъ не

сдастся. Король не выдержалъ этого послѣдняго испытанія злого рока и сдался *).

Маршалъ Монморанси, посланный наканунѣ, съ отрядомъ въ 3.000 пѣхотинцевъ и 100 латниковъ, для охраненія переправы у С. Ладро, двинулся на выстрѣлы къ парку Чергоза, но, не успѣвъ присоединиться къ войскамъ короля, онъ былъ окруженъ и разбитъ войсками Нискары, а самъ попалъ въ плѣнъ.

Къ 4-мъ часамъ пополудни, бой затихъ. Французы потеряли около 10.000 убитыми (по Гюичардину 8.000) и 2.000 плѣнными **); кромѣ того, 32 орудія, весь ихъ лагерь, съ богатой казною, достались въ руки побѣдителей. Имперцы потеряли убитыми до 2.000 человекъ (по Гюичардину всего 700 чел.).

Результатомъ сраженія при Павинъ явилось очищеніе всего миланскаго герцогства уцѣлѣвшими французскими отрядами и полное подчиненіе имперцамъ всей Ломбардіи. Плѣны Франциска привели къ тяжелымъ условіямъ мадридскаго договора 1526 г., по которому, получая свободу, Францискъ отказывался отъ всякихъ притязаній на Бургундію, перешедшую во владѣніе Карла V, и на Провансъ съ Дофинъ, отходившіе Карлу Бурбону, а также на Италию, Фляндію и Артуа. Генрихъ VIII получилъ въ заштты англичанами области ***). Впрочемъ папа Климентъ VII объявилъ мадридскій договоръ недействительнымъ, и война вскорѣ вновь возобновилась.

Операнія, закончившіяся сраженіемъ при Павинъ, представляютъ намъ дальнѣйшее развитіе стратегическихъ и тактическихъ идей первой половины XVI вѣка.

Разборъ.

Цѣля стратегіи сводятся, главнымъ образомъ, къ занятію

*) Возмутительное ограбленіе короля слѣдуетъ немедленно за его сдачей; каждый старается сорвать съ него часть его драгоценнаго убора, и его лишаютъ даже необходимой одежды. Однако еще возмутительнѣе комментаріи къ этой печальной картинѣ нравовъ того вѣка, которые дѣлаютъ Брандтъ (стр. 321) и Ленсъ (стр. 1105). Они оба находятъ (послѣдній, при этомъ, почти дословно списываетъ у перваго), что король былъ ограбленъ «съ благоговѣніемъ» («ward mit einer Art Ehrfurcht geplündert»), что это дѣленіе его достѣховъ могло служить королю *вознагражденіемъ* (!) за тѣ тяжелыя минуты, которыя онъ переживаетъ, попавъ въ плѣнъ («...suchte er einen Ersatz für die schweren Momente finden»). Въ лицемѣрномъ желаніи оправдать этотъ грубый грабежъ, Ленсъ заставляетъ даже *умбани* короля добродушно-невинному развлеченію окружавшихъ его лаванденцовъ и испанцевъ. Такое отношеніе историка къ фактамъ, кажется, не нуждается въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ.

**) У Ленсы (стр. 1105) плѣнныхъ 20.000, что, вѣроятно, опечатка; въ австрийскомъ «Leitfaden»... (стр. 148) показана, невѣдному, дѣйствительно вѣрная цифра—2.000 чел.

***) Голлицингъ, ч. 3, стр. 157.

важныхъ географическихъ пунктовъ, съ тѣмъ, чтобы упрочить за собой обладаніе ими; такое фактическое занятіе извѣстнаго географическаго района, повидимому, казалось необходимымъ, для водворенія вообще власти и престижа монарховъ, или ихъ соперниковъ, стремившихся, путемъ расширенія своихъ владѣній, достигнуть престола. Въ первой половинѣ похода 1524 года, имперцы осаждаютъ Марсель, побуждаемые болѣе всего Бурбономъ, которому чуждо овладѣть Провансомъ; во второй половинѣ 1524 года, Францискъ повторилъ ошибку имперцевъ, осаждая Павію, дававшую ему преобладаніе въ Ломбардіи, и не обращая должнаго вниманія на остатки арміи союзниковъ, отошедшіе къ Лоди и получившіе съ тыла подкрѣпленія, которыя дѣлали ее все болѣе и болѣе грозною. Продолжительная и бесплодная осада Павіи поглощаетъ время и силы короля, который рѣшается еще болѣе себя ослабить диверсіей въ Неаполь, побуждаемый къ тому тѣмъ-же соблазномъ захватить необеспеченное вооруженной силой королевство и усилить этимъ свое могущество.

Но чувствуется уже и будущій фазисъ развитія стратегіи: Пескару уже не прельщаетъ географическая область, пока не разбитъ находящійся передъ нею противникъ; оны энергично возстаютъ противъ мѣній коварнаго папскаго легата.

Смѣлый планъ Пескары—произвести нападеніе на непріятельскія линіи, обороняемыя почти равными, по численности, силами противника, соединяется съ осторожнымъ, зрѣло обдуманнѣмъ исполненіемъ. Въ теченіи трехъ недѣль, происходить подготовка къ задуманному предпріятію, которое удается, благодаря искуснымъ демонстраціямъ и пріученію противника къ мелкимъ почнымъ тревогамъ *). Численность силъ про-

*) Въ этомъ отношеніи мы совершенно не раздѣляемъ мѣнія Тенпа, который полагаетъ, что «ни продолжительная подготовка нападенія Пескарой, ни окончательное его выполненіе, никомъ образомъ, не могутъ заслужить похвалы» (Die Art dieses Angriffes, sowol die langwierige Vorbereitung, als die endliche Ausführung sind freilich keineswegs zu loben). Handbuch, стр. 1105). Тенсъ полагаетъ, что только прекрасными свойствами нѣмецкихъ ландскнехтовъ, и только отчасти испанской пѣхоты, объясняется окончательная побѣда, при чемъ подчеркиваетъ, какъ часто французскіе короли дѣлаются военно-плѣнными ихъ непріятелей: Шуаъте, 1566 г. (Иоаннъ Добрый), Павія, 1525 г. (Францискъ I), Парижъ, 1814 и 1815 г. (Наполеонъ I) и Седанъ, 1870 г. (Наполеонъ III) представляютъ главныя главы французскаго государства. При этомъ однако упускается изъ виду, что, когда короли Франціи сражались въ первыхъ рядахъ своихъ армій, то верховные вожди ихъ противниковъ сидѣли дома (какъ въ 1525 г.), или смотрѣли, въ качествѣ зрителей бои, расположившись за весьма солидными преградами, отвлѣкшимися отъ мѣста боя (какъ подъ Седаномъ—за Мозелемъ). Рыцарскій духъ французской націи требовалъ и еще долго будетъ требовать присутствія вождей, во главѣ своихъ армій, и личнаго его примѣра своимъ войскамъ, а при этомъ немудрено, что,

тивника не могла играть, при нападении на его линии, того значения, какое-бы оно имело, если-бы бой происходил въ сферах влияния крепости, въ открытомъ полѣ: осадныя работы требовали выдѣленія отрядовъ, для охраненія этихъ работъ; противъ гарнизона Павии долженъ былъ быть оставленъ наблюдательный отрядъ; кромѣ того, внезапность нападенія должна была морально увеличить силы имперцевъ сознаниемъ выгоды ихъ неожиданнаго появленія, на флаги противника, и захватомъ въ свои руки почта въ дѣйствіяхъ; и обратно, ослабить таковыя у французовъ, — сознаниемъ собственной неготовности для встрѣчи противника и впечатлѣниемъ безвыходности своего положенія, въ случаѣ неудачи; мы видимъ и результаты такого нравственнаго пораженія въ поведеніи, во время боя, подвергшихся первому нападенію войскъ герцога Алампонскаго.

Наступленіе всей арміи имперцевъ, черезъ узкую брешь въ стѣнѣ парка, было, конечно, рискованно и могло привести къ неудачѣ, если-бы сторожевая служба отправлялась французами съ должнымъ вниманіемъ, и если-бы лагерь у Мирабелло не былъ-бы расположенъ такъ безопасно, а охранявшія его войска своевременно подняли-бы тревогу. Но въ томъ-то и заслуга Пескаря, что онъ, повидимому, былъ хорошо осведомленъ о положеніи дѣлъ во французскомъ лагерѣ, и основалъ свой планъ на дѣйствительныхъ даныхъ, позволявшихъ ему рассчитывать на успѣхъ предпріятія.

Рѣшеніе Франциска I — ожидать нападенія въ своихъ линіяхъ и продолжать осаду, — въ виду угрожающаго положенія императорской арміи, мы никакъ не можемъ назвать соответствующимъ обстоятельствамъ. Не такъ поступали выдающіеся полководцы до него (Гастонъ де-Фуа, подъ Равенной), не такъ одерживались наиболее замѣчательныя побѣды XVII и XVIII вѣковъ, въ продолженіе которыхъ мы будемъ постоянно видѣть дѣйствія, сопровождающіяся осадой крепости и ея деблокадой; Гастонъ де-Фуа, Тюреннъ, Конде, Евгений Савойскій и, наконецъ, Бонапарте (подъ Мантуей) побѣждаютъ не пасивнымъ выжиданіемъ арміи, пытающейся освободить крепость отъ блокады, но смѣлымъ движеніемъ на встрѣчу ей,

при измѣнчивости военнаго счастья и при неизбежныхъ, порою, ошибкахъ, они иногда не избѣгали позора плыва; но вмѣстѣ съ тѣмъ, многими лаврами Фралцы обязана тѣмъ-же своимъ коронованнымъ вождямъ, вождѣмъ побѣдъ, одержанныхъ надъ тѣми-же иными: стоитъ только вспомнить: Мариньяно, Регенбургскіе дни, Ваграмъ, Існу, Бауценъ, Сольферинно и Мадженту.

хоть-бы это требовало снятія осады и временнаго отказа отъ намѣченной цѣли, которая является, ввиду новыхъ условій обстановки, уже цѣлью второстепенной. И обратно, мы будемъ имѣть случаи привести далеко не единичные военно-историческіе примѣры, когда, за отказъ отъ такого энергичнаго способа дѣйствій, даже талантливые полководцы сильно платились (Конде — подѣ Аррасомъ, Тюреннгъ — подѣ Валансьеномъ, герцогъ Орлеанскій — подѣ Туринномъ, въ 1706 году и т. п.). Нѣмецкіе историки — Брандтъ (т. III, стр. 332), а за нимъ и Иенсъ (стр. 1094) — почему-то считаютъ, что подобное рѣшеніе Франциска I вполнѣ соответствовало дѣйствительной обстановкѣ и, заключая въ себѣ положительную цѣль, — побѣду надъ противникомъ, являлось болѣе сильнымъ въ моральномъ смыслѣ, чѣмъ отрицательный результатъ, котораго думали достигнуть его одряхлѣвшіе совѣтники. Но для достиженія моральнаго превосходства, именно, нужно было выйти изъ линій и одержать верхъ надъ противникомъ, а пассивное ожиданіе въ линіяхъ, при крайне растянутомъ расположеніи, при возможности легкаго прорыва ихъ прибывшей на выручку арміей, никакъ не могло придать французской арміи увѣренности въ своемъ нравственномъ превосходствѣ надъ имперской арміей. Въ числѣ совѣтниковъ Франциска, Ля-Тримуиль, именно, указывалъ невыгоды такого способа дѣйствій и предлагалъ энергичнымъ ударомъ отбросить армію Лангуа и Пескары. Рѣшеніе же Франциска I принадлежало къ тѣмъ, которыми могли быть достигнуты лишь отрицательные результаты. Если-же нельзя было рѣшиться на атаку арміи Лангуа и Пескары, то, конечно, лучше было снять осаду и затянуть войну, чѣмъ пассивно ждать, пока противникъ не нанесетъ свой грозный ударъ.

Что касается до рѣшенія короля, при тревогѣ немедленно выдвинуться въ паркъ Чертоза, чтобы выиграть болѣе обширное поле для дѣйствій и выйти изъ стѣсненнаго крѣпостью и рѣкой Тичино положенія въ осадныхъ линіяхъ, угрожаемыхъ съ тыла энергичнымъ комендантомъ Павіи, то оно представляется намъ соответственнымъ создавшейся критической обстановкѣ, и оно только лишній разъ подтверждаетъ, что оставаться въ самыхъ линіяхъ и ожидать атаки было настолько опасно, что даже, при внезапномъ нападеніи, король не рѣшился на такой способъ дѣйствій, хотя, вѣроятно, онъ даже-бы возможность французскимъ войскамъ скорѣе изготovitъ къ бою. Направленіе удара короля въ лѣвый флангъ

противника — въ сторону продланной бреши, поражая самую чувствительную точку — его главнѣйшій путь отступленія, — представляется также самымъ цѣлесообразнымъ способомъ дѣйствій.

Тактика различныхъ родовъ оружія вступаетъ, въ сраженіи подъ Павіей, въ очень интересный фазисъ развитія. Дѣйствія *пѣхоты*, особенно аркебузеровъ Пескары, независимо отъ спорнаго вообще вопроса, были-ли они поставлены между частями имперской копницы, или самостоятельно двинуты на ея флангъ, для ея поддержки, вырываютъ побѣду у французской копницы, уже торжествующей на полѣ сраженія, со своимъ лихимъ королемъ во главѣ. Фактъ дѣйствительно знаменательный для пѣхоты, которую еще такъ недавно считали «обозной сволочью», недостойной даже атаки благородныхъ рыцарей. Развитие и усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія (въ 1521 г., изобрѣтеніе мушкетъ), въ связи съ разумнымъ употребленіемъ пѣхоты въ бою пачальниками, проникшимся ея дѣйствительнымъ значеніемъ, дало ей превосходство въ бою надъ самыми выдающимися въ Европѣ представителями тяжелой дворянской копницы.

Нельзя считать образъ дѣйствій испанской пѣхоты, подъ Павіей, лишь благоприятной для нея случайностью; достойный ученикъ великаго создателя испанской пѣхоты, Гонзалва Кордуанскаго, талантливый маркизъ Пескара вполне сознательно чувствуетъ, что въ его аркебузерахъ будетъ лежать центръ тяжести предстоящаго боя, на что, между прочимъ, указываетъ и приведенная подробность относительно его собственнаго снаряженія и одежды; надо совершенно переступить въ ту эпоху, чтобы оцѣнить, по достоинству, отказъ Пескары предстать передъ войсками блестящимъ рыцаремъ, въ полныхъ доспѣхахъ, и промѣнить это облаченіе на скромный и, главное, презираемый дворянами костюмъ пѣхотинца. Быстрый результатъ, достигнутый испанской пѣхотой, и успѣшный поворотъ хода дѣлъ тоже, повидному, указываютъ на то, что Пескара заранѣе подготовлялъ свою пѣхоту къ подобному образу дѣйствій, что послѣдній не явился лишь блестящей импровизаціей, но, скорѣе, былъ плодомъ зрѣлаго обдумыванія и выводомъ изъ опыта сраженій послѣднихъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ уже проявилось все значеніе хорошей пѣхоты. Поэтому возможно предположить, что аркебузеры были, дѣйствительно, размѣщены между частями тяжелой копницы, съ цѣлью поддержать ее при атакѣ противника (см. выписку

на стр. 119). Какъ-бы то ни было, дѣятельность пѣхоты Пескары, въ сраженіи подъ Павіеі, является уже совершенно новымъ образомъ дѣйствій этого рода оружія, въ которомъ начинаетъ лежать центръ тяжести успѣха въ бою.

Замѣчательна также способность пѣхоты къ маневрированію на полѣ сраженія; она не кидается въ лобъ на противника и не ограничивается однимъ фронтальнымъ наступленіемъ противъ его линіи, но, направляемая Пескарой и Фрудебергомъ, пѣсколько разъ переходитъ съ одного фланга боеваго порядка на другой, пересѣкая косвенно все поле сраженія и являясь туда, гдѣ болѣе всего обнаруживалась, въ данную минуту, необходимость ея немедленной дѣятельности.

Если, такимъ образомъ, въ сраженіи подъ Павіеі, мы видимъ шагъ впередъ со стороны тактики пѣхоты, то *тактика конницы* осталась, повидному, прежней: рыцарство, среднее духу французской дворянской конницы, не заключало въ себѣ силъ, для своего оживленія, послѣ ударовъ, нанесенныхъ ему еще столѣтней войной; какъ учрежденіе, свято оберегавшее старинныя традиціи, оно оказалось неспособнымъ къ дальнѣйшему самоусовершенствованію. По случайному совпаденію, обѣ арміи выстраиваютъ свой боевой порядокъ, помѣщая тяжелую конницу въ его центрѣ, при чемъ, насколько позволяютъ судить источники, строй ея, по прежнему, состоитъ изъ ряда поставленныхъ на извѣстныхъ интервалахъ «полныхъ коній», строго слѣдуя, въ порядкѣ построенія, старшинству знатности рода. Фронтальная лобовая атака этого строя «частоколомъ» (en haie), притомъ атака несвоевременная, вызванная горячностью короля, не выждавшаго окончательнаго дѣйствія своей артиллеріи,—вотъ все, что мы видимъ на сторонѣ тяжелой конницы французовъ; у имперцевъ она, повидному, также не достигла ничего поваго, въ смыслѣ своего тактическаго развитія, не выработала какихъ-либо новыхъ тактическихъ приемовъ и построеній, если не считать придачи ей пѣшихъ аркебузеровъ; вѣроятно все же предположить, что имперская конница сражалась въ 3-хъ отдѣльныхъ группахъ, соответственно ея начальникамъ (Ланца, Бурбошъ и Сальмъ), и что между этими группами (какъ увѣряетъ дю-Беллэй), дѣйствительно, помѣщались аркебузеры, которые и выручили конницу, при ея пораженіи французскими латниками. Идея перемѣниванія пѣшихъ и конныхъ частей получила дальнѣйшее развитіе, главнымъ образомъ, въ XVІІ и началѣ XVІІІ вѣка, и мы на ней остановимся, впоследствии, болѣе подробно; теперь

же ограничимся замѣчаніемъ, что она знаменуетъ, вообще, періодъ упадка копницы, которая, не будучи въ состояніи самостоятельно выполнять лежащія на ней боевыя назначенія, пуждается въ ближайшей поддержкѣ пѣхоты, не только въ смыслѣ выручки ея въ бою, но и въ отношеніи принятія тактическаго построенія, которое давало-бы возможность быстро оказать эту поддержку. вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ порядокъ, въ частности, указываетъ на опасенія принявшихъ это построеніе военачальниковъ въ превосходствѣ непріятельской копницы, для единоборства съ которой чувствуется необходимости привлечь помощь другаго рода оружія—пѣхоты. Такимъ образомъ, если Пескара предвидѣлъ необходимость усилить латниковъ присоединеніемъ къ нимъ аркебузеровъ, то это являлось лишь подтвержденіемъ того, что у выдающихся полководцевъ того времени уже явились сомнѣнія въ способности тяжелой копницы самостоятельно достигнуть благоприятныхъ результатовъ въ бою и явились опасенія за неудачу кавалерійскаго поединка съ лучшей копницей Европы того времени. Кроваво-продлитный бой латниковъ, геройство французскихъ дворянъ—прямыхъ потомковъ рыцарей, доблестно защищавшихъ, до послѣдняго издыханія, честь короля и своего оружія, показываетъ намъ, что не въ отсутствіи хорошихъ боевыхъ качествъ отдѣльныхъ бойцовъ заключалась основная причина ихъ гибели; пѣтъ, коренная причина лежала глубже и заключалась *въ отсталости всего рыцарскаго строя, въ безплодности усилийъ отдѣльныхъ лицъ оживить неспособное къ дальнѣйшему усовершенствованію и развитію, отжившее уже учрежденіе рыцарства.* Не получая поддержки отъ другихъ элементовъ вооруженной силы, оно можетъ только съ честью умирать и гибнуть подъ пулями пародившейся, ненавистой ему пѣхоты.

Артиллерія завоевала себѣ сраженіемъ подъ Павіей новое, выдающееся положеніе, хотя и подтвердила своими дѣйствіями, что она можетъ лишь, болѣе или менѣе, подготовить бой другихъ родовъ оружія и лишена возможности единственно достигнуть рѣшительныхъ результатовъ; имперцы, лишеныя, съ самаго начала боя, всей своей немногочисленной артиллеріи, тѣмъ не менѣе, торжествуютъ, съумѣвъ одержать побѣду другими родами оружія.

Французская артиллерія, искусно руководимая опытнымъ генераломъ—Галло де-Женулякомъ,—показываетъ уже замѣчательную, для того времени, способность къ маневривности и быстро достигаетъ блестящихъ результатовъ, вырвавъ изъ

рядовъ противника, въ короткій промежутокъ времени, 1.000 человекъ и приудивъ его временно прекратить попытки къ продолженію наступленія и, въ полномъ безпорядкѣ, искать спасенія въ складкахъ мѣстности^{*)}.

Испанскіе историки, особенно Сендоваль, даютъ показанія о замѣчательныхъ техническихъ усовершенствованіяхъ французской артиллеріи, которыя давали ей возможность такъ прекрасно дѣйствовать въ бою. Онъ утверждаетъ, что орудія для стрѣльбы не отпрягались отъ лошадей, которыя ихъ возили, а поворачивались только дуломъ впередъ, помощью прикрѣпленной къ лафету крѣпкой желѣзной дуги, удерживавшей, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдачу; такимъ образомъ, можно было изъ каждаго орудія стрѣлять, направляя его въ ту сторону, куда желалъ открыть огонь артиллеристъ, не отпрягая при этомъ лошадей^{**)}.

Въ окончательномъ выводѣ, причину пораженія французовъ мы должны приписать плохой стратегической подготовкѣ, тактическому промаху короля, въ связи съ тактической неудовлетворительностью составныхъ элементовъ французской арміи; но тѣмъ какъ артиллерія и, отчасти, конница стояли выше соответствующихъ элементовъ имперской арміи и даже дѣйствовали успѣшнѣе, то тѣмъ слабѣе оказывается ея пѣхота, не явившаяся для подкрѣпленія ослабѣвавшей въ трудномъ бою конницы, не выручившая своей артиллеріи, не сумѣвшая противостоять удару имперской пѣхоты. Плохія же боевыя качества пѣхоты французовъ вполне объясняются ея комплектованіемъ: составленная изъ самыхъ разрозненныхъ элементовъ, заключающая въ себѣ $\frac{4}{5}$ чуждыхъ Франціи и ея интересовъ иностранцевъ и лишь $\frac{1}{5}$ французскихъ авантюристовъ, т. е., людей, набранныхъ изъ подножковъ общества, — наемныя дружины оказались значительно ниже и по способу веденія боя и по стойкости своей, сравнительно съ пѣхотой противника, олицетворявшей собой идею габсбургской монархіи, заключавшей почти исключительно пѣмецко-испанскіе народныя элементы.

Пресловутые швейцарцы, заслужившіе славу непобѣдимого

^{*)} Джовіо показываетъ, что самъ Лангуа и выдающіеся начальники имперской арміи скрылись за аданіями и пригорками париа. Дю-Беллэй увѣряетъ, что видно было, какъ, подъ огнемъ французской артиллеріи, производившей настоящія брешіи въ батальонахъ ландкнехтовъ, летали ихъ руки и головы («Coup à coup ils faisoient les breches dedans leurs bataillons, de sorte qu'on'eussiez veu que bras et testes voler». L. II, стр. 68, прав.).

^{**)} «Historia del Emperador Carlos V.» (Lib. XII, стр. 634). Испанскій текстъ у Врандта. (т. III, стр. 332).

войска побѣдопосной защиты своей страны, своихъ родныхъ очаговъ, въ XIV и XV вѣкахъ, отъ нашествія австрійцевъ, бургундцевъ и французовъ, оказываются, въ XVI вѣкѣ, когда силами ихъ пользуются, какъ наемникамъ, уже далеко не на высотѣ своей славы; подѣ Мариньяно, они разбиты тѣмъ-же французами, за которыхъ дрались теперь; подѣ Ля-Бикокой, движимые личнымъ эгоизмомъ, они заставляютъ полководца дѣлать ошибку за ошибкой и жестоко наказаны за свою алчность. Довѣріе ихъ къ самимъ себѣ должно было пасть послѣ такихъ жестокихъ уроковъ; подѣ Павіей, наконецъ, они доказали, что заведенная капитанами Швейцаріи торговля войнами даетъ доступъ въ наемныя дружины самымъ низкоробнымъ элементамъ, которые не выдерживаютъ тяжелаго боеваго испытанія, когда противникомъ ихъ является народная пѣхота, сражающаяся за своего природнаго государя и за свою родину. Если подѣ Мариньяно и Ля-Бикокой они еще пытаются, хотя и неудачно, наступать и атаковать, то подѣ Павіей они достигли дальнѣйшей стадіи своего упадка: не пытаясь уже переходить въ наступленіе, они оказались неспособными и къ пассивной оборонѣ.

Но то, что ясно изслѣдователю, черезъ 350 слишкомъ лѣтъ, далеко не было ясно, въ то время, повелителямъ Франціи, и мы видимъ, что тѣ-же швейцарцы фигурируютъ, въ числѣ вооруженныхъ силъ французскихъ королей, вплоть до великой французской революціи.

ГЛАВА III.

Организация вооруженных силъ Испаніи, въ XV и XVI вѣкахъ.

Прежде чѣмъ продолжить изслѣдованіе дальнѣйшаго развитія военнаго дѣла во Франціи, необходимо выяснить данныя, способствовавшія организациі арміи Испаніи и Германіи, которыя, будучи объединены во время царствованія Карла V, какъ мы видѣли, достигли крушыхъ успѣховъ надъ лучшею изъ современныхъ ему европейскихъ армій — арміей Франциска I.

Вліяніе арабовъ.

Учрежденіе вооруженной силы и способъ ея комплектованія въ Испаніи подверглись значительному вліянію мавританскаго военнаго искусства, почему представляется уместнымъ сказать нѣсколько словъ и о немъ.

Исламъ пробудилъ къ военной жизни «бѣднаго сына пустыни». Магометъ, возведя войну въ культъ, далъ сильный толчекъ воинственному духу арабовъ, соединилъ ихъ разрозненныя кочующія племена и создалъ военную силу, воодушевленную единымъ религіознымъ чувствомъ, глубокой ненавистью къ невѣрнымъ и горячимъ желаніемъ учредить магометанство во всемъ мірѣ грозною силою оружія. Коранъ, проповѣдуя войну, въ то-же время, далъ важнѣйшія указанія на наиболѣе цѣлесообразные способы ея веденія. 61-я сура корана носитъ специальное заглавіе: «боевой порядокъ», и въ ней, между прочимъ, значится: «Богъ любитъ тѣхъ, которые ведутъ войну за вѣру и строятъ боевой порядокъ, также хорошо сплоченный, какъ крѣпкій домъ».

Первые боевые порядки Магомета состояли изъ колоннъ пѣхоты, вооруженной пиками, съ легкими лучниками, собиравшимися въ отдѣльные отряды, и съ конницею на флаи-

гахъ. Не слѣдуетъ считать, что конница, съ самаго начала, явилась преобладающимъ родомъ оружія у арабовъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Напротивъ, въ первые времена распространенія ислама, конница далеко не была многочисленною, и при Магометѣ, арабы преимущественно сражались въ пѣшехъ строѣхъ *). Какъ ни странно это кажется, верблюды играли большую роль въ первыхъ арабскихъ арміяхъ, чѣмъ лошади. Первое войско Магомета состояло изъ 300 человекъ, 60 верблюдовъ и 3-хъ лошадей. «Верблюды завоевали Сирію и Египетъ», говоритъ старая арабская поговорка.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Магометомъ было сдѣлано все возможное, чтобы организовать сильную конницу, обеспеченную хорошимъ конскимъ составомъ; средствомъ для этого послужила опять вѣра, какъ самый надежный и сильный двигатель арабовъ. «Кто не можетъ исполнить данного слова, говоритъ пророкъ, тотъ пусть на дѣло Божье заведетъ коня, и протѣяется тогда правдивому все согрѣшеніе его»... «Конь, въ порядкѣ содержимый для священной войны, спасаетъ своего господина въ день воскресенья» **). Рядъ средствъ, принятыхъ Магометомъ для побужденія къ воспитанію, выѣздкѣ и содержанію хорошихъ кровныхъ лошадей, увѣличался полнымъ усѣхомъ; конь сдѣлался предметомъ самой страстной любви, самого заботливаго попеченія, сталъ почти предметомъ религіознаго культа; чистота крови, рѣзвость, сила и долговѣтіе арабскихъ лошадей сдѣлались поразительными, и вѣками держится ихъ слава до нынѣшнихъ дней.

Все правдивыя обязанности были военной службой, если только хотѣли получить вознагражденіе въ загробной жизни. Рабы и невѣрные не допускались въ ряды мусульманскаго войска, которое, такимъ образомъ, было составлено исключительно изъ национальныхъ элементовъ. Это основное положеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, не дало возможности образоваться военной кастѣ, отдѣленной отъ остальныхъ классовъ мусульманскаго общества, которое, все поголовно, являлось вооруженнымъ народомъ. Ничего подобнаго феодальному строю, процвѣтавшему тогда во всей западной Европѣ, при такихъ условіяхъ, конечно, не могло образоваться. Стоявшіе во главѣ областей наместники — *валы* — должны были набирать войска, и

*) Гейсманъ, «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства». Ч. I, стр. 57.

**) *Jahns*, «Handbuch»; стр. 499.

они-же вели эти войска въ бой, подчиняясь лишь халифу. Отдѣльными отрядами одной и той-же области командовали *кади*, подчинявшіеся валл.

Такая разница въ организаціи арабскихъ войскъ не замедлила отразиться и на ихъ боевыхъ формахъ, рѣзко отличавшихся отъ принятыхъ, въ то время, въ западной Европѣ. Боевой порядокъ арабовъ, въ VII вѣкѣ, состоялъ изъ трехъ линій, изъ которыхъ первая образована была легкой конницей, завязывавшей бой и косявшей своеобразное названіе «утро псоваго лапа», а двѣ остальные («день помощи» и «вечеръ потрясенія») состояли изъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ колоннъ, строившихся въ шахматномъ порядкѣ. Кроме того, за 3-ей линіей строились еще послѣдніе резервы изъ отборныхъ дружинъ («аль-мухаджары» и «аль-ансары» — «спутники» и «помощники пророка»), между которыми находилось знамя пророка; за этимъ резервомъ располагался еще обозъ (схема № 9, на табл. II). Этотъ боевой порядокъ позволялъ постепенно вводить въ бой заднія линіи и являлся, такимъ образомъ, весьма удобнымъ, для парирования всякихъ случайностей боя, осуществляя идею резерва и взаимной выручки *).

Завоевавъ, въ VIII вѣкѣ, почти весь Пиренейскій полуостровъ, мавры положили начало государству съ чрезвычайно богатой культурой, давшему приютъ всѣмъ видамъ человѣческихъ знаній и искусствъ и далеко превосходшему состояніе ихъ у современныхъ имъ обитателей Испаніи. Вліяніе мавританской культуры, въ значительной мѣрѣ, сказывается до сихъ поръ на искусствѣ, правахъ, языкѣ и культурѣ Испаніи, не смотря на то, что уже болѣе 4-хъ вѣковъ прошло со времени взятія Гренады и наделія съ нею, въ 1492 г., послѣдняго мавританскаго халифата на Пиренейскомъ полуостровѣ. По прежнему, пополняя свою армію изъ народныхъ элементовъ (хотя скоро проникли въ армію и наемники, смеліе негры и испанцы), мавры считали основой своей вооруженной силы — хорошо обученную и снаряженную пѣхоту. Только въ вооруженіи ея явилось нѣкоторое видоизмѣненіе, въ видѣ принятія халифомъ Абдуль-Мухебомъ, въ XII вѣкѣ, такъ называемой *амры*, т. е., шки, около 12 фут. длиною, которая могла, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить и метательнымъ оружіемъ (на подобіе древне-римскаго пилума).

Численность конницы, при этомъ халифѣ, была уже зна-

*) *Ильгеревскій*. «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка»; (ч. I, стр. 140). *Гейсманъ*. «Краткій курсъ». (Ч. I, стр. 59).

чительнѣе численности пѣхоты, но, такъ какъ онъ не считалъ число главнымъ рѣшающимъ элементомъ на войнѣ, а видѣлъ все свое преимущество въ сплоченности и сожнутости своихъ боевыхъ порядковъ, то и не придавалъ большого значенія своей конницѣ, которая рѣдко вела правильнѣй бой въ сожнутомъ порядкѣ, а дѣйствовала, главнымъ образомъ, въ разсыпную... Тактическая организація арабскихъ армій, по примѣру восточныхъ народовъ, была основана преимущественно на дѣленіи арміи на 5 составныхъ частей: передовой отрядъ, правое и лѣвое крыло, центръ и тыльный отрядъ, а вся армія называлась «хамисъ», т.-е., пятичленная.

Первые халифы употребляли два способа дѣйствій: или бой наступательный, съ заманиваніемъ, или бой, съ наступленіемъ линіями. Въ первомъ случаѣ, являлась невыгода большой продолжительности боя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и выгода сравнительной безопасности веденія боя, такъ какъ при этомъ считалось обязательнымъ имѣть въ тылу опорный пунктъ— лагерь, который приспособлялся къ оборонѣ. При наступленіи линіями, пѣхота (аль-мукаденъ) строилась всего въ 3 шеренги: въ первой—вооруженные мечамъ и щитами, во второй—никанеры (тоже съ щитами), въ третьей—лучники. При остановкѣ, 2-я шеренга становилась на колѣно и наклоняла пикъ. Въ ожиданіи, такимъ образомъ, атаки противника, никто не смѣлъ двинуться съ мѣста, или встать, если стоялъ на колѣнѣ. Конница-же (аль-паибъ), располагавшаяся за промежутокъ, которые оставались между частями пѣхоты 1-й линіи, должна была, какъ только противникъ выжется въ бой, выйти изъ-за пѣхоты и, со всею силою, атаковать его фланги, что обыкновенно и рѣшало окончательную побѣду. Во всякомъ случаѣ, этотъ послѣдній удар наносился уже послѣ продолжительной подготовки успѣха, когда противникъ былъ утомленъ боемъ и силы его истощены; на образномъ языкѣ арабовъ, это выражалось ихъ древней поговоркой. «пророкъ имѣлъ привычку побѣждать вечеромъ»^{*)}.

Одинъ уже этотъ способъ дѣйствій въ бою даетъ возможность судить о высокой степени боевой выдержки тѣхъ войскъ, которыми онъ примѣнялся. При послѣднихъ Омаядахъ, этотъ способъ впрочемъ нѣсколько видоизмѣнился, такъ какъ, вмѣсто сплошныхъ линій явились сравнительно небольшіе компактные отряды (кардусы).

^{*)} *Путрескій*, (т. I, стр. 140), *Brandt*, (т. II, стр. 237).

Въ періодъ объединенія Испаніи подъ властью династїи Альмохадовъ, въ концѣ XII вѣка, боевой порядокъ мавровъ, въ общемъ, представлялъ четырехъ-угольникъ, въ первой линїи котораго, со всѣхъ четырехъ сторонъ, стояла тяжелая пѣхота, вооруженная, «амрами»; за ними стояли меченосцы, съ круглыми щитами, а въ третьей линїи—арбалетчики и пращники. Среднюю четырехъ-угольника занимала тяжелая конница, которая, въ рѣшительную минуту, выходила изъ этого карре, черезъ образовавшіеся въ немъ выходы, для чего заранее назначались части пѣхоты, открывавшія эти выходы движеніемъ впередъ. Въ этого карре находились охотники и легкія войска, на которыхъ возлагалась развѣдка и завязка боя; если противнику удавалось ихъ опрокинуть, то затѣмъ ему приходилось имѣть дѣло съ пикиерами, усиленными позадї стоявшими стрѣлками; если онъ успѣвалъ преодолѣть и это сопротивленіе и врвался въ ряды карре, то съ нимъ раздѣлялись меченосцы, которые, прикрываясь щитами, рубили мечамъ ворвавшася противника, а въ то-же время, по данному сигналу, черезъ боковыя части карре выходила тяжелая конница и направляла свой грозный ударъ на тылъ и фланги атаковавшаго непріятеля. Наконецъ, послѣднимъ резервомъ служила тыловая часть карре, которая, будучи составлена изъ лучшихъ войскъ, подъ личнымъ предводительствомъ полководца, готова была всегда поддержать первую линію; ударомъ этого резерва часто разбивался уже побѣдоносно прошедшій первая линія и выдержавшій ударъ конницы противникъ.*)

Бои мавровъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обыкновенно сопровождался какой-либо засадой, внезапнымъ нападеніемъ резерва на флангъ противника, притворнымъ бѣгствомъ, вообще какой либо военной хитростью, далеко не пося характера фронтальнаго лобоваго единоборства, которое примѣнялось западно-европейскими войсками, по примѣру средне-вѣковыхъ рыцарей, преобладавшихъ проявить какую-либо творческую мысль въ области военнаго искусства и полагавшихъ, что послѣднее состоитъ лишь въ искусномъ владѣніи копьемъ и мечемъ.

Образованіе
испанскаго
государства
и первая
испанскія
войска.

Быстрое покореніе маврами избѣгли, на Пиренейскомъ полуостровѣ, лишь незначительная племена, частью кочующіе пастухи, частью уже осѣдлые жители горъ, потомки первобытныхъ обитателей Иберіи—кельтовъ, басковъ, пберовъ, вестъ-

*) *Jahns. «Handbuch»; стр. 1032. Aschbach. «Geschichte Spaniens und Portugals zur Zeit der Herrschaft der Almoraviden und Almohaden». Frankfurt am Main. 1835—1837 (т. II, стр. 263).*

готовъ,—укрывшіеся въ горныхъ страхахъ сѣверной части Пиренейскаго полуострова. Племена эти сохранили древне-патріархальную жизнь, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, право и обязанность какъ-даго, способнаго носить оружіе,—идти на войну, когда является общій противникъ. Достоиню изумленія, какъ, съ одной стороны, быстро пало господство готскихъ королей въ южной и средней Испаніи, усѣянной преимущественно торговыми колоніями грековъ, финикійцевъ, кароагенцевъ, римлянъ и прочаго разноплеменнаго купеческаго люда и ослабленной постоянными раздорами и междоусобіями готскихъ графовъ и герцоговъ; и въ тоже время, какъ, съ другой стороны, стойко боролась за независимость небольшая ристанская община, искавшая спасенія, у подножья Пиренейскихъ горъ, отъ подчиненія ненавистному мусульманскому владычеству. Изъ этой общины примкнули остатки вестготскихъ дружинъ, графы и князья, пожелавшіе остаться свободными отъ подчиненія мавританскому владычеству; они оцѣнили стойкость этихъ первобытныхъ обитателей страны противъ иноземнаго вторженія и постепенно слились съ ними, для борьбы съ общимъ противникомъ; на этой почвѣ создались источникъ силы, которой суждено было не только положить начало новому государству, но и освободить весь Пиренейскій полуостровъ отъ мавровъ.

Подъ вліяніемъ политической идеи освобожденія отъ мавританскаго господства и необходимаго для этого объединенія Испаніи, создавалась и объединялась испанская вооруженная сила, которая, съ одной стороны, унаслѣдовала характеръ твердости и мужественной устойчивости отъ готовъ и римско-кельтскаго населенія страны, а съ другой—восприняла легкость, подвижность формъ и болѣе усовершенствованное военное искусство мавровъ.

Мавры не имѣли обычая заключать мирные договоры на продолжительное время; исламъ требовалъ постоянной борьбы съ невѣрными, допуская лишь перемиріе, но не миръ; и эта постоянная борьба, державшая военныя силы пеланцевъ постоянно на-чеку, въ боевой готовности, не только закалила испанскія войска, но и оказала глубокое вліяніе на весь строй народной жизни нарождавшагося государства. Въ X и началѣ XI вѣка, являются уже 4 главнѣйшія владѣнія, сліяніе которыхъ, впоследствии, образовали испанскую монархію; это были: 1) *Астурія* — на сѣверо-западѣ Пиренейскаго полуострова (вскорѣ принявшая названіе королевства *Леонъ*, а затѣмъ соединившаяся съ Кастиліей); 2) *Наварра* (земля

басковъ) — непосредственно къ югу отъ Пиренейскихъ горъ; 3) *Арагонъ* — между Пиренеями и Эбро; 4) *Каталонія*, образовавшаяся изъ маркграфства Барцелонскаго — къ сѣверу отъ устья р. Эбро.

Замѣчательно, что даже социальное дѣленіе на классы получило, въ этихъ государствахъ, военное устройство, такъ какъ испанская община XI и XII вѣковъ распадалась на *инетевъ* ^{*)}, или всадниковъ, также называвшихся «*caballeros*», и *неоновъ* ^{**)}, или пѣхотинцевъ. Всѣ испанцы, въ возрастѣ отъ 25 до 50 лѣтъ, были обязаны военной службой, при чемъ тѣ, которые были освобождены отъ постовъ и платили особый подоходный налогъ (абнубду), т. е., болѣе состоятельные, должны были служить въ конницы, а болѣе бѣдный людъ причислялся къ неонамъ. Каждая сельская община образовала дружину («*mesnada*» или «*compañia regia*»). Во главѣ ея стоялъ «*меспадеро*», получившій приказанія отъ владѣтельнаго графа. Города выставляли нѣсколько такпхъ дружинъ и ревностно заботились о хорошемъ состояніи ихъ вооруженія. Личная заплата, для отбыванія военной службы, была крайне стѣснена, и каждый обыватель долженъ былъ являться самъ, съ полнымъ вооруженіемъ и запасомъ продовольствія. Такимъ образомъ, весь народъ получилъ скоро строго-военное, серьезное управленіе, а борьба съ благородными арабами внесла въ характеръ испанскихъ всадниковъ (*caballeros*) особый отпечатокъ рыцарской чести и благородства, образецъ котораго мы видимъ въ героико-романтической фигурѣ «*Сиды*». Война за вѣру возбуждала всеобщее священное рвеніе и вызвала учрежденіе, въ началѣ XIII вѣка, многочисленныхъ рыцарскихъ орденовъ и священныхъ братствъ («*Santa Hermandad*»), которые оказали могущественное вліяніе на дальнѣйшее политическое и военное развитіе испанской національности; самое учрежденіе это было отчасти также копіей мавританскаго ордена героевъ за вѣру, носившихъ общее названіе «*рабитовъ*».

Вообще, высокая культура мавровъ не могла не вызвать подражанія со стороны борющихся съ ними кастильцевъ и каталонцевъ, и прежде всего, конечно, являлись подражанія въ военномъ устройствѣ; по арабскому образцу, испанцы дали значительное развитіе легкимъ войскамъ, которые получили даже арабское

*) «*Гинетъ*» («*Ginetas*», или «*ginetajos*»), вѣроятно, греческаго происхожденія отъ — *γινεταίης* — легкій воинъ.

***) «*Неоны*» (*neones*), по итальянски, «*pedoni*» — отъ «*pes*» — ноги; повидимому, оно родственно персидскому «*piade*» — пѣхотинецъ, пѣшка въ шахматахъ (*Jahns*, «*Handbich*», выв. на стр. 720).

названіе: «альмогавары». Они несли, главнымъ образомъ, сторожевую и развѣдывательную службу и состояли преимущественно изъ пѣхоты *). Мы видѣли, что у арабовъ пѣхота составляла очень существенную часть вооруженной силы; вотъ почему и испанцы позаботились объ образованіи хорошей пѣхоты еще тогда, когда въ остальной Европѣ ее все еще считали обознымъ войскомъ и когда благородные рыцари еще не подвергались позорному пораженію со стороны фламандцевъ и швейцарцевъ.

Войсковые начальники назначаются, вмѣсто прежнихъ феодальныхъ владѣтелей, уже властью короля, по собственному его выбору; для каждаго похода, король назначалъ полководца—«cardiello mayor», и придавалъ ему, въ качествѣ помощниковъ, особыхъ чиновниковъ «adelantados mayores»; старшій между ними—«adalid mayor» (отъ арабскаго слова «ad dalil»—указатель дорогъ) исполнялъ должность начальника генеральнаго штаба. Низшіе войсковые чины избирались старшими, по собственному усмотрѣнію; по окончаніи похода, всѣ эти чины обращались въ первообытное состояніе. Въ 1229 г., были точно установлены правила для отбыванія военной повинности, соотвѣтственно имущественному цензу, при чемъ всѣ выступавшіе въ походъ, съ отдѣльной палаткой, должны были выставлять двухъ гипетовъ, восемь пеоновъ, двухъ щитоносцевъ съ мечами, пѣть свободныхъ крестьянъ, или горюжанъ, носившихъ имя «эскузадоъ».

Побѣда кастильскаго короля Альфонса VIII, при Толузѣ, (въ 1212 г.), доказала уже устойчивость новаго организама, окрѣпшаго въ борьбѣ съ маврами, которая, съ тѣхъ поръ, получила благотворное для испанцевъ направленіе, тѣмъ болѣе, что внутренніе раздоры мавританскихъ вождей, уподобъ воинственности, вследствие ослабленія релігіознаго фанатизма, допущеніе наемниковъ, явившаяся склонность къ роскоши и жестокость междоусобныхъ войнъ.... скоро ослабили прочность государственнаго организама мавровъ.

Счастливое для Испаніи объединеніе Кастили и Леона Фердинандомъ III-мъ дало этой борьбѣ еще болѣе благотворный оборотъ; и вскорѣ одинъ, лишь Гренадскій халифатъ остался оплотомъ мусульманства на Пиренейскомъ полуостровѣ, а пол-

*) У мавровъ альмогавары отправляли службу почти исключительно на конѣ; но горная война и, вообще, пересѣчная мѣстность района борьбы должна была повліять на преобладаніе у испанцевъ, въ этомъ родѣ войскъ,—пѣхоты. (Тамъ-же, стр. 1037).

ное изгнание мавров отсюда стало лишь вопросом времени. Бракъ короля Сициліи, Фердинанда, съ королевой Изабеллой кастильской, и присоединеніемъ къ ихъ владѣніямъ, въ 1479 г., Арагона (по смерти короля Донтъ-Жуана II — отца Фердинанда), окончательно была объединена Испанія, что завершилось, въ 1492 г., паденіемъ Гренады и завоеваніемъ послѣднего мавританскаго владѣнія въ Испаніи.

Необходимость крайняго напряженія силъ, для обезпеченія успѣха въ этой борьбѣ, съ одной стороны, а съ другой — сближеніе съ Европой и отказъ отъ строгаго подражанія военному устройству мавровъ, ввиду постепеннаго упадка ихъ владычества, побудили Фердинанда и Изабеллу, впервые, обратиться къ наемникамъ, и, слѣдуя преобладающей въ то время модѣ на швейцарцевъ, пригласить ихъ, для обученія испанскихъ войскъ (подобно тому, какъ это сдѣлалъ во Франціи Людовикъ XI — въ лагерѣ при Понъ де-л'Ариш). Наряду съ имѣвшимися войсками священнаго братства, явились такъ называемыя «tropas de las acostamientos», — областныя войска, получившія содержаніе отъ казны *).

Армія, собранная подъ Кордовой, для борьбы съ Гренадой, значительно превзошла численность собиравшихся до того войскъ. Въ составъ испанской арміи вошло 40.000 чел. пѣхоты, 10 — 12.000 конницы и, сверхъ того, многочисленная артиллерія. Особая гвардія тѣлохранителей, изъ 500 тяжело вооруженныхъ рыцарей и столько-же легкихъ всадниковъ, сопровождали короля, принявшаго на себя высшее управленіе арміей. Кромѣ того, въ войнѣ участвовали войска священнаго братства, числомъ до 10.000 чел., и андалузское ополченіе, выставившее до 6.000 чел. (въ томъ числѣ: 2.500 пикинеровъ, 2.000 арбалетчиковъ, 400 аркебузеровъ, или «эспингардеровъ» и 1.100 піонеровъ, землекоповъ, каменщиковъ и т. п.). Къ этому присоединились еще многочисленные искатели приключеній, ревностные защитники вѣры, всевозможныхъ странъ и народовъ, и, наконецъ, просто авантюристы, желавшіе поживиться богатой добычей. Всего, такимъ образомъ, образовалась армія, численностью до 70.000 чел.

Если предшествовавшая борьба воспитала прекрасныя боевыя качества въ испанскомъ войскѣ, создала матеріалъ для вооруженной силы и закалила въ бояхъ испанскаго солдата, то война противъ Гренадскаго халифата, впервые, дала опытъ

*) Тамъ-же, стр. 1041.

начальникамъ въ обученіи и веденіи на войнѣ крупныхъ войсковыхъ массъ, приучила ихъ къ дисциплинѣ и единству дѣйствій. Въ этой борьбѣ выработался лучший изъ полководцевъ Фердинанда Католика, *Гонзалъ Кордуанскій*, преобразовавшій испанскую армію и, что еще важнѣе, воспитавшій въ ней чувства дисциплины, мужества, воздержанности, выносливости и терпѣнія, до такой степени, какой, въ то время, не могла достигнуть ни одна изъ европейскихъ армій.

Разсмотримъ организацію испанской арміи, въ томъ видѣ, въ какомъ она была преобразована Гонзалъвоу, закончившій свою организаторскую дѣятельность вскорѣ по завоеваніи Гренадскаго халифата. Приказомъ Юнты (собранія чиновъ), въ октябрѣ 1495 года, опредѣлялось, что службу, подъ знаменами, должны отправлять каждый 12-й человекъ, изъ числа способныхъ къ ношенію оружія жителей, при чемъ онъ получалъ снаряженіе и жалованье отъ остальныхъ 11 человекъ и освобождался отъ всякихъ другихъ повинностей. Число такихъ молодыхъ людей, призывавшихся въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ, опредѣлялось въ 83.000 чел.

Эта ордоннансовая *инфанта* (*infanteria de la Ordenanza*), по приказу 1503 г., дѣлилась на три части: $\frac{1}{3}$ ея состояла изъ пикперовъ и аллебардистовъ, другая $\frac{1}{3}$ —изъ стрѣлковъ, въ числѣ которыхъ, примѣрно, половина была арбалетчиковъ и половина аркебузеровъ, и послѣдняя $\frac{1}{3}$ —изъ меченосцевъ. Въ этомъ дѣленіи нельзя не видѣть вліянія мавританскихъ, а отчасти и римскихъ образцовъ организаціи пѣхоты; достойно замѣчаша, что Гонзалъвъ укоротилъ длинныя пикн швейцарцевъ и ландскнехтовъ, бывшія тогда въ ходу въ Европѣ, принявъ, вмѣсто нихъ, за образецъ мавританскія «амры» и давъ большое развитіе короткому холодному оружію — мечамъ и копьямъ.

Основной организаціонной единицей въ испанской пѣхотѣ были «капитанства» (*capitanias*)*, очень разнообразнаго состава; при Гонзалъвѣ, была уравнена численность капитанствъ до 500 ч., и 12 капитанствъ образовали новую единицу—*колонну* («*colunela*», или «*corporalia*»), которая создавалась по образцу римскаго легіона; въ числѣ капитанствъ «колошны», десять—были смѣшаннаго состава (изъ 200 пикперовъ, 200 меченосцевъ и 100 аркебузеровъ), а два капитанства состояли изъ однихъ

* Соответствующія собственно батальону и носившія иногда даже другое названіе—*batallatas*.

пикперовъ; эти отборные пикперы, изъ наиболѣ надежныхъ солдатъ, образовали родъ боевого резерва. Во главѣ «колонны» стоялъ полковникъ (coronel), а офицерскій составъ капитанства составляли: 1 капитанъ, 5 сотниковъ (cabos de batalla) и 50 десятниковъ (cabos de diez); каждые 5 десятковъ образовали полуроту, или «кадрилью» (cuadrilla). Строго былъ определенъ обозъ «колонны»: въ каждомъ капитанствѣ допускалось не болѣе 20 повозокъ, а обозъ всей «колонны» образовалъ 250 повозокъ*).

Такимъ образомъ, мы видимъ, впервые, въ арміяхъ европейскихъ новыхъ народовъ появленіе новой организаціонной единицы, подходящей къ современному полку; необходимо имѣть въ виду, что, когда затѣмъ, по примѣру испанцевъ, и другія арміи приняли ту-же единицу, то она долго продолжала существовать только, какъ административная, хозяйственная единица, тогда какъ въ испанской арміи Гонзалъвъ придавалъ «колоннѣ» чисто тактической, боевой характеръ. При наступленіи «колонны», сперва двигались стрѣлки; за ними, какъ поддержка, — кадрили или полукадрили, а затѣмъ корпусъ капитанства**). Пикперы, дойдя до противника, разстраивали его передовые ряды, нарушали его сомкнутость; въ образовавшіеся промежутки врываются меченосцы, и тогда начиналась имъ кровавая рѣзня, до тѣхъ поръ, пока противникъ не обращался въ паническое бѣгство. Атака этого боевого порядка, при постоянной твердости и отвагѣ, проявлявшейся испанской пѣхотой, въ которой Гонзалъвъ справедливо видѣлъ центръ тяжести испанской вооруженной силы, долго считалась въ Европѣ не имѣвшей достойныхъ противниковъ.

Что касается *конницы*, то организація ея представляетъ интересъ, въ смыслѣ полной самостоятельности дѣленія ея на тяжелую и легкую конницу, тогда какъ во Франціи и въ Германіи, какъ намъ извѣстно, легкая конница образовалась значительно позже, выдѣленіемъ ея изъ состава копій ордопансовою конницей. Между тѣмъ, въ Испаніи, еще со времени готскихъ королей, образовалась легкая конница, хотя и носившая предохранительное вооруженіе и составлявшая личную гвардію короля. При Фердинандѣ Католикѣ, въ 1493 году, было возобновлено это учрежденіе конной гвардіи, подъ именемъ «старой кастильской гвардіи» («Guardas viejas de Cas-

*) Jöhns. «Handbuch»; стр. 1016.

**) Brandt; (т. III, стр. 90).

tilla»); она подразделялась на тяжелыхъ латниковъ («Hombres de armas»), организованныхъ на подобіе французской ордонансовой конницы, по копейкамъ—изъ 4-хъ всадниковъ, и легкихъ гинетовъ^{*)}, вооруженныхъ шпагами и легкими пиками, или дротниками (sagaye); предохранительное вооруженіе ихъ состояло изъ легкой кольчуги, а чаще, изъ кожаныхъ полукафтановъ, подбитыхъ въ нѣсколько рядовъ (до 20) плотнымъ холстомъ, и кожаныхъ, сбуживающихся внизу щитовъ; головнымъ уборомъ служилъ кольчужный шишакъ. Получивъ серьезную боевую школу, при борьбѣ съ легкой мавританской конницей, гинеты научились быстро налетать на противника, осыпать его дротниками и стрѣлами, внезапно окружая неосторожнаго противника,—и тогда рѣдко, кто могъ успѣшно парировать ихъ удары легкими пиками, которыми они кололи сверху внизъ, приподнимая на стременахъ («sta pedas»). Такой способъ дѣйствій въ Европѣ былъ новымъ и, какъ неопытность, оказывался для гинетовъ постоянно успѣшнымъ, а для неповоротливыхъ, тяжелыхъ рыцарей часто кончался неудачей и пораженіемъ, тѣмъ болѣе, что сомкнутого удара гинеты не выдерживали и обыкновенно разсыпались при немъ въ разныя стороны, но съ тѣмъ, чтобы, черезъ нѣсколько времени, снова появиться и повойлпно возобновлять нападенія на противника. Какъ легкая, такъ и тяжелая конница дѣлилась на роты (compañias), отъ 100 до 150 всадниковъ въ каждой, подразделявшіяся на «кадрильи» (cuadrillas).

Независимо этой конницы, выставлялась еще тяжелая рыцарская конница, въ силу феодальнаго права, и конница рыцарскихъ орденовъ и братствъ, подразделявшаяся также на кадрили и роты. Съ теченіемъ времени, кромѣ этой народной конницы, явилась и наемная; такъ, въ 1502 г., эрцгерцогъ Филлиппъ Австрійскій привелъ бургундскихъ конныхъ лучниковъ (arqueros de Borgoña); въ 1507 году, явились въ гвардію короля Фердинанда V, приведенные имъ изъ Италіи, уже знакомые намъ стратіоты (албанская легкая конница)^{**}).

Гонзалъ вообще значительно сократилъ численность конницы и на каждую колонну (6.000 чел.) полагалъ до-

*) Численное соотношеніе ихъ повѣстче лишь къ 1512 году, когда гвардію образовали 26 тяжелыхъ и 17 легкихъ ротъ (compañias), каждая изъ 100 латниковъ, или гинетовъ, и 1 вавода конныхъ аркебузеровъ (escopeteros); всего 5.700 чел.

***) Jähns. «Handbuch», стр. 1043.

статочнымъ имѣть 300 ятшиковъ и 300 ршетовъ; конница составляла, такимъ образомъ, всего $\frac{1}{10}$ часть пѣхоты.

Что касается *артиллеріи*, то на колонну (6.000 чел. пѣхоты и 600 чел. конницы) полагалось 44 орудія (10 пушекъ, 8 серпантинъ, 2 камнемета, 4 кулеврины и 20 полевыхъ серпантинъ), изъ которыхъ половина могла быть введена въ дѣйствіе лишь при осадахъ и не могла послѣдовать за войсками на походѣ. Гонзалъвъ много помозилъ труда на облегченіе испанской артиллеріи и уменьшеніе числа ея калибровъ.

Въ 1495 году, преобразованная Гонзалъвомъ армія получила новое боевое испытаніе, будучи послана съ имъ въ южную Италію и, не смотря на ея малочисленность (8.800 пѣхотинцевъ и 1.200 всадниковъ), настолько успѣшно дѣйствовала противъ французовъ, что доставила своему вождю, Гонзалъву, титулъ «великаго вождя» (*El gran capitán*) *).

Въ 1501 году, Гонзалъвъ началъ покореніе южной Италіи; въ 1502 г., занялъ Тарентъ и завоевалъ Апулію; въ 1503 г., разбилъ, въ Калабріи, вице-короля неаполитанскаго, герцога Арманьякъ де-Немура, въ почвномъ сраженіи при Чериньоль (въ которомъ самъ герцогъ былъ убитъ), и черезъ двѣ недѣли затѣмъ, занялъ Неаполь; съ помощью своего дѣятельнаго и изобрѣтательнаго сотрудника, Педро Наварро, Гонзалъвъ овладѣлъ укрѣпленными замками, окружавшими Неаполь; при осадѣ ихъ (Кастель-Нуово и Кастель дель-Ово), впервые, успѣшно примѣняются осаждающими подрывныя мины, которыми образуются въ стѣнахъ замковъ обвалы. Наконецъ, въ декабрѣ 1503 года, Гонзалъвъ внезапно атакуетъ расположенныхъ на зимнихъ квартирахъ французовъ и, разбивъ ихъ, занимаетъ затѣмъ, 1 января 1504 года, послѣдній ономъ, оставшійся въ рукахъ французовъ, въ неаполитанскомъ королевствѣ,—кр. Гаэту.

Взгляды Гонзалъва оказали могущественное вліяніе на дальнѣйшее развитіе военнаго искусства и выработали пѣлую школу даровитыхъ испанскихъ полководцевъ. Замѣчательно, что этотъ великій создатель испанской пѣхоты, почти всю жизнь свою проводившій въ бояхъ и осадахъ, считалъ войну

*) Браудтъ (т. III, стр. 91) указываетъ впрочемъ, что титулъ этотъ былъ данъ Гонзалъву Кордуанскому не за великія его побѣды, а только потому, что испанцы, по своей склонности къ гиперболамъ, называли небогую армію, посланную въ Неаполь, подъ его начальствомъ,—«*La gran armada*».

лишь необходимымъ зломъ, которое слѣдуетъ всѣми силами стараться ослабить, лучшимъ средствомъ для чего онъ полагалъ имѣть строго дисциплинированную и хорошо обученную армію, такъ какъ подобная армія можетъ скорѣе нанести противнику рѣшительные удары и закончить борьбу, не являясь, въ то-же время, настоящимъ бичомъ для населенія, не разоряя и не грабя мирнаго жителя.

Не будучи черезчуръ разборчивымъ въ выборѣ тѣхъ лицъ, которыя попадали въ армію, зачастую вербуя разныхъ бездомныхъ бродягъ и даже бѣглыхъ преступниковъ *), Гонзалъвъ, тѣмъ не менѣе, сумѣлъ сплотить эту разнородную, по своимъ нравственнымъ качествамъ, армію желѣзной своей волей и строжайшей дисциплиной, создавъ себѣ послушное, гибкое и преданное ему орудіе борьбы. Онъ самъ говорилъ, что предпочиталъ-бы укрощать львовъ, чѣмъ своихъ солдатъ; не смотря на это, онъ всетаки успѣлъ ихъ укротить; отеческую заботливость о своихъ солдатахъ онъ соединялъ съ чисто варварской строгостью, такъ какъ, не колебаясь, собственноручно убивалъ ослушниковъ и малодушныхъ. Онъ господствовалъ надъ умами своихъ подчиненныхъ и съ волшебной силой управлялъ ими, заставляя ихъ, съ удивительной выносливостью, переносить труды и лишения, голодъ и непогоду военной обстановки и, въ то-же время, съ успѣхомъ торжествовать надъ самымъ отчаяннымъ сопротивленіемъ противника.

Не смотря на общее увлеченіе въ Европѣ наемными арміями, Гонзалъвъ остался твердымъ при традиціонной въ Испаніи системѣ организаціи вооруженной силы, помощью обязательныхъ наборовъ, и старался еще боже укрѣпить въ народѣ сознаніе собственнаго долга, по отношенію къ защитѣ государственныхъ интересовъ. Имъ были выработаны основы для всеобщаго народнаго ополченія, для чего все способное къ ношенію оружія мужское населеніе, въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ, состояло на учетѣ по спискамъ и заранѣе имѣло уже назначенными своихъ начальниковъ. По праздничнымъ днямъ, всѣ ополченцы собирались для учений, и въ младшихъ возрастныхъ классахъ этихъ ополченцевъ пополнялись содержавшіеся подъ знаменами дѣйствующіе полки. Мы видимъ въ этихъ мѣрахъ уже первые зачатки проведенія въ жизнь принципа обще-обязательной воинской повинности.

*) Иногда приходилось даже воевать въ Сицилію и въ Италію такихъ опасныхъ «новобранцевъ» — въ кандалахъ и цѣпяхъ! (Тамъ-же, стр. 89).

По смерти Фердинанда Католика, дальѣйшимъ усовершенствованіемъ испанской арміи занялся регентъ малолѣтняго короля *Карла I*, кардиналъ *Хименесъ де-Цисперосъ*. При Гонзалевѣ, какъ указано, въ армію попадали отчасти довольно ненадежные элементы, и кардиналъ Цисперосъ, желая улучшить составъ испанскихъ войскъ, далъ правильное направленіе дальѣйшему развитію областныхъ ополченій, урядочивъ ихъ организацію и увеличивъ ихъ боевую готовность такъ, что, въ каждую желаемую правительствомъ минуту, областное ополченіе должно было перейти въ составъ дѣйствующей арміи, на содержаніе отъ казны; областные ополченцы получили названіе «инфантовъ», и въ одной Кастиліи они быстро достигли численности въ 31.800 человекъ *).

1534 году, въ испанской арміи была введена новая организаціонная единица, а именно *терція* (*terzios*); съ увеличеніемъ численности арміи, значительно возросли и бывшія до того времени «колошны», которыя, къ этому году, состояли уже изъ 20 капитанствъ (вмѣсто 12); ихъ скоро стали чаще называть ротами (*companias*); ввиду этого, три «колошны» были соединены въ терцію, а колошны, по прежнему, стали дѣлать на 12 ротъ, изъ которыхъ 11—было пикьерныхъ и 1—стрѣлковая (изъ аркебузеровъ). Сила роты опредѣлялась въ 250 человекъ **). Терціи получили свое названіе, вѣроятно, отъ того, что они составляли одну треть общаго боевого порядка, при нормальномъ наступленіи котораго, одна терція составляла авангардъ, другая—главная сила и третья—аррьергардъ. Во главѣ терцій стоялъ особый начальникъ (*maestro del campo*).

Въ конницы произошло мало переменъ; она, по прежнему, дѣлилась на дружины ордонансовыхъ латниковъ (*bandas de ordonanza*) и легкихъ всадниковъ—гинетовъ (*caballos ligeros*). Впрочемъ, вскорѣ къ нимъ присоединились конные аркебузеры, которые вели бой въ разсыпномъ строю и были прототипомъ будущихъ драгунъ. (См. фиг. № 30, на табл. IX).

Артиллерія значительно усовершенствовалась, особенно съ утвержденіемъ постоянныхъ нормъ калибра, длины орудія и толщины его стѣнокъ. Вообще, выработалось три типа орудій: 1) пушки (*cañons*), отъ 48-ми до 8-ми фунтовыхъ, заряжающіяся съ дула, 2) кулеврины (*culebras*), отъ 20-ти фун-

*) *Jahres*, «Handbuch», стр. 1046.

**) Такимъ образомъ, сила терцій была около 9.000 ч., а не отъ 600 до 2.000 ч., какъ считаютъ Врандтъ и Голицынъ (стр. 55).

товыхъ до одно-фунтовыхъ и 3) мортиры (pieças de camara); въ числѣ полевыхъ орудій появились уже и заряжаемая съ казны. (См. фиг. № 45, на табл. XI). Особенное благоустройство получила артиллерія при дѣятельномъ ученикѣ Гонзалва— Педро Наварро.

Въ 1517 году, правленіе перешло въ руки короля Карла I (впослѣдствіи императора Карла V), и съ нимъ начинается рядъ войнъ, въ которыхъ армія, образованная и устроенная усилиями Фердинанда Католика, Гонзалва Кордуанскаго и кардинала Циснероса, является, на всѣхъ театрахъ западной Европы, образцомъ для подражаній, вслѣдствіе постоянно одерживаемыхъ ею успѣховъ. Ея организаторы сошли уже въ могилу, но духъ ихъ былъ живъ, отправная точка была ими избрана правильно, и долго поэтому испанская армія, нормально развивалась, поражала современниковъ своею жельзною сплоченностью и образцовой дисциплиной. *Во внутреннемъ народномъ единствѣ, окрепшемъ въ борьбѣ за національно-религіозную идею, какъ мы видѣли, заключалась основная причина проявленія испанскими войсками, конца XV и всего XVI вѣка, этихъ вышнихъ воинскихъ доблестей.* Потребовался цѣлый рядъ бездарныхъ правителей второй половины XVI-го и начала XVII вѣка и трудная борьба съ возставшими за свою независимость Нидерландами, а также окончательное прекращеніе угрозы національной идеѣ Испаніи, со стороны побѣжденныхъ мавровъ, не требовавшихъ болѣе подъема и напряженія всѣхъ жизненныхъ силъ страны, чтобы постепенно падалъ и наконецъ окончательно разрушился тотъ прекрасный строй вооруженныхъ силъ Испаніи, который былъ созданъ «великимъ вождемъ»—Гонзалвомъ Кордуанскимъ и его талантливыми учениками.

ГЛАВА IV.

Наемныя арміи въ Германіи, при Максимилианѣ I и Карлѣ V.

По распаденіи монархіи Карла Великаго, вплоть до XV вѣка, Германіи не пришлось выдерживать такой трудной борьбы за самое ея существованіе, какую пришлось выдержать Франціи (противъ англійскаго нашествія), Испаніи (противъ мавровъ), Россіи (противъ татаръ) и т. п. Мы уже видѣли, что подобная борьба, требовавшая продолжительнаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ, способствовала укрѣпленію государственной власти въ странѣ, борющейся за свою національную идею, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвала образованіе въ ней народной арміи. Примѣръ Германіи подтверждаетъ обратное положеніе: благопріятное ея положеніе среди народовъ, не посягавшихъ на ея самобытность (со времени неудавшейся попытки римлянъ), не вызвало необходимости въ образованіи значительной вооруженной силы и задержало переходъ отъ феодальныхъ порядковъ къ утвержденію въ странѣ власти въ рукахъ сильнаго центрального правительства. Сохраненію значенія феодаловъ способствовало также то обстоятельство, что нѣмецкое рыцарство далеко не такъ живо отклинулось на призывъ къ участию въ крестовыхъ походахъ, какъ дворянство Франціи и не подверглось поэтому, въ такой сильной мѣрѣ, нравственному и физическому оскудѣнію, которое мы отмѣтили, какъ одно изъ важнѣйшихъ слѣдствій крестовыхъ походовъ во Франціи. Германскіе феодалы успѣшнѣе сохраняютъ свои привилегіи и остаются, болѣе продолжительное время, въ самой слабой зависимости отъ ихъ ленныхъ государей, а власть послѣднихъ не усиливается такъ значительно на счетъ феодаловъ, какъ это мы видѣли во Франціи. При такихъ условіяхъ, отдѣльные

соціальные элементы германскаго государственнаго строя XIII и XIV вѣковъ, какъ-то: представителями духовной власти (владѣтельные епископы и архіепископы), ленные владѣтели, городскія и сельскія общины... развились съ полной обособленностью отъ монархической власти*), полный упадокъ которой мы видимъ въ паденіи Гогенштауфеновъ и въ послѣдовавшемъ междуцарствіи.

Соотвѣственно такому строю средне-вѣкового германскаго общества, и вооруженныя силы его не составляли единаго цѣльнаго организма, а распались на войска духовныхъ владѣтелей, ополченія феодаловъ, городскіе наемные отряды и, наконецъ, королевскія войска, собиравшіяся изъ поголовнаго ополченія лишь въ критическую, для цѣлости государства, минуту, въ силу древне-германскаго права королей, которое однако потеряло свое первоначальное значеніе и существовало скорѣе въ области преданій, чѣмъ въ дѣйствительности.

Наибольшее развитіе получила, въ числѣ перечисленныхъ категорій войскъ, феодальная конница. Усилившись въ благодатную для мелкихъ феодаловъ эпоху междуцарствія, когда рыцари, съ вооруженными своими слугами, чуть-ли не открыто грабили по большимъ дорогамъ, они широко пользовались своимъ правомъ посвящать въ рыцарей даже собственныхъ своихъ пажей и слугъ, за оказанное ими боевое отличіе; въ послѣдующую эпоху, когда они были уже стѣснены правительствомъ и не могли безнаказанно грабить, они поступали сами въ число лепниковъ болѣе крупныхъ владѣтельныхъ князей, у которыхъ, такимъ образомъ, набиралась вассальная рыцарская конница въ 100 и болѣе копій (или шлемовъ — «Helm»), какъ они назывались въ XIV вѣкѣ; въ XV-омъ-же вѣкѣ элементарно-тактическая единица рыцарской конницы носить названіе «Gleve» — копье).

Нормальное копье состояло изъ 3-хъ вооруженныхъ всадниковъ: рыцаря (Glevener), оруженосца (со среднимъ вооруженіемъ), и стрѣлка. Наконецъ, кромѣ рыцарей, въ конницѣ феодаловъ были копейщики и конные стрѣлки, частью пѣз болѣе бѣдныхъ, но благородныхъ рыцарей, частью изъ конныхъ слугъ, служившихъ независимо отъ копій «одно-конными» (Einspänniger); если они служили наемниками на отдѣльный лишь

*) Это явленіе отмѣчается Гизо («Cours d'histoire moderne». Bruxelles. 1813; стр. 92), къ сожалѣнію, безъ указаній причинъ его.

походы, то ихъ звали также солдатами (Solidari) или сержантами (Sarjanten *).

Наряду съ рыцарскою копницей, феодалы и особенно городскія общины иногда привлекали сельскихъ жителей, для отправленія военной службы пѣшкомъ, и нерѣдко эта пѣхота дѣйствовала очень успѣшно (напр., въ бою, при Дорффингенѣ, въ 1388 году); но большинство рыцарей-вассаловъ считало право участія въ военныхъ дѣйствіяхъ своей исключительной привилегіей и презпало «мужицкія войска», державшія сражаться наряду съ ними. Тѣмъ не менѣе, въ городахъ, при оборонѣ крѣпкихъ стѣнъ, для службы при орудіяхъ, ихъ зашицавшихъ, пѣхота изъ неблагороднаго сословія уже имѣла важное значеніе, особенно послѣ первыхъ успѣховъ огнестрѣльнаго оружія, когда изъ нея образовались, главнымъ образомъ, стрѣльцовыя дружины.

Грубый пропозволъ феодальныхъ рыцарей, господство кулачнаго права и отсутствіе всякой безопасности, явившіеся печальными слѣдствіями недостатка единства и отсутствія сознанія національной идеи, не могли не вызвать реакціи, выразившейся въ избраніи перваго Габсбурга—императора Рудольфа (1278 г.). Съ нимъ начинается постепенное пробужденіе народнаго самосознанія, (первый проблескъ котораго явился, впрочемъ, еще раньше—при Фридрихѣ Барбаруссѣ); начинается замѣна частныхъ мѣстныхъ интересовъ общими идеями, государственными интересами; создается и общая вооруженная сила, основанная, впрочемъ, вначалѣ исключительно на ленной системѣ. Германскіе государи видятъ необходимость возможно чаще собирать и утилизировать эту силу, чтобы имѣть возможность проявить свою власть, чтобы не ослабились слишкомъ продолжительнымъ миромъ тѣ узы, которые привязывали къ нимъ ихъ вассаловъ, и вотъ начинается цѣлая серія походовъ въ Италію, которые, до извѣстной степени, сослужили германскимъ государямъ ту-же службу, какъ крестовые походы—французскимъ королямъ.

Феодалы однако не допускали королей черезмѣрно успѣваться этими походами, и для каждаго похода требовалось предварительное одобреніе главныхъ ленныхъ владѣтелей, и уже по полученіи ихъ согласія, императоръ издавалъ, каждый разъ, особыя постановленія, какіе его ленные владѣтели и какіе города должны были выставить соотвѣтствующія вооруженныя

*) *Jahrb.* «Handbuch», стр. 907.

ополченія. При этомъ, конечно, вассалы дѣлали все возможное, чтобы совсѣмъ избѣгнуть участія въ походѣ, а въ случаѣ окончательнаго неуспѣха въ этомъ, то выставить какъ можно менѣе войскъ и на возможно краткій срокъ. О походахъ въ Римъ (Romfahrten) торжественно объявлялось за одинъ годъ и одинъ день до начала похода, объ остальныхъ походахъ (Heeresfahrten)—за 6 недѣль. Въ началѣ похода, войска собирались, пересчитывались и обучались; для походовъ въ Римъ это происходило постоянно на поляхъ у д. Ронкалин, близъ Пьяченцы, при чемъ собирались иногда арміи, достигавшія численностью до 30.000 рыцарей, а съ приданными имъ пѣшими и конными слугами—до 100.000 чел.

Усилія императоровъ, а главное, послѣдовательное развитіе въ обществѣ чувства принадлежности къ одному народу, къ одному государству и зависимости отъ одного правительства, укрѣпили императорскую власть, къ началу XV вѣка, настолько, что она поборола великое народно-религіозное возстаніе чеховъ-гуситовъ, вызванное сожженіемъ на кострѣ, въ 1415 году, осужденнаго, Констанцскимъ соборомъ Иеронима Гуса *). Борьба съ гуситами, благоприятная для нихъ, пока они были сильны своимъ единствомъ и согласіемъ и имѣли даровитыхъ предводителей въ лицѣ чешскихъ народныхъ героев—Яна Жижки и Прокোпа, закончилась ихъ пораженіемъ, когда сами гуситы стали маняться другими владѣтельными князьями и бороться за совершенно чуждое имъ дѣло и когда въ средѣ ихъ явился расколъ и распаденіе на нѣсколько враждебныхъ другъ другу сектъ.

Походы императоровъ Габсбургскаго дома противъ гуситовъ, опять-таки, въ результатѣ, усилили власть верховнаго правителя, ослабили сепаративныя стремленія феодаловъ, городовъ и сельскихъ общинъ и дали новый толчекъ идеѣ постоянной арміи. Въ 1449 году, на ландтагѣ въ Кремсѣ, уже поднимается вопросъ объ организаціи такой арміи, но государственные чины не оказали при этомъ должнаго содѣйствія австрійскому герцогу и выразили лишь желаніе, чтобы онъ озаботился обезпеченіемъ защиты страны постоянными наемниками. Въ 1462 году, для войны противъ гуситовъ, было постановлено образованіе земское ополченіе (Landaufgebot), изъ каждаго 10-го человѣка населенія, при чемъ каждыя 20 человѣкъ собранныхъ ополченцевъ

*) Вѣрнѣе писать имя чешскаго реформатора не Гусъ, а «Хусъ» (родомъ вѣтъ города Хусица).

должны были имѣть 4-хъ-конную военную повозку, по образцу гуситскихъ, снабженную всѣми принадлежностями, орудіями, матеріаломъ и пр. *). Ополченцы эти должны были получать вооруженіе и снаряженіе отъ 9-ти остававшихся дома людей выставившей ихъ общины, тогда какъ раньше они должны были являться вооруженными и снаряженными, на свои собственные средства, недостатокъ которыхъ, конечно, отзывался очень неблагоприятно на организациі старшиннаго «хеербана».

Ленные владѣтели германскихъ государствъ оказались, съ теченіемъ времени, въ значительномъ числѣ, неспособными къ личной военной службѣ, отъ которой они всячески уклонялись; многие изъ нихъ уступили свои ленъ богатымъ городамъ, монастырямъ и общинамъ и даже цехамъ, которые приняли на себя ихъ прежнее обязательство—выставлять опредѣленное число вооруженныхъ людей; императорамъ и имперскимъ князьямъ это было только на руку, такъ какъ они все чаще и настойчивѣе обращались непосредственно къ населенію, опредѣляя особыми «матрикулами» численность людей, лошадей, повозокъ и боевыхъ припасовъ, которые должны были, въ случаѣ войны, выставлять имперскіе города, отдѣльныя общины и корпораціи. Эти земскія ополченія усиливались наемниками, которые вербовались въ нѣмецкихъ-же земляхъ, хотя преимущественно въ областяхъ, принадлежавшихъ другимъ владѣтельнымъ князьямъ.

Организація
арміи при
императорѣ
Максимилианѣ I.
(1494—1516).

Германскіе императоры, выдержавъ трудную борьбу съ гуситами, встрѣтили новаго опаснаго вѣдшнаго врага, въ лицѣ османскихъ турокъ и, въ то-же время, должны были постоянно заботиться о подавленіи внутреннихъ волненій, особенно въ беспокойной Венгріи; эти внутреннія и вѣдшнія затрудненія побуждали къ учрежденію соответствующей вооруженной силы, но недостатокъ средствъ и все еще недостаточно окрѣпшая государственная идея долго тормозили такое учрежденіе солидной арміи, организація которой получаетъ устойчивый и постоянный характеръ лишь со времени императора *Максимилиана I*.

Тщетныя усилія его предшественниковъ, Сигизмунда I и Фридриха III, достигнуть рѣшительныхъ политическихъ цѣлей, вслѣдствіе постоянного недостатка хорошо организованной арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, возникшая борьба съ французскими королями, не пожелавшими уступить германскому императору

*) *Голлицъ*, (ч. 3, стр. 58—59). Образецъ такой повозки см. на флг. 40. табл. XI.

бургундскихъ владѣній, на которыя тотъ имѣлъ притязанія, вследствие брака своего съ Маріей Бургундской, дочерью Карла Смѣлаго, побудили Максимилиана принять энергичныя мѣры по усовершенствованію всего военного устройства Германіи, вообще, и своихъ наследственныхъ австрійскихъ владѣній, въ особенности. Постановленіемъ Вормскаго сейма (1495 г.), было организовано сборъ пограничныхъ оиолченій, въ случаѣ непріятельскаго вторженія и первоначальная оборона ими пограничныхъ областей, до прибытія остальныхъ силъ *). Не смотря на сопротивленіе нѣмецкаго дворянства, Максимилианъ установилъ впервые постоянную знаменную присягу (Fahneneid), для вербованныхъ на службу имперіи войскъ, присягавшихъ раньше на вѣрность службы императору, только на время того похода, который имѣлся въ виду; этимъ нововведеніемъ должны были затрудниться переходы войскъ, вербованныхъ германскими государями, къ его противникамъ, какъ только кончался походъ, когда наемники считали себя свободными отъ принятыхъ на себя обязательствъ.

Въ организациіи вооруженной силы Максимилианомъ I, мы видимъ, съ одной стороны мѣры, принятія имъ, съ цѣлью имѣть оружіе для борьбы съ французскими ордонансовыми латниками, лучшей копницей того времени, для чего имъ была взята за образецъ копница Бургундіи, къ которой онъ стоялъ близко, благодаря родственнымъ связямъ; съ другой стороны, онъ стремился къ созданію хорошей пародной пѣхоты, по образцу швейцарцевъ, побѣдителей того-же бургундскаго герцога, Карла Смѣлаго. Результатомъ этихъ мѣръ явилось созданіе, во-первыхъ, копницы на жалованьи, изъ дворянъ, обязанныхъ военной службой, на основаніи ленной повинности, и получившихъ названіе кирасиръ, или кириссеръ (Kyrisser), т. е., тѣхъ-же французскихъ латниковъ (gens d'armes); во вторыхъ, было дано значительное развитіе наемной національной пѣхоты, извѣстной подъ именемъ ландскнехтовъ.

Учрежденіе кирасиръ относится къ 1498 году, когда была издана особая инструкция, согласно которой набиралось 100 копій, каждое въ составѣ 8 человекъ, а именно: 1) кирасира (Kyrisser), съ полнымъ тяжелымъ вооруженіемъ, 2) оруженосла (Knappen), 3) кошового (Marstaller), 4) легкаго стрѣлка (Büchenschützen), 5) трабанта (Trabanten),

* *Голлицъ*, (ч. 3, стр. 61); *Meunier*. «Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen in Europa». Wien. 1868. (т. II, стр. 25).

Копница.

2.
NB.

съ среднимъ вооруженіемъ, пригодному для пѣшаго боя, 6) и 7) двухъ конныхъ слугъ (Knechte) и 8) пажы (Edelknaube). Кирасирскія конья соединились, по 25, въ значки (Fahnen), во главѣ которыхъ были поставлены капитаны (Hauptmann); помощниками капитановъ были: поручикъ и хорунжій—изъ числа тѣхъ 25 рыцарей, которые составляли значекъ. Кроме того, къ составу значка принадлежали 200 одноконныхъ конейщиковъ (Speerreiter) и 50 трабантовъ (Trabanten), по одному на четыре копейщика. Такимъ образомъ, численность всего значка, съ конемъ самого капитана, было 458 чел. ($26 \times 8 = 208$; $208 + 250 = 458$), а во всѣхъ 4-хъ значкахъ было всего 1832 чел., въ томъ числѣ 208 — цестровыхъ. Хорунжій обыкновенно велъ передовой легучій отрядъ (Rennfahne), въ составъ котораго входила вся легкая конница копій, т. е., 250 копейщиковъ, съ ихъ трабантами, и 26 пажей, совершенно по тому-же образцу, какъ и поручики французскихъ ординансовыхъ ротъ вели лучниковъ и кутильеровъ*). Трабанты, а также стрѣлки, для боя, спѣшивались, и въ этомъ составѣ конья мы видимъ его отлечіе отъ французскаго и сходство съ бургундскимъ, въ которомъ также имѣлись пѣшие люди (стр. 47). См. флг. М. № 26 и 27, на табл. IX.

Незначительное число кирасиръ, которыхъ удалось завести Максимилиану, побудило его обратиться къ другимъ источникамъ, для пополненія своей конницы, и съ этой цѣлью онъ привлекъ на свою службу венгерскихъ, частью кроатскихъ гусаръ, (получившихъ свое названіе отъ венгерскихъ словъ: «húsz» — двадцать, и «ag» — жалованье, такъ какъ начало ихъ положено королемъ Венгріи, Матеемъ Корвиннымъ, призвавшимъ, для несенія военной службы на жалованья, каждаго 20-го человека съ населенія, откуда и пошли гусары, которые, въ первое время, далеко не всѣ отправляли службу на конѣ). Гусары, въ арміи Максимилиана, были частью тоже тяжело вооруженными всадниками, такъ какъ, по нѣкоторымъ описаніямъ ихъ современными авторами, они имѣли латы, съ рукавами и набедренниками; оружіе ихъ составляли: копье, сабля, съ расширяющимся къ концу, волнистымъ лезвіемъ, лукъ, а позже пистолеть (Puffer) **). Кроме того, Максимилианъ

*) Jähns («Handbuch», стр. 917). Его-же («Geschichte», т. I, стр. 318—319.) Meyrner, (т. II, стр. 31).

**) Meyrner, (т. II, стр. 177—189.) Jähns («Handbuch», выписка на стр. 917—918). Указаніе о гусарахъ, въ арміи Габсбурговъ, относится къ 1508 г. Численности нанявавшихся Максимилианомъ I отрядовъ гусаръ, къ сожалѣнію, оба автора не даютъ.

прибѣгали къ найму извѣстной уже намъ албанско-греческой легкой копницы—стратигоговъ.

Что касается *пѣхоты*, то послѣ швейцарскихъ побѣдъ, когда стала очевидной ошибочность предразсудка, что воинами могутъ быть только всадники, Максимьявиномъ были приняты всѣ возможные мѣры по улучшенію того низкопробнаго матеріала, который представляли, для образованія пѣхоты, тогдашніе наемники. При развитіи корпоративнаго духа въ эпоху среднихъ вѣковъ, въ Германіи, дружины наемниковъ образовали родъ кочующихъ военныхъ братствъ, которые, до извѣстной степени, приближались къ вышеупомянутымъ отрядамъ кондотьеровъ, бродившихъ по Италіи *). Намъ уже были приведены примѣры такихъ наемныхъ отрядовъ, вроде «черной дружины», заключавшей до 6000 чел. и попеременно служившей венгерцамъ, саксонцамъ, германскому императору, герцогу Гельдернскому, датскому королю и другимъ.

Въ XV-мъ вѣкѣ, нѣмецкая наемная пѣхота носила два названія «бѣковъ» и «трабантовъ»; первые были искатели приключеній, а главное, любители праздної жизни и легкой добычи; поэтому они кочевали отъ одного владѣтельнаго князя къ другому; въ мирное время, жили впроголодь, питаясь грабежами и отличаясь отвратительной лачиноплотностью, за которую и получили свое названіе («Вѣск»—козель). Еще въ XVII вѣкѣ, это названіе давалось иногда военнымъ бандитамъ **). Лучшихъ наемниковъ звали «трабантами» ***), подъ которыми чаще всего разумѣли наемныхъ богемскихъ и швейцарскихъ пѣхотинцевъ, вооруженныхъ пиками, алебардами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ концѣ XV вѣка (около 1474 г.), впервые встрѣчается имя ландскнехтовъ, которыми обозначали наемниковъ, вербованныхъ въ своей-же странѣ (Land), преимущественно изъ состава свободныхъ крестьянскихъ общинъ и особенно въ Брейтгау, въ Швабии, гдѣ городъ Фельдкерхъ считался родиной всѣхъ выдающихся предводителей ландскнехтовъ. Такимъ образомъ, названіе это, повидимому, не обозначаетъ оружія, которымъ были вооружены ландскнехты («Lanze»-пика),

*) Равнѣда была только въ томъ, что они не успѣли въ Германіи занять такое преобладающее положеніе, какъ въ Италіи, такъ какъ нѣмецкое населеніе, менѣе извѣженное и болѣе воинственнее, чѣмъ итальянцы, могло всегда бороться съ шапками наемниковъ, если они начинали не въ мѣру заниматься грабежами и разореніемъ населенія.

**) *Цульеревскій*. («Ист. воен. иск. въ средніе вѣка», ч. II, стр. 93); *Мейеръ*. (т. II, стр. 36—37.)

***) Отъ «tragen», «treiben», «travailer», въ смыслѣ—двигаться.

но указывается на принадлежность къ той странѣ, вооруженную силу которой они составляли (потомъ, конечно, это было забыто, и ландскнехты служатъ подъ знаменами почти всѣхъ государей западной Европы) *). Къ этому-то роду наемной пѣхоты и прибѣгнувъ Максимилианъ, какъ къ лучшему изъ имѣвшихся въ его распоряженіи матеріалу, рѣшившись болѣе облагородить его и создать изъ него родъ рыцарскаго ордена, привлеченіемъ въ его ряды молодого дворянства, въ качествѣ пачальниковъ, и такъ называемыхъ «двойныхъ наемниковъ», получившихъ двойное жалованье (Doppelsöldner).

Чтобы побѣдить укоренившійся обычай считать пѣхоту презрѣннымъ войскомъ, самъ Максимилианъ, порой, являлся въ снаряженіи ландскнехта, съ ихъ никой и боевымъ мечемъ и, считая себя самого первымъ ландскнехтомъ, становился иногда въ ихъ ряды. (См. фиг. № 34, на табл. X). Замѣчательно, что учрежденіе ландскнехтовъ совпало со временемъ послѣдняго общаго рыцарскаго турнира, состоявшагося въ Вормсѣ, въ 1487 году. Вѣроятно, Максимилианъ убѣдился на немъ, что время рыцарства миновало, и пришелъ къ заключенію о необходимости считать чужихъ чужаками, унизивъ славу вооруженную силу, при чемъ пожелалъ перенести духъ рыцарства и его лучшей силы въ новое учрежденіе.

Впервые онъ примѣнилъ ландскнехтовъ, по ихъ преобразованіи въ наемно-рыцарское братство, въ войнѣ съ венграми въ 1490 году, имѣя въ виду совершенно освободиться отъ «бѣговъ», которые только грабили мѣстныхъ жителей. Получивъ отъ имперскихъ чиповъ, вмѣсто поставки войскъ, де-

* Мейертъ («Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen», ч. II, стр. 55—56) производитъ однако названіе ландскнехтовъ отъ «Lanze» пика; этому взгляду слѣдуютъ: Лн. Гомицкиъ (Всеобщая военная исторія, ч. 3, стр. 65) и Пузыревскій (Исторія воен. иск. въ средніе вѣка, ч. II, стр. 95). Доводъ Мейерта, что ландскнехты другъ друга часто называли сокращенно «Lanz», конечно, недостаточно убѣдительно; по сходству звуковъ, первоначальный корень могъ быть потомъ легко забытъ. Растовъ (Ист. пѣхоты, ч. I, стр. 176) держится обратнаго взгляда, и къ его доводамъ можно лишь прибавить, что «Lanze» — не коренное нѣмецкое слово, происходящее отъ французскаго «lanze»; имя же ландскнехтовъ обыкновенно называется древне-германскими писателями «Sriesz». Современный писатель, повѣстникъ Philippe de Comines переводитъ на французскій языкъ названіе ландскнехтовъ — «compaignons du pays» — дружинники страны. Подробно выясненъ этотъ вопросъ у Ленса. (Handbuch; выш. на стр. 340). Такого-же мнѣнія и Враздтъ (т. III, стр. 95—96), подтверждая это тѣмъ, что были двойкаго рода ландскнехты: «Oberländische Knechte», т.-е., люди верхнихъ странъ, (изъ Швабскихъ горъ), и «Niederländische Knechte», — изъ нижнихъ странъ (изъ равнинъ сѣверныхъ частей имперіи). Рокакуръ (выноска на стр. 326) тоже переводитъ слово ландскнехтъ — «du pays valet».

некую подать на наемъ таковыхъ, Максимилианъ опредѣлилъ слѣдующій порядокъ комплектованія своей арміи наемной пѣхотой: предполагая военный походъ, государь выдавалъ патентъ одному изъ наиболѣе ему преданныхъ и извѣстныхъ своимъ боевымъ опытомъ полководцевъ, на сборъ *полка* (Regiment) ландскнехтовъ. Патентъ, называвшійся также «грамотой артикуловъ» (Artikulsbrief, Bestallungsbrief), заключалъ въ себѣ права и обязанности полководца (Feldoberst) и условія для содержанія и уплаты жалованья ландскнехтамъ, которое выдавалось государемъ. Приводимый Брандомъ *) текстъ одной изъ старѣйшихъ сохранившихся такихъ грамотъ, (хотя и принадлежащій къ болѣе поздней эпохѣ—1572 г.) показываетъ, что, въ случаѣ пужды, ландскнехты могли быть удерживаемы и послѣ указанного срока, возобновленіемъ патента, при чемъ, къ 1572 году, срокъ найма достигалъ 1 года (въ началѣ XVI вѣка, нормальный срокъ былъ 3 мѣсяца). Часто случалось, что суммъ, выдаваемыхъ государемъ, не хватало, и тогда фельдберсту приходилось доплачивать самому, а слава его имени доставляла ему болѣе или менѣе продолжительный кредитъ, но если денегъ все-таки не было, если кампанія шла неудачно и военная добыча не была, то ландскнехты обращались въ дикую орду, становились язвою мирнаго населенія и нерѣдко поднимали открытыя возмущенія противъ своего-же повелителя (такъ, въ Миланскомъ походѣ, 1516 года, ландскнехты возбужтались противъ самого императора Максимилиана и едва не убили его). Изъ числа своихъ друзей, товарищей, извѣстныхъ военачальниковъ, фельдберстъ выбиралъ себѣ помощника (Oberstlieutenant) и капитановъ (Hauptleute), которые уже завѣдывали непосредственнымъ сборомъ наемниковъ и нерѣдко помогали своими денежными средствами, при организаціи полка.

Вначалѣ, капитаны, согласно указаніямъ Максимилиана, были очень разборчивы при наймѣ ландскнехтовъ; въ число ихъ принимались исключительно «свободные» и лишь имѣвшіе собственное хорошее вооруженіе; смотря по состоянію его, ландскнехты дѣлились при приемѣ на два разряды (какъ тогда говорили: «1-й и 2-й листъ»). Въ 1-мъ разрядѣ (prima placca) состояли дворяне, сыновья патриціевъ и лучшіе граждане, въ 2-мъ—свободные ремесленники и поселенцы; бездомные бродяги, нищія проходивцы, которые впоследствии

*) Т. III, стр. 101—103.

составили главную массу ландскнехтовъ, вначалѣ вовсе не пропускаясь черезъ ворота изъ копій, что обозначало пріемъ на службу.

Тактическо-административной единицей ландскнехтовъ былъ *значекъ* (Fähnlein), силой отъ 400 до 600 ч., который занимался капитаномъ и получалъ свое названіе отъ того, что прикрѣпленный къ дому его значекъ, или хоругвь (иногда, по древне-германскому обычаю, — шляпа), обозначали, что онъ принимаетъ на военную службу годныхъ къ пей людей. Значекъ составлялся изъ пѣхотинцевъ разныхъ родовъ, по своему вооруженію, т. е., пикинеровъ, аллебардистовъ и стрѣльцовъ, при чемъ трудно опредѣлить процентное содержаніе каждаго рода пѣхотинцевъ, въ общемъ составѣ значка, такъ какъ оно было непостоянно, въ зависимости отъ того, съ какими вооруженіемъ являлись ландскнехты къ вербованію ихъ капитану, принимавшему всякаго, имѣвшего свой камзолъ (впослѣдствіи очень яркіе, пестрые цвѣтовъ), башмаки, шляпакъ, хорошій мечъ, аллебарду или длинную пилу, а при томъ и немного денегъ, и былъ здоровъ и достаточно силенъ для перенесенія воинскаго похода *). Въ концѣ царствованія императора Максимилиана и въ началѣ правленія Карла V, когда употребленіе огнестрѣльнаго оружія получило достаточное распространеніе, за норму было принято имѣть въ каждомъ значкѣ около 50 аркебузеровъ.

При пріемѣ на службу ландскнехтовъ, обыкновенно, присутствовалъ правительственный инспекторъ, который проверялъ число проходившихъ черезъ ворота ландскнехтовъ и записывалъ ихъ въ списки, обращая вниманіе, чтобы никто не проходилъ два раза, такъ какъ капитаны нерѣдко прибѣгали къ такой уловкѣ, чтобы затѣмъ получать извѣстное содержаніе, отпущеннаго казною по числу записанныхъ въ списки паемниковъ **). Нашитый на камзолъ красный крестъ и красная

*) Впослѣдствіи, оружіе ландскнехтовъ и составъ значка опредѣлялся болѣе точнымъ образомъ. Такъ, по проекту Вейрлина, представленному въ 1563 г., значекъ долженъ былъ состоять изъ 200 стрѣльцовъ-аркебузеровъ, 284 пикинеровъ, 36 аллебардистовъ, 2-хъ меченосцевъ (у значка), 4 барабанщиковъ и флейтистовъ, всего 526 чел. и 3 офицеровъ—капитана, поручика и прапорщика (Голлицъ, ч. 3, стр. 69).

**) Нормальное жалованье ландскнехта было 4 гульдена въ мѣсяцъ, двойные паемники (1-я листа) получали, слѣдовательно, 8 гульденовъ, капитаны—десятерное содержаніе—40 гульденовъ; фельдберсты—сотенное—400 гульденовъ; кромѣ того, послѣднему предоставлялось право содержать извѣстное число трабантовъ, въ видѣ личной гвардіи, и опредѣленный штабъ, получавшій содержаніе отъ казны. Вообще, положеніе фельдберста было выдающееся, и онъ окружалъ себя роскошью и блескомъ,

перевязь служили отличіемъ принадлежности къ полку ландскнехтовъ.

Полки образовались изъ 10—16 значковъ, но, какъ видно, не были тактической единицей, а лишь административной, и для боя ландскнехты строили изъ нѣсколькихъ значковъ такъ называемыя «кучи» (*Haufen*), которыя и были дѣйствительными тактическими единицами.

Пока во главѣ ландскнехтовъ стояли преданные императору полководцы, изъ которыхъ наибольшую славою пользовался извѣстный уже намъ Георгъ фоль-Фрундсбергъ, «отецъ ландскнехтовъ», и пока въ ихъ среду принимался лишь дѣйствительно доброкачественный элементъ, до тѣхъ поръ они представляли прекрасную народную пѣхоту, отличаясь, въ особенности, стойкостью и упорствомъ въ бою; но и съ ними повторилось то-же, что и съ швейцарской пѣхотой: постоянныя войны и особенно борьба Габсбургскаго дома съ французскими королями, за гегемонію въ Европѣ, а также безконечныя походы въ Италію потребовали огромнаго напряженія силъ и вызвали мѣры къ увеличенію численности армій, во что-бы то ни стало; родина ландскнехтовъ—Швабія не могла уже поставлять необходимаго числа наемниковъ, а между тѣмъ и другія государства, въ томъ числѣ и непріязненная Германіи Франція, начали тоже вербовать ландскнехтовъ, которые, будучи свободными съ окончаніемъ договорнаго срока, поступали на службу къ любому государю, лишь-бы онъ доставлялъ имъ необходимое пропитаніе и возможность поживиться непрі-

играя, въ сущности, роль диктатора въ этой солдатской республикѣ. Весь значекъ изъ 500 нижнихъ чиновъ, а съ начальниками и востровыми, 619 чел., стоялъ въ мѣсяцъ 4,837 гульденовъ (*Meuser*, т. II, стр. 86, и *Wandt*, т. III, стр. 114—116). Послѣ выигранаго сраженія, мѣсяцъ считался законченнымъ и, для уплаты содержанія, начинался новый мѣсяцъ. Послѣ удачнаго штурма крѣпости, весь боевой матеріалъ принадлежалъ государю; вся добыча распределялась между ландскнехтами и ихъ начальниками, и для расчетовъ была даже особый «грабежныхъ дѣлъ мастеръ» (*Beutemeister*). Мельница, хлѣбопекарни, плуги, все, вообще, необходимос для обработки полей должно было оставаться неприкосновеннымъ, а въ дружеской странѣ, не только запрещался подѣ страхомъ смертной казни, всякій грабежъ, но даже всякое отнятіе жизненныхъ припасовъ. Такимъ образомъ, ландскнехты, а особенно ихъ начальники были матеріально обезпечены лучше, чѣмъ швейцарцы, которые, судя по книгѣ о войнѣ Сельденска (*Kriegsbuch, der gesaunden eud*), издавнной около 1480 года, было свидующимъ: капитанъ получалъ 12 гульденовъ въ мѣсяцъ и на своего холопа еще 4 гульдена, хорунжий—и начальники—отдѣленія—6 гульденовъ—полудорное содержаніе; унтеръ-офицеры, барабанщики—5 гульденовъ; простые холопы (*knechte*)—4 гульдена. На каждые 8 шкиперовъ полагалась 1 аркебуза и 1 алебарда; на 100 пнкъ—одна подвода, при 2-хъ тяжелыхъ аркебузахъ, и 10 аркебузеровъ. (*Jähns*; «Geschichte der Kriegswissenschaften»; т. I, стр. 312).

тельскою добычей. При такихъ условіяхъ, въ силу самого естественнаго хода вещей, нравственныя качества ландскнехтовъ должны были пасть; при наймѣ ихъ, поневолѣ, приходилось быть менѣе разборчивымъ, и въ результатѣ, они стали такими-же ремесленниками военнаго дѣла, какими были описанныя войска итальянскихъ кондотьеровъ, совершенно потерявъ тотъ обликъ рыцарскаго ордена, который хотѣлъ придать имъ Максимилианъ. Они скоро перестали и называться ландскнехтами, а стали нѣмецкими пѣхотинцами (*deutsche Fußknechte* *); принадлежность ихъ къ той *странѣ* (Land), за которую они вели борьбу, прекратилась.

Еще тому-же Фрундсбергу, во время похода его къ Риму, въ 1527 году, пришлось убѣдиться, въ грозной силѣ создавшаго его стараніями войска; когда обнаружилось наступленіе германскихъ войскъ къ Риму, утраченный папа заключилъ 8-ми мѣсячное перемиріе; между тѣмъ, Фрундсбергъ и кошетабль Бурбонъ не могли заплатить ландскнехтамъ слѣдуемаго имъ, за нѣсколько мѣсяцевъ, содержанія, хотя продали и перезаложили всѣ свои драгоценности и имѣнія; когда ландскнехты узнали о заключенномъ перемиріи, то они подняли открытое возмущеніе, требуя немедленнаго движенія къ Риму и взятія его, съ цѣлью вознаградить себя разграбленіемъ древней столицы міра. Старшій Фрундсбергъ пытался убѣдить разъяренныхъ бунтовщиковъ, но послѣдніе стали ему грозить оружіемъ и такъ оскорбили своего вождя, что съ нимъ сдѣлался ударъ, отъ котораго онъ уже не оправился и былъ принужденъ покинуть армию, посоветовавъ Бурбону идти въ Римъ, «потому что иначе невозможно». Бурбону, дѣйствительно, ничего другаго не оставалось, какъ штурмовать искавшій міра городъ, самъ онъ былъ, при этомъ штурмѣ убитъ, а Римъ былъ взятъ и преданъ неописуемому грабежу, сопровождавшемуся неслыханными насиліями и звѣрскими жестокостями («*sacco di Roma*»). Алчность ландскнехтовъ была удовлетворена, но съ этихъ поръ, они уже потеряли всякій образъ воина, служащаго родинѣ, и неудержимо шли къ своему полному паденію.

Приведенный примѣръ похода на Римъ невольно заставляетъ вспомнить аналогичное, по своимъ мотивамъ, сраженіе при Ля-Викожѣ, въ которомъ была наказана жадность швейцарцевъ, и это сравненіе, въ совѣтѣ очередь,

*) *Meynert*, т. II, стр. 69.

дает повод сдѣлать выводъ, что наемное войско, какъ-бы ни было оно совершенно и образцово, по своему первоначальному устройству, по самой природѣ своей, въ силу естественнаго хода событий, неминуемо заключаетъ въ себя зачатки будущаго разложенья и окончательной гибели. Купленный за деньги наемникъ не можетъ имѣть прочныхъ основъ для преданности дѣлу, которому онъ служилъ-бы до забвенія своихъ собственныхъ выгодъ; личный эгоизмъ овладѣваетъ, въ концѣ концовъ, сѣмь его существомъ и заставляетъ пренебречь святостью своего долга.

Все сказанное, однако, вовсе не служитъ доказательствомъ того, что система наемныхъ войскъ была въ ту отдаленную эпоху нецѣлесообразна и не должна была примѣняться. Причину такого, съ перваго взгляда, ненормальнаго способа комплектованія оруженыхъ силъ имперскихъ князей раскрываетъ намъ сочиненіе графа Рейнхардта Сольмса: «Kriegsregierung», написанное около 1544 года *). Совершенно вопреки изложенному выше взгляду Макіавелли, гр. Сольмсъ полагаетъ, что владѣтельный князь, ни въ какомъ случаѣ, «не долженъ поддаваться угговорамъ — употребить народъ своей страны для веденія войны», потому что походы съ такими войсками кончаются обыкновенно неудачами, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ желанія вести войну, вслѣдствіе присущаго имъ стремленія вернуться поскорѣе домой, къ своимъ женамъ, дѣтямъ и роднымъ очагамъ, вслѣдствіе, наконецъ, недостатка обученія и боевой опытности, отсутствія стойкости передъ противникомъ, передъ которымъ они бѣгутъ, какъ только начальныя предпологаетъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. . . . «Когда такое войско, взятое со страны государя, будетъ разбито, то какъ ему оправиться отъ пораженія собственного народа и взимать подати и прочіе налоги? Поэтому государю далеко не такъ тяжело, или не такъ вредно двукратное пораженіе иноземнаго войска, чѣмъ единственная неудача собственного народнаго войска» **).

Такой взглядъ Сольмса, бывшаго фельдмаршаломъ Карла V п стоявшаго очень близко къ разсматриваемой эпохѣ, замѣ-

*) Изпечатано между 1550 и 1560 годами.

***) «Wann einem Herrn also sein Landvolk geschlagen wirdt, wie will er sich wieder erholen mit Schatzung und dergleichen Steuern wan sein Volk erschlagen were. Derhalben thut es einem Herrn nicht so wehe oder ist jm so nachthoellig wan jm ein frembdvolk zweimal geschlagen, als dasz sein Volk einmal geschlagen wirt. (I. S. 30). Выдержка у Ланс'а. («Geschichte», т. I, стр. 514).

чительно характеренъ, для выясненія вопроса, почему такъ постоянно держались государи того времени армій, комплектуемыхъ наемниками, и отказывались отъ народнаго войска; во-первыхъ, изъ словъ Сольмса видно, что собственный народъ былъ нуженъ, прежде всего, для пополненія взимаемыхъ съ него налоговъ постоянно недостаточныхъ финансовыхъ средствъ государства. Для казны было, повидимому, слишкомъ обременительно, еслибъ она лишилась даже той части податей, которыя выпадали на долю вербуемыхъ для войскъ поселянъ, что особенно давало себя чувствовать при пораженіяхъ, когда необходимо было особенное напряженіе силъ и слѣдовательно нужно было произвесты значительные расходы, а между тѣмъ побѣдоносный противникъ занималъ часть территоріи и, конечно, не позволялъ съ нея собирать новыя подати, а напротивъ, живя на средства страны, грабилъ и разорялъ ее. Съ другой стороны, мы видимъ, что мѣстныя войска, ополченія, собираемыя со страны, были ненадежны, такъ какъ дисциплинировать ихъ, соответственно боевымъ дѣламъ войны, и придать должную сплоченность и устойчивость въ виду противника—можно только болѣе или менѣе продолжительной службой подъ знаменами, боевой опытностью и солдатскимъ воспитаніемъ, а все это могли дать только войска постоянныя, учреждать которыя государства были опять-таки, не въ силахъ, вслѣдствіе отсутствія нужныхъ на то финансовыхъ средствъ. Поневоля, приходилось обращаться къ наемникамъ—ремесленникамъ войны, которые, странствуя изъ одного государства въ другое, промышляя всюду, гдѣ только можно было повоювать и, главное, пограбить, составили себѣ, тѣмъ не менѣе, извѣстную боевую практику и могли, хотя и несовершенно, замѣнить постоянное народное войско.

Слабость государственной власти, въ разсматриваемую эпоху, сказывалась также въ затруднительномъ ея положеніи, когда кампанія оканчивалась, а собственные наемные отряды продолжали разорять страну и грабить мирныхъ жителей, «работая на себя», и это давало также поводъ предпочитать чужеземныхъ наемниковъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, получивъ свое содержаніе и будучи уволенными, скорѣе избавляли страну отъ своего присутствія, такъ какъ ихъ все-таки тянуло на родину, гдѣ они могли-бы вполне беззаботно промотать награбленное во время войны добро.

Мы видимъ, какъ вся военная организація тогдашнихъ

государств находилась въ самой полной зависимости отъ ихъ скудныхъ материальныхъ средствъ; образовавшихся какъ-бы тѣсный заколдованный кругъ; изъ котораго нельзя было выбраться самому даровитому государю.

Наемныя войска имѣли еще одну выгоду, сравнительно съ народными ополченіями: тогда какъ неразвившаяся политически масса не понимала цѣлей войны, жаждала лишь покоя и мирной жизни, при своихъ родныхъ очагахъ, и никакъ не могла проникнуться обще-государственными интересами, особенно, когда дѣло касалось наступательныхъ войнъ, — а потому естественно стремилась, какъ можно скорѣе, вернуться домой и отдѣлаться отъ несенія военной службы; въ то-же время, наемники, хотя и не понимали политическаго смысла кампаніи, которую они вели, тѣмъ не менѣе, получая средства для жизни посредствомъ войны, не могли не сочувствовать ей, предпочитали именно наступательный образъ дѣйствій, который давалъ имъ возможность больше поживиться добычей противника и, такимъ образомъ, ихъ цѣли чаще совпадали (хотя далеко не всегда) съ цѣлями покроводца.

Исторія, а частью и разсмотрѣнныя уже нами событія, показываютъ, что тамъ, гдѣ народы принуждены были вести оборонительный образъ дѣйствій, гдѣ приходилось защищать свои собственные предѣлы, свои родные углы и свою родную вѣру, — тамъ создавались изъ ополченій хорошія народныя арміи, окрѣпшія въ постоянной борьбѣ за существованіе и успѣшно дѣйствовавшія затѣмъ и въ дальнѣйшихъ войнахъ, хотя-бы и наступательнаго характера (испанцы, чехи-гуситы, швейцарцы, французы — въ послѣднемъ періодѣ столѣтней войны, славяне. . .); напротивъ, государства, которымъ приходилось вести, вслѣдствіе политическихъ условій, преимущественно наступательныя войны, дольше оставались при наемныхъ арміяхъ, часто пополнявшихся при томъ иностранцами (Германія, Франція послѣ Людовика XI).

Такимъ образомъ, система комплектованія вооруженной силы чужеземными наемниками являлась, въ известной степени, необходимой и соотвѣтствовавшей тогдашней общей обстановкѣ: *общество еще не возвысилось до усвоенія твердыхъ политическихъ убѣжденій; чувство принадлежности къ тому или другому народу, тѣмъ болѣе къ тому или другому государству, было не развито, а потому и не давало зародыша болѣе глубокимъ сильнымъ побужденіямъ, чѣмъ деньги и личныя выгоды; съ другой стороны, и государствен-*

ная власть была еще настолько слаба, что, будучи в состоянии взимать съ населения подати, далеко не всегда могла предъявить ему требование на обязательную службу съ войскадь, а тѣмъ болѣе, запретить ему службу подъ знаменами иноземнаго государя; на подобныя запрещенія никто не обращалъ вниманія; пошеволѣ, приходилось организовать вооруженную силу изъ жемающихъ отправлять таковую, т.-е., обращаться къ помощи наемниковъ, какой-бы странѣ они не принадлежали. Чувство рыцарской чести, съ упадкомъ феодальной системы, къ концу XV вѣка, уже настолько ослабѣло, что рыцари, сражавшіеся прежде за право быть рыцаремъ, — теперь обращались въ тѣхъ-же наемниковъ, стали служить за деньги не только своему государю, но даже ближайшимъ богатымъ городамъ, всегда нуждавшимся въ хорошей конницѣ.

Императоръ, желая обезпечить участіе своихъ ленниковъ въ задуманномъ походѣ и чувствуя слабость ихъ ленной зависимости, принималъ ихъ на жалованье, обезпечивая тѣмъ ихъ боевую службу въ предстоящей кампаніи^{*)}. Брать деньги за военную службу и поставку войскъ не гнушались даже могущественные князья и курфюрсты, и самъ благородный императоръ Максимилианъ I, получалъ по 100 эку въ сутки, за свое участіе въ походѣ 1513 года, противъ французовъ, подъ знаменемъ англійскаго короля Генриха VIII^{**)}.

Артиллерія.

Максимилианъ I и особенно его преемникъ, Карлъ V, обратили большое вниманіе на заведеніе и содержаніе сильной артиллеріи. При общемъ корпоративномъ строѣ германскаго общества, развившемся въ предшествовавшую эпоху, весьма естественно, что и артиллеристы образовали родъ цеха, весьма близкаго къ цеху литейщиковъ, слесарей и кузнецовъ; странствующіе пушкарскіе мастера, переходя изъ города въ городъ, изъ замка въ замокъ, по заказамъ горожанъ и владѣтелей замковъ, нуждавшихся, при тогдашнемъ безпокойномъ времени, въ сильной оборонѣ, изготовляли болѣе или менѣе

^{*)} Въ 1509 г., былъ имъ навигъ, на 4 мѣсяца, герцогъ Эрнхъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, съ 150 чел. конницы, за 10 гульденовъ въ мѣсяцъ, на каждую лошадь; въ 1515 г., за болѣе дешовую плату — 8 гульденовъ, съ лошади — поступилъ къ нему на службу герцогъ Мекленбургскій, на 1 годъ, съ 25 чел., и маркграфъ Казиміръ Бранденбургскій, съ 40 чел. вооруженной конницы. *Голландія*, (ч. 3-я, стр. 62—63). *Мейнерт*. (т. II, стр. 32).

^{**)} *Brandt*, (т. III, стр. 234). Объ этомъ свидѣтельствуегъ также слѣдующая выдержка изъ мемуаровъ *дю-Веллея*: «... fault entendre que l'armée du dit Maximilian estoit souldoyée aux despens du Roy d'Angleterre et mesmes le dit esleu Empereur avoit cent escu par iour pour son plat». («*Memires*» liv. I; стр. 5, дѣв.).

смертоносныя орудія, снабжая ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, запасомъ пороха и снарядами. Государство еще не содержало артиллеріи, какъ отдѣльнаго рода оружія, и весьма естественно, что оно обратилось къ тѣмъ-же мастерамъ съ соответствующими заказами, при чемъ имъ поручалось изготовленіе не только артиллерійскихъ орудій, но и ручнаго огнестрѣльнаго оружія. Въ случаѣ кампаніи, они точно такъ-же принимались на службу, какъ болѣе знакомые съ приемами при отбитыхъ ими орудіяхъ, получая извѣстныя привилегіи, разъ ихъ артиллерія имѣла успѣхъ; такъ, по взятіи города, если брешь была произведена отлитыми ими орудіями, то имъ принадлежалъ: самое большое взятое въ городѣ орудіе, пороховые заряды, найденныя въ орудіяхъ, боевое снаряженіе, заключавшееся въ цейгхаузахъ и всѣ колокола; кромѣ того, для расчета жалованья, мѣсяць считался законченнымъ; тоже самое касалось артиллеристовъ обороняющагося, послѣ каждаго отбитаго имъ штурма.

Въ концѣ XV вѣка, артиллерія начинаетъ получать характеръ полевой. (См. фиг. № 42, на табл. XI), и рядъ искусныхъ нѣмецкихъ пушкарскихъ мастеровъ умѣли значительно ее усовершенствовать, такъ что при Карлѣ V, въ срединѣ XVI вѣка, явились даже первые образцы орудій, *заряжаемыхъ съ казны*. (Фиг. № 45, на табл. XI); изобрѣтеніе это однако не было общино, на первыхъ порахъ, и къ нему вернулись значительно позже.

Мартинъ Мерцъ, родомъ изъ Пфальца, впервые, началъ примѣнять двухъ-стѣнные яфеты съ передками, что дало уже возможность выводить въ поле, совместно съ арміей, значительную по тому времени артиллерію. Въ 1474 году, курфюрстъ *Албрехтъ Ахиллъ Бранденбургскій*, для дѣйствующей арміи въ 30.000 чел., требуетъ 30 серпантинъ и 70 гаубицъ, въ томъ числѣ, 20—стрѣляющихъ картечью, и 10 мортпръ*). Въ венеціанскомъ походѣ 1509 года, при арміи Максимилиана, находилось уже 106 орудій на колесахъ.

„*Материальная книга*“ (Zeugbuch), изданная по распоряженію императора Максимилиана, между 1500 и 1510 годами, приводитъ въ строгую систему заведенную государемъ артиллерію, подраздѣляя ее на 4 категоріи, а именно:

1) *Главныя пушки* (Hauptrbüchsen), соответствованія французскимъ бомбардамъ и предназначенныя, главнымъ образомъ, для брешпрованія стѣнъ. Дѣйствія ихъ снарядовъ, которые, со временъ Максимилиана, уже исключительно желѣзныя, вслѣдствіе прежнихъ каменныхъ, было настолько сильно, что, напр., при осадѣ имъ

*) *Jähns*, «Handbuch», стр. 970.

Куфштейна, они пробивали 2-х сажениы стѣны и углублялись еще постѣ того на 1¹/₂ фута въ скалу. Стрѣльба изъ нихъ однако была настолькоъ меденной, что изъ каждаго орудія ежегодно производилось не болѣе 4—5 выстрѣловъ.

2) *Лушжи* (картауны), съ болѣе длиннымъ каналомъ, меньшаго калибра, чѣмъ бомбарды, служившія однако тоже въ видѣ осадныхъ орудій.

3) *Серпантинъ*, преимущественно длинныя орудія (20—40 калибровъ); болѣе крупныя изъ нихъ были извѣстны подѣ именемъ базилисковъ и червей (Wurme); меньшихъ-же размѣровъ орудія, называвшіяся кулевринами и картечицами (Hagelbüchsen), представляли переходъ къ ручному орудію.

4) *Мортиры*, для павѣсной стрѣльбы, уголь возвышенія для которой придавался подкладываемыми клиньями *) (См. фиг. № 43, на табл. XI).

Вообще, какъ видно, разнообразіе калибровъ было еще значительно, и конструкция орудій очень разнообразная, что зависѣло именно отъ того, что искусство различныхъ пушкарскихъ мастеровъ вырабатывало формы, для каждаго получаемого ими заказа, отдѣльно; различныя случайности, человѣческая склонность къ разнообразію въ своемъ трудѣ, разныя требованія при заказахъ различныхъ учрежденій и городовъ и, наконецъ, желаніе каждаго заказчика превзойти образцы, имѣвшіеся у его вѣроятныхъ противниковъ, причѣмъ главное вниманіе, конечно, обращалось на размѣры орудій,—все эти обстоятельства естественно вызывали самый разнообразный составъ артиллеріи, имѣвшейся въ употребленіи, что вело, при сосредоточеніи значительной артиллеріи для участія въ организуемомъ походѣ, къ значительнымъ неудобствамъ, при снабженіи артиллеріи необходимыми снарядами, почему и былъ принятъ рядъ мѣръ, къ возможному сокращенію калибровъ и къ установленію однообразія въ изготовленіи артиллерійскихъ орудій. При Карлѣ V, начали содержать пушкарей въ видѣ постоянныхъ наемниковъ въ мирное время и при немъ-же заведены были первыя артиллерійскія школы, въ которыхъ практически обучались стрѣльбѣ **).

Артиллерія, еще при Максимилианѣ I, сдѣлала значительный шагъ впередъ въ отношеніи малеврированія на полѣ сраженія,

*) Тамъ-же, стр. 972 и 796—799

**) Въ правилахъ для стрѣльбы, преподаваемыхъ въ этихъ школахъ, руководствъ которыхъ сохранились до сего времени, характерны наставленія крестить дуло орудія, по заряданіи его, и призывать имя Св. Варвары; необходимо было присутствіе при каждомъ выстрѣлѣ, на учебной стрѣльбѣ, всѣхъ обучающихся; съ отсутствующаго выскказалось въ пользу братства Св. Варвары 2 фунта воску. (Св. Варвара была патронесса всѣхъ артиллеристовъ). *Brandt*, (т. III, стр. 141—145.).

въ чемъ успѣхъ былъ достигнуть придачей къ каждому орудію опредѣленной прислуги и назначеніемъ къ каждому осадному орудію по 2 пушкарскихъ мастера (игравшихъ, вѣроятно, роль фейерверкеровъ), а къ полевому орудію — по одному такому мастеру.

Во главѣ артиллеріи, сопровождавшей армію на походѣ, поставленъ *цеймейстеръ*, провѣрявшій дѣятельность и знаніе службы пушкарскими мастерами; накопецъ, артиллерія всей страны подчинялась *генераль-фельдцеймейстеру*, завѣдывавшему всѣмъ артиллерійскимъ дѣломъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время; онъ завѣдывалъ также обложеніемъ и осадой важнѣйшихъ непріятельскихъ крѣпостей и, съ паденіемъ ихъ, получалъ, въ свое распоряженіе, весь найденный въ крѣпости запасъ орудій и снаряженій, который впрочемъ обязывался, за $\frac{2}{3}$ его цѣности, продать императору.

Значеніе артиллеріи становилось уже выдающимся, и она пользовалась извѣстными привилегіями, въ числѣ которыхъ одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ была — освобожденіе отъ наказанія, ареста и дальнѣйшаго преслѣдованія того, который успѣвалъ бѣжать къ орудіямъ и наложить на нихъ руку: всякій, находившійся въ ближайшемъ соседствѣ орудій, былъ неприкосновененъ.

Накопецъ, при Максимилианѣ, получили первое начало и вспомогательныя техническія войска, а именно *саперы*, которые образовались изъ вольно-наемныхъ рабочихъ землеконовъ (*Schanzbauern*), перешедшихъ, въ концѣ царствованія императора Максимилиана, на постоянную службу и составившихъ свой *значокъ* (*Fähnlein*), силой около 400 чел. При осадахъ же крѣпостей, они усиливались до 4-хъ значковъ (1.600 чел.). Во главѣ ихъ стоялъ *шанцмейстеръ* (*Schanzmeister*), который соединялъ, въ своемъ лицѣ, должности не только современнаго начальника инженерныхъ войскъ, но, до извѣстной степени, и начальника штаба, такъ какъ, въ числѣ его обязанностей, заключались: рекогносцировка дорогъ, выборъ путей наступленія, указаніе о расположеніи артиллерійскихъ позицій, мѣры по охраненію отрядовъ, — при расположеніи на отдыхѣ, и по оборонѣ лагерей, — при расположеніи продолжительныхъ стоянкахъ. Саперы, первой обязанностью которыхъ, при многочисленныхъ осадахъ того времени, было устройство приспособленій для обстрѣливанія крѣпостныхъ построекъ, естественно должны были дѣйствовать въ самой близкой связи со своей артиллеріей и, болышею частью, состояли при ней.

Инженерныя
войска.

Значительное развитие получили также *портонные парки*. При недостаткѣ постоянныхъ переправъ, при слабой культурѣ того времени, опытъ кампаній привелъ къ необходимости возить, въ качествѣ матеріала для постройки мостовъ, около 30 судовъ, отъ 7—8 фут. шириной и 16—18 фут. длиной; вмѣстѣ съ судами перевозилась и мостовая настилка, заготовленная въ видѣ звеньевъ, ширина которыхъ равнялась ширинѣ судовъ, а длина была отъ 10 до 12 ф. *). Суда возились на запряженныхъ четверкой лошадей повозкахъ, вообще сходныхъ съ тѣми, на которыхъ возились орудія, и отличавшихся лишь тѣмъ, что къ осямъ ихъ были прикреплены высокія подпоры, между которыми лежала настилка, служившая, въ то-же время, основой повозки; на нее опиралось самое судно, перевозившееся повернутымъ кверху дномъ положеніи.

Организація
обще-импер-
ской арміи.

Принявъ самыя энергичныя мѣры къ прочной военной организаціи священной Римской имперіи, Максимилианъ I сдѣлалъ все, что отъ него зависело, чтобы политически сплотить между собою разнообразныя части своей обширной монархіи и, главное, объединить вооруженную силу, выставляемую многочисленными герцогами, курфюрстами, маркграфами и прочими владѣтельными князьями, земли которыхъ входили въ составъ германской имперіи. При этомъ онъ искусно воспользовался религіознымъ чувствомъ, подогрѣтымъ необходимостью вести борьбу за вѣру противъ турокъ, а также извѣстной опасностью, грозившей съ ихъ стороны цѣлости имперскихъ владѣній.

Въ концѣ своего царствованія, на сеймѣ въ Аугсбургѣ, 1518 года, ему удалось побѣдить равнодушіе и сопротивленіе имперскихъ князей и добиться отъ нихъ согласія на то, чтобы всякій ихъ подданный ежегодно, при причастіи, жертвовалъ-бы $\frac{1}{10}$ рейн-гульдена на войну съ турками и чтобы на эти деньги вербовались-бы конница и пѣхота и производимы были всѣ военныя снаряженія. Однако окончательное рѣшеніе этого вопроса было отложено до слѣдующаго сейма, до котораго Максимилианъ уже не дожилъ **).

*) Данныя по организаціи портонныхъ парковъ почерпнуты изъ сочиненія Фронкстера: «Kriegszbuch», изданія 1696 года (кн. IV, стр. LXIV, лѣв.). Первое изданіе этой книги, включающей главнѣйшія данныя по организаціи германскихъ армій XVI вѣка, относится къ 1569 году, а написано сочиненіе около 1552—1555 годовъ. Выдержки изъ него даютъ также: Jahn. «Geschichte der Kriegswissenschaften», (т. I, стр. 530—535), и Brandt, (т. III, стр. 158—164).

***) Голицынъ, ч. 3, стр. 61.

Почти такой-же успѣхъ имѣла другая его мѣра, по организаціи общей для всѣхъ наследственныхъ австрійскихъ земель вооруженной силы: Боценскіе ландтагомъ, 1511 года, была принята система обороны Тироля, на основаніи „11-ти лѣтней грамоты“, (*elfjährige Libell*), установленной сборъ 5000 ополченцевъ, при первой опасности непріятельскаго вторженія, при чемъ, по мѣрѣ необходимости, выставлялись новые контингенты (2-й, 3-й и 4-й очереди), каждый по 5000 чел., т.-е., въ общемъ, тирольцы должны были подготовить ополченіе въ 20.000 чел., жалованье которымъ обязывались платить сельскія и городскія общины, а оружіе и продовольственные припасы поставались имперскимъ правительствомъ.

„Инсбрукской грамотой“ (*Innsbrucker Libell*), 1518 года утверждалась та-же мѣра и для остальныхъ (пизне-австрійскихъ) наследственныхъ земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ учреждались 6 выборныхъ должностей *военныхъ советниковъ* (*Kriegsrath*), изъ которыхъ одинъ назначаяся *земскимъ фельдхуитманомъ* (*Landfeldhauptmann*). На случай вторженія противника, въ областяхъ должны были держаться на-готовѣ ополченцы, число которыхъ опредѣлялось денежнымъ доходомъ страны; именно, съ каждыхъ 200 фунтовъ денегъ дохода, получаемого частными лицами или цѣлыми корпораціями и общинами, поставлялось по 1-му всаднику и по 2 пѣшихъ ополченца. Самъ императоръ обязываясь и со своихъ собственныхъ доходовъ образовать такую-же помощь, въ случай необходимости обороны какой-бы то ни было изъ угрожаемыхъ непріятельскимъ вторженіемъ областей. Продолжительность службы земскихъ ополченцевъ была опредѣлена въ 6 мѣсяцевъ, а въ случай крайней нужды и болѣе, но уже на жалованьи и содержанія отъ императора *).

«Инсбрукская грамота» устанавливала взаимодѣйствіе ополченій соседнихъ австрійскихъ владѣній и представляла, такимъ образомъ, первое выраженіе обще-государственной идеи Австріи, которая, какъ видно, зародилась на почвѣ необходимой обороны страны при непріятельскомъ вторженіи; впервые, являлась австрійская вооруженная сила, и земскія ополченія обязывались служить не только внутри своихъ областей, но и вѣдъ ихъ.. Однако исторія не даетъ указаній о дѣятельности этихъ ополченій; для вѣдшихъ предпріятій они не могли быть предназначаемы, и главное значеніе указанной мѣры заключается въ первомъ появленіи военныхъ учреждений и правительственныхъ должностей, въ лицѣ военныхъ советниковъ и земскихъ фельдхуитмановъ. Главная-же военная сила имперіи Максимилиана I должна была, по прежнему, основываться почти исключительно на наемникахъ.

Возросшее могущество его преемника, Карла V, заставило

* *Jähns*. «Geschichte d. Kriegswissenschaften» (т. I, стр. 682—684).

имперскихъ князей быть болѣе стоворчивыми въ отношеніи военной помощи, и на сеймѣ въ Вормсѣ, въ 1521 году, для предстоящаго похода къ Риму и завоеванія отнятыхъ французами имперскихъ земель, рѣшено было выставить натурой, вмѣсто денежной повинности армію, впрочемъ не особенно многочисленную (4,000 конницы и 20.000 пѣхоты). Назначенные въ этой имперской арміи нѣмецкіе *капитаны* (Hauptleute) и *военные советники* (Kriegsräthe) были поставлены подъ начальство самого императора и назначеннаго имъ *фельдбергера*, которымъ и должны были присягнуть. Особая матрикулы опредѣляли распределение этихъ войскъ между имперскими князьями, входившими въ составъ германской монархіи *). Эта мѣра, не смотря на скромную численность выставяемой арміи, была выполнена тоже лишь на половину, а въ послѣдовавшія войны съ турками, обнаружился полный недостатокъ разнообразія въ устройствѣ, обученіи и единствѣ духа подобной обще-имперской арміи.

При Карлѣ V, обнаружился недостатокъ людей, для пополненія имперскихъ войскъ; съ развитіемъ «промысла» ландкнехтовъ, и по мѣрѣ того, какъ иностранцы государства, для комплектованія своихъ вооруженныхъ силъ, стали все чаще и чаще прибѣгать къ найму иностранцевъ, въ результатѣ оказывалось уже мало желающихъ поступать на военную службу; наемная плата должна была, съ увеличеніемъ спроса, повыситься, что дѣлало затруднительнымъ формированіе тѣхъ многочисленныхъ армій, которыя нужны были Карлу V, для его широкихъ политическихъ замысловъ и особенно для борьбы съ Франціей. И вотъ, въ 1547 году, имъ издается распоряженіе, которымъ вступленіе на службу къ иностраннымъ государямъ воспрещалось, подъ страхомъ потери всѣхъ имѣній и льготъ (для владѣтельныхъ князей) и тѣлеснаго наказанія и даже смертной казни (для простыхъ вояковъ). Распоряженіе это представляетъ интересъ въ смыслѣ развитія права государя на военную службу его подданныхъ; государственная власть, еще слишкомъ слабая, чтобы предъявлять свои требованія населенію на несеніе имъ обще-обязательной воинской повинности въ своемъ государствѣ, укрѣпилась уже настолько, чтобы отрицать право гражданъ поступать на военную службу къ другимъ государствамъ. Однако это отрицаніе допущенной прежде личной свободы распоряжаться, какъ угодно, своей службой, а главное, — службой подчиненныхъ, являвшееся какъ-бы попыткой за-

*) Голинцъ, ч. 3-я, стр. 83.

крупности государственную службу подданных, возбудило неудовольствие и сопротивление имперских князей, которые, не желая лишаться денежных выгод, получаемых ими при поставке войск иностранным государям, жаловались на нарушение давних прав и всячески сопротивлялись приращению на практиче означеннаго распоряженія.

Тѣмъ не менѣе, въ 1559 году, оно было вторично подтверждено, и вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещалось назначеніе въ имперскихъ владѣніяхъ сборныхъ мѣстъ для вербовки, смотровъ и сборовъ войскъ, предназначаемыхъ для службы иностраннымъ государямъ. Вѣ 1570 г., императоръ Максимилианъ II издалъ „артикулъ для пѣхотной пѣхоты“ (Artikel auf die Teutsche Fuszknachte), особымъ дополненіемъ къ которому (sonderliche Punkte), опять была разрѣшена иностранная военная служба, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями и формальностями, заключавшимися въ томъ, что вербовать, въ предѣлахъ германской имперіи, разрѣшалось лишь нѣмецкимъ-же офицерамъ, а не иностраннымъ, и что поступившіе на иностранную службу наемники должны были ставить условіемъ— не быть употребляемыми для войны противъ священной Римской имперіи; нѣтъ ставилось въ обязанность и на иностранной службѣ соблюдать права и законы, установленныя въ имперіи для кнѣжской и пѣхотной службы *). Дальнѣйшая исторія показываетъ намъ, что сами императоры давали нерѣдко особое позволеніе вербовать войска, въ своихъ предѣлахъ, нѣмецкимъ государямъ (Максимилианъ II, въ 1572 г., разрѣшилъ вербовку въ испанскія войска Филиппа II; Рудольфъ II, въ 1583 г.—герцогу Фердинанду Баварскому, для службы тому-же Фляцину II **).

Необходимость самому вербовать въ сосѣднихъ владѣніяхъ очевидно побуждало правительство смотрѣть сквозь пальцы на неисполненіе его распоряженій имперскими князьями. Взгляды ишателей этой эпохи (Сольмса и Швенци), какъ нельзя лучше, выражаютъ продолжавшуюся неготовность тогдашняго общества и недостаточность политической силы государственной власти, а также и недостаточность финансовыхъ средствъ, чтобы организовать вооруженную силу на началахъ постоянной народной арміи, и, поневолю, приходилось прибѣгать къ наемникамъ, какъ къ необходимому злу. Даже попытку Максимилиана I — учредить Иннебрукской грамотой земскія ополченія, пришлось отмѣнить, замѣнивъ обязанность жителей — держать въ готовности 5.000 ополченцевъ, первой очереди, — денежнымъ налогомъ (по 36 гульденовъ, за каждаго ополченца). Эти деньги шли на содержаніе, вмѣсто того, наемниковъ, которые стоили все-таки дешевле, чѣмъ постоян-

*) Jäfers. «Geschichte der Kriegswissenschaften», т. I, стр. 763.

**) Голлицъ, ч. 3, стр. 84.

нал армія, такъ какъ уплачивалось имъ жалованье только по временамъ, когда они были нужны.

Зависимость учрежденія постоянныхъ войскъ отъ денежныхъ средствъ побуждала писателей того времени предлагать разныя мѣры для накопленія необходимыхъ для того средствъ. Такъ, около 1529 года, появилось сочиненіе „Das alt Romisch Kriegs-Regiment, пѣкоего Турмаера (онъ-же Авертинусъ), предлагавшаго, на основаніи примѣра римлянъ и турокъ, обязавшихъ своими побѣдами постояннымъ арміямъ, образовать особый военный фондъ (Kriegsrentstube) изъ $\frac{1}{6}$ государственныхъ, а также приходскихъ и монастырскихъ доходовъ. Содержимое на эти деньги постоянное войско, расположенное близъ границъ и всегда готовое къ выступленію въ походъ, хотя-бы и не слишкомъ многочисленное, могло-бы сослужить большую службу государству, такъ какъ получившіе хорошее обученіе 1000 чел. наѣрное справилась-бы и съ 2000 противника, не подготовленными къ военной службѣ.

Эти идеи, сами по себѣ, какъ видно, вполне здравыя, дали, вѣроятно, поводъ къ возникновенію, въ серединѣ XVI вѣка, „австрійской военной границы“. Славяне, бѣжавшіе, при нашествіи турокъ, изъ Балканскаго полуострова въ предѣлы Австріи, чтобы избавиться отъ магометанскаго ига, и получившіе общее названіе „ускоковъ“ (т.-е., бѣглецовъ), были поселены вдоль турецкой границы, получили особыя льготы по нesenію податей и пріобрѣтенію земельныхъ участковъ, а также небольшое содержаніе и, взамѣтъ того, должны были образовать военную сплзу, готовую дать первый отпоръ, при вторженіи турокъ. Къ 1577 году, эта военная граница была раздѣлена на два отдѣла: виндскій (Windische) и кроатскій. Первый отдѣлъ, обезпечивавшій имперію, составлялъ около 3000 чел., распределенныхъ по 26 населеннымъ пунктамъ; второй—обезпечивалъ около 50 замковъ Краолин 3800-ми гранничарами. На содержаніе военной границы было отпускаемо около 400.000 гульденовъ, и эрцгерцогъ Карлъ былъ назначенъ начальникомъ всей военной границы, отъ Дравы до Адриатическаго моря *)

Такимъ образомъ, если не считать учрежденія военной границы, выработавшагося вслѣдствіе особыхъ условій борьбы съ турками, устройство вооруженной силы Габсбургской монархіи не представляетъ, въ XVI вѣкѣ, устойчиваго зародыша постоянной народной арміи; сопротивленіе имперскихъ князей, равнодушныхъ, недовѣрчивыхъ, по отношенію къ императору, и упорно отказывавшихся отъ всякихъ нововведеній, считая таковыя нарушеніемъ своихъ старинныхъ правъ, поневолѣ, приводило къ необходимости основывать государственную оборону почти исключительно на наемникахъ, господство которыхъ продолжается вплоть до конца 30-лѣтней войны, и только

*) *Meunert.* (т. II, стр. 156—161). *Голлицъ,* (ч. 3, стр. 82).

событія этой послѣдней настойчиво побудили искать новыхъ основъ для созданія государственныхъ вооруженныхъ силъ.

Вліяніе эпохи возрожденія наукъ и искусствъ, въ Германіи, какъ и во Франціи, сказалось на организаціи вооруженныхъ силъ этихъ странъ *стремленіемъ къ систематическому упорядоченію ея, къ устраненію той разнообразной нестройности въ составѣ вооруженныхъ силъ и случайнаго характера ихъ организаціи—этихъ неизбежныхъ слѣдствій феодальной системы*, вѣрившей оборону страны рыцарскимъ ополченіямъ, при чемъ, конечно, упорядоченіе всей военной системы страны явилось слѣдствіемъ не только воскресшихъ взглядовъ классическаго міра, но и результатомъ утвержденія болѣе сильной государственной власти, благодаря энергичной дѣятельности ряда выдающихся императоровъ, главнымъ образомъ, Максимилиана I и Карла V. Первыми опытами въ этомъ направленіи было учрежденіе отчасти постоянныхъ, отчасти наемныхъ войскъ (ордонансовыя роты, кирасиры, ландскнехты) и параллельно — укрѣпленіе королевской власти сближеніемъ ея съ городскими и сельскими народными общинами, а также попытки образовать изъ доставляемаго ими матеріала земскія ополченія. Сознавая неподготовленность послѣднихъ къ военной службѣ и ихъ слабость при борьбѣ съ обученнымъ войскомъ, правительство было поставлено, тѣмъ не менѣе, въ необходимость прибѣгать одновременно и къ помощи наемниковъ. *Переносъ центра тяжести вооруженной силы съ феодаловъ къ болѣе низкимъ сословіямъ* постепенно приводитъ къ очень важнымъ усовершенствованіямъ въ организаціи войскъ, выразившимся *въ возрастаніи значенія и количественнаго, а затѣмъ и качественнаго преобладанія пѣхоты*, что было также однимъ изъ главнѣйшихъ слѣдствій изученія организаціи вооруженныхъ силъ классическаго міра, въ которомъ пѣхота всегда занимала очень видное мѣсто. Въ столкновеніяхъ съ конницею пѣхота уже оправдала такое отношеніе къ ней и начинаетъ съ успѣхомъ вести бой противъ смѣнившей рыцарскую тяжелой ордонансовой конницы.

Для усиленія дѣйствій этой молодой пѣхоты, начинаютъ развиваться и 3-й родъ оружія — *артиллерія*, сперва при оборонѣ городовъ и замковъ, а затѣмъ и при оперирующихъ въ полѣ арміяхъ. Насколько повліяло возрожденіе наукъ и искусствъ на стратегію и тактику войскъ этой эпохи, будетъ видно изъ очерка дальнѣйшей борьбы Габсбургскихъ монарховъ, съ реорганизовавшимъ свои войска Францискомъ I.

ГЛАВА V.

Французская армія въ концѣ правленія Франциска I и при Генрихѣ II.

Учрежденіе
легионовъ.

Убѣдившись въ непадежности арміи, главную массу которой составляли иностранные наемники, Францискъ I, возвратившись изъ плѣна, въ 1526 г., принялся за серьезную реорганизацию военной системы и, послѣ зрѣлаго обдумыванія, рѣшился сформировать, по римскому образцу, *легионы*, которые и были учреждены, въ числѣ семи, королевскимъ эдиктомъ, отъ 24 іюля, 1534 г. Впрочемъ, это римское имя, данное вълѣдствіе предпочтенія, которое отдавалось, въ эпоху возрожденія, всему античному, не вполне соответствовало новому учрежденію. Легионъ состоялъ изъ 6 *дружинъ* (*bandes* *) , каждая по 1.000 пѣхотинцевъ, въ томъ числѣ 200 аркебузеровъ и 800 пикетеровъ и аллебардистовъ. Во главѣ дружины стоялъ *капитанъ*, а помощниками его были: два *поручика*, два *прапорщика* **) (*enseignes*) и десять *сотниковъ* (*centeniers*). Поручики командовали или каждый отдѣльнымъ значкомъ (изъ 500 челов.), или одинъ—всѣми выдѣленными изъ дружины аркебузерами, которые вели бой въ разсыпномъ строю (*enfants perdus*), а другой — командовалъ всѣми пикетерами и аллебардистами. Легиономъ командовалъ, по назначенію короля, одинъ изъ капитановъ, командовавшихъ дру-

*) *Quarré de Verneuil* зоветъ ихъ когортами («cohortes») — «L'armée en France», стр. 90). *Guillaume du Bellay* проектировалъ подраздѣленіе легиона на 10 дружинъ, по 510 человѣкъ, и кромѣ того, 2 дружины «пропавшихъ ребятъ», по 434 чел., такъ что численность всего легиона (съ прикрывающими фланги «отборными пикетерами») — достигала у него 6.070 чел. (стр. 25—27).

**) По *Hardy* ихъ было 4, (т. II, стр. 355).

живами; впрочемъ, онъ тогда назывался *полковникомъ* (colonel); это имя впервые встрѣчается въ іерархической организаціи французскихъ армій и, очевидно, заимствовано отъ испанскаго *colunela* (колонна); иногда король назначалъ полковниковъ и изъ другихъ офицеровъ, не входившихъ въ составъ легіонныхъ дружинъ. Капитаны дружинъ назначались королемъ, но всѣ затѣмъ младшіе офицеры набирались на эти должности капитанами, хотя король иногда и самъ присылалъ отъ себя въ легіоны офицеровъ, которые должны были приниматься капитанами. Помощниками полковника были — *начальникъ штаба* (mestre de camp), *инструкторъ* (sergent major) и *судья* (prevost). Каждый изъ 7 легіоновъ пополнялся изъ жителей одной и той-же области, имя которой онъ носилъ, и изъ той-же области должны были происходить офицеры легіона*). (См. фиг. №№ 35 и 36 на табл. X).

Главнымъ недостаткомъ легіоновъ было то, что они не представляли *постояннаго* войска, какъ ординарныя роты, но были, въ сущности, повтореніемъ уже знакомаго намъ учрежденія «вольныхъ лучниковъ» (francs archers) и такъ-же, какъ эти послѣдніе, легіонеры не вербовались на военную службу изъ добровольцевъ, но набирались съ каждаго прихода, пропорціонально численности населенія, которое обязано было, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставлять ихъ снаряженіе и вооруженіе. Недостатокъ финансовыхъ средствъ не позволялъ содержать, въ мирное время, въ постоянной готовности 50.000 ч., а потому легіонеры собирались лишь по праздникамъ, для ученія. Въ вознагражденіе за это, легіонеры были освобождены отъ податей и получали жалованья по одному золотому дукату въ годъ, а съ выступленіемъ въ походъ — по 5 франковъ въ мѣсяць. Словомъ, это было учрежденіе совершенно милліоннаго характера, почему рядомъ съ легіонами мы встрѣчаемъ «старши

*) А именно: 1) изъ Нормандіи, 2) изъ Бретани, 3) изъ Пикардій, 4) изъ Бургундіи, Шампани и Нивернэ, 5) изъ Дофине, Прованса, Лиониз и Оверни, 6) изъ Лангедока и 7) изъ Гвѣни. По некоторымъ источникамъ, какъ напр. Голицынъ (ч. 3, стр. 37), а также Брандъ (т. III, стр. 384), легіоновъ должно было быть 17, при чемъ общія численность, ихъ достигла-бы 120.000, вмѣсто 42.000 чел. (а съ 8.000 пѣхотами — 50.000 чел.) Впрочемъ, у Голицына опечатка въ годъ ихъ формированія (1564, вмѣсто 1534). Свидѣнія о легіонахъ почерпнуты у слѣдующихъ авторовъ: *Guillaume du Bellay «Discipline militaire»*, Lion, 1592 г., (стр. 25—35), *Rocquencourt* (т. I, стр. 331—335), *Suzane* («Histoire de l'infanterie», стр. 74—81), *Quarré de Verneuil* (стр. 90—92), *Hardy* (т. II, стр. 357—364), *Brandt* (т. III, стр. 381—385) и *Gérôme*. («Essais historique sur la tactique de l'infanterie». Paris, 1595, стр. 12—13).

пикардійскія и пьемонтскія дружины», имѣвшія характеръ постоянныхъ войскъ. Тѣмъ не менѣе, учрежденіе легионовъ представляетъ дальнѣйшій этапъ къ созданію постоянной національной пѣхоты, а древне-римскимъ названіемъ Францискъ, повидимому, хотѣлъ замѣнить ставшее посмѣшищемъ званіе «вольныхъ лучниковъ», которыхъ въ народѣ прозвали «вольными кротами» (franc-taupins).

Въ 1535 году, Францискъ I отправился въ Руанъ, Амьенъ и Реймсъ — для смотра легионовъ, которые были собраны своими начальниками и были найдены въ удовлетворительномъ порядкѣ. Но Франциску неоставало опытнаго способнаго министра, чтобы развить и провести въ жизнь свою идею, а у него самого не хватило характера, для энергичнаго законченія начатой реформы *). Простой народъ отвыкъ отъ военныхъ дѣйствій и не могъ сразу, безъ предварительнаго обученія, поставить хорошія войска, а правительственная власть, не увѣренна еще въ своихъ силахъ, не стремилась особенно къ проникновенію въ народную массу военного духа, такъ какъ относилась къ ней подозрительно. Общее социальное положеніе отзывалось, такимъ образомъ, на военныхъ учрежденіяхъ и задерживало попытки королевской власти учредить постоянное народное войско.

Легионы не продержались дольше вольныхъ лучниковъ. Уже въ 1537 г., Джустиньяни — венеціанскій посланникъ при французскомъ дворѣ, доноситъ объ упадкѣ легионовъ и указываетъ причину этого: «Эти французскіе легионеры, которыхъ такъ хвалили, совершенно не удались. Это не болѣе, какъ выросшіе въ рабствѣ мужики, безъ всякаго опыта въ владѣніи оружіемъ; перейдя сразу отъ полнаго рабства къ свободѣ и распущенности на войнѣ, они, какъ это обыкновенно бываетъ при такихъ рѣзкихъ переходахъ, не захотѣли слушать своихъ начальниковъ. Вотъ почему французскіе дворяне жалуются Его Величеству, что, передавъ оружье въ руки крестьянъ и освободивъ ихъ отъ несенія прежнихъ повинностей, ихъ сдѣлали непослушными и упрямыми; этимъ лишили дворянство его привилегій, такъ что, въ скоромъ времени, крестьяне могутъ сдѣлаться дворянами, а благородные — подлыми. Вслѣдствіе этихъ безпорядковъ и неспособности къ (военнымъ) пред-

*) Характерно мнѣніе Монизака о легионахъ (liv I, стр. 31) ...les Légionnaires ...fut une tres belle invention si elle eust été bien suivie (pour quelque temps nos ordonnances et nos loix sont gardées, mais apres tout s'abastardist)

пріятіямъ легіонеро́въ, ряды ихъ рѣдѣють ежедневно, и король, лишенный собственной вооруженной силы, принужденъ прибѣгнуть къ помощи наемниковъ *)).

Участвіе легіонеровъ въ военныхъ дѣйствіяхъ подтверждало слова венеціанскаго посланника.

Въ 1536 году, 12.000 легіонеро́въ **) поступаютъ въ ряды арміи адмирала Шабо, посланной въ Саваю. Уже въ іюль мѣсяцъ, того-же года, данъ королевскій приказъ объ упраздненіи легіона Дофинэ, «за недостатокъ въ немъ дисциплины и за ласкія надъ мирными жителями». Впрочемъ, еще въ слѣдующемъ году, находится указаніе о 2—3 тысячахъ легіонеро́въ изъ Дофинэ, отправленныхъ въ итальянскую армію Можерона; затѣмъ о легіонахъ этой провинціи болѣе историки не упоминаютъ. Другіе легіоны участвуютъ въ походахъ 1536, 1542 и 1543 годовъ и всюду отличаются крайнимъ недостаткомъ дисциплины. Въ 1542 г., послѣ неудачи подъ Перпіньяномъ, весь легіонъ Лангедока, расположенный по городамъ южной Франціи, дезертировалъ до послѣдняго человѣка. Въ 1543 году, согласно разсказу дю-Беллэй, изъ расположенныхъ въ Люксембургѣ 10.000 легіонеро́въ Шампани и Нормандіи, вслѣдствіе наступившаго голода по причинѣ задержки обозовъ, осталось всего 300 чел., не болѣе 30 чел. въ значѣтъ, тогда какъ бывшихъ съ нами ландскнехтовъ удалось убѣдить въ необходимости продолжать службу, и они остались подъ знаменами до пріобрѣтія продовольствія.

Мемуары Віеільевили указываютъ, что главная личная цѣль легіонера заключалась въ освобожденіи отъ податей путемъ 4—5 мѣсячнаго зачисленія въ спискахъ легіона и полученія удостовѣренія о службѣ въ легіонѣ. Видя бесполезность службы легіонеро́въ, мало способныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ, эту повинность замѣнили денежною, назвавъ этотъ налогъ—жалованьемъ 50.000 пѣхотинцевъ, и на эти деньги «создали храбрыхъ воиновъ и доблестныхъ начальниковъ» ***).

Въ арміи, посланной въ Италію въ 1544 году, уже нѣтъ легіонеровъ, которые впрочемъ не были уничтожены, но имѣлись ввиду, какъ послѣдній резервъ—государственное ополченіе. Легіо-

*) Эта характерная выдержка изъ дописаній венеціанскихъ пословъ приведена у Quarré de Vernesi, (стр. 92—93).

**) А именно 2.000 ч.—изъ Никардіи, 2.000 ч.—изъ Нормандіи, 2.000 ч.—изъ Шампани, 1.000 ч.—изъ Лангедока, 4.000 ч.—изъ Дофинэ и 1.000 ч. неопредѣленно откуда (вѣроятно, сборныхъ). Тамъ-же, стр. 93.

***) ... et de cest argent on en faizonna de braves hommes et vaillants capitaines».

неры, пожелавшие продолжать военную службу, зачислены были в старые пьемонтские и пикардийские дружины, комплектувавшиеся вербовкой; рядом последовательных приказов короля, в этих дружинах была введена очень строгая дисциплина. В сражении при Черизоль, пьемонтские дружины, под начальством полковника Та (3.000, а по Виейльвилю 6.000 чел.) значительно способствуют побѣдѣ французовъ, почему необходимо сказать нѣсколько словъ объ этих дружинахъ. Начало ихъ относится еще ко времени созданія пикардийскихъ дружинъ Людовикомъ XI (1480 г.); набирались онѣ капитанами—авантюристами, изъ охотниковъ, при чемъ вначалѣ были крайне плохого состава. Однако, строгіе приказы короля, обратившаго на нихъ вниманіе, послѣ неудачи попытки набора войскъ изъ крестьянскаго сословія, улучшили ихъ составъ, особенно съ тѣхъ поръ, когда въ ряды ихъ начали поступать обѣдѣвшіе дворяне, потерявшие своихъ боевыхъ коней, не бывшіе въ состояніи завести себѣ боевого коня и рыцарскіе доспѣхи, и въ то-же время, привлекаемые къ военной службѣ родовыми традиціями и неспособностью къ какой-либо другой работѣ; о такихъ «сломаныхъ копьяхъ» (шапсесадахъ) было уже упомянуто (стр. 58). Численный составъ дружинъ былъ крайне разнобразенъ (отъ 100 до 1.000 и даже до 2.000 чел.) и зависѣлъ отъ славы имени начальника дружины, отъ шансовъ на удачную и, главнымъ образомъ, прибыльную кампанію и даже отъ надеждъ на удобныя званія кварталры. Нормальной силой дружины было впрочемъ 500 чел., хотя Францискъ I, въ 1526 году, предписалъ ихъ держать въ составѣ 300 чел.; во главѣ дружины стоялъ капитанъ, имѣвшій помощниками: 1-го поручика, 1-го прапорщика (*enseigne*), двухъ сержантовъ, 12 капрановъ (*cap d'escouade*), по одному на каждыя 25 человекъ, 12 шапсесадовъ и 4 королевскихъ стипендіатовъ (*pages royales*)— тоже пѣз обѣдѣвшихъ дворянъ.

Изъ смѣшанія этихъ двухъ способовъ организаціи пѣхоты— легионовъ и дружинъ — создались впоследствии (при Карлѣ IX), первые регулярные пѣхотные полки.

Конница.

Тяжелая дворянская конница Франциска I погибла подъ Павіей и въ последовавшемъ неудачномъ походѣ Лотрека въ Неаполь (1527); съ этими послѣдними потомками рыцарей умерла и тактика ихъ: блестящіе поединки, индивидуальній порывъ, одномеренный строй «частоколомъ» ...отомши въ область преданія; «конья были сломаны!»

Тѣмъ не менѣе, король, посвященный въ рыцари Баярдомъ,

на полѣ сраженія при Мариньяно, попытался поддержать тяжелую дворянскую конницу: въ 1530 году, опредѣляетъ составъ копій въ 6 лошадей: двѣ—для латника, двѣ—для его пажы и коннаго слуги и двѣ—для двухъ лучниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ввиду увеличенія цѣны на жизненные припасы, ордонансовыя роты были сокращены на $\frac{1}{3}$, именно до 80 копій, вмѣсто 100, а содержаніе на роту выдавалось прежнее. Внѣдствіемъ сокращеніе ордонансовыхъ ротъ дошло до 40—и даже до 30 копій; только маршалы сохранили право имѣть 100 копій *). Къ концу царствованія Франциска I, оны содержалъ до 4.000 латниковъ. Хотя названіе «лучникъ» (archer) еще сохранилось, но послѣ 1525 года, оны вооружены уже не луками, а *пистолетами*—въ видѣ аркебузы, со стволомъ, укороченнымъ до 1-го фута и снабженнымъ колеснымъ замкомъ съ кремнемъ, который устранялъ необходимость возить съ собой длинный зажженный фитиль, припаятый у пѣшихъ аркебузеровъ, для закипанія запальнаго пороха **). Дю-Беллэй указываетъ, что пистолеты были заведены по образцу итальянцевъ; «эта чертовщина, говорить оны, недавно принята итальянской конницей» ***).

Во всякомъ случаѣ, этой «чертовщинѣ» суждено было скоро окончательно упразднить послѣдній остатокъ рыцарства—копье.

Въ качествѣ легкой конницы, кромѣ извѣстныхъ намъ стратиготовъ, при Францискѣ I явились *легко-конные* всадники (chevaux légers), вооруженіе которыхъ, въ сущности, мало отличалось отъ латниковъ; только вмѣсто тяжелаго коня, у нихъ была легкая пика, а въ кабурахъ у сѣдла—пара пистолетовъ; за то лошадь была значительно облегчена снятіемъ съ нея кирасы, почему эта кавалерія и была названа легко-конной. (См. фиг. 28, на табл. IX). Еще легче вооружены были *конные аркебузеры*, или *аргулеты*, которые имѣли, вмѣсто шлемовъ, каски, позволявшія имъ прикладываться для стрѣльбы изъ двухъ съ половиной-футовой аркебузы, возможной имъ въ особомъ кожаномъ чехлѣ, притороченномъ къ сѣдлу; къ мужъ была приторочена также налица-сѣвѣра, а къ поясу подвѣзана пикага. (См. фиг. 30, на табл. IX.)

*) *Quarré de Verneuil*, (стр. 112). Харди впрочемъ указываетъ, что вообще число 100 латниковъ и 160 лучниковъ держалось, какъ максимальная величина ордонансовой роты.

**) Названіе «пистолетъ» большинство авторовъ производятъ отъ моветы «pistole», развѣръ которой былъ припаятъ, какъ наглядно первыхъ пистолетовъ; другіе производятъ его отъ города Пистойя въ Тосканѣ. (*Quarré de Verneuil*, стр. 114, вын.).

***) Точно такъ-же называетъ изобрѣтеніе пистолетовъ авторъ мемуаровъ 1547 года, выдержку изъ которыхъ приводитъ *Susane*. («Histoire de la cavalerie», т. I, стр. 49).

Конные аркебузеры уже обучались стрѣльбѣ, какъ съ коня, такъ и въ пѣшемъ строѣ *); во главѣ ихъ является, въ 1543 г., полковникъ де-Бриссакъ, который вполнѣтвѣн организовалъ первыхъ «драгунъ».

Артиллерія.

Во главѣ всей артиллеріи, Францискъ I, приказомъ 1536 г., поставилъ «главнаго начальника и генераль-капитана артиллеріи» (*grand maître et capitaine général de l'artillerie*); вся Франція была раздѣлена на *артиллерійскія области* (*maîtrises d'artillerie*), управлявшіяся «товарищами главнаго начальника артиллеріи» (*lieutenant-général du grand maître*); области эти дѣлились, въ свою очередь, на *провинціи*, во главѣ которыхъ стояли «провинціальныя комиссары», имѣвшіе въ своемъ подчиненіи «обыкновенныхъ комиссаровъ» (*commissaires ordinaires*), поставленныхъ во главѣ отдѣльныхъ артиллерійскихъ учрежденій и арсеналовъ. Въ 1540 году, создано 11 артиллерійскихъ магазиновъ и арсеналовъ, а въ 1543 г. еще новыхъ три **). Право выдѣлки пороха и его продажи было отнято отъ частныхъ предпринимателей и сдѣлалось монополіей правительства, чѣмъ достигнуто было улучшение и однообразіе качества пороха.

Въ 1535 году, для арміи въ 30.000 чел., составъ артиллерійскаго осаднаго и полевого парка былъ опредѣленъ въ 30 орудій, а именно: 10 тяжелыхъ пушекъ, 4 большихъ кулеврины, 8 ложныхъ кулевринъ (*bâtardes*) и 8 среднихъ; кромѣ того, легкія орудія — фоконь, фоконно и аркебузы съ крюкомъ. Число прислуги и упряжныхъ лошадей видно изъ слѣдующей таблицы:

Наименованія орудій.	Прислуга.		Число лошадей упряжки.
	Пушкари.	Вьюеры.	
Тяжелая пушка	5	30	23
Большая кулеврина	4	24	17
Ложная кулеврина	4	12	13
Средняя кулеврина	3	6	9
Фоконно	2	4	4 до 6
Аркебуза съ крюкомъ	1	—	—

*) *Guillaume du Bellay Langey*, «Discipline militaire» 1592. «...les Harquebouziens s'adonnent à la Harquebuzе, et qu'ils s'étudient à en tirer suerement, et droit, de toutes mains et en arriere, façoit quand les chevaux couvent; et aussi à descendre soudainement pour garder un pas, comme les Harquebouziens à pied feroient» (стр. 54, лѣв.).

**) Въ Парижѣ, Бордо, Эксѣ, Тулузѣ, Лионѣ, Дижонѣ, Труа, Амьенѣ,

На каждое орудіе возлеза запасъ боевыхъ припасовъ, на 200 выстрѣловъ—для тяжелыхъ пушекъ и кулевринъ, и на 250—для прочихъ орудій.

Впрочемъ, указанная таблица не печернываетъ всѣхъ бывшихъ въ употребленіи калибровъ артиллерійскихъ орудій, такъ какъ каждый родъ орудій имѣлъ нѣсколько разнородностей, весьма различавшихся по своему калибру; такъ, въ числѣ тяжелыхъ пушекъ считались: 1) *большіе базиліски*, вѣсомъ отъ 200 до 225 пудовъ, стрѣлявшіе 2-хъ пудовыми желѣзными бомбами, 2) *двойныя пушки*, вѣсомъ около 175 пудовъ, вѣсъ ядра около одного пуда, и 3) *серпантинны*, (24-хъ фунт.), вѣсомъ около 100 пудовъ. По даннымъ принципа Луи-Наполеона Бонапарте *), въ одномъ Парижекомъ арсеналѣ было огляно, при Францискѣ I, 100 тяжелыхъ бронзовыхъ орудій, а число калибровъ при немъ сократилось до до восьми.

(Изображенія орудій, современной Франциску I эпохи, см. на фиг. №№ 44 и 45, на табл. XI).

Спеціальныя вспомогательныя войска не получили во Франціи особаго развитія, главнымъ образомъ потому, что они не были выдѣлены въ особый родъ оружія, а продолжали быть связанными съ артиллеріей. При артиллерійскомъ маршѣ 30-тысячной арміи, кромѣ пушкарей, въ качествѣ прислуги при орудіяхъ, состояло, еще 1.500 *минеровъ*, которые, въ сущности, были просто землекопами. При пѣхотныхъ частяхъ также состояли *инженеры*, которые иногда становились офицерами пѣхотныхъ дружинъ. Впрочемъ, благодаря почину Педро Наварро, организована была особая рота *минеровъ*, спеціально предназначенная для работъ при атакахъ и оборонѣ крѣпостей. Во время осады крѣпостей назначался особый «траншеинный генералъ - капиталь» (*capitaine général de tranchée*), руководившій работами инженеровъ и пионеровъ.

Заботы Франциска I, послѣ пораженія подъ Павіей, по организаціи вооруженной силы, съ стремленіемъ основать ее, главнымъ образомъ, на народныхъ элементахъ и увеличить, вмѣстѣ съ тѣмъ, процентъ вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое до Павіи находилось у французовъ въ полномъ пренебреженіи, не замедлило отразиться на успѣхѣ военныхъ дѣйствій, и въ походахъ 1536 года, а особенно 1542—

Наженерныя
войска.

Кампанія
1536 г.

Туръ, Руанъ и Пьерроитъ; въ 1543 г., пріобрѣтались арсеналы въ Вургъ, Навтъ и Гренобль (*Quarré de Verneuil*, стр. 117.)

*) «*Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie*»; т. I, стр. 163.

1544 годовъ, войска Франциска выдерживаютъ уже борьбу съ имперцами, съ бѣльшими, чѣмъ прежде, успѣхомъ.

Послѣ Камбрейскаго мира 1529 года, обѣ стороны шесть лѣтъ готовились къ новой борьбѣ, и въ 1535 году Францискъ удачно пользуется отсутствіемъ Карла V, увлекшагося покореніемъ Туниса, и объявляетъ себя покровителемъ нѣмецкихъ протестантскихъ прищевъ, а въ то-же время, женитьбой сына своего, Генриха Орлеанскаго, на Екатеринѣ Медичи, приобретаетъ расположеніе папы Климента VII и успѣваетъ сдѣлать заемъ въ миллионъ франковъ у султана, Сольмана II Великолѣбнаго. Велѣдъ за смертью герцога миланскаго, Франциска Сфорца, король предъявилъ свои права на Миланъ, а также на Савою и Пьемонтъ, какъ наследникъ Лизы Савойской, и занялъ эти области. Карлъ V объявилъ тогда, что онъ «сдѣлаетъ Франциска I самымъ бѣднымъ дворяниномъ своего королевства», и составилъ грандіозный планъ вторженія во Францію съ 4-хъ сторонъ: 1) 40.000 чел. пѣхоты и 10.000 всадниковъ, подъ начальствомъ *Антоніо де-Лейва*, должны были изгнать французовъ изъ Пьемонта и, вторгнувшись въ Провансъ, занять Ниццу и Марсель; 2) *Графъ Нассаускій*, изъ Нидерландовъ *) долженъ былъ овладѣть Никардіей; 3) 12.000 нѣмецкихъ *ландскнехтовъ*, собравшихся на Рейлѣ, вторгались въ Шампань и 4) *испанскіе* отряды, составившіе гарнизоны крѣпостей Руссильона, должны были опустошить Лангедокъ. По достиженіи первоначально намѣченныхъ цѣлей, первія три группы должны были концентрически наступать къ сердцу Франціи — Парижу.

8 мая, 1536 года, Антоніо де-Лейва, вмѣстѣ съ маркизомъ Гуасто, герцогомъ Альба и Фердинандомъ Гонзаго переняли, съ 50-ти-тысячной арміей, р. Сезію и вскорѣ, велѣдствіе пзмѣны маркиза Салуццо, командовавшаго французскими войсками въ Пьемонтѣ, вся эта область, за исключеніемъ Туринна, была занята имперцами. Велѣдъ затѣмъ Карлъ V, лично явившійся къ арміи, во главѣ своего авангарда, вторгнулся въ Провансъ и 25 іюля занялъ Ниццу. Венеціанскій адмиралъ, Андрей Доріа, долженъ былъ перевести моремъ осадную артиллерію и припасы, для блокады Марселя.

Король Францискъ поручилъ оборону Прованса войскамъ Монморанси; герцогамъ Вацдому и Гизу приказано было оборонять Никардію и Шампань. Монморанси, ввиду превосход-

*) Численность оцѣль неизвѣстна.

ства силъ противника, предложилъ на военномъ совѣтѣ, въ присутствіи короля, принять способъ *пассивной обороны*, — избѣгать боя и беспокоить имперцевъ только внезапными нападеніями, когда обстановка обѣщала вѣрній успѣхъ; всѣ крѣпости, кромѣ Марселя и Арля, были очищены проходившимися въ нихъ гарнизонами, которые притягивались къ арміи, сосредоточенной въ солидно укрѣпленномъ лагерѣ, близъ Авиньона, у слиянія р. Роны съ ея притокомъ, Дюрансъ. Вся страна была опустошена французами-же, предпринимавшими также нападенія на имперскихъ фуражировъ, на магазины и обозы противника *).

Увѣренный въ себя, строгій и безошадный Монморанси выполнилъ этотъ планъ систематическаго уклоненія отъ рѣшительнаго боя и постепеннаго ослабленія силъ противника путемъ лишенія его жизненныхъ средствъ и рядомъ мелкихъ нападеній. Всѣ жители Прованса, способные носить оружіе, призваны были въ ряды арміи; всѣ остальные, съ женами, дѣтьми и стадами, должны были укрыться въ горахъ; всѣ продовольственныя средства, которыя не могли быть увесены, приказано было уничтожить; колодцы засыпались, мельницы и пекарни сжигались; словомъ, это было систематическое опустошеніе страны, при чемъ столь-же удивительна была энергія и послѣдовательность выполненія его, какъ и способность Монморанси убѣдить короля-рыцаря, каждавшаго открытаго боя, въ принятіи такого *новашо* для тогдашней, воспитанной на рыцарствѣ арміи плана военныхъ дѣйствій **).

Карль V осадилъ Марсель и Арль; рассчитывая на средства богатаго Прованса и на подвозъ припасовъ флотиліей Дорія, которая запоздала, онъ очень скоро почувствовалъ недостатокъ въ продовольственныхъ средствахъ; надѣясь однако, что королевская армія выйдетъ изъ своего укрѣпленнаго лагери, для деблокады осажденныхъ имперцами крѣпостей, онъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи до половины сентября, когда увидѣлъ себя принужденнымъ снять осаду обоихъ городовъ, оказавшихъ ему очень стойкое сопротивленіе. Императоръ рѣшился подняться, вверхъ по Ронѣ, къ Авиньону; но Монмо-

*) Одно изъ такихъ предпріятій этой малой войны—сожженіе охраняемой имперцами мельницы, интересно описано Монлюкомъ, въ его «*Commentaires*». (Livre I, стр. 32—33).

**) На самомъ дѣлѣ, онъ не былъ *новашо*, а лишь забытымъ способомъ дѣйствій, такъ какъ этотъ-же способъ предлагался Мемювомъ,—для войны персовъ противъ Александри Македонскаго, а затѣмъ—Фабіемъ Кувкаторомъ, противъ Ашибала.

рапши разбѣжились томившимся въ бездѣтельности латникамъ, предпринявъ рядъ частыхъ нападеній на тылъ и фланги наступавшихъ непріятельскихъ колоній; цѣлая сѣть партизанскихъ отрядовъ окружила непріятельскіе обозы, раздѣлила другъ отъ друга колонны противника и начала уничтоженіе отдѣлившихся отъ его главныхъ силъ отрядовъ. Уже при снятіи осады, въ арміи Карла V оставалось не болѣе половины приведенныхъ имъ во Францію 50.000 чел.; болѣзнь и голодъ довершили разложеніе этой арміи, и черезъ два мѣсяца послѣ своего вступленія въ предѣлы Франціи, императоръ началъ свое отступленіе.

Французскіе крестьяне вооружались оружіемъ большихъ и умнравившихъ имперскихъ солдатъ, зашмали проходы и дефиле по пути ихъ отступленія, разрушали мосты, атаковали обозы и мелкіе отряды *). Монморанси не считалъ однако нужнымъ перейти въ наступленіе и энергичнымъ ударомъ довершить пораженіе имперцевъ; онъ говорилъ, что «лучше построить золотой мостъ отступавшему противнику» и что «предпочтительнѣе предоставить льву свободу бѣжать, чѣмъ держать испытывать его отчаяніе ***)». Для поддержки партизанскихъ отрядовъ, была лишь выслана легкая конница, которая преслѣдовала имперцевъ до самыхъ Альпъ (Коль де-Тенде); при этомъ преслѣдованіи имперская армія потеряла одними убитыми отъ 1½ до 2 тысячъ чел. ***). Карлъ V, съ остатками своей арміи, собрался въ Генуѣ, французы-же вновь заняли Пьемонтъ. Такой-же неудачей кончились операціи имперцевъ на прочихъ театрахъ.

Война 1542—
1544 г.г.

Война закончилась перемиріемъ въ Ниццѣ, 18 іюня, 1538 г., и возобновилась въ 1542 году, когда Карлъ V заключилъ союзъ съ королемъ англійскимъ, Генрихомъ VIII, и составилъ новый планъ вторженія во Францію, въ общемъ сходный съ планомъ кампаніи 1536 года. Итальянская армія маркіза

*) «... Sur la queue fut donnée alarme par les gens du pais qui avoient prins les armes auquel alarme fut tué le maistre d'hostel... et assez d'autres et journallement leur estoit donné fascherie par les dessusdits paisans lesquels estoient armez des armes laissées par les malades et mourans, et avoient assiegez tous les passages et destroits des chemins et desmoly les ponts qui estoient sur les torrens alors impetueux pour la descente de la montagne dont les ennemis se trouverent fort travaillez...» (Martin du Bellay «Memoires». 1569. Livre VIII, стр. 237).

**) Hardy, томъ II, стр. 393.

***) Pour soutenir les dits paisans tarent enuoyez les cheuaux legers lesquels serroient les ennemis de si pres qu'ils en souffrirent beaucoup de faim parce qu'il leur estoit chose malaisée de se mettre aucunement hors du chemin pour fourrager». (Martin du Bellay, стр. 237).

Гуасто должна была, отбросивъ французовъ изъ Пьемонта, овладѣть долиной Аосты и направиться черезъ Савою на Лионъ; Карль V, съ береговъ Рейна, предполагалъ вторгнуться въ Шампань, а англичане должны были овладѣть Пикардией, послѣ чего всѣ три арміи предполагалось сосредоточить подъ стѣнами Парижа.

Въ 1543 году, дѣйствія обѣихъ сторонъ, недостаточно еще сосредоточенныхъ, свелась къ осадамъ небольшихъ крѣпостей и замковъ пограничнаго пространства. Когда-же, къ началу 1544 года, Карль V сосредоточилъ на Рейнѣ и въ Люксембургѣ значительныя силы для вторженія во Францію, гдѣ оставались только «новыя дружины» и легионеры *), то Францискъ I рѣшился ослабить свои силы въ Пьемонтѣ (здѣ были сосредоточены лучшія войска), и держаться тамъ оборонительно, а свои главныя силы сосредоточить на восточной границѣ Франціи.

Гуасто, начальствовавшій имперскою арміею въ Пьемонтѣ, ^{Сраженіе при Черизоль **) (11 апр. 1544 г.)} успѣлъ усилить до 4-хъ тысячъ гарнизоны кр. Кариньяно (схема № 11, на табл. III), вслѣдствіе чего подверглась опасности сообщенія французскихъ войскъ, большая часть которыхъ занимали Туринъ. Въ концѣ 1543 года, король Францискъ I смѣнилъ мало-энергичнаго де-Бузьера, командовавшаго французскими войсками въ Пьемонтѣ, и назначилъ вмѣсто него молодого *графа Энглеискаго*; послѣдній, немедленно послѣ прибытія своего въ армію, началъ осаду Кариньяно, овладѣвъ которымъ французы получали господство надъ всею верхней долиною рѣки По ***).

Узнавъ о сосредоточеніи близъ Асти имперскою армію, достигшею, въ началѣ 1544 года, численности въ 30.000 чел. и, повидимому, предназначенной для деблокады Кариньяно, гр.

*) «gens nouveaux et légionnaires».

**) Источниками послужили: 1) *Montfuc* «Commentaires». 1617. Livre II стр. 81—101. 2) *Martin du Bellay*. «Mémoires». 1569. Livre X, стр. 318—327. 3) *Fronspenger*. «Kriegsbuch». 1596. т. 3-я, стр. CVII—CIX. 4) *Brandt*. «Geschichte des Kriegswesens». 1836; т. III, стр. 457—475. 5) *Нугуревскій*. «Исторія военного искусства въ средніе вѣка», т. II, стр. 180—188. 6) *Рисковъ*. «Исторія пѣхоты»; т. I, стр. 250—267. 7) *Голлицъ*. «Исторія военнаго искусства»; т. 3, стр. 160—161. 8) *Hardy*. «Origines de la tactique française»; т. II, стр. 399—412. 9) *Мишле*. «Исторія военного искусства»; стр. 201—206 10) *Liskotte et Sauvay*. «Bibliothèque historique et militaire»; т. IV, стр. 387—392; 11) *Prince Napoléon-Louis Bonaparte*. «Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie», т. I, стр. 189—196.

***) «... l'intention du Roy estoit de remettre en ses mains Carignan, qui luy estoit comme une espine en son pied, attendu qu'elle tenoit toute la plaine du Piemont en subjection...», какъ образно опредѣляетъ значеніе Кариньяно Мартэнъ дю-Беллэй.

Энгіенскій, силы котораго были не болѣе 16—18.000 чел., рѣшился послать въ Парижъ Монлюка, чтобы испросить разрѣшеніе короля—выйти на встрѣчу имперцамъ и дать имъ бой.

Состоявшійся въ присутствіи Франциска военный совѣтъ, имѣя ввиду общую стратегическую обстановку и готовившееся вторженіе арміи Карла V, со стороны восточной границы, высказался противъ боя. Однако пылкому Монлюку удалось увлечь своимъ краснорѣчіемъ короля, которому онъ доказывалъ, что состояніе войскъ прекрасное и что даже 12—15 тысячъ хорошихъ войскъ могутъ справиться съ 30-ти тысячной имперской арміей, потому что «побѣждаетъ не большое число, но мужественное сердце» *). Разрѣшивъ дать сраженіе, Францискъ позволилъ многимъ дворянамъ, изъ числа своихъ приближенныхъ, отправиться къ арміи, чтобы заслужить въ бою рыцарскія шпоры.

По возвращеніи Монлюка, гр. Энгіенскій двинулся на встрѣчу имперцамъ, занявъ гарнизономъ гор. Карманьолу и сосредоточилъ свои войска близъ Виллы Стеллонъ, гдѣ былъ построенъ французами мостъ черезъ р. По.

Между тѣмъ, Гуасто выступилъ, 8 апрѣля, 1544 года, изъ Асти, направляясь вначалѣ на Туринъ, въ предположеніи переправиться черезъ По, между Кариньяно и Туриномъ; узнавъ же о прочномъ занятіи французами моста у Виллы Стеллонъ, онъ уклонился къ югу—на Сомариву, откуда предполагалъ двинуться на Ракониги, переправиться здѣсь черезъ р. Мапру и, такимъ образомъ, отрѣзать французовъ отъ пути подвоза ихъ припасовъ, шедшихъ, главнымъ образомъ, черезъ графство Салуццо. Затѣмъ онъ предполагалъ, наступая лѣвымъ берегомъ рѣки По, на Казаль-грассо и Ломбриаско, освободить гарнизонъ Кариньяно, снабдить его припасами и вторгнуться въ Савою долиною Аосты. Французская армія однако слѣдила

*) ... «car ce n'est pas le grand nombre qui vaine, c'est le bon cœur». (Montluc, стр. 84).

Мартенъ де-Беллафъ передаетъ это разрѣшеніе боя королемъ, въ формѣ весьма поучительнаго, даже для нашего времени, отказа короля отъ управленія издали ходомъ военныхъ дѣйствій: «... quant à la bataille, je remettoit à en user par l'advis des capitaines qui estoient auprès de lui lesquels pouvoient mieux connoistre (estant sur les lieux) ce que la nécessité commanderoit à ses affaires, que luy qui ne le voioit à l'oeuil». (Что касается боя, то онъ (король) предоставлялъ воспользоваться имъ по совѣту окружающихъ его (т. е., гр. Энгіенскаго) начальниковъ, которые, будучи на мѣстѣ, могли лучше знать то, что требовалось необходимостью для веденія дѣла, чѣмъ онъ (король), который не могъ ихъ видѣть собственными глазами). Вотъ когда уже совпадалась необходимость дать «полную мочь» полководцу и не руководать издали военными операціями!

за имперцами и, съ поворотомъ ихъ къ Сомавривъ, перешла въ Карманьолу.

Во французской арміи чувствовался сильный недостатокъ денежныхъ средствъ. Войска уже три мѣсяца не получали жалованья; по просьбѣ гр. Энгіенскаго, король выслалъ Туринскаго губернатора—Мартэна дю-Беллэй, съ деньгами, которыхъ однако было едва достаточно, чтобы уплатить $\frac{1}{4}$ причитавшагося войскамъ содержанія. Когда именно, 8 апрѣля, дю-Беллэй прибылъ въ армію, и вѣсть о его прибытіи быстро распространилась въ войскахъ, то возникло опасеніе, чтобы пасынные контингенты, обманутые въ своихъ надеждахъ, не оставили-бы рядовъ арміи до сраженія, и потому рѣшено было оттянуть расчетъ и сдѣлать, 9-го апрѣля, смотръ войскамъ, а 10-го—тревогу, а при случаѣ, и атаку приближавшагося противника, и подъ предлогомъ неудобства выдачи содержанія въ виду непріятеля,—произвести таковую послѣ боя *).

При выступленіи изъ лагеря, 10 апрѣля, молодого гр. Энгіенскаго начали убѣждать его приближенные въ рискованности боя, и потому французскій полководецъ, продержавъ выстроившіяся войска до полудня, началъ наступленіе на Сомавриву, съ отрядомъ всего изъ 400—500 легкихъ всадниковъ и 1.200 стрѣлковъ, при 3-хъ орудіяхъ (среднихъ кулевринахъ), съ двойной запряжкой—съ цѣлью развѣдать расположеніе противника и направленіе его наступленія; въ то-же время полковнику Терму приказано было выслать 20 легкихъ всадниковъ на Виллу Стелловъ (ниже Кариньяно), другіе 20 легкихъ всадниковъ—на Сомавриву и третій развѣздъ такой-же силы—на Ракониги. Отрядъ д'Оссэла, изъ 150 легкихъ всадниковъ съ частью аркебузеровъ, выдвинутый гр. Энгіенскимъ къ Черизолѣ, вскорѣ замѣтилъ противника, наступавшаго частью своихъ силъ изъ Черизолы на Сомавриву, но находящейся между этими двумя пунктами покатой лощинѣ, посреди которой имѣлось довольно значительное болотистое пространство (схема № 17, на табл. V). Французскіе аркебузеры заняли небольшую рѣдкую рощицу, у подножья холма, спускавшагося въ упомянутую лощину, а на самомъ холмѣ расположились три орудія, подъ прикрытіемъ

*) Въ мемуарахъ дю-Беллэй все описанное отнесено къ 1643 году, но, ввиду того, что тотчасъ вслѣдъ затѣмъ продолжается рассказъ, подъ рубрикой 1644 года, вѣроятнѣе всего предположить, что авторомъ принято старое лѣтоисчисленіе, съ первымъ днемъ новаго года—въ день Насхи.

конницы. Такъ какъ противникъ не ожидалъ боя въ этотъ день и не былъ еще сосредоточенъ (Гуасто ожидалъ прибытія испанскихъ аркебузеровъ, на которыхъ возлагалъ большія надежды), то, по мнѣнію Монлюка, атака всѣми силами гр. Энгіенскаго, въ этотъ день, должна была дать прекрасные результаты, тѣмъ болѣе, что противникъ не успѣлъ окопаться и усилить свое расположеніе укрѣпленіями, а къ вечеру началъ даже отступать къ Черизолѣ; испанцы потеряли также много времени, вытаскивая два застрявшихъ въ болотѣ орудія своей артиллеріи. Весь этотъ день прошелъ лишь въ перестрѣлкѣ отряда д'Оссена съ «пропащими ребятами» Гуасто, послѣ которой гр. Энгіенскій возвратился въ лагерь близъ Кармапюлы, оставивъ впрочемъ 200 всадниковъ, для непосредственнаго наблюденія за противникомъ.

Возвратившись въ лагерь, гр. Энгіенскій, послѣ нѣкотораго колебанія, принялъ окончательное рѣшеніе атаковать противника всѣми своими силами, и въ 1 часъ пополудни, 11 апрѣля, войска его выступили изъ лагеря.

Подойдя, на разсвѣтѣ, къ холму, занятому наканунѣ, французы увидели однако, что имперцы успѣли уже его захватить частью своихъ силъ *), вслѣдствіе чего французская армія начала выстраивать боевой порядокъ.

Правый флангъ французовъ образовалъ *авангардъ де-Бу-ттера* **), расположившаго въ центрѣ «старыя дружины» (*vieilles bandes*)—4.000 гасконцевъ де-Тэ, обезмеченныхъ съ праваго фланга 640 легкими всадниками, подъ начальствомъ полковника легкой конницы, Терма, а съ лѣваго фланга, 60—80 латниковъ ордошансовой конницы. Впередѣ авангарда наступали, подъ начальствомъ Монлюка, 800 аркебузеровъ, собранныхъ со всѣхъ частей арміи. Центръ французовъ, подъ личнымъ предводительствомъ *графа Энгіенскаго*, образовали *главныя силы* (*bataille*), изъ 4.000 швейцарцевъ Фури, оба фланга которыхъ прикрывались конницей изъ 300 ордош-

*) При наступленіи французской арміи, гр. Энгіенскій, желая убѣдиться въ присутствіи противника въ долинѣ между Сомарной и Черизолой, выслалъ развѣдъ Франсиска Бернардена, съ 3-ми легкими всадниками, которые убѣдились въ томъ, что лагерь имперцевъ остался на томъ-же мѣстѣ, какъ и наканунѣ; другой развѣдъ, отъ легкой конницы Терма, подѣхалъ къ самому лагерю, въ которомъ уже были тревога. Это вѣстие (по Монлюку) не совѣтъ сходитъ съ показаніемъ дѣ-Велдэй, который указываетъ, что имперцы выдвинулись за ночь впередъ.

**) Получивъ свѣдѣніе о предстоящемъ сраженіи, де-Буттеръ, удалившись послѣ прибытія къ арміи гр. Энгіенскаго, въ свои помѣстья, вновь возвратился въ Пьемонтъ и сталъ подъ начальство юнаго французскаго полководца, получая командованіе авангардомъ.

пансовыхъ латниковъ и около 100 молодыхъ дворянъ-добровольцевъ. Наконецъ, лѣвое крыло образовалъ *аррьергардъ Дампьерра*, изъ 3.000 грюонцевъ и 3.000 итальянцевъ *). Такъ какъ войска аррьергарда были недавно завербованы и не возбуждали особаго довѣрія, то къ нимъ были присоединены 300 лучниковъ и копныхъ слугъ изъ состава ординансовыхъ ротъ и 8 артиллерійскихъ орудій. Другія 8 орудій расположились передъ фронтомъ швейцарцевъ.

Для указанія войскамъ должнаго направленія и порядка при наступленіи соответственно дѣйствіямъ противника, былъ назначенъ Мартенъ дю-Беллэй-Лянжэй, который, такимъ образомъ, долженъ былъ исполнить обязанности начальника штаба **). Общая численность французской арміи, вѣроятно, не превышала 17.500 чел., въ томъ числѣ около 2.500 боевыхъ коней.

Совершенно аналогично французскому боевому порядку, расположилъ свои силы Гуасто, который, послѣ стычки 10 апрѣля, рѣшилъ на слѣдующій день продолжать наступленіе къ Карманьоль. Онъ выступилъ тремя колоннами, которыя могли, по свойствамъ мѣстности, двигаться рядомъ и, при завязкѣ боя, заняли слѣдующее расположеніе. Лѣвый флангъ имперцевъ образовалъ *аррьергардъ принца Салерно*, изъ 6000 итальянцевъ и 800 чел. флорентинской легкой конницы Бальони Малатеста ***). *Главныя силы* (Bataglia) образовали центръ, изъ 10.000 ландскнехтовъ *Мадручи*, ставшихъ въ одну общую колонну, имѣя по флангамъ 400 чел. конницы, которой долженъ былъ распоряжаться самъ Гуасто; однако, вслѣдствіе преклоннаго возраста и физической слабости, онъ отказался отъ требовавшагося тогдашними обычаями личнаго

*) Грюонцы—изъ г. Грюона, во французской Швейцаріи. Фронспергеръ (Kriegszbuch, ч. 3-я, стр. CVII) по сходству именъ, называетъ ихъ грюками! Цифровыя данныя въ источникахъ нѣсколько отличаются другъ отъ друга: такъ, Монлюкъ считаетъ грюонцевъ 4.000 чел.; дю-Беллэй-же, при описаніи самаго боя, сводитъ ихъ численность, вхвѣстѣ съ итальянцами, всего до тѣхъ-же 4.000 чел. Брандтъ считаетъ, что гасконцевъ было 6.000 чел. и легкихъ всадниковъ Тѣ—200.

Харди, слѣдуя Монлюку, помѣщаетъ швейцарцевъ не въ главныхъ силахъ, а въ авангардѣ; повидимому, однако, они раньше находились въ центрѣ и только съ началомъ боя перешли подъ начальство Бутьера, какъ это указываетъ дю-Беллэй.

**) «Au surplus lui donna la charge au capitaine Martin du Bellay sieur de Langey, gouverneur de Turin, d'aller de la bataille à l'avant garde et à l'arrière-garde afin que selon que l'ennemy se gouverneroit, il fist marcher les nostres». (Du Bellay. «Mmoires», стр. 323).

***) Дю-Беллэй показывасть 10.000 итальянской пѣхоты, и ему слѣдуетъ Брандтъ. Монлюкъ считаетъ ихъ въ 7.000 чел. пѣхоты и 300 всадниковъ.

примѣра, — сражаться, съ копьемъ въ рукѣ, во главѣ своихъ войскъ, и уступилъ это почетное мѣсто Филиппу *Ланнуа*; самъ же направился къ холму, который давалъ ему возможность осматривать поле сраженія, и предполагалъ отсюда руководить движеніями войскъ. На правомъ крылѣ, сталъ *авангардъ Раймонда де-Кардона* *), вице-короля неаполитанскаго — отъ 5 до 6000 ветерановъ пѣшачевъ и 5 значковъ цѣмцевъ, которые сражались ранѣе въ Алжирѣ и Тунисѣ; справа ихъ обезпечивали 800 всадниковъ принца Сульмоне. Передъ фронтомъ трехъ главныхъ группъ имперцевъ, на выгодной позиціи — надъ обрывомъ у дороги, расположены были 20 орудій большихъ калибровъ **), прикрытыхъ «пропашцами ребятами» (*enfants perdus*), сражавшимися въ разсыпномъ строю; передъ главными силами было выдѣлено около 300 аркебузеровъ. Всего, такимъ образомъ, со стороны имперцевъ должно было принять участіе въ сраженіи около 25.000 чел., при 20 орудіяхъ. Копица была относительно малочисленна, составляя около $\frac{1}{10}$ всѣхъ силъ (2.500 чел.).

Въ 7 часовъ утра, стрѣлки Моплюка завязали бой съ стрѣлками принца Салерискаго, успѣвшими выдвинуться къ подножью возвышенности, занятой французами; обѣ стороны старались овладѣть небольшимъ домикомъ, здѣсь расположеннымъ; переходъ изъ рукъ въ руки этого домика Моплюкъ, въ своихъ мемуарахъ, сравниваетъ съ игрой «въ бары». Принцъ Салерно, опередившій другія колонны, вслѣдствіе болѣе удобной для движенія мѣстности, допелъ Гуасто о встрѣчѣ съ французскими стрѣлками и получивъ отъ него приказаніе занять высоту, остановился на ней и безъ приказаній дальнѣе не двигался. Послѣ перестрѣлки, длившейся около 4-хъ часовъ, французы были выбиты изъ упомянутого домика, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что у стрѣлковъ Моплюка не было копицы, тогда какъ противники угрожали своей копицей флангу французскихъ стрѣлковъ. Получивъ приказаніе отъ гр. Эннезскаго вновь овладѣть домикомъ, Моплюкъ просилъ поддержать его копицей и, получивъ въ подкрѣпленіе 85 всадниковъ, тотчасъ-же перешелъ съ ними въ наступленіе. Моплюкъ направляя на правый свой флангъ двухъ капитановъ (Фавѣ и Льенара), самъ двинулся прямо

*) Сынъ Кардона, разбитаго подъ Равенной.

**) «... lesquelles estoient en lieu si avantageux que noz gens ne pouvoient marcher à eux que les dites pieces ne donnassent dedans noz batailles de hault en bas». (*Martin du Bellay*, стр. 323).

на домикъ и выдвинулъ впередъ дѣль изъ 50 стрѣлковъ, подъ начальствомъ сержанта, а влѣво отъ себя тоже выдѣляя двухъ капитановъ (Брѣля и Гаске); прибывшая конница стала между двумя послѣдними стрѣлковыми отрядами. Подойдя въ такомъ порядкѣ къ домику, на 100—120 шаговъ, Монлюкъ сильно обстрѣлялъ имперскихъ стрѣлковъ и снова его занялъ.

Гуасто впрочемъ тоже усилилъ своихъ аркебузеровъ испанскими стрѣлками Кардоны, и общее число перестрѣливавшихся такимъ образомъ стрѣлковъ достигло до 4—5 тыс. человекъ. Въ концѣ этого боя, имперцы снова овладѣли домикомъ. Велѣдъ затѣмъ, Гуасто успѣлъ продвинуть, черезъ болото, къ домику 6 орудій и, для прикрытiя ихъ, направилъ туда-же ландскнехтовъ. Артиллерiя имперцевъ открыла по французамъ губительный огонь, который, причиняя значительныя потери, особенно авангарду французовъ, побудилъ начальника его, де-Тэ, двинуться впередъ; повидному, первоначально французскiй авангардъ не замѣтилъ колонны ландскнехтовъ, расположенныхъ за своей батареей у домика и, двинувшись противъ принца Салерно, могъ подставить, такимъ образомъ, свой лѣвый флангъ удару пѣхоты. Монлюкъ, замѣтивъ это, поспѣшилъ къ де-Тэ и убѣдилъ его вернуться назадъ, а для предохраненiя отъ выстрѣловъ, посоветовалъ лечь на землю, какъ это сдѣлали швейцарцы, находившiеся въ 60—80 шагахъ позади. Одновременно такое-же распоряженiе пришло и отъ Мартэна лю-Беллэй, наблюдавшаго за дѣйствiями противника и замѣтившаго, что сильная баталiя ландскнехтовъ (10.000 чел.) уже двинулись впередъ на швейцарцевъ (4.000), тогда какъ принцъ Салерно оставался неподвижнымъ; поэтому казалось болѣе дѣлсообразнымъ задержать гасконцевъ и подкрѣпить ими швейцарцевъ, для совокупной встрѣчи атаки ландскнехтовъ, такъ какъ, повидному, можно было отразить ихъ ударъ до подхода принца Салерно. Авангардъ де-Тэ снова вернулся обратно на прежнее мѣсто; тамъ людямъ было приказано лечь, чтобы избавиться отъ губительнаго дѣйствiя имперской артиллерiи, противъ которой начала дѣйствовать прибывшая къ авангарду де-Тэ артиллерiя де-Майльи.

Около 12 часовъ дня, обозначилось наступленiе главныхъ силъ имперцевъ, для встрѣчи которыхъ французскiе стрѣлки отступили на линiю своихъ сомкнутыхъ колоннъ. Шикиперамъ-гасконцамъ, судя по разсказу Монлюка, было приказано держать пикъ не у задней ея оконечности, какъ это было принято у

ландскнехтовъ, но встрѣтить ихъ ударъ, по способу швейцарцевъ, держа пику примѣрно за ея середину, что давало возможность сильнѣе дѣлать отбывы и болѣе ловко управлять оружіемъ. Главная масса ландскнехтовъ, закрывъ своимъ наступленіемъ огонь нѣмецкой батареи у домпна, кинулась на гасконскій батальонъ *); такъ какъ при этомъ обнаружилось, что фронтъ послѣдняго, около 60 чел., былъ меньше фронта ландскнехтовъ, имѣвшихъ до 90 чел. въ 1-й шеренгѣ, то командовавший правымъ крыломъ гасконскаго батальона (de la corne droite) капитанъ Вильфраншъ выдвинулъ впередъ всѣхъ людей заднихъ шеренгъ, смѣвшихъ предохранительное вооруженіе и образовалъ такимъ образомъ пикинерное крыло, удлиннившее вправо фронтъ батальона. Какъ только это было закончено, обѣ колонны сошлись уже на длину пикъ, при чемъ гасконцы, воспользовавшись разрывами, происшедшими въ колоннѣ ландскнехтовъ, вслѣдствіе быстрого движенія ея при наступленіи, проникли въ середину непріятельской колонны и привели ее въ полное разстройство, которое было подготовлено еще тѣмъ, что, какъ говоритъ Монлюкъ, за три-четыре дня до сраженія, онъ подалъ мысль полковнику де-Тэ, при построеніи баталіи, вслѣдъ за первой шеренгой пикинеровъ помѣстить рядъ аркебузеровъ, которые не должны были стрѣлять, пока противники не сойдутся на длину пикъ; примѣнивъ это построеніе и давъ залпъ непосредственно передъ столкновеніемъ, гасконцы де-Тэ успѣли причинить значительныя потери ландскнехтамъ въ самомъ началѣ схватки; выступившіе для нослѣднихъ начальники были также перебиты **).

*) Брандтъ указываетъ, что центръ ландскнехтовъ направлялся на швейцарцевъ, а гасконскій батальонъ сдѣлалъ захожденіе плечомъ и атаковалъ флангъ нѣмецкой колонны. Но у Монлюка имѣется указаніе, что ландскнехты двигались прямо на гасконцевъ (marchant grand pas direct vers nous), а напротивъ, швейцарцы выжидали, такъ какъ еще не обнаружилось, куда направится батальонъ ветерановъ Кардонъ, который вначалѣ былъ противъ нихъ и только потомъ повернулъ вправо на грюонцевъ и итальянцевъ; съ этимъ согласуется описаніе боя и у Рюстова. Дю-Беллэй указываетъ, что баталія ландскнехтовъ раздѣлилась, и одна половина направилась на швейцарцевъ, а другая—на гасконцевъ; въ тылу эти двѣ массы сливались въ одну колонну. Въ описаніи боя у принца Луи-Наполеона (Études sur l'artillerie, т. I, стр. 193), приведена выдержка изъ архивнаго документа, указывающаго, что ландскнехты, прежде всего, кинулись на французскую артиллерию, успѣли дойти до орудій, перебили часть прислуги и лошадей и взяли пороховые заряды, сложенные на батареѣ, а затѣмъ уже двинулись на швейцарцевъ.

**) Монлюкъ («Commentaires». Liv II, стр. 96, лѣв.) признается однако, что этотъ способъ примѣнялся и имперцами, также помѣстившими аркебузеровъ во второй шеренгѣ своей колонны, но стрѣлки ихъ почему-то при атакѣ не стрѣляли, «lesquels jamais ne firent les nostres, que ne fussions de la longueur des piques. Là se fit une grande tuerie, il n'y avait coup, qui ne portast...»

Въ то-же время, легкая конница Терма атаковала флорентинскую кавалерію Бальони, открывшую огонь изъ пистолетовъ; французы однако, атаковавъ, опрокинули ее и понеслись на пѣхоту прища Салерно. Самъ Термъ врубился въ ряды итальянцевъ, но лошадь его была тотчасъ-же убита и онъ, раненый, попалъ въ плѣнь. Тѣмъ не менѣе, атака его имѣла очень благоприятныя для французовъ послѣдствія, удержавъ на мѣстѣ итальянцевъ и не позволявъ имъ своевременно поддержать колебавшіяся бои ландскнехтовъ съ гасконцами. Принцъ Салерно, какъ мы выше указали, получивъ отъ Гуасто приказаніе—не предпринимать ничего безъ особаго распоряженія послѣдняго, и, кажется, слишкомъ буквально придерживался этого приказа.

Какъ-бы то ни было, бой праваго фланга французовъ получилъ для нихъ благоприятный оборотъ, особенно послѣ того, какъ латинки Бутъера опрокинули конницу Гуасто на ландскнехтовъ и ворвались въ самую глубь ихъ колонны. Атакъ конницей Бутъера колонны ландскнехтовъ способствовало то, что въ послѣдней все еще были значительные интервалы, образовавшіеся при первомъ наступленіи, и недоставало поэтому достаточной сомкнутости. Произведеннымъ конницей разрывомъ въ неприятельской массѣ немедленно воспользовался швейцарскій батальонъ Фури, который, быстро послѣдовавъ за конницей Бутъера, проникнулъ въ середину пѣхотной колонны ландскнехтовъ и принялся ихъ рубить; вскорѣ нѣмцы, въ полномъ безпорядкѣ, кинулись въ бѣгство по направленію къ Червизоль, преслѣдуемые по пятамъ гасконцами, швейцарцами и конницей Бутъера. Самъ Гуасто, видя пораженіе своего центра и не проявивъ никакой распорядительности по управленію боемъ, оставилъ поле сраженія. Разбитая его пѣхота успѣшила занять находившіяся позади мѣста, въ которомъ она нашла первое укрытіе отъ преслѣдовавшихъ ее французовъ.

Не такъ удачны для послѣднихъ были ихъ дѣйствія на лѣвомъ флангѣ, что объясняется тѣмъ, что здѣсь находилась противъ только что набранныхъ грюонцевъ и итальянцевъ испанская пѣхота. Подъ прикртіемъ разсыпанныхъ стрѣлковъ, 5.000 ветерановъ Раймонда де-Кардона быстро двинулись впередъ, и стрѣлки ихъ успѣли захватить расположенную впереди батальона грюонцевъ и итальянцевъ батарею, а при атакѣ самой колонны, Кардона приказалъ находившемуся на его правомъ флангѣ стрѣлконому

крылу произвести охватъ лѣваго фланга неприятельской колонны и дать нѣсколько залповъ.

Легкая конница Дамьерра, въ то-же время, опрокинула кавалерію принца Сулломе и начала ее преслѣдовать, а графъ Энгіенскій, увидавъ колебаніе своего лѣваго фланга, бросился на его выручку, со своими ордонпансовыми латниками, и атаковалъ лѣвый флангъ испанской массы; но старые ветераны только разступились въ стороны передъ стремительной атакой конницы, такъ что графъ Энгіенскій прошелъ всю колонну испанцевъ насквозь, по діагонали, выйдя съ противоположнаго праваго задняго угла колонны ветерановъ, которые вслѣдъ затѣмъ немедленно вновь сомкнулись и продолжали атаку противъ грюонцевъ и итальянцевъ. Вслѣдствіе удаленія конницы Дамьерра, лѣвый флангъ грюонцевъ обнажился; поэтому обходъ его стрѣлковымъ крыломъ Карлоны не представилъ затрудненій, и этотъ маневръ, съ открытіемъ огня испанскими аркебузерами, заставилъ задніе ряды грюонцевъ и итальянцевъ побѣжать, а передніе въ паникѣ кинулись за ними, «не сдѣлавъ ни одного удара плкой», какъ говоритъ Монлюкъ *). Испанскіе аркебузеры, которые вели до того стрѣлковыи бой впереди ветерановъ, а затѣмъ, при сближеніи пикиерныхъ батальоновъ, отошли за заднюю шеренгу массы ветерановъ и на ея фланги, въ то-же время, открыли убійственный огонь по проскакавшимъ латникамъ графа Энгіенскаго, и этотъ послѣдній, видя отступленіе своего лѣваго фланга, рѣшилъ, что сраженіе проиграно, тѣмъ болѣе, что помочъ новой атакой своей конницы нѣхотѣ лѣваго фланга онъ уже былъ не въ силахъ, такъ какъ большинство его латниковъ были переранены, а успѣха своего праваго фланга онъ не видѣлъ, будучи отдѣленъ отъ него холмомъ, возвышавшимся въ центрѣ французской позиціи. Гр. Энгіенскій началъ отступать къ Кармальоль, а по нѣкоторымъ источникамъ, даже сдѣлалъ попытку на самоубійство. Въ это время, къ его развѣваившемуся для сбора войскъ знамени присоединились 3 роты итальянской легкой конницы, которыя охраняли мостъ на р. По и теперь шли на выстрѣлы, посадивъ на крупы лошадей аркебузеровъ гарнизона крѣпости Ракониги, черезъ которую они проходили.

*) «Sans tirer un seul coup de picque». Монлюкъ, вообще, ставитъ грюонцевъ очень низко, говоря, что хотя они соствдн швейцарцевъ, но сходство между ними такое-же, какъ «между осломъ и испанской лошадей». (Ils sont voisins des Suisses, mais il n'y a non plus de comparaison que d'un âne à un cheval d'Espagne (стр. 96 изд.).

Когда молодой полководец, мало-по-малу, начал собирать свои отступавшія войска лѣваго фланга и готовился уже вновь атаковать Кардону, его догналъ полковникъ швейцарцевъ, С. Жюльенъ *), съ радостнымъ доисесіемъ о побѣдѣ праваго фланга и центра надъ имперцами. Графъ Энгіенскій вновь повелъ атаку противъ ветерановъ Кардоны, который, не видя войскъ центра и лѣваго фланга имперцевъ, приостановилъ свое наступленіе, а затѣмъ началъ медленно отступать, подъ натискомъ собравшихъ французскимъ полководцемъ силъ; въ то-же время, послано было приказаніе гасконцамъ и швейцарцамъ приостановить свое преслѣдованіе и обратиться противъ стойкой еще массы испанцевъ. Де-Бутьеръ, передъ которымъ уже все бѣжало, съ Гуасто и принцемъ Салерно во главѣ, чрезвычайно быстро исполнилъ приказаніе графа Энгіенскаго и вскорѣ появился на флангѣ отступавшаго испанскаго батальона Кардоны, аркебузеры котораго продолжали отстрѣливаться отъ послѣдовательныхъ атакъ французской конницы. Когда-же съ фронта встрѣтила ветерановъ послѣвшая съ праваго фланга легкая конница Бутьера, съ тыла атаковалъ графъ Энгіенскій и собравшія имъ войска, а съ фланга 50 всадниковъ д'Оссэна, а затѣмъ тутъ-же появились возвратившіеся, послѣ преслѣдованія ландскнехтовъ, гасконцы и швейцарцы, то испанцы побросали пикъ и частью сдались французамъ, частью разбѣжались **).

Такимъ образомъ, окончательно была одержана побѣда французамъ; трофеями ихъ были: 14 орудій, 7—8.000 паницей, значительныя боевыя и продовольственныя припасы, оставленныя имперцамъ въ Черизольскомъ лагерѣ, потонный паркъ, для наводки моста черезъ р. По, и до 300.000 франковъ казны, а также болѣе 3.000 плѣнныхъ со всеми главными вождями (Кардона, Мадручча и друг.) Отъ 12 до 15.000 убитыхъ покрывали поле сраженія, при чемъ французы опредѣляютъ свои потери лишь отъ 500 до 600 чел. ***).

Гуасто, съ остатками своихъ силъ, достигъ Асти, по ко-

*) «... *monsieur de Saint Julien, qui servoit de Maître de camp, et de Colonel des Suisses*», какъ его называетъ Монльикъ.

**) При этой атакѣ проявились индивиды, напомнившій послѣдній эпизодъ Равенскаго сраженія: увидавъ, что рыцарь С. Андрѣ первымъ бросился на испанцевъ, когда еще остальные войска не подошли, гр. Энгіенскій ошуститъ забрало и бросился предупредить ихъ атакѣ С. Андрѣ, хотя за нимъ оставалось всего 6 всадниковъ. Только напоминаніе одного опытнаго капитана о печальной участи Гастона де-Фуа, при подобной-же атакѣ, оставило пылкаго графа, потребовавшаго однако, чтобы немедленно оставили С. Андрѣ, что и было исполнено.

***) По мемуарамъ дн-Беллей всего 200.

мендантъ города заперъ передъ нимъ ворота, какъ впрочемъ это приказалъ ему еще до боя самъ Гуасто, если онъ не окажется побѣдителемъ.

**Разборъ сра-
женія.**

Обращаясь къ разбору сраженія при Черизолѣ, мы, прежде всего, должны обратить вниманіе на то, что качества французскихъ войскъ, сравнительно съ имперскими, значительно возросли со времени Павія. Нельзя сказать, чтобы видно было большое вліяніе управленія пми въ бою неопытнымъ, колебавшимся французскимъ полководцемъ, который, полагая дѣло потеряннымъ, оставляетъ даже поле сраженія, а потому мы тѣмъ болѣе должны приписать побѣду качествамъ самихъ войскъ. Первоначальное расположеніе французскихъ войскъ для боя было, такъ сказать, нормальнымъ, шаблоннымъ для той эпохи; къ тому-же, боевой порядокъ имперцевъ былъ точной копіей французскаго расположенія сянъ; численное отношеніе силъ было также не въ пользу французовъ; мѣстность не давала имъ какихъ-либо исключительныхъ выгодъ; поэтому мы не можемъ приписывать ихъ побѣду ни одной изъ этихъ причинъ и естественно должны придти къ выводу, что *улучшившійся составъ* ихъ войскъ, ухудшеніе его на сторонѣ имперцевъ и *распорядительность частныхъ французскихъ начальниковъ* были главными причинами, давшими въ результатъ побѣду гр. Энгіенскому.

Историческія данныя, къ сожалѣнію, слишкомъ неполны, чтобы дать точныя указанія, какія именно мѣры улучшили составъ французской арміи, но, тѣмъ не менѣе, мы видимъ въ ней нѣсколько болѣшій процентъ народныхъ элементовъ, а именно, — французы въ пѣхотѣ составляли уже около $\frac{1}{3}$, а вмѣстѣ съ конницею, исключительно французской, болѣе $\frac{2}{5}$ (48% всѣхъ силъ), т.-е., сравнительно съ арміею Франциска I подъ Павіей, процентное отношеніе французовъ къ иностраннымъ наемникамъ увеличилось почти вдвое. Къ тому-же и качество ихъ было, безъ сомнѣнія, лучше, такъ какъ, вмѣсто авантюрьеровъ, пополнявшихся изъ всякаго рода бездомныхъ бродягъ, здѣсь мы видимъ «старыя гасконскія дружины» — народную пѣхоту, въ которую, отчасти, вошли элементы, входившіе въ составъ сформированныхъ, въ 1534 году, легионовъ.

Ходъ боя показываетъ, что именно эти національныя части французской арміи (войска Бутьера и аркебузеры Монлюка) и одержали собственно побѣду (впрочемъ при помощи швейцарцевъ); будучи значительно слабѣе ландскнехтовъ и уступаая имъ въ протяженіи фронта, французы, не задумываясь, идутъ

на встрѣчу 10.000-ной массѣ и уравниваютъ длину своего фронта выдвигаясь заднихъ пикинеровъ при столкновѣніи, уменьшая глубину своей колонны, тогда какъ грузная фаланга ландскнехтовъ не пользуется своимъ, болѣе чѣмъ двойнымъ, численнымъ превосходствомъ, и тыльные ряды ея являются лишь безучастными зрителями послѣдовавшаго боя. Участіе швейцарцевъ въ этомъ бою, хотя и способствовало успѣху дѣла, но, видимо, не обошлось безъ нѣкоторыхъ грѣшій. Такъ дю-Беллэй указываетъ, что они нѣсколько разъ уговаривали Фурли двинуться въ атаку, но тотъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ, «онъ подвергнется огню непріятельской артиллеріи и что подобное испытаніе не соответствуетъ натурѣ его людей, которые, будучи поставлены открытыми подъ артиллерійскимъ огнемъ, придутъ въ безпорядокъ и обратятся въ бѣгство» *). Итакъ, побѣда гасконцевъ, рѣшила, главнымъ образомъ, судьбу сраженія, тогда какъ прочія наемныя части французской арміи, кромѣ швейцарцевъ, позорно бѣжали.

Ландскнехты и испанская пѣхота, наоборотъ, оказываются ниже, по своимъ боевымъ качествамъ, чѣмъ въ предшествовавшую эпоху; можетъ быть, на это повлияло то, что сонли уже со снѣи талантливые начальники миновавшаго времени: не было уже Пескары, Фрундсберга, Бурбона и Лейвы, а оставшіеся въ живыхъ, какъ Гуасто, уже состарились и лишились прежней энергіи; но, съ другой стороны, интересно и то явленіе, что *получающая народный обликъ французская армія вырабатываетъ предприимчивыхъ и энергичныхъ начальниковъ*, какъ Монлюкъ, (который, вслѣдъ за Черизолой, участвуетъ, почти въ теченіи полувѣка, во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ европейскаго театра), дю-Беллэй, де-Тэ, де-Бутвертъ и другіе; тогда какъ дошедшая какъ-бы до своего апогея испанская армія по особенію, все ярче и глубже пропавшаяся наемной системой имперская армія вырабатываютъ все меньше и меньше начальниковъ подобнаго типа. Безпорядокъ, недостатокъ дисциплины и боевой выдержки сказываются въ имперской арміи довольно рельефно; испанцы, подъ Равенной, стойко выдержавшіе ударъ побѣдоносной французской арміи и въ порядкѣ отступавшіе, здѣсь, подъ Черизолой, уже не выдерживаютъ по-

*) «...si son bataillon marchoit, l'artillerie de l'ennemy luy donneroit droit dedans et que le naturel de sa nation n'estoit d'endurer la batterie de l'artillerie ains d'aller droit pour la gagner et que par ce moyen s'il se mettoit à decouvert ses gens se mettroient en desordre pour y courir». («Mémoires», Liv. X, стр. 323, лѣв.).

ворота счастья въ бою и позорно бросаютъ оружiе, а итальянцы принца Салерно бѣгутъ, почти не принявъ участiя въ бою.

Что касается *боевыхъ порядковъ*, то главныя массы, по прежнему, строятся въ глубокiя массивныя колонны, имѣя по своимъ флангамъ конныя частя, болѣе сильныя на вышнихъ оконечностяхъ флаговъ всего боевого порядка, который, по прежнему, дѣлится на авангардъ, главныя силы и аррьергардъ, располагаемые впрочемъ на одной линiи. Конница стронется уже менѣе глубоко, повидимому, всего около 8 шеренгъ въ глубину. Дѣйствiе артиллерiи, сосредоточенной въ батареи, хотя и значительно, но малое число орудiй, участвовавшихъ въ бою не можетъ свидѣтельствовать о возрастанiи ея значенiя со времени Равенны и Павiя. Французы уже считаются съ дѣйствительностью ея выстрѣловъ, принимаютъ мѣры, для уменьшенiя потерь, и держатся вначалѣ оборонительно, повидимому, остерегаясь повторить свою ошибку подъ Павiей и закрыть артиллерiйскiй огонь несвоевременнымъ наступленiемъ. Эту ошибку дѣлаютъ теперь, вмѣсто нихъ, имперцы и, придя къ необходимости прекратить огонь, вслѣдствiе своего движенiя впередъ, когда атака не была еще достаточно подготовлена, позволяютъ французамъ оправиться въ самую рѣшительную минуту и дать стойкiй отпоръ.

Новымъ явленiемъ въ сраженiи при Черизолѣ является выдѣленiе значительныхъ силъ, самостоятельно ведущихъ упорный *стрѣлковый бой съ разсыпнымъ строемъ*. Продолжительность подготовительнаго боя растетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, развивается *последовательный вводъ въ бой силъ* обѣихъ сторонъ, постепенное подкрѣпленiе передовыхъ стрѣлковъ, число которыхъ возрастаетъ до 4—5.000 чел. И тутъ видно влiянiе пораженiя подъ Павiей и урока, даннаго французамъ аркебузерами Пескары, при чемъ у французовъ является склонность подкрѣплять дѣйствiя стрѣлковъ конницей, которая дается имъ, хотя и въ незначительномъ количествѣ и, кажется, болѣе съ цѣлью защитить стрѣлковъ, при атакѣ ихъ непрiятельской конницей или пиканерами. Огнестрѣльное оружiе, которое до 1525 года находилось во французской армiи въ полномъ пренебреженiи, получаетъ болѣе широкое примѣненiе и, какъ мы указали выше, въ организации легионовъ, уже $\frac{1}{4}$ пѣхоты вооружается аркебузами.

Но огнестрѣльное оружiе, само по себѣ, не въ состоянiи самостоятельно обусловить рѣшенiе; является необходимость

связать его съ дѣйствіемъ холоднымъ оружіемъ, и вотъ, то изобрѣтеніе, въ XVII вѣкѣ, примкнутого къ ружью штыка, соединившаго оба оружія въ рукахъ одного бойца, мы видимъ рѣшъ попытокъ *связать какими-либо построеніемъ главныхъ представителей того и другого оружія въ пикоты, т.-е., пикперовъ съ аркебузерами.* Подъ Черизолоіі, мы видимъ новое построеніе Моиллока — непосредственно за первой шеренгой пикперовъ — шеренгу аркебузеровъ, которые даютъ залпъ по сближеніи колоннъ «на длину пика»; это была одна изъ первыхъ попытокъ въ этомъ направленіи, давшая, повидному, благодаря неожиданности нововведенія, благоприятные для французовъ результаты. Видимъ и другой способъ совокупныхъ дѣйствій аркебузеровъ и пикперовъ — образованіе изъ первыхъ — стрѣлковыхъ крыльевъ, которыя готовятъ своимъ огнемъ непосредственную схватку, выдвигаясь на фланги сомкнутыхъ пикперныхъ батальоновъ. Такимъ маневромъ подготовлена атака ветеранами Кардонъ гризонцевъ и итальянцевъ.

Хотя выше и было указано, что *руководства боемъ* проявлено съ обѣихъ сторонъ не было, но, со стороны французовъ, обращаетъ на себя вниманіе цѣлесообразная организація развѣдки передъ боемъ, высылкой развѣдывательныхъ отрядовъ въ вѣрообразныхъ направленіяхъ, къ тремъ пунктамъ, куда вѣроятнѣе всего было наступленіе противника — на переправы черезъ По, выше и ниже Карьянано (у Ракониги и у Вилла Стеллонъ) и прямо на востокъ — къ Сомаривѣ; затѣмъ личная развѣдка французскаго полководца и предварительный рекогносцировочный бой, 10 апрѣля. Назначеніе особаго лица (дю-Беллэй) слѣдить за противникомъ и принимать соответствующія его дѣйствіямъ мѣры свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи взглядовъ на бой, который уже не считается турниромъ, на которомъ участники могли проявлять только личныя свои доблести и умѣніе владѣть конемъ; сознательно чувствуется уже необходимость управлять ходомъ боя и обеспечивать успѣхъ его маневрировашемъ войскамъ на полѣ сраженія. Атака латниками гр. Энгіенскаго испанскихъ ветерановъ не вызывалась лишь желаніемъ полководца проявить свою отвагу въ рыцарскомъ единоборствѣ, но, повидному, имѣла цѣлью поддержать духъ колебавшихся войскъ лѣваго крыла (гризонцевъ и итальянцевъ) и, хотя мы видимъ еще слѣды рыцарскаго стремленія къ поединку въ послѣднемъ порывѣ гр. Энгіенскаго атаковать испанцевъ, хотя-бы съ 6

всадникам, но самый отказ от этой необдуманной атаки явился уже знаменем времени, доказывавшимъ что, со времени Равенны, *взгляды на роль полководца устали уже кореннымъ образомъ измениться.*

Когда, послѣ первоначальной неудачи боя на лѣвомъ крылѣ французовъ, побѣда ихъ праваго крыла повернула въ ихъ пользу исходъ сраженія, мы видимъ въ восприимчивомъ духомъ юномъ французскомъ полководцѣ стремленіе взять управление боемъ въ свои руки, и, съ помощью подчиненныхъ ему начальниковъ, ему удастся выполнить задуманный маневръ, заключавшійся въ тактическомъ окруженіи войскъ Кардоны. Такимъ образомъ, и въ смыслѣ *маневрированія войскъ* на сторонѣ французовъ замѣтенъ значительный успѣхъ: сознавая слабость и несовершенство лобовой фронтальной атаки противника и параллельнаго съ нимъ столкновенія, французскіе начальники стремятся подготовить болѣе выгодныя для себя условія боя дѣйствіями на фланги и на тылъ противника. Атака гасконцами ландскнехтовъ, одновременно съ атакой швейцарцевъ во флангъ непріятельской колонны, а также атака испанскихъ ветерановъ Кардоны, въ связи съ ихъ фланговымъ стрѣлковымъ крыломъ, показываетъ, что подобный маневръ не былъ бессознательно удавшейся случайностью, но что онъ былъ примѣняемъ войсками уже въ известной мѣрѣ, систематически.

Побѣда при Черизолѣ не имѣла рѣшительныхъ послѣдствій въ Италіи, такъ какъ король, опасаясь грозившаго ему вторженія Карла V съ восточной границы Франціи, долженъ былъ призвать въ Италію большую часть своихъ силъ въ предѣлы Франціи. Стойкая защита городовъ Шампани и энергичная дѣятельность герцога Гиза остановили наступленіе Карла V, оставленнаго своимъ союзникомъ, Генрихомъ VIII, и 18 сентября, 1544 г. былъ заключенъ въ Крепи миръ, закончившій борьбу Франциска I съ Карломъ V—отказомъ Франціи отъ Неаполя и Фландрій, съ округами Артуа и Турнэ.

Генрихъ II.
(1547—1559).

При сынѣ и преемникѣ Франциска I, *Генрихѣ II*, организація французской арміи продолжаетъ развиваться преимущественно на народныхъ началахъ, и впервые появляются въ ней *полки* (régiments), которые впрочемъ примѣняются сперва какъ названія частей войскъ,—французскихъ дружинъ или наемныхъ отрядовъ, временно соединяемыхъ подъ начальствомъ одного начальника.

Взгляды военныхъ писателей конца правленія Франциска I и особенно дю-Беллэй («Discipline militaire»; 1534) побуждали

къ очищенію арміи отъ иностранныхъ элементовъ; съ одной стороны, примѣры Греціи и Рима, возобновленные въ памяти эпохой возрожденія, съ другой—позднѣйшія неудачи, какъ Дя-Викока и Павія, подѣйствовали на усиленіе въ арміи національнаго элемента.

Въ этомъ отношеніи для насъ интересно исчисленіе королямъ Генрихомъ II вооруженныхъ силъ страны передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Карла V, въ 1551 году. Король предполагалъ увеличить число ордоансовыхъ латниковъ съ 4.500 до 5.000; довести легкихъ всадниковъ, (*chevaux légers*) до 6.000, и кромѣ того, содержать 6000 конныхъ аркебузеровъ (60 ротъ, по 100 аркебузеровъ); организовать 100 значковъ «новыхъ пѣшихъ дружинъ», по 300 чел., т.-е. всего 30.000 чел., оставивъ 40 «старыхъ дружинъ», по 200 чел. (8.000 чел.). Къ этимъ 37.000 копей и 38.000 пѣхоты должны были присоединиться наемные контингенты: 20 корнетовъ конныхъ ландскнехтовъ (пистольеровъ), по 300 чел., 6 пѣхотныхъ полковъ по 10 пятисотенныхъ значковъ — 30.000 чел., и 12.000 швейцарцевъ; т.-е. всего 48.000 чел. наемныхъ войскъ. Затѣмъ король перечисляетъ, такъ сказать, войска второй очереди—12.000 легионеровъ Нормандіи, Пикардіи и Шампани, отъ 8 до 10.000 коней дворянскаго ополченія (*arrière-ban de la noblesse casanière*) и расчитываетъ на 8000 дворянско-охотниковъ, которыхъ ставитъ паравѣй съ ордоансовыми латниками *) Суммируя эти цифры, мы получаемъ армію, численностью болѣе 150.000 чел. (60.000 конницы и 92.000 пѣхоты), въ которой иностранные элементы входятъ менѣе $\frac{1}{3}$ всего состава (31%); конница уже составляетъ меньшинство въ общей численности арміи, именно — $\frac{1}{3}$, а пѣхота образуетъ $\frac{2}{3}$, что представляло уже значительный прогрессъ сравнительно съ арміей Франсиска I, въ 1525 году.

Одержавъ побѣду надъ Карломъ V при Ренти, въ 1552 году, французы, черезъ 5 лѣтъ, разбиты подъ С. Кантаномъ талантливымъ полководцемъ Филиппа II—Филиберомъ Савойскимъ, и въ 1558 году, вновь является стремленіе усилить народный элементъ арміи возстановленіемъ семи *легионовъ* Франсиска I, получившихъ однако нѣсколько иную организацію. Легионы, численность которыхъ оставлена была прежняя—въ 6000 чел., были раздѣлены на 15 ротъ, по 400 чел. въ каждой; роты были частью аркебузерныя,

*) *Quarré de Verneuil*; стр. 103—104.

частью пикинерныя; послѣднимъ придавалось однако тоже по 50 мушкетеровъ и по 50 аркебузеровъ. Не смотря на нѣкоторое усовершенствованіе организація—меньшій составъ ротъ,—все-же это учрежденіе не прививалось; въ Бретани и въ Лангедогѣ легіоны не были организованы; только въ 1561 г., появляются шесть ротъ Лангедокскаго легіона, скоро сокращенныхъ до двухъ. Прочіе легіоны исчезаютъ между 1565 и 1585 годомъ; большинство существуютъ не болѣе 10—12 лѣтъ. Уже послѣ смерти Генриха II, при Карлѣ IX, изъ старыхъ легіоновъ и старыхъ постоянныхъ дружинъ, образуются, въ 1561 году, первые національные полки: Ришелье (Пикардійскій), Сарлабу (Шампанскій) и Ремоль (Пьемонтскій), окончательно реорганизованные въ 1567—1569 г., когда образовалось пять полковъ: гвардейскій, Пикардійскій, Шампанскій, Пьемонтскій и Наваррскій; съ этими постоянными народными полками началась уже новая эра французской пѣхоты.

Легкая *конница* продолжала увеличиваться въ составѣ, сравнительно съ тяжелой, и въ 1554 году были организованы *Бриссакомъ* первые *драгуны*, которые, въ сущности, явились вначалѣ посаженной на коней ѣздящей пѣхотой, и были вооружены шпагой, аркебузой, съжирой и пистолетомъ, притороченнымъ къ сѣдлу. Командуя французскими войсками въ Пьемонтѣ, Бриссакъ организовалъ первый отрядъ драгуновъ, съ цѣлью имѣть особый видъ войскъ для сопровожденія обозовъ, для развѣдокъ, для мелкихъ нападений на тылъ противника, при преслѣдованіи и особенно, съ цѣлью возможно быстрѣе захватывать важныя мѣстные предметы, къ которымъ не могла во-время поспѣвать пѣхота. Они сражались, болѣею частью, въ *тэнемъ* строю, оставляя своихъ лошадей подъ охраной всего нѣсколькихъ всадниковъ; въ бою они располагались преимущественно между пѣхотными колоннами, выстраивая нѣсколько теренгъ, на значительныхъ интервалахъ одна отъ другой, для возможности послѣдовательной стрѣльбы, но не собираясь въ сомкнутыя части и рѣдко прибѣгая къ рукопашному бою на шпагахъ *). Большинство лошадей ихъ были

*) Происхожденіе названія «драгунъ» объясняется различно: нѣкоторые производятъ его отъ «dracoparii»—римскихъ солдатъ, носившихъ на своихъ амуниахъ изображеніе дракона; другіе производили его отъ нѣмецкаго «tragen»—носить, выражая этимъ «переносную» пѣхоту. Наконецъ, возможно, что маршалъ Бриссакъ, для поднятія ихъ дѣятельности и уваженія къ самимъ себѣ, далъ имъ это имя съ цѣлью обозначить грозныхъ для противника мужественныхъ воиновъ. (Brandt, т. III, стр. 734, выв. Suvane. «Histoire de la cavalerie, т. I, стр. 74; Quarré de Verneuil, стр. 115; Пузыревскій, ч. 2-ая, стр. 118 и др.).

захвачены у противника и не соответствовали собственно требованиям кавалерийских лошадей того времени, а самое первоначальное название их «gens de pied à cheval» показывает, что их причисляли скорее къ пѣхотѣ, чѣмъ къ конницѣ.

Въ артиллерии, при Генрихѣ II, продолжалось стремленіе сократить число калибровъ и появилась официальная работа маркиза д'Эстре (Jean d'Estrées) «Memoir de l'artillerie», впервые устанавливающая знаменитые «шесть калибровъ Франціи» (six calibres de France), а именно *):

	Наименованія орудій.	Вѣсъ ядра.	Число лошадей запряжки.	Число орудій въ 1662 г.
1	Пушка	33 фунта.	21	16
2	Большая кулеврина	16 »	17	6
3	Лежняя кулеврина (bâtarde)	7 »	11	12
4	Средняя кулеврина	2 »	4	6
5	Фоконь	1 »	3	?
6	Фокошко	1/2 »	2	?

Вѣсъ орудія съ лафетомъ, для тяжелыхъ пушекъ, былъ указанъ въ 200 пудовъ (8000 фунтовъ), для фокошко—всего 20 пудовъ (800 фунтовъ).

Съ 1552 года, прекращается уже реквизиціонный способъ сбора лошадей для запряжки орудій, и учреждается постоянный комплектъ въ 4.000 артиллерійскихъ лошадей, сборомъ и содержаніемъ которыхъ, съ полной упряжью, завѣдуютъ 20 капитановъ «артиллерійскаго обоза» (du charroi d'artillerie) **).

Миромъ въ Като-Камбрези, въ 1559 году, закончилась 65-лѣтняя борьба Франціи съ Габсбургскою монархіею за обладаніе Италіей, причемъ Генрихъ II отказался отъ Савоны, Сиенны и Пьемонта, кромѣ Пиньероля и Савильяно ***).

Выводы.

*) Данныя этой таблицы, составленной по Prince Napoléon-Louis Bonaparte («Études sur l'artillerie», т. I, стр. 201) и по Jähns'у («Geschichte der Kriegswissenschaften», т. I, стр. 654) не вполне скоятся съ указанными размѣрами калибровъ въ трудѣ Quarré de Verneuil («L'armée en France»; стр. 118), у котораго вѣсъ ядра показанъ въ слѣдующей постепенности: 32 ф., 16 ф., 8 ф., 4 ф., 1/2 ф., и 1/8 ф.

**) Тамъ-же, стр. 119.

***) Миръ былъ закрѣпленъ бракомъ короля испанскаго съ дочерью Генриха II, Елисаветой, я, какъ известно, на турнирѣ, во время свадебныхъ торжествъ, король Генрихъ II былъ, по неосторожности, убитъ.

Стремленія французскихъ королей къ завоеваніямъ, по ту сторону Альпъ, завершились отказомъ отъ дальнѣйшаго расходова- нія силъ страны на веденіе предпріятій внѣ естественныхъ гео- графическихъ границъ Франціи. Настойчивыя попытки Карла VIII, Людовика XII, Франциска I и Генриха II утвердиться въ Италіи, занять Римъ и Неаполь все еще имѣютъ отпеча- токъ рыцарскихъ крестовыхъ походовъ: мечта овладѣть, если не гробомъ Господнимъ, то хотя-бы городомъ апостола Петра, какъ первымъ этапомъ для дальнѣйшаго завоеванія Святой Земли, не- обдуманное истощеніе средствъ страны въ бесполезныхъ для нея блага экспедиціяхъ, жажда доказать свою силу, свое благо- родство въ «честномъ бою» и тщеславное стремленіе остаться по- бѣдителемъ, какихъ-бы жертвъ это не стоило страгъ—вотъ глав- нѣйшіе мотивы, побуждавшіе французскихъ королей къ про- долженію ихъ упорной борьбы за преобладаніе въ Италіи.

Но съ одной стороны, встрѣча съ противникомъ болѣе крѣпкимъ внутреннею спллой, позволявшей расширить свое могущество внѣшними завоеваніямъ, съ другой — знакомство съ идеями классическихъ народовъ, сближеніе съ ними черезъ посредство той-же Италіи, бывшей главной ареною дѣятелей возрожденія наукъ и искусствъ,—дали толчокъ французскимъ вождамъ къ проникновенію ихъ новыи для того времени или, вѣрнѣе, забытыми идеями древнихъ народовъ: начинается пробуждаться болѣе серьезное отношеніе къ войнѣ, на кото- рую перестаютъ уже смотрѣть, какъ на средство къ осуще- ствленію тщеславныхъ прихотей королей; не жажда рыцар- скихъ приключеній, но благо собственного народа начинается приниматься ими въ соображеніе, и потому отказъ Генриха II, миромъ въ Като-Камбрези, отъ дальнѣйшей политики авантюръ и несоотвѣтствовавшихъ благу Франціи предпріятій—слѣдуетъ считать, въ политической жизни государствъ западной Европы, однимъ изъ важнѣйшихъ знаменій времени конца эпохи воз- рожденія наукъ и искусствъ.

Политика благоразумія сопровождается и болѣе здравой *стратегіей*: въ 1536 году, король Францискъ I сознаетъ слабость своихъ силъ и не торопится въ лихомъ рыцарскомъ поединкѣ «сломать копье» съ противникомъ, какъ-бы ни были неравны шансы такого единоборства; онъ взвѣшиваетъ шансы успѣха борьбы и, руководимый коннетаблемъ Монморанси, при- нимаетъ совершенно несогласный со всѣми рыцарскими традиціями планъ дѣйствій—систематическаго уклоненія отъ боевого рѣ- шенія и постепеннаго ослабленія силъ противника лишеніемъ

его всѣхъ жизненныхъ средствъ, воскрешая этимъ опять-таки забытые способы веденія борьбы грековъ и римлянъ противъ несоразмѣрно сильнаго противника, примѣняя стратегію утомленія и замедленія окончательнаго рѣшенія неравной борьбы (Мемнонъ и Фабіи Кушкаторъ).

Наконецъ, въ *тактику* второй четверти XVI вѣка, мы видимъ разрывъ съ тактикой эпохи рыцарства: центръ тяжести боя переносится на *пѣхоту*, и 4—5 часовой бой гасконцевъ Монлюка, подъ Черизолой, является, въ этомъ отношеніи, наиболѣе убѣдительнымъ примѣромъ. И здѣсь мы не можемъ не видѣть вліянія дѣятелей эпохи возрожденія, и главнымъ образомъ Макіавелли, утверждавшаго, что, по примѣру древнихъ народовъ, пѣхота должна составлять «главный нервъ арміи»; вышеприведенный составъ арміи Генриха II, въ 1551 году, указываетъ насколько уже проникло сознаніе важности этого рода оружія въ военныхъ организаторахъ той эпохи: пѣхота уже въ 1½ раза превышала по численности конницу.

Огнестрѣльное оружіе уже не вызываетъ презрѣнія: уроки Ля-Бикоки и Пави не прошли даромъ, и тотъ-же бой Монлюка доказываетъ, какое значеніе было придано именно *стрѣлковому* бою. Кавалерія уже не бросается опрометчиво на противника, безъ подготовки успѣха атаки артиллерійскимъ огнемъ, и даже для развѣдывательнаго боя ей уже придается артиллерія, для обезпеченія подвижности которой орудія получаютъ двойную запряжку, что уже служитъ первымъ шагомъ къ учрежденію впоследствии кошной артиллеріи (бой 10 апрѣля, 1544 г., передъ ср. при Черизолѣ). Тамъ-же, гдѣ подготовка атаки конницы слаба, она терпитъ, по прежнему, неудачу, если встрѣчаетъ неразстроенную боемъ пѣхоту (атака латинками гр. Энгіенскаго испанскихъ ветерановъ).

Это сознаніе необходимости искусно подготовить бой, прежде чѣмъ окончательно нанести ударъ, приводитъ уже къ первымъ проявленіямъ не примѣнявшагося при рыцаряхъ *управленія боемъ*: гр. Энгіенскій, хотя и становится еще, согласно прежнихъ традицій, во главѣ латниковъ, но выжидаетъ подготовки стрѣлковаго боя и нѣсколько разъ посылаетъ приказаніе Монлюку овладѣть домикомъ, а въ концѣ боя сосредоточиваетъ свои войска, для окруженія испанскихъ ветерановъ. Бой не рѣшается однимъ ударомъ, но затягивается на цѣлые часы, что должно было привести къ сознанію необходимости постепеннаго расходовавія своихъ силъ и къ оставленію, для этой цѣли, въ своемъ распоряженіи,

сильных резервов; практическаго выраженія этой идеи, тоже пропавшей въ литературу эпохи возрожденія и осуществленной полководцами классическаго міра, мы однако еще, на поляхъ сраженій, не замѣчаемъ.

Итакъ, и въ политикѣ, и въ стратегіи, и въ тактикѣ, второй четверти XVI вѣка, несомнѣнно сказались вліянія эпохи возрожденія наукъ и искусствъ; древній міръ, привлечшій вниманіе дѣятелей этой эпохи, измѣнившій ихъ взгляды на различныя стороны общественной жизни, не могъ не послужить образцомъ и для военныхъ людей того времени, сознавшихъ свою отсталость сравнительно съ античными героями. Король Францискъ I, на рукахъ котораго умеръ великій полководецъ классическаго міра — Леонардо де-Винчи, естественно пришелъ къ идее воскресить и древне-римскіе образцы военной организаціи созданіемъ легионовъ. *Духъ времени способствовалъ, такимъ образомъ, къ общему обновленію установившихся формъ военнаго искусства средне-вѣковаго рыцарства по образцамъ, даннымъ классическими народами и къ освобожденію войны отъ схоластической условности и отжившихъ предразсудковъ, усвоенныхъ военными дѣятелями предшествовавшей эпохи.*

ГЛАВА VI.

Стратегія и тактика конца XV и первой половины XVI вѣка.

Приведенные очерки постепеннаго развитія военнаго дѣла въ главнѣйшихъ европейскихъ державахъ, въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, вмѣстѣ съ изложеніемъ главнѣйшихъ сраженій этой эпохи, позволяютъ намъ теперь, ознакомившись еще попутно съ взглядами выдающихся писателей того времени и вполнѣ сознательно пропитавшись духомъ дѣятелей XV и начала XVI вѣковъ, изложить главные основанія тогдашней стратегіи и тактики и сдѣлать заключеніе о главнѣйшихъ боевыхъ порядкахъ 3-хъ родовъ оружія, а также о тѣхъ основаніяхъ, которыми руководствовались при ихъ построеніи.

Прежде всего, нельзя утверждать, какъ это принято считать въ современной литературѣ, что политическія цѣли войны того времени обыкновенно были мелочны, ничтожны и сводились къ отторженію у противника пограничной области или крѣпости; судя безпристрастно, мы должны придти къ выводу, что цѣлью войны государи того времени нерѣдко, по крайней мѣрѣ теоретически, ставили испроверженіе могущества сосѣдней державы и прочное основаніе собственнаго владычества, т.-е., задачи не менѣе значительныя, чѣмъ и въ войнахъ нынѣшняго вѣка; достаточно вспомнить вѣковую войну Англіи противъ Франціи, систематическую борьбу Испаніи противъ мавровъ, походъ Карла VIII въ Италію, съ мечтою созданія монархіи до Константинополя и Иерусалима, упорную борьбу Максимилиана, а затѣмъ Карла V противъ французскихъ королей, съ очевиднымъ стремленіемъ объединить, подъ своей властью, весь тогдашній германо-романскій міръ—всю западную Европу. Конечно, рядомъ съ такими войнами, были и войны,

Политика
и стратегія.

преслѣдовавшія цѣли исключительно династическаго характера и не имѣвшія въ виду созданія крупныхъ политическихъ организмовъ.

Войны разсматриваемаго періода нельзя однако назвать вполне народными войнами, преслѣдующими обще-народное благо; понятіе о национальности еще не успѣло войти въ плоть и кровь народныхъ массъ, не опредѣлило для нихъ стремленій ясныхъ и положительныхъ цѣлей, достиженія которыхъ эти массы готовы были-бы преслѣдовать до самопожертвованія, не уступая передъ угрозой войны и сопряженныхъ съ нею бѣдствій. Войны велись скорѣе между монархами и правительствами, естественно быстѣе созрѣвшими до идеи о своей собственной независимости и до тѣхъ политическихъ цѣлей, достиженіе которыхъ ставится исторіей, какъ задача управляемой ими страны. Тамъ однако, гдѣ борьба велась между народами, рѣзко отличавшимися по своему быту, культурѣ, расѣ и, главное, религіи, тамъ она уже приняла национальный отбѣнокъ: испанецъ чувствуетъ себя уже дѣйствительнымъ врагомъ мавра, дерется съ нимъ по собственному убѣжденію, а не изъ одного только пассивнаго подчиненія волѣ своего монарха, и борьба Испаніи съ маврами является поэтому вполне народной.

Нельзя однако отрицать, что желаніе округлить свои владѣнія, на счетъ сосѣда, даетъ поводъ къ многимъ войнамъ данной эпохи; и такое увлеченіе становится вполне естественнымъ, если принять во вниманіе, что королевская власть, создавшаяся на западѣ путемъ присоединенія наиболѣе могущественнымъ феодаломъ къ его владѣніямъ ближайшихъ къ нему владѣній болѣе слабыхъ феодаловъ, должна была произвести затѣмъ рядъ послѣдовательныхъ усилій, чтобы объединить сдѣлавшіяся почти независимыми сосѣднія области болѣе сильныхъ вассаловъ, чтобы парализовать ихъ власть и создать Францію, священную Римскую имперію, Испанію... въ разрозненныхъ вассальныхъ владѣніяхъ многочисленныхъ герцоговъ, графовъ, князей, курфюрстовъ и т. п.. Естественно, что, достигнувъ известной степени объединенія областей, населенныхъ своимъ народомъ, т. е., французами, гѣльцами, испанцами... короли, какъ-бы въ силу инерціи, продолжали эти объединительныя стремленія и за предѣлы своихъ естественныхъ этнографическихъ границъ: Франція увлеклась присоединеніемъ Пьемонта и Миланскаго герцогства; Испанія понадобилось Неаполитанское королевство; Германія, уже по

самому имени империи, стала добиваться присоединения к ней Италии и Рима. Въ несчастливой, по своему политическому состоянию, и счастливой, по географическому положению, Италии сталкиваются, такимъ образомъ, интересы трехъ наиболее сильныхъ державъ Европы, что и даетъ поводъ къ ряду упорныхъ войнъ между ними.

Взгляды выдающихся современниковъ этого, словно окутаннаго сѣрымъ туманомъ, давняго прошлаго на поводы и причины войнъ далеко не показываютъ такой отсталости въ сужденіяхъ о побудительныхъ причинахъ къ войнѣ, въ сравненіи съ нынѣшними взглядами, какъ это можно было-бы ожидать. Такъ, замѣчательнымъ взгляды автора сочиненія. «*Вѣрный советъ и мысли старика*»*), вышедшаго около 1522 года, приписываемого нѣкоторыми историками извѣстному уже намъ Георгу Фрундсбергу и, во всякомъ случаѣ, написаннаго лично, очень близко стоявшимъ къ императору Максимилиану I. Въ самомъ началѣ его, говорится, что надо остерегаться начинать войну изъ за мало-важныхъ причинъ, ради пустого тщеславія или надеждъ на какія-либо мелкія выгоды, но что, если война неизбежна, то необходимо напередъ всѣ силы, для успѣшнаго ея веденія.

Недостаточность средствъ для борьбы являлась однако, въ большинствѣ случаевъ, препятствіемъ для дѣйствительнаго достиженія широкихъ политическихъ и стратегическихъ цѣлей; во-первыхъ, трудно было содержать вооруженную силу болѣе продолжительное время, необходимое для обширныхъ предпріятій, и во-вторыхъ, численность этой силы была тоже ограничена, вследствие востанной скудости фискаловъ. И, какъ мы видимъ въ концѣ разсмотрѣнной эпохи, эти намѣчаемыя грандіозныя цѣли остаются невыполненными, и государи западной Европы, отказываясь отъ нихъ, ограничиваются утвержденіемъ своей власти въ указываемыхъ географіей страны естественныхъ рубежахъ, явившихся вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большей или меньшей степени, границами національностей.

Какія-же были эти средства для борьбы? Мы уже упомянули, что Макіавелли предлагалъ численность арміи доводить до 20—30.000 чел. Авторъ «Вѣрнаго совѣта» считаетъ даже возможнымъ ограничиться 10.000 пѣхотинцевъ, 1.500 латиниковъ (которыхъ онъ все еще называетъ «Ritter») и достаточною артиллеріей. Издавна въ 1526 г. книга Отта: «Военные

*) «Trewer Rath und Bedenken eines Alten». Выдержки изъ этого сочиненія—у Jahn's'a «Geschichte der Kriegswissenschaften», т. I, стр. 474—477.

порядки» рекомендуетъ имѣть армію въ 20—30.000 ч., что и слѣдуетъ, повидимому, считать нормальной силой арміи того времени, такъ какъ она является дѣйствительно преобладающей въ походахъ первой половины XVI вѣка. Въ концѣ этой эпохи, какъ мы видѣли, численность армій возрастаетъ такъ, что вооруженныя силы всей Франціи достигаютъ огромной, для того времени, численности въ 150.000 чел., но это были уже всѣ военныя средства страны, а для операций въ полѣ все-таки нельзя было сосредоточить болѣе 40—50.000 человекъ.

Съ такими слабыми численно арміями, конечно, трудно было выполненіе широкихъ замысловъ; и для достиженія болѣе скромныхъ намѣчаемыхъ цѣлей являлась необходимостью направлять всѣ эти силы сосредоточенно, въ одной массѣ, цѣлкомъ; и дѣйствительно, какъ указываетъ военная исторія того времени, арміи воюющихъ сторонъ не разбрасывались черезмѣрно, но дѣйствовали довольно сосредоточенно. Трудность формировапія армій и недостатокъ въ наличности годнаго къ военной службѣ матеріала, побуждали къ чрезвычайно осторожному образу веденія войны; въ случаѣ одного крупнаго пораженія, вся кампанія обыкновенно бывала проигранной, тѣмъ болѣе, что рѣдкія, самп по себѣ, сраженія имѣли, по большей части, очень рѣшительные результаты, а преобладающее дѣйствіе холоднымъ оружіемъ было причиной значительной кровопролитности боевыхъ столкновеній^{*)}; доставить-же на театръ войны новыя силы, на замѣну разбитаго войска, представлялось обыкновенно невозможнымъ.

Вотъ почему намъ пискомько не должны удивлять софты тогдашнихъ военныхъ писателей держаться осторожнаго, выжидательнаго образа дѣйствій и не рѣшаться на бой, пока нѣтъ совершенно вѣрныхъ данныхъ для успѣха въ немъ. Такъ, дю-Беллэй (du Bellay Langey), въ сочиненіи своемъ «Военная дисциплина»^{**}), говоритъ, что полководецъ до тѣхъ поръ не долженъ рѣшаться на бой, («hazarder une journée»), пока онъ не увѣрелъ, что всѣ выгоды на его сторонѣ. Встрѣченію болѣе сильнаго противника (quand on est

*) Исключеніе составляли войны кондотьеровъ, которыя, какъ выше указано, были не сьма кровопролитны, но они, въ сущности, между собой и войнѣ не вѣдѣ,—это были, такъ-сказать, рядъ компромиссовъ, которые имѣли цѣлью лишь оправдать ихъ собственное кондотьерское *raison d'être*.

***) «Discipline militaire». Lyon. 1592; (стр. 109 пр.) Іонсъ пользовался изданіемъ 1535 года, подъ заглавіемъ «Instruction sur le fait de la guerre», въ которомъ имени автора не указано, почему онъ дѣлаетъ предположеніе, что авторъ его самъ король Францискъ I («Geschichte... т. I, стр. 498), но въ экземплярѣ изданія 1592 года, авторъ прямо названъ *Guillaume du Bellay Langey*,

assailly en son pais et que les ennemis ont meilleurs Soldats et plus gros nombre) слѣдуетъ противопоставить не бой, но стараніе выиграть время («temporiser contre l'ennemy»), снабжать крѣпости гарнизонамъ, вѣстреблять продовольственныя средства, которыми можетъ воспользоваться противникъ, и выжидать прибытія подкрѣпленій, при которыхъ обстановка можетъ сдѣлаться болѣе благоприятной для боя.

Дю-Беллэй полагаетъ, что защита собственныхъ предѣловъ, при непріятельскомъ вторженіи, выгоднѣе, чѣмъ самому производить таковое въ страну противника, если послѣдній также могущественъ, какъ король Франціи. Мы видѣли, какъ отразились такіе взгляды въ кампанію 1536 года, въ Провансѣ.

Въ такомъ-же родѣ и совѣты нѣмецкаго писателя, Лазари Швенди (Lazarus von Schwendi), въ сочиненіи его «Kriegs Discurs, Von Bestellung des ganzen Kriegswesens» *), въ введеніи къ которому говорится, что счастье на войнѣ, подобно игрѣ въ кости, имѣетъ различныя шансы, а потому самая большія выгоды даетъ игра безопасная, при которой не слѣдуетъ слишкомъ много рисковать, даже при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть сдержаннымъ, когда обстоятельство складываются несчастливо; чтобы не потерять сразу все, лучше выждать, пока счастье не повернется въ нашу сторону. Лучше ничего не завоевать, чѣмъ потерять убытокъ и кое-что потерять; поэтому полководецъ не долженъ, безъ нужды, подвергать опасности своихъ подчиненныхъ и вообще долженъ стремиться избѣгать боя **). Кто ведетъ войну такъ, чтобы ничего не потерять, тому случай дастъ, навѣрное, возможность и кое-что выиграть. Кто имѣетъ возможность подчинить противника своей волѣ помощью голода или выжиданія, тотъ дѣйствуетъ неблагоприятно, если онъ рискуетъ боемъ. Только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ возможности долго держаться противъ непріятеля, хотя-бы и сильнѣйшаго, приходится вѣрять свое счастье случайности боя.

Взглядъ Швенди на веденіе оборонительной и наступательной войны совершенно противоположенъ только что изложенному взгляду дю-Беллэй, такъ-какъ нѣмецкій писатель считаетъ гораздо болѣе безопаснымъ атаковать противника въ его собственной странѣ, чѣмъ ждать его у себя. «Кто ограничивается обороной, говоритъ онъ, тотъ можетъ много проиграть и мало выиграть. Кто-же ведетъ наступательную войну, тотъ поражаетъ самое сердце противника и видитъ близко выигрывать» («Der Gewinn steht ihm vor den Augen»).

*) Первое изданіе этого сочиненія относится къ 1575 г., но написано оно, вѣроятно, въ 50-хъ годахъ XVI вѣка, такъ-какъ въ предисловіи высказывается императору Карлу V благодарность, за просмотръ присланной рукописи, и къ 1568 году относятся анонимныя сочиненія «Foglia und Ordnung eines Kriegsbuches» и др., которыя очень близко подходятъ къ указанному труду Швенди. Публичная бібліотека (Заль 5, шк. 22, п. 10 № 139) обладаетъ 3-мъ изданіемъ этого сочиненія, 1605 года.

**) «Kriegs Discurs», Стр. 83 (изд. 1605 г.).

Взгляда Шведов на рискованность боя, как средства стратегіи, держались также итальянскіе военные писатели; под влияніем Венеціа, даже Маккиавелли, какъ мы видѣли, считалъ бой слишкомъ опаснымъ дѣломъ, чтобы часто рѣшаться на него, а изъ его послѣдователей, Гаримберто говорилъ даже, что «безкровная побѣда много славнѣе, чѣмъ кровопролитная»^{*}).

Слабое разрушительное дѣйствіе артиллеріи того времени давало обороняющемуся, прикрытому непролицаемыми для артиллерійскихъ снарядовъ стѣнами, значительныя преимущества сравнительно съ атакующимъ, принужденнымъ двигаться открыто; въ силу такого соотношенія между атакой и обороной, мы видимъ непомѣрный ростъ всякаго рода оборонительныхъ фортификаціонныхъ построекъ; массивныя стѣны и глубокіе рвы окружають многочисленныя замки, цитадели и крѣпости и создаютъ наступающему весьма внушительныя преграды. Отдѣлять часть своихъ силъ, для наблюденія за встрѣчающимися на пути крѣпостями, и продолжать дальѣе свое движеніе, къ «центру могущества противника», наступающій не могъ, вслѣдствіе слабости своей немногочисленной арміи, и потому приходилось: или заяться продолжительной осадой главнѣйшихъ изъ встрѣчающихся на пути движенія крѣпостей, или, если осада не давала скорыхъ результатовъ, то ограничиться дѣйствіями малою войною, разорить непріятельскія владѣнія, разграбить его беззащитно расположенныя и болѣе богатые города. Этотъ разбойничій характеръ войны, получившій значительное распространеніе и извѣстный подъ спеціальными названіями: «chevauchée», «fehdee» или «streiffen», иногда достигалъ намѣченной политической цѣли, такъ какъ, разоряя страну противника, лишая его необходимыхъ для борьбы матеріальныхъ средствъ, — тѣмъ самымъ побуждалъ уступить волѣ хищнаго грабителя, лишь-бы прекратилось причиняемое имъ бѣдствіе. Такого рода предпріятія удавались, конечно, тогда, когда противникъ не былъ своевременно готовъ къ оборонѣ своихъ предѣловъ, не могъ сосредоточить достаточныхъ войскъ въ пограничныхъ областяхъ, внезапно подвергнувшись неожиданному вторженію. Если не удавалось такимъ образомъ предупредить противника, и намѣченный цѣлью налета пунктъ оказывался защищеннымъ достаточнымъ гарнизономъ, то приходилось прибѣгать къ его осадѣ или, по край-

^{*} E più gloriosa la vittoria senza sangue che insanguinata. (Garimberto. «Il capitano generale», Venezia. 1640. Выдержка у Юнга «Geschichte», т. I, стр. 578—585).

ней мѣры, къ его обложенію, при чемъ въ ходу были разные искусныя военныя хитрости, чтобы овладѣть городомъ, привлекаяшимъ вниманіе наступающаго своею добычей; однимъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ дѣйствій, при подобныхъ предпріятіяхъ, заключался въ атакѣ города недостаточными, съ перваго взгляда, силами, сохраняя скрытно, въ засадѣ, свои главныя силы; послѣ перваго столкновенія, атакующій обращался въ притворное бѣгство и выманивалъ за собой гарнизонъ крѣпости, который, торжествуя побѣду, переходилъ въ наступленіе и затѣмъ подвергался неожиданному нападенію, а часто и окруженію находившимися въ засадѣ силами.

Предпочтеніе, оказываемое партизанскимъ дѣйствіямъ и малой войнѣ, во многомъ зависѣло отъ состава армій и отъ ихъ содержанія. Правительство не было въ состояніи принять на себя заботы по снабженію армій всѣмъ необходимымъ для войны; какъ мы уже видѣли, наемники должны были являться вооруженными, обмундированными и даже снабженными извѣстнымъ запасомъ продовольственныхъ припасовъ; слабыя финансовыя средства государства не могли заводить даже самыхъ слабыхъ зачатковъ интендантскихъ учрежденій, и единственныя мѣры, принимавшіяся для обезпеченія войскъ довольствіемъ, заключались въ привлеченіи купцовъ и разныхъ предпринимателей къ участию въ снабженіи и въ продажѣ войскамъ всего имъ необходимаго. Около лагерей устраивались ярмарки и базары, а многочисленныя маркитанты и всякаго рода промышленники сопровождали войска; единственное, о чемъ старалось правительство, — это упорядоченіе этой торговли, установленіемъ на главнѣйшіе продукты таксы, облегчая, такимъ образомъ, пріобрѣтеніе ихъ войсками по сходнымъ цѣнамъ. Военнаго хозяйства не существовало, такъ какъ каждый воинъ былъ самъ собою хозяиномъ. При подобныхъ условіяхъ, очевидно была настоятельно необходима самая регулярная выдача денежнаго содержанія, такъ какъ, при малѣйшихъ задержкахъ въ его выдачѣ, арміи были обречены на голодовку. Распущенный образъ жизни наемниковъ, страсть къ азартнымъ играмъ и къ пьянству... вело къ тому, что наемники всегда нуждались въ деньгахъ. Съ другой стороны, не окрѣпшіи еще государственный организмъ тоже постоянно нуждался въ денежныхъ средствахъ, и правительство часто оказывалось не въ силахъ выполнять принятыхъ на себя обязательствъ, по уплатѣ содержанія наемникамъ. Поневолѣ, приходилось тогда пожководу прибѣгать къ другимъ способамъ для удовлетво-

ренія насущныхъ нуждъ своей арміи; единственнымъ способомъ являлось пронитіе войскъ средствами страны — контрибуціями и реквизиціями, которыя, по дикости правотъ, по разгуданности наемниковъ и по недостатку организаціи въ трудномъ дѣлѣ упорядоченнаго пользованія средствами страны, — обращались въ рядъ грабежей и насилій.

Безнаказанность, съ которой разбойничали всякаго рода пекатели приключеній и даже рыцари, въ эпоху среднихъ вѣковъ, и особенно въ періодъ междуцарствія въ Германіи, во время господства кулачнаго права, побуждали мирныхъ жителей скрывать свое достоиніе за крѣпкими стѣнами крѣпостей и многочисленныхъ «бурговъ». Чтобы обезпечить себя отъ хищниковъ, горожане сами принимали рядъ мѣръ къ усиленію обороны городовъ, заводили артиллерійскія орудія, образовали городскія милиціи, склады огнестрѣльныхъ припасовъ и т. п. Способность къ самостоятельной защитѣ городовъ, при общемъ разцвѣтѣ городской жизни, явилась причиною значительнаго увеличенія числа укрѣпленныхъ пунктовъ, и вотъ, въ позднѣйшую эпоху, когда прѣкращаются уже открытыя грабежи мирнаго времени, но за то являюся грабителями неприятельскіе наемники, — воплѣ естественно, что жители стали прибѣгать къ тому-же способу защиты своего достоинія, укрывая его въ городахъ. При приближеніи враждебной арміи (а иногда и своей собственной), все сельское населеніе бѣжало въ города, со всеѣмъ своимъ скарбомъ и, затрудняя этимъ еще болѣе продовольствіе войскъ мѣстными средствами, тѣмъ самымъ побуждало ихъ къ многочисленнымъ осадамъ городовъ, взятіе которыхъ сопровождалось полнымъ разграбленіемъ собравшихъ въ нихъ богатствъ. Какія возмущенія наемниковъ грозили въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства мѣшали имъ удовлетворить свои аппетиты, мы видѣли на примѣрѣ похода Фрундсберга и Бурбопа къ Раму, въ 1527 г., когда даже заключенное перемиріе не могло остановить полководца въ разграбленіи его войсками столицы классическаго міра.

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что и раззорительныя для мирныхъ жителей грабежи, и склонность къ веденію осадъ городовъ, и предпочтеніе мелкихъ партизанскихъ дѣйствій, и отказъ отъ теоретически сознаваемыхъ важныхъ стратегическихъ цѣлей... являлись *естественными результатами неудовлетворительной, съ нашей современной точки зрѣнія, организаціи вооруженныхъ силъ государствъ, слишкомъ еще*

слабыхъ, чтобы создавать сильныя арміи, хорошо обеспеченныя всемъ необходимымъ для ихъ жизни и плодотворной боевой дѣятельности. Заботы по доставленію себѣ насущнаго хлѣба, по снабженію оружіемъ, по сохраненію, наконецъ, самой вооруженной силы, которой ничѣмъ другимъ нельзя было скоро замѣнить и пополнить, поневолѣ, придавали извѣстное направленіе дѣятельности въ кампаніи тогдашнихъ армій, и заставляли порой отказываться отъ предполагаемыхъ болѣе широкихъ задачъ и болѣе важныхъ цѣлей.

Крупныя боевыя столкновенія въ открытомъ полѣ пѣяли обыкновенно въ виду освобожденіе крѣпости, осажденной противникомъ, часто даже просто снабженіе осажденнаго гарнизона продовольственными припасами, усиленіе числа защитниковъ и поднятіе этивъ ослабѣвающей въ нихъ энергіи; а съ другой стороны, отраженіе деблокирующей арміи, съ цѣлью получить возможность свободно продолжать начатую осаду и педопущеніе къ усиленію средствъ обороны (Равенна, Павія, Черивола). Въ такому бою, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ, полководцы стараются сосредоточить все, что имѣется въ его распоряженіи; тыла у тогдашнихъ армій, въ современномъ смыслѣ слова, болѣею частью, не было, такъ какъ «база» была преимущественно при себѣ, и расходъ войскъ, вызываемый обезпеченіемъ ея, оказывался не нужнымъ. Только демонстративныя дѣйствія, съ цѣлью отвлечь вниманіе противника къ другимъ пунктамъ и заставить его отдѣлить часть силъ для ихъ прикрытія, вызывали иногда ослабленіе главныхъ силъ, но, какъ мы видѣли передъ сраженіемъ подъ Павіей, стратегическая мысль уже развилась настолько, что лучшіе полководцы (въ данномъ случаѣ—Пескара) сознательно выясняютъ опасность подобнаго раздробленія силъ и не поддаются искушенію преслѣдовать сразу нѣсколько цѣлей, разумно отдавая предпочтеніе важнѣйшей, для достиженія которой и напрягаютъ свои сосредоточенныя силы.

Когда политическія цѣли войны оказывались менѣе важными для всего народа, когда войны получали характеръ болѣе династическій, партійный, то это немедленно отражалось и на относительной важности стратегическихъ цѣлей: въ подобной борьбѣ уже самая наличность солидной вооруженной силы, въ соединеніи съ обладаніемъ извѣстнымъ числомъ мѣстныхъ пунктовъ, хотя-бы и второстепеннаго значенія, часто—неважнымъ укрѣпленнымъ замкомъ,—считалось уже на

столько значительнымъ преимуществомъ, что казалось слишкомъ неблагоразумнымъ рисковать своей арміей и дать бой, который нередко приводилъ въ полное разстройство даже армію побѣдителя и, въ большинствѣ случаевъ, лишая побѣжденнаго всей его вооруженной силы. Трудность образованія армій, недостатокъ матеріальныхъ средствъ, для ихъ формированія, и относительная слабость побудительныхъ мотивовъ для борьбы, — до известной степени дѣлали въ такихъ случаяхъ вполне естественнымъ отказъ отъ важнѣйшей боевой цѣли, которая, казалось-бы, должна, во все времена, являться разсѣяніемъ и уничтоженіемъ вооруженной силы противника.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ *организации высшего управления арміей*. Военно-историческіе примѣры, нами приведенные, показываютъ, что во главѣ армій являлись часто два полководца, которымъ было вручено высшее командованіе, либо на равныхъ правахъ. либо одинъ изъ нихъ являлся какъ-бы неофициальнымъ товарищемъ другого. (Кардона и Наварро, Авельяно и Петилляно, Пескара и Ланнуа, Фрундсбергъ и Бурбонъ и т. п.). Часто къ такому двоевластію побуждалъ неоднородный составъ войскъ, изъ союзныхъ контингентовъ, во главѣ которыхъ неудобно было ставить, по политическимъ причинамъ, одного полномочнаго вождя; кромѣ того, двоеначаліе нередко вызывалось недостаткомъ довѣрія верховной власти къ избраннымъ ею полководцамъ; вѣдь послѣдніе, въ концѣ концовъ, являлись тѣми-же наемниками, а примѣръ Бурбона, перешедшаго на сторону враговъ Франціи, казалось, могъ лишь поддержать основательность подобнаго недовѣрія, побуждая учреждать взаимный контроль между главными полководцами. Вопли сознавая невыгоды такого двоеначалія, современные писатели побуждаютъ монарха, — избрать лицо, которому онъ могъ-бы вполне довѣриться*). Разъ такой выборъ полководца сдѣланъ, то признается необходимымъ предоставить ему полную свободу дѣйствій, за исключеніемъ лишь рѣшенія вопроса о мирѣ или перемиріи, «чтобы онъ могъ пользоваться собственнымъ разсудкомъ, что

*) Въ числѣ требованій, предъявляемыхъ образцовому полководцу, Гильомъ дю-Веллей ставитъ, между прочимъ, то, чтобы онъ имѣлъ дѣтей (!) такъ какъ это составляетъ уже гарантію государству, что онъ не замыслилъ ничего противъ послѣдняго; и если они (дѣти) малы, то они послужатъ въ качествѣ залога и узды для отца, который не предприметъ чего-либо вреднаго для своей страны, изъ опасенія потерять своихъ дѣтей...» («Discipline militaire», 1692. Livre II, стр. 93). Вотъ какъ далеко шла заботливость о вѣрности полководца своему правительству!

принесетъ гораздо лучшіе результаты, чѣмъ ограниченіе его задачи», какъ говоритъ дю-Беллэй *). Если-же монарху не на кого положиться, то самое лучшее рѣшеніе—самому стать во главѣ своего войска. Мы видимъ поэтому такъ часто французскихъ королей во главѣ своихъ армій, командованіе которыми является, такимъ образомъ, объединеннымъ самымъ надежнымъ образомъ.

Взгляды дю-Беллэй на необходимость «полной моча полководца» можно назвать прямо современными: «что касается вопроса дать или не дать сраженіе, — говорить ошъ, — или наступать, или остановиться, или осадить тотъ или другой городъ, словомъ, вести войну, какъ ему (полководцу) кажется соответствующимъ, — то король не долженъ въ это вмѣшиваться, но лишь предоставить ему необходимыя средства. Въ противномъ случаѣ, желаніе управлять издали, помощью курьеровъ и командированныхъ лицъ, будетъ лишь причиною того, что его полководецъ мало будетъ прилагать заботы въ отпращиваніи своихъ обязанностей, сдѣлается медленнымъ и нерѣшительнымъ, вмѣсто того, чтобы быть быстрымъ и отважнымъ, потому что ошъ убѣдится, что, даже сдѣлавъ блестящее дѣло, — не ему будетъ принадлежать хвала за это, но тому, кто подастъ соответствующій совѣтъ королю... *Только тотъ можетъ вести благоразумно дѣло, кто находится на мѣстѣ и знаетъ тысячи мелкихъ деталей, которыя необходимо идти вблизи и которыя могутъ явиться внезапно; не видя ихъ воочию, невозможно подать другого совѣта, какъ только на-удачу*». Дю-Беллэй признаетъ однако, что, въ его время, часто являются примѣры, когда управляютъ войсками издали, и указываетъ, что примѣръ этому подала венеціанская республика, генералы которой «теряютъ удобные случаи для боя или штурма какого-нибудь города, такъ какъ они принуждены запрашивать, по такому поводу, мнѣнія Сената и, ожидая отвѣта, ничего не предпринимаютъ; и вотъ время проходить, а противникъ принимаетъ мѣры для противодѣйствій». Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ сознательно и благоразумно отнеслись дѣятели еще XVI вѣка къ тому, что у насъ пріято называть нарицательномъ именемъ «гофкригсрата».

○ Упомянутое выше сочиненіе «Вѣрный совѣтъ» (Trewer

*) «...qu'il puisse user de son sens; il s'en trouvera beaucoup mieux que s'il luy limite sa comission». («Discipline militaire», стр. 94).

Rath) предостерегает монарха, чтобы онъ не допускалъ двоявстiя въ армiи, а также не вручалъ-бы высшаго командованiя армiей простому дворянину, какъ-бы онъ ни былъ опытенъ и искусенъ, такъ какъ графы, рыцари и прочiе саповники не будутъ охотно служить и подвергать свою жизнь опасности, ради славы малоуважаемаго ими дворянина. Главнокомандующему должно быть предоставлено безусловное право распоряжаться всѣми ему подвѣдомственными чинами, и всѣ лица, которые, по его мнѣнiю, недостаточно быстро ему подчиняются, должны быть имъ увольняемы изъ армiи *).

Полководцы—герои Равенны, Мариньяно, Павiи и другихъ сраженiи той отдаленной эпохи,—являются уже достойными представителями новой военной системы, образовавшейся сравнительно быстро въ новыя европейскiя государствахъ; Гастонъ де-Фуа, Наварро, Пескара, Фрундсбергъ, Коломна и Бурбонъ умѣло ведутъ войска на театръ военныхъ дѣйствiй, искусно готовятъ успѣхъ боевого столкновенiя, цѣлесообразно пользуются уже мѣстными условiями для успленiя своего расположенiя, ловко избѣгаютъ боя, если онъ имъ невыгоденъ, и пользуются, соответственно обстановкѣ, одержанными успѣхами. Еще мало замѣтно на военныхъ дѣйствiяхъ печати научной разработки военного дѣла, которое въ эту эпоху является преимущественно ремесломъ, для низшихъ исполнителей и искусствомъ par excellence, для высшихъ руководителей военныхъ дѣйствiй. Недостатокъ научной подготовки полководцевъ сказывается чаще всего въ отсутствiи планосообразности въ ихъ боевой дѣятельности; планъ кампанiи или вовсе не готовится или намѣчается лишь въ умѣ главнокомандующаго въ самыхъ общихъ чертахъ, при чемъ стратегическая идея, въ большинствѣ случаевъ, находится въ самой зачаточной формѣ; тѣмъ не менѣе открытiе похода Франциска I, въ 1515 году, и планъ Монморанси, для кампанiи 1536 года, уже представляютъ два поучительныхъ образца стратегiи, основанной на положительныхъ реальныхъ данныхъ и проведенной въ жизнь, съ отказомъ отъ личныхъ побужденiй полководца, въ которыхъ прежде, на первомъ планѣ, играло желанiе отличиться въ рыцарскомъ единоборствѣ. Въ искусствѣ подготовки тактическаго столкновенiя, мы уже никакъ не можемъ отказать вышеперечисленнымъ полководцамъ, которые, вмѣстѣ съ разумнымъ пользованiемъ свойствами разныхъ родовъ оружiя и имѣвша-

*) Jähns; «Geschichte» т. I, стр. 474.

гося въ ихъ распоряженіи вооруженія, а также соответствен-нымъ тактическимъ свойствамъ мѣстности расположеніемъ своихъ войскъ, сознають уже и важность нравственной подготовки войскъ, стремятся поднять духъ ихъ возбужденіемъ въ войскахъ религіозныхъ и себялюбивыхъ чувствъ, указывая тѣ блага будущей и настоящей жизни, которыя могутъ быть достигнуты побѣдой надъ врагомъ.

Возрожденіе наукъ и искусствъ, побудившее передовыхъ людей, а въ томъ числѣ и выдающихся военачальниковъ, къ изученію античныхъ образцовъ, повліяло на научную постановку важнѣйшихъ военныхъ вопросовъ, побудило къ изученію дѣйствій великихъ полководцевъ классическаго міра, къ изслѣдованію организаціи, стратегіи и тактики предводимыхъ ими армій, и потому въ послѣдующую эпоху, по примѣру Макіавелли, Клеве, Швенди и другихъ, мы видимъ уже строго-научное отношеніе къ военному дѣлу, можетъ быть, даже увлеченіе научно-исторической точкой зрѣнія, подавшей поводъ къ извѣстнаго рода схоластикѣ.

Такимъ образомъ, теоретическіе взгляды современниковъ на войну были далеко не такими отсталыми, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда, но практически разсматриваемая эпоха даетъ намъ мало мастерскихъ стратегическихъ образцовъ, повторяемъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе несовершенства того орудія, которое имѣлось въ распоряженіи полководцевъ того времени, что, въ свою очередь зависѣло отъ слабости самой государственной власти, отъ недостатка еще прочной связи между отдѣльными частями государственнаго организма и отсутствія въ нихъ яснаго народнаго самосознанія.

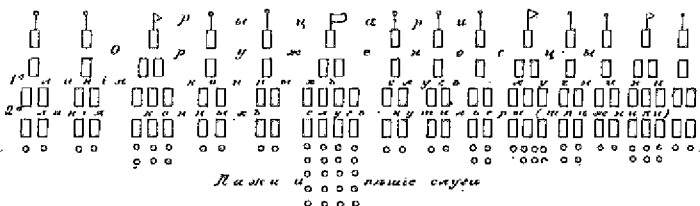
Эпоха возрожденія наукъ и искусствъ, устранившая преобладаніе остатковъ средне-вѣковаго рыцарства, несомнѣнно повліяла и на замѣну устарѣвшихъ формъ рыцарской тактики новыми тактическими пріемами, соответствовавшими новой организаціи вооруженныхъ силъ. Со 2-й половины XV вѣка, открывается въ области военнаго искусства *переходная эпоха*, главная характеристная черта которой заключалась въ проявленіи негодности старыхъ тактическихъ порядковъ рыцарскихъ ополченій, тогда какъ новые порядки еще не выработались появившимися на замѣну рыцарей наемниками. При постоянно возрастающемъ значеніи огнестрѣльнаго оружія и преимущественно дѣйствовавшей имъ пѣхоты, тактика испытываетъ рядъ колебаній и не успѣваетъ еще выработать строго установлен-

Тактика.

шихся нормъ. Поэтому чуть-ли не каждый походъ дасть намъ примѣръ новой тактики, новыхъ тактическихъ усовершенствованій.

Эта шаткость во взглядахъ, наиболѣе характерная въ приложеніи самыхъ разнообразныхъ боевыхъ порядковъ, подаётъ поводъ къ еще большей путаницѣ въ понятіяхъ, вслѣдствіе сложной организаціи армій переходной эпохи: доживающія свои послѣдніе дни рыцарскія ополченія, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они сошлись, а вначалѣ и ординарская конница ведутъ еще бой въ старинномъ, выработанномъ средне-вѣковыми традиціями строѣ «честоколомъ» (en haie), тогда какъ наемники принимаютъ своеобразныя сжатыя построенія «ежомъ» (Jgel, en herisson), кругомъ, или квадратомъ,

Черт. 8.

Рыцарскій строй «честоколомъ» (en haie). (По Маркову).

соотвѣтствовавшія оборонительной идее; для наступленія-же строится «клиномъ», а появившіяся въ арміяхъ городскія и земскія ополченія развиваютъ преимущественно стрѣлковый бой, принимая болѣе удобные для него удлиненные по фронту боевые порядки.

Конница.

До конца XV вѣка, тяжело вооруженная дворянская конница, сохранившая традиціи рыцарства, все еще является преобладающимъ родомъ оружія и въ количественномъ и, отчасти, въ качественномъ отношеніи; въ ней лежалъ еще центръ тяжести тогдашнихъ армій; она одна была наступательнымъ родомъ войскъ, и дѣйствія ея рѣшали участь боя, почему мы и начнемъ съ нея изслѣдованіе тактическихъ формъ различныхъ родовъ оружія.

Высокое индивидуальное достоинство средне-вѣковаго рыцаря, а вмѣстѣ съ тѣмъ, его гордость и тщеславіе выработали примѣнительный къ этимъ качествамъ боевой строй «честоколомъ» (черт. 8), доставлявшій полный просторъ для проявленія личнаго мужества, отваги и умѣнья

владѣть оружіемъ (т.-е., всего, что требовалось отъ рыцаря), дававшій возможность для ряда личныхъ единоборствъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускавшій, «чтобы одинъ рыцарь служилъ щитомъ для другого» *), чего не могла позволить честь рыцаря, которому нельзя было становиться, прикрываясь съ фронта переднимъ бойцомъ.

Такимъ образомъ, получился разомкнутый строй въ одну линію всѣхъ отдѣльныхъ «коній» рыцарей, съ оруженосцами, пажамъ и конными слугами. Въ сущности, этотъ «частвоколь» нельзя даже назвать строемъ; интервалы, число линій, количество рядовъ, какъ показываетъ схема, были далеко не одинаковыми и зависѣли отъ усмотрѣнія рыцаря, степени его знатности и числа имѣвшихся въ его распоряженіи слугъ **). Состоявшіе въ коняхъ лучники завязывали подготовительный бой впереди и наводили противника на «частвоколь» своихъ рыцарей, быстро скрываясь за ними, когда начинались единоборства предводителей коній (gleveper'овъ). Удаленіе лучниковъ отъ рыцарей не превышало 80—100 шаговъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ отступленія первыхъ, послѣдніе могли-бы, атакуя противника, не утомить чрезмерно своихъ коней, что, при тяжелыхъ доспѣхахъ всадника и боевого коня, не могло быть успѣшно достигнуто на большія дистанціи. При этомъ кодексъ рыцарскихъ правилъ строго опредѣлялъ мѣсто каждаго рыцаря и право на начало имъ поединка, соотвѣтственно его рангу ***). Вслѣдъ затѣмъ слѣдовало столкновение, болѣе или менѣе параллельное по всему фронту; численное соотношеніе, а еще болѣе сила вооруженія, нравственное превосходство и всякаго рода случайности обуславливали исходъ боя. Наклонивъ копьѣ, латники скакали галопомъ противъ своихъ противниковъ и послѣ первойшибки, когда коня обыкновенно ломались, — брались за мечи.

Какъ видно, рѣшеніе боевого столкновенія мало зависѣло отъ искусства начальниковъ, которые заботились болѣе о томъ,

*) Современное рыцарямъ латинское двустишіе говорило:

«Ne scutum miles faciat de milite; sed se
Quisque suo fronte opposita, sponte offerat hesti».

(«Пусть не дѣлаетъ себя щитъ изъ другого воина, но пусть каждый самостоятельно станетъ лицомъ къ врагу»). *Роскватинговт.* «Cours élémentaire d'art et d'histoire militaires». Bruxelles 1836; стр. 146.

***) *Марков.* «Исторія конницы»; (т. II, отд. I, стр. 73); *Миллерич.* «Исторія военного искусства», (стр. 139—140).

***) Мы видѣли, какъ такое иѣстничество, при атакѣ противника, играло роль еще въ 1644 году, въ сраженіи при Черноволѣ (вын. на стр. 195). Смотрите также *Martin du Bellay* («Mémoires»). (Liv. XX, стр. 325).

чтобы самимъ сразить побольше непріятельскихъ рыцарей, чѣмъ разумно управлять въѣренными имъ отрядами. Король и оруженосецъ подвергались одинаковымъ опасностямъ боя и производилъ прмѣрно одну и ту-же работу. «*Vir unum legit*»*) — вотъ, въ трехъ словахъ, вся тактика боя тяжелой конницы того времени, какъ говоритъ Рокашкуръ.

Во время боя рыцарей, лучники и вообще такъ-называемые «сателлиты» располагались на флангахъ рыцарскихъ шеренгъ, продолжали вести перестрѣлку съ непріятельскими легкими всадниками, или, располагаясь позади «копій», выжидали удобнаго момента, чтобы броситься впередъ, когда передняя линія противника будетъ сломана; они лабидывались затѣмъ на раненыхъ или спѣшившихъ непріятельскихъ рыцарей, окружали и добивали ихъ, или забирали въ плѣнъ, а въ случаѣ неудачи — обращались въ быстрое бѣгство.

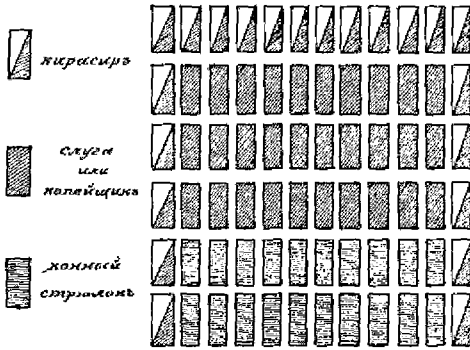
Латники ордонансовыхъ ротъ сражаются уже частью въ одной, частью въ нѣсколько шеренгъ, которыя до боя тѣсно смыкались, но, при завязкѣ его, размыкались на достаточно значительные интервалы, допускавшіе хорошіи разбѣгъ при послѣдовательныхъ атакахъ этихъ шеренгъ. По отступленіи на фланги легкихъ «сателлитовъ», первая шеренга латниковъ неслась галопомъ на противника, съ наклоненными копьями, и если первый шокъ опрокидывалъ противника, то слѣдующія позади шеренги уже не атаковали съ копьемъ, но врубались мечами въ поколебленную непріятельскую массу; одновременно бросались, для преслѣдованія, оруженосцы и лучники, а конныя слуги, какъ и прежде, занимались добываніемъ раненыхъ, ловлей лошадей и окруженіемъ отдѣльныхъ непріятельскихъ бойцовъ. Побѣдоносные латники снова приводили свои линіи въ порядокъ и, если представлялся случай, продолжали свои атаки. Если-же атака первой шеренги кончалась неудачею, то она старалась отойти къ флангамъ, и вторая линія отдѣлялась отъ общей массы конницы и, въ свою очередь, пыталась счастья въ атакѣ противника съ копьемъ въ рукѣ. При такомъ порядкѣ, кутильеры и конные слуги располагались уже за послѣдней шеренгой латниковъ, соединяясь, такимъ образомъ, со всѣхъ копій вмѣстѣ. Замѣчательно, что эти сателлиты, или «полуконья» прикрывались съ фланговъ расположенными по два, рядами, латниками, или, при недостаткѣ латниковъ, въ одинъ

*) «Мужъ мужа поучаетъ» (т.-е. въ смыслѣ взаимнаго совершенства въ рыцарскомъ поединкѣ) (*Hocquincourt*, т. I, стр. 280).

рядъ, если только съ флажговъ не было пѣхоты, которая тогда замѣняла прикрытіе латниками *). Это-же построеніе вошло и въ тактику кирасиръ, которые въ Германіи соотвѣтствовали французскимъ ординансовымъ латникамъ. (Черт. 9).

Французская тяжелая конница была наиболѣе страшна своимъ противникамъ, и успѣхи, одержанные ею, показываютъ, что отвага латниковъ и хорошее ихъ вооруженіе нѣрѣдко побѣждала значительно превосходившія ихъ силы. Такъ, въ 1503

Черт. 9.

Боевой строй кирасиръ. (По Маркову).

году, при Чериньольѣ, 12 французскихъ латниковъ опрокинули 200 человекъ пѣхоты и 60 всадниковъ **). При Равеннѣ и Черизольѣ, латники опрокинули лучшую испанскую пѣхоту, при Марьяно—швейцарцевъ.

*) Филипп терморъ Кассе, въ сочиненіи своемъ «Description de la forme et de la manière de fenduire la faict de la guerre», (посвященномъ, въ 1498 г., королю Людовику XII и напечатанномъ лишь въ 1556 г., подъ другимъ заглавіемъ: «Instruction de toute manières de guerroyer tant par terre que par mer et choses y servantes»), такъ описываетъ современный ему порядокъ тяжелой конницы: «Et au costé droit de vos dictz pietons debuez mettre vos chevacheurs à scavoir 20 hommes d'armes de front et tousiours 20 ou plus selon le nombre que vous avez et derriere eux tous les cousteilliers et autres gents de defense qui ne sont pas hommes d'armes. Et vous fault retenir encores un nombre d'hommes d'armes, que vous mecterez deux à deux, qui se ioindront au dehors des derniers 20 hommes d'armes qui courront d'un costé ces demy lances et cousteilliers et d'autre costé seront couverts de leurs pietons».

Мы пользовались выдержками изъ французскаго оригинала у Йенса («Geschichte»; т. I, стр. 340), а также переводомъ сочиненія Клеве, помѣщенномъ во 2-й части «Kriegszbuch» Fronsperger'a, 1596, подъ заглавіемъ «Hertzog Philipsen von Cleve Kriegsordnung».

***) Jahn's. «Handbuch», стр. 1068.

Германская конница, въ своихъ боевыхъ порядкахъ, не дала такого развитія единоличному бою и, въ стремленіи придать наступательный характеръ самой тактической формой боевого построения, удержала для него грузный, неповоротливый строй «клиномъ», или «свиной головой»—«Eberkopf» (черт. 7, на стр. 25), заключающийся въ томъ, что въ первой шеренгѣ становилось всего отъ 3 до 7 (преимущественно печатное число) наиболее смѣлыхъ и лучше вооруженныхъ рыцарей, а въ остальныхъ шеренгахъ размѣщались всадники, числомъ на 2 рыцаря болѣе, чѣмъ въ предыдущей (т.-е., въ арифметической прогрессіи, публя ей знаменателемъ 2).

«1000 всадниковъ, говоритъ Филиппъ фонъ-Сельденекъ (въ сочиненіи своемъ «Verzeichniß der ordnung», написанномъ около 1480 года), слѣдуетъ поставить такъ: 7 всадниковъ въ 1-мъ ряду и 7 рядовъ впереди знамени (Banner); каждый рядъ какъ впереди, такъ и позади знамени, долженъ заключать двумя латниками болѣе впереди идущаго. Если число коней превышаетъ 1000, то можно образовать нѣсколько массъ (Haufen) или унизить голову клина (Spitz), поставивъ 9 или 11 копей въ первомъ ряду и добавивъ число рядовъ позади знамени» *). При такомъ порядкѣ подучалась грузная масса въ 29 шеренгъ, при чемъ въ послѣдней—число всадниковъ было 63 (всего надо было 1015 всадниковъ).

Атакой подобнаго клина предполагалось прорвать непріятельскую массу и, разстроивъ ее, затѣмъ повернуть голову и атаковать массу противника съ тыла и вновь прорвать ее; однако движеніе подобнаго клина, а особенно перемена фронта, вѣроятно, были очень затруднительными: отдѣльнымъ всадникамъ, особенно фланговымъ, трудно было держать вѣрное направленіе, параллельное головѣ клина, такъ какъ строй не могъ давать двухъ ориентировочныхъ точекъ, какъ при четвероугольномъ построеніи (оба фланга); поэтому, при болѣе продолжительномъ наступленіи клина, онъ неминуемо долженъ былъ разрываться или быть причиной столпленія всадниковъ къ серединѣ строя. Кромѣ того, для противодействия его атакѣ, самое простое средство было принятіе противной стороной расположенія изъ двухъ клиньевъ, меньшаго размѣра, искусно направляя которое, можно было охватить, какъ клещами, наступающую голову непріятельскаго клина и атаковать его боковыя стороны. Такія клиновыя построения меньшихъ размѣровъ, дѣйствительно, примѣнялись, при томъ не только дробя ихъ по фронту, но и въ глубину, т.-е. располагая одну пару клиньевъ за другою.

Построеніе клиномъ давало возможность схватиться въ ру-

*) Его-жо. «Geschichte», т. 1, стр. 328—329.

копашной схваткѣ очень ограниченному числу бойцовъ; весь расширяющійся тылъ, вся внутренность клина, могли быть только праздыми зрителями при первомъ столкновеніи или лишь механически подталкивать голову клина, которая, въ сущности, одна рѣшала судьбу первого удара.

Неудобство управления и маневрированія «клиномъ» скоро повело къ постепенному превращенію треугольной фигуры строя въ четырехугольную. Во-первыхъ, стали придавать клинообразную форму только самой головѣ, а задніе ряды, преимущественно всѣ тѣ, которые находились позади знамени, или-же только оруженосцы и конные слуги, располагались въ видѣ прямоугольной колонны. Въ-стѣ съ тѣмъ, начали увеличивать число всадниковъ головы клина (Spitz). Обыкновенно при такомъ построеніи, послѣднія шеренга на $\frac{2}{3}$ или вдвое превышала протяженіемъ первую (головную) шеренгу *).

Изъ рукописнаго кодекса, хранящагося въ Штуттгардской библиотекѣ и относящагося къ началу XVI вѣка, Іенсъ приводитъ интересный порядокъ для 6000 коней германской конницы, изъ которыхъ 170 коней образовали передовой отрядъ (Vorwart), 260 коней — боковые отряды (Nebenwart), 600 коней — авангардъ (Rennfanen), 600 коней — стрѣлковый легкій отрядъ (Schützenfanen), 3600 коней — главные силы (Gewaltig Hauff), 600 коней — аррьергардъ (Nachzug), 170 коней — тыловой отрядъ (Nachwart). Для главныхъ силъ дается два построенія: 1) *клиномъ—квадратомъ* (Черт. 10): въ 1-й шеренгѣ—29 всадниковъ, въ каждой изъ восьми послѣдующихъ — на 2 всадника больше, чѣмъ въ предыдущей, въ 8-й шеренгѣ — знамя, а во всѣхъ остальныхъ 77 шеренгахъ—по 43 всадника; такимъ образомъ, получается квадратно-клиноватая грузная фаланга въ 85 шеренгъ; 2) *широкій порядокъ*, отличающійся отъ клинообразнаго только тѣмъ, что въ голову ставилось 43 человека и фаланга получалась въ 83 шеренги. Широкіе боевые порядки, вообще, применяются только въ началѣ XVI вѣка, а въ XV—примѣнялись почти исключительно построенія клиномъ.

Въ 30-хъ годахъ XVI вѣка, германская тяжелая конница строится уже въ такъ называемыя «четверныя» массы, хотя и клинообразное построеніе продолжаетъ еще примѣняться; только къ половинѣ XVI вѣка, клинъ считается уже устарѣвшей формой, и въ назанномъ, въ 1559 году, графомъ

Черт. 10.

Построеніе клиномъ—квадратомъ.

*) Марковъ. «Исторія Конницы», ч. 3, отд. I, стр. 13.

Сольмсом сочинении «Kriegsregierung» о немъ уже упоминается, какъ о строеѣ, вышедшемъ изъ употребленія. Тѣмъ же не менѣе, и въ его «четверномъ» порядкѣ видны слѣды клинноваго построения: центральный всадникъ все еще называется головой (Spitz) всей колонны; новидному, даже построение германской конницы изъ середины было слѣдствиемъ стариннаго строя, влияние котораго выразилось, кромѣ того, въ странномъ предразсудкѣ, — имѣть въ колоннахъ неодинаковое число рядовъ въ шеренгахъ и дѣлать это число нечетнымъ, чтобы быть дѣйствительный середишній всадникъ—голова всего построения.

Французы не употребляли «клиннѣвъ»; слабое влияние идеи клина видимъ мы только въ вышеупомянутомъ порядкѣ Филиппа, герцога Клеве, предлагавшаго строить тяжелую конницу въ колонны, первая шеренга въ 20 всадниковъ, а остальные въ 20 или болѣе.

Сочиненіе «Вѣрний совѣтъ» (Trewer Rath) уже не упоминаетъ о «клиннѣ». Въ половинѣ XVI в., въ 1553 году, появилось сочиненіе *Нолано Шелленхидта*, который, допуская еще построение тяжелой конницы «клинномъ», предлагаетъ «четверной» порядокъ, который приближался-бы къ арифметическому квадрату, т. е., на мѣстности заплмалъ-бы въ глубину примѣрно въ три раза болѣе, чѣмъ по фронту; отъ 200 до 300 всадниковъ—онъ ставитъ массой, по 13 рядовъ въ шеренгѣ; для 500 коней—21 рядъ. Для легкой-же конницы онъ предпочитаетъ болѣе широкія построения (для 200 коней—по 119 рядовъ въ шеренгѣ). *Албрехтъ Бранденбургскій* (1552 г.) считаетъ уже нормальнымъ порядкомъ конницы—четверной, съ числомъ рядовъ, вдвое превосходящимъ число шеренгъ; такъ, для 338 всадниковъ—число рядовъ 26, а число шеренгъ 13. Конечно, въ этомъ строю, на мѣстности глубина превосходила ширину по фронту (отношеніе было, какъ 3 : 2).

Также глубоки выходили колонны, рекомендуемая для конницы *Фроненпереромъ*, который располагалъ одинаковое число всадниковъ въ глубину и по фронту, и для 1000 человекъ рекомендовалъ колонну въ 31 рядъ и въ 31 шеренгу *) (отношеніе глубины къ длинѣ фронта, какъ 3 : 1).

Тяжелая, малоподвижная форма построений германской конницы затрудняла развитіе самое сильное ея качество—быстроту натиска коней, развитіе которую впрочемъ не позволяло и тяжелое вооруженіе, покрывавшее какъ самого латника, такъ и его боевого коня. (См. фиг. № 25, 26, и 27, на табл. IX).

Кавалерійскому бою облюковенно предшествовала развѣдка,

*) При этомъ 39 человекъ оставались въ резервѣ.

нѣмшии цѣлью опредѣлять мѣсто расположенія главной копной массы противника, такъ какъ дворине-латники должны были отыскать, прежде всего, латниковъ-же, какъ наиболѣе достойныхъ противниковъ, и затѣмъ уже, справившись съ ними, обратиться противъ другихъ родовъ оружія. Пришавъ соотвѣтствующее расположеніе и вручивъ достойнѣйшему начальнику (баннерету) знамя, старшій изъ вождей велъ свою конницу въ атаку рысью. Нерѣдко при этомъ происходили недоразумѣнія, а иногда и кровавыя схватки изъ-за чести первымъ атаковать противника. Послѣ первоначальной спѣлки копьями, когда начиналась уже работа мечами, стремленія обоихъ противниковъ направлялись къ захвату непріятельскаго знамени, овладѣвъ которымъ, счастливійшіе соперники немедленно его топтали и рвали въ клочья; такое исчезновеніе одного изъ непріятельскихъ знаменъ служило для многочисленныхъ, позади находившихся шеренгъ знакомъ успѣха передовыхъ бойцовъ и соотвѣтственно поднимало духъ одной стороны, дѣйствуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, угнетающимъ образомъ на другую. Многіе латники, находившіеся позади, не были даже въ состояніи сразиться съ противникомъ и найти себѣ соотвѣтствующее поле дѣйствій, такъ какъ, поневолѣ, стремились избѣжать окончательнаго пораженія, какъ только видно было, что дѣла приняли неблагоприятный оборотъ и знамя погнѣбло; съ цѣлью ослабить такой иравствленный упадокъ духа съ потерей знамени, Нолано Шелленшмидтъ предлагаетъ позади пастоящаго знамени, въ 3-й шеренгѣ, имѣть въ 7-й шеренгѣ, другое — «потайное знамя» (*verborgene Fahne*) которое немедленно развертывалось, какъ только противникъ овладѣвалъ первымъ знаменемъ *).

Тяжелое вооруженіе и трудный рукопашный бой были причинами, дѣлавшими его весьма непродолжительнымъ. Нерѣдко совершенно легко раненыя, или даже вовсе не раненныя падали безъ чувствъ, отъ усталости и изнеможенія, и тогда къ нимъ сѣхали на выручку ихъ оруженосцы и конные слуги, обязанность которыхъ была возить тяжелое вооруженіе своихъ господъ, до столкновенія съ противникомъ, и освобождать ихъ отъ грузныхъ доспѣховъ, немедленно послѣ того, какъ бой кончался.

Стремленіе надежно обезпечить себя отъ пораженія непріятельскими ударами, побудило тяжелую конницу еще болѣе

*) *Jahrb. «Geschichte», т. I, стр. 743.*

увеличить тяжеловѣсность своего предохранительнаго вооруженія сравнительно съ рыцарями, и, когда явилось огнестрѣльное оружіе, то, прежде всего, постарались сдѣлать латы непроходимыми для него, увеличивъ ихъ толщину. Въ концѣ концовъ, конница, которая до XV вѣка была единственною представительницею наступательнаго элемента въ бою, сдѣлалась настолько грузною и малоподвижною, что явилось естественное желаніе мужчинъ полководцевъ имѣть облегченную кавалерію, которая могла-бы проявлять присущіе этому роду оружія быстроту и натискъ въ атакъ, — качества, казавшіяся необходимыми, особенно ввиду возможности поражать неожиданностью дѣйствовавшую оборонительную пѣхоту и ввиду стремленія вооружить и конницу огнестрѣльнымъ оружіемъ; снабдить этимъ послѣднимъ латышковь было неудобно, такъ какъ это еще болѣе увеличило-бы грузъ ихъ снаряженія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, они и знать о немъ не хотѣли, считая его недостойнымъ для себя оружіемъ. Благородные рыцари предпочитали славную смерть саженію жизни при помощи всеі пункарской и стрѣлковой «мелюзги» (ribaudaille), которая могла-бы, въ такомъ случаѣ, еще вообразить себѣ, что и она-де имѣетъ какое-либо значеніе. Примѣръ Павія былъ уже тяжелымъ урокомъ для подобнаго рыцарскаго тщеславія, но и онъ, вѣроятно, долго не былъ достаточно оцѣненъ *).

Когда появилась легкая конница, вначалѣ преимущественно у восточныхъ народовъ, долѣе сохранившихъ кочевой образъ жизни (венгры, монголо-татары, турки, арабы, половцы), то скоро обнаружилось *бессиліе рыцарей въ борьбѣ съ нею* **)

*) Какъ не вздумали итальянскіе кондотьеры огнестрѣльное оружіе, чувствуя въ немъ свою гибель, было уже сказано выше, на стр. 26; что касается отношенія французскихъ дворянъ къ огнестрѣльному оружію, то извѣстно, напр., что Баардъ вѣшалъ, безъ жалости, всѣхъ непріятельскихъ аркебузеровъ, взятыхъ въ плѣнъ, что, впрочемъ, не спасло его самого отъ пули аркебузера, которой онъ былъ смертельно раненъ, 30 апр. 1524 года.

**) Вътъ какими образомъ описываетъ свое пораженіе одинъ изъ франконскихъ рыцарей, побѣжденныхъ, еще въ началѣ XIV вѣка, организованной по венгерскому образцу конницей Вольеса, служившаго у короля Альбрехта I: «Венгерцы намъ жестоко достались и уложили на траву своей стрѣлбой (hat uns da hart zugesetzt und durch Schiessen auf's Gras gebracht). И когда мы лежали винау, пришли эти холопы, съ сажеными мечами, и пришлось намъ сдаться. Я полагаю, что это были, большей частью, язычники. Пусть послѣ этого кто-нибудь скажетъ на нихъ въ полномъ снаряженіи; тѣ, у кого ничего нѣтъ, кромѣ собственной шкуры, утомятъ его настолько, что онъ радъ-бы все съ себя сбросить». Замѣчательно, что самъ король Альбрехтъ былъ недоволенъ способомъ дѣятельной конницы Ульраха Вольеса, и при дворѣ его говорили, что не

Презрѣніе къ пѣхотѣ рыцарей однако вовсе не касалось боя въ сѣпенномъ строю, такъ какъ оно основывалось на весьма понятномъ, въ сущности, отношеніи господъ къ рабамъ, которые пополнили пѣхоту ополченій, выставляемыхъ лучшими владѣльцами *); эта пѣхота, прикрывавшая лишь многочисленные обозы феодаловъ, по тогдашнимъ взглядамъ, не имѣла права на званіе воина; но сами рыцари часто для боя спѣшивались (См. фиг. №№ 31, 32 и 33, на табл. X); въ Англии, Германіи, Италіи, Бургундіи . . . бой пѣшкомъ былъ у рыцарей даже въ большомъ ходу, при чемъ общепотребительный строй былъ также «клиномъ», особенно для наступательнаго боя. Для обороны-же, они становились либо въ кругообразную массу, позволяющую сосредоточить на наименьшемъ пространствѣ наибольшее число бойцовъ, либо въ «четверномъ» порядкѣ, о которомъ будетъ указано ниже, при разсмотрѣніи строевъ пѣхоты.

Въ тактическомъ развитіи конницы разсматриваемой эпохи, мы должны отмѣтить два направленія: 1) несостоятельность тяжелой дворянской конницы, утратившей быстроту вслѣдствіе своей тяжеловѣсности, приводитъ къ необходимости сперва отдѣлать изъ копій легкихъ всадниковъ, для самостоятельныхъ дѣйствій, а затѣмъ и заводить легкую конницу (венгерскіе гусары, стратоты, армелетъ, краекэны и проч.) и 2) всеобщее распространеніе огнестрѣльнаго оружія побуждаетъ усилить имъ и конницу, либо вооруженіемъ легкой конницы аркебузой, либо расположеніемъ пѣшихъ аркебузеровъ между частями тяжелой конницы, что, какъ мы видѣли, было съ успѣхомъ впервые примѣнено Пескарою, по получило главное свое развитіе въ послѣдующую эпоху, въ концѣ XVI-го и въ XVII вѣкѣ.

Легкая конница употребляется для развѣдокъ, для дѣйствій на флангахъ противника, а иногда и для атаки его тыла во время самого боя. Какъ и рыцарская конница, легкіе всадники также ведутъ иногда бой пѣшкомъ, что особенно облегчаетъ имъ дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Въ тактическомъ смыслѣ, легкая конница, въ концѣ концовъ, совершенно отдѣляется отъ копій и получаетъ вполне

совсѣмъ често снимать латы и «проворно работать»; рыцарь долженъ сражаться по рыцарски, т. е., рубить и стойко держаться. (Meuser. «Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen in Europa». Wien 1868. т. I, стр. 305—306).

*) *Иллюстрацій.* «Исторія военного искусства въ средніе вѣка», изд. 1884 года, часть II, стр. 17.

самостоятельныя задачи, и этимъ еще болѣе отнимаетъ значеніе и силу отъ все болѣе и болѣе терпящей почву подъ ногами тяжелой конницы, организованной по рыцарскому образцу.

Отношеніе конницы къ другимъ родамъ оружія и задачи, на нее возлагаемыя, были замѣчательно ясно и опредѣленно поняты Макіавелли, который указывалъ въ своемъ сочиненіи «*Dell'arte della guerra*» на несоотвѣтствіе развитія численности конницы, сравнительно съ пѣхотой, въ современныхъ ему арміяхъ, особливо въ Италіи, въ которой, въ то время, почти было совмѣщено понятіе о войнѣ съ понятіемъ о всадникѣ. Для возможности исполненія задачъ, возлагаемыхъ на конницу, армія должна, по его мнѣнію, имѣть въ своемъ составѣ не болѣе $\frac{1}{3}$ кавалеріи; иначе, говорить онъ, «отнимется у пѣхоты весь цвѣтъ людскаго состава». Замѣчательно, что часть конницы онъ пахотилъ нужнымъ присоединять къ пѣхотнымъ частямъ, придавая на каждую баталью (3.000 чел.) своего боевого порядка по 300 легкихъ всадниковъ. Вой конницы, съ копьемъ въ рукѣ, уже не удовлетворялъ Макіавелли, который требовалъ вооруженіе кавалеріи длинной пикагой, а въ передовомъ отрядѣ рекомендовалъ имѣть легкую конницу, вооруженную огнестрѣльнымъ оружіемъ, которымъ можно было-бы прогонять «холоповъ», открывать дорогу позади идущимъ войскамъ черезъ разнаго рода тѣснины и съ успѣхомъ вести стычки съ легкими войсками противника за мѣстные предметы. Наконецъ, онъ-же указывалъ на выдающуюся роль конницы въ дѣйствіяхъ малой войны, при развѣдкахъ и при преслѣдованіи, и мы уже видѣли (стр. 25—26), какъ близки задачи, которыя онъ ставилъ конницѣ, къ современнымъ требованіямъ отъ этого рода оружія.

Пѣхота. Рыцарство среднихъ вѣковъ, какъ мы видѣли, выработало для конницы тактическія боевыя формы, облегчавшія съ одной стороны индивидуальныя бои—рядъ единоборствъ, и съ другой—наступательный характеръ самого боя; боевыя—же порядки пѣхоты развивались въ обратномъ направленіи: во-первыхъ, съ цѣлью способствовать *веденію боя съ мастью*, и во-вторыхъ, съ преимущественной задачей—*сдѣлать удобнымъ оборонительный бой*.

Значеніе пѣхоты въ предшествовавшую эпоху (въ XIII и XIV вѣкѣ) сводилось почти къ нулю. Тѣ рѣзкія различія, которыя заключались въ способѣ комплектованія рыцарскихъ ополченій и пѣхотныхъ частей, въ ихъ происхожденіи, цѣляхъ,

интересах и способах вести бой, способствовали установлению самой рѣзкой грани между обоими этими элементами вооруженной силы повыхъ государствъ. Рыцари (особенно французскіе) настолько презирали пѣхоту, которая, по ихъ мнѣнію, могла быть допущена только въ качествѣ ихъ прислуги и не дерзала думать объ активномъ участіи въ бою, что положительно не считали се войскомъ. Когда рыцарямъ приходилось выдвигнуться впередъ для атаки противника, то, сплошь и рядомъ, мы видимъ, что они наскакиваютъ на собственную пѣхоту и буквально топчутъ ее, лишь-бы скорѣе дойти до настоящаго противника и сразиться съ нимъ въ рыцарскомъ поединкѣ. Такъ это было въ 1346 г., при Креси, такъ это оставалось и по введеніи ординансовыхъ ротъ, принявшихъ все традиціи средне-вѣковыхъ рыцарей. Черезъ 100 лѣтъ послѣ Креси, въ сраженіи при Монлери (1465 г.), бургундская конница Карла Смѣлаго точно также опрокидываетъ собственную пѣхоту. Очевидно нужно было, для уничтоженія этого прискорбнаго предразсудка, единоборство между войскомъ, состоявшимъ, по обычаю того времени, исключительно изъ рыцарской конницы, и такимъ, въ которомъ почему-либо, вопреки общимъ правиламъ, преобладала бы пѣхота *); мало того, нужно было, чтобы въ этомъ единоборствѣ побѣдительницей оказалась-бы пѣхота; но для этого, въ свою очередь, требовалась вооруженная сила, которая развилась-бы самостоятельно, внѣ постороннихъ вѣяній и господствующихъ предразсудковъ. Это сдѣлалось возможнымъ, когда Австрія, а позже Бургундія, вступили въ борьбу съ швейцарцами, желая себя подчинить сосѣднюю маленькую страну, населенную однако сильными духомъ сельскими обитателями, съ давнихъ поръ сохранившими личную свободу; и не подчинявшимися дворянамъ; въ союзѣ съ городскими общинами, швейцарцы не пожелали отдать иностранцамъ свои неприступныя горы. Съ одной стороны, бѣдная деньгами и копеечными средствами и неудобная для дѣйствій конница Швейцарія, съ другой—также неудобная, вследствие многочисленныхъ капаловъ и непроходимыхъ въ то время болотъ, Фландрія—являются театрами борьбы между рыцарями и хорошей народной пѣхотой, впервые доказавшей, какъ сильна національная пѣхота, какъ непрочно уже могущество рыцарей, какъ

*) Русскомъ. «Исторія пѣхоты», перев. Пузыревскаго, изд. 1876 г., т. I, стр. 118.

невѣрять господствовавшей предрасудокъ относительно ихъ мпной силы, который, по замкнутости и обособленности Швейцарии отъ прочахъ европейскихъ театровъ борьбы, оставался швейцарцамъ, къ ихъ счастью, неизвѣстнымъ.

Сраженіе при Моргартенѣ (1315 г.), такимъ образомъ открыло новую эру для пѣхоты, а дальнѣйшія побѣды швейцарцевъ (Лаупенъ, Земпахъ, Нефельсъ, Моилерн, Граисонъ, Муртенъ, Нанси) утвердили за ними преобладаніе надъ рыцарской конницей.

Въ этихъ сраженіяхъ швейцарцамъ пришлось, прежде всего, обороняться, и вотъ первымъ ихъ боевымъ порядкомъ является самое полное выраженіе оборонительной идеи — кругообразное построеніе (черт. № 6, на табл. I) «ежомъ» (Igel, hérisson), наружная окраина котораго представляла непроницаемую щетину изъ пикъ, направленныхъ въ разныхъ перекрестныхъ направленіяхъ, что дѣлало почти невозможнымъ ни конницѣ, ни пѣхотѣ противника проникнуть сквозь этотъ лѣсъ пикъ. Внутри-же стоящіе люди, для которыхъ пики, были-бы безполезны, вооружены были аллебардами, для близкаго рукопашнаго боя съ противниками, прорвавшими передній рядъ пикъ и проникшими во внутрь «ежа». Кругомъ этого боевого порядка и особенно впереди его, были разсыпаны стрѣлки, удерживавшіе, на сколько было возможно, противника отъ атакъ и наконецъ отбѣгавшіе подъ защиту «ежа».

По мѣрѣ того, какъ первые успѣхи пѣхоты, такъ сказать, узаконили ея существованіе, началось дальнѣйшее усовершенствованіе этого примитивнаго боевого порядка, въ смыслѣ придавая ему способности маневрированія, или вѣрнѣе, пока, правильнаго движенія въ указанномъ направленіи, что, конечно, было очень затруднительно въ нестройной кругообразной массѣ, при которой нельзя было ориентироваться въ избираемомъ направленіи; плодомъ этихъ постепенныхъ улучшеній, въ концѣ XV вѣка, явился такъ называемый «четверной» порядокъ, т. е., колонна, болѣе или менѣе приближающаяся къ квадрату. Эта форма построенія служила вначалѣ и для похода, и для наступленія, и для боя.

Отдѣливъ значеніе подготовки боя и важность ориентированія, во время нея, въ ближайшихъ цѣляхъ и намѣреніяхъ противника, чтобы успѣть во-время принять соотвѣтствующія мѣры для противодѣйствія, швейцарцы выдѣляютъ впередь отрядъ, который называютъ передовымъ, или «предзнаменнымъ»

(vor dem Banner); главная масса иногда называется «знаменем», которое при нем посылается. Непосредственное прикрытие позадн идущаго обоза возлагается на особый тыльный отряд («позадн знамени»), вначалѣ очень слабый. Обыкновенно принимается уступной порядок движенія съ тѣмъ, чтобы фронтальное движеніе всегда можно было-бы совмѣстить съ наступленіемъ во флангъ, а главное, чтобы, въ случаѣ отступленія одной изъ частей боевого порядка, она не опрокинула-бы позадн идущую часть и этимъ не обратила-бы частную неудачу въ общее поражение. Такимъ образомъ, получалось уступное расположеніе въ 3 линіи, представлявшее значительный шагъ впередъ, сравнительно съ обычнымъ въ то время боевымъ порядкомъ, выработаннымъ феодальной системой; считалъ лишь себя могущественной вооруженной силой, рыцари образовывали первую линію порядка (наиболѣе именитые впереди), а за ними становились принадлежащіе къ составу ихъ конья— конные слуги и пѣхота, прикрывавшіе обозы; мѣсто пѣхоты позадн рыцарей опредѣлялось особенно съ тѣхъ поръ, какъ и самыя конья (по примѣру бургундскихъ латинковъ) стали составляться изъ пѣшихъ лучниковъ и трабантовъ. Уступной порядокъ швейцарцевъ давалъ имъ поэтому значительныя преимущества въ бою, представляя собой все выгоды упорядоченнаго, систематическаго его веденія.

Подготовительный бой обусловливаетъ преимущественно употребленіе метательнаго оружія, и вотъ почему передовой отрядъ швейцарцевъ (авангардъ) составляется, главнымъ образомъ, изъ стрѣлковъ, вначалѣ лучниковъ, а потомъ, съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія, изъ аркебузеровъ. Подготовительный бой впереди паходящихся частей не долженъ оказывать вреднаго вліянія на позадн идущія части, и потому разстоянія между частями швейцарскаго боевого порядка не дѣлались менше дальности выстрѣла, сперва лука или арбалета, потомъ аркебузы, и вообще были около 150—200 шаговъ.

Съ увеличеніемъ швейцарскихъ армій, каждая изъ 3 группъ ихъ боевого порядка начинаетъ расти въ глубину. Дружилы городскихъ общинъ становились сперва рядомъ, имѣя каждая въ глубину 20 шеренгъ, при чемъ каждый рядъ образовалъ нечто вроде элементарной административной единицы— товарищества, или отдѣленія (звлейтъ); цеховая городская жизнь повліяла на строй этого звейтъ въ томъ смыслѣ, что впереди становились старшіи (мастеры), а за нимъ его ученики— ученики. Когда-же численность швейцарскихъ войскъ возросла, и въ одинъ отрядъ

начали соединяться от 6 до 8-ми тысяч человекъ, то, по-неволѣ, пришлось углубить колонну, такъ какъ, ставя городскія ополченія рядомъ, получалось-бы, при 20-ти шереножной глубинѣ, построение въ 300—400 шаговъ по фронту, что было-бы крайне неудобно при движеніи по пересѣченной мѣстности Швейцаріи. Въ концѣ концовъ, нормальнымъ строемъ швейцарцевъ сдѣлался «четверной» порядокъ, въ видѣ общей сомкнутой колонны, съ равнымъ протяженіемъ по фронту и въ глубину. Въ первой шеренгѣ становились лучше вооруженные, имѣвшіе предохранительное вооруженіе и получавшіе двойное жалованье (у ландскнехтовъ—такъ называемые «prima plana» или «Doppelsöldner» — двойные наемники), за ними еще 2 шеренги пикинеровъ, затѣмъ аллебардисты и въ хвостѣ тоже 3 шеренги пикинеровъ, при чемъ послѣднія—они же таки преимущественно изъ получавшихъ двойное содержаніе. Флаговые 2—3 ряда тоже состояли изъ пикинеровъ. Отъ каждаго ряда выдѣлялся одинъ легко вооруженный пѣхотинецъ (мучникъ или арбалетчикъ) въ составъ передового отряда.

Такимъ образомъ нельзя не видѣть извѣстной аналогіи въ организаціи пѣхотной элементарной тактической единицы — ряда—съ рыцарскимъ копьемъ: и въ томъ и въ другомъ были люди различно вооруженные, располагавшіеся въ глубину одинъ за другимъ, а самые ряды, какъ и копья, располагались рядомъ, имѣя главѣ наиболѣе достойныхъ воиновъ.

Главную, по количеству, массу, заполнявшую собою всю внутренность этого живого вооруженнаго квадрата вначалѣ составляли аллебардисты. (См. фиг. № 37, на табл. X). Однако аллебарда, служившая оружіемъ преимущественно индивидуальнаго боя въ рукопашной схваткѣ и требовавшая высокаго нравственнаго качества бойца, становилась неподходящей, когда эти качества начали понижаться и когда главное упованіе стало возлагаться на массу, на дѣйствительность непроницаемой сомкнутой стѣны значительнаго числа бойцовъ. Поэтому начинается стремленіе увеличить число пикъ на счетъ аллебардъ. *)

*) Одинъ изъ сохранившихся въ архивахъ гор. Цюриха экземпляровъ постановленій (Reisbüdel) гражданъ этого города, о наборѣ ополченія въ 1444 году, опредѣляетъ силу и составъ его по вооруженію; все ополченіе должно было состоять изъ 2.770 чел., въ томъ числѣ—639 горожанъ и 2.131 сельчанъ; городъ долженъ былъ поставить 364 аллебардиста, 103 пикинера 127 арбалетчиковъ и 45 аркебузеровъ. Сельскія общины выставляли 1.238 аллебардистовъ, 543 пикинеровъ, 331 арбалетчика и 16 аркебузеровъ (Рюстоль, «Исторія пѣхоты»; т. I, стр. 141). Такимъ образомъ, процентное отношеніе разныхъ видовъ пѣхоты во всемъ ополченіи было слѣдующимъ:

Сама швейцарцы вообще предпочитали аллебарду, болѣе легкую при цоскѣ и болѣе удобную для дѣйствій, что особенно сдѣлалось замѣтнымъ, когда дѣяна пикъ, съ конца XV вѣка, начала возрастать съ 10—12 футъ до 16—18 футъ. Такого рода удлинненіе пикъ вызывалось желаніемъ создать, при атакѣ конницы, возможно болѣе непроницаемую для нея преграду изъ пикъ, не только изъ первыхъ 3-хъ шеренгъ пикниеровъ, но и еще изъ непосредственно находившихся за ними 3-хъ шеренгъ. Конечно при этомъ имѣлось также въ виду, что болѣе длинной пикой можно при столкновеніи ранѣе нанести вредъ противнику, чѣмъ этотъ послѣдній, если онъ былъ вооруженъ болѣе короткимъ оружіемъ. Въ сраженіи близъ Браціано (1497 г.), папскія войска были разбиты кондотьеромъ Орсини, войска котораго были вооружены пиками на 2 фута длиннѣе употреблявшихся обыкновенно до него, чему и не замедлили приписать причину побѣды.^{*)} Конницу встрѣчали, упирая въ подошву правой ноги нижній конецъ пика и поддерживая ее въ наклонномъ положеніи лѣвой рукой, такимъ образомъ, чтобы остріе пика находилось на высотѣ шеи лошади; въ правую-же руку брался мечъ. (фиг. № 4, на табл. I). Противъ пѣхоты способы держанія пикъ были другіе: ландскнехты держали ихъ почти горизонтально на высотѣ праваго плеча (фиг. № 5, на той-же таблицѣ); задній конецъ пика былъ удерживаемъ сверху правой рукой, отведенной почти горизонтально назадъ, а лѣвая рука поддерживала ее снизу, въ разстояніи около 3-хъ футъ впереди задняго конца пика, упирая лѣвый локоть въ бедро; при такомъ положеніи 18-ти футовой пикъ, она выдвигалась на 15 футъ впереди стролъ, и остріе ея направлялось какъ разъ на высоту головы атакующаго противника^{**)}; способъ этотъ требовалъ однако значительной силы, и долгое держаніе въ такомъ положеніи пика было утомительно; кромѣ того, при немъ нужна была дистанція между шеренгами никакъ не менѣе 3 футъ;

почти 60% аллебардистовъ, 23% пикниеровъ, 16% арбалетчиковъ и всего 2% армбугеровъ. Совершенно ничтожнымъ, относительно общаго числа сельскихъ жителей, оказывается число ихъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, что показываетъ, что развитіе его совершилось почти исключительно въ городахъ.

*) Точнѣе пика были длиннѣе на одну «брасса» (22 дюйма); *Guisaristi* (французскій переводъ, т. I, стр. 271); *Уэстманъ*, («Исторія пѣхоты», томъ I, стр. 188) приводитъ этотъ примѣръ, но допускаетъ ошибку въ годъ и названіи сраженія.

**) *Уэстманъ*, «Исторія пѣхоты», томъ I, стр. 219—221. *Jahnъ*, «Handbuch», стр. 1064.

швейцарцы поэтому держали пикн преимущественно за серединою, и, какъ мы видѣли, передъ сраженіемъ при Черизольѣ, по совѣту Монлюка, этотъ-же способъ приняли и французы.

Встрѣча пиками атакующей пѣхоты не представляла такихъ выгоды, какъ при атакѣ непріятельской колонны, особенно если противникъ былъ вооруженъ болѣе легкимъ и удобоуправляемымъ оружіемъ, напримѣръ, мечами, и имѣлъ при этомъ предохранительное вооруженіе, котораго не было у ландскнехтовъ и швейцарцевъ. Маккиавелли находить поэтому, что римская пѣхота, приспособленная къ бою при всевозможныхъ условіяхъ, представляла болѣе высокій образецъ, и въ доказательство приводитъ примѣръ графа Карманьола, котораго, послѣ тщетныхъ усилій сломать сопротивление 18,000 швейцарцевъ кавалерійскими атаками своихъ 6,000 латниковъ, приказалъ имъ спѣшиться, и въ такомъ порядкѣ атака его оказалась вполне успѣшной: латники безъ труда отклонили мечами направленныя противъ нихъ пикн, и, разстроивъ передніе ряды швейцарцевъ, произвели въ нихъ жестокую рѣзню, отъ которой спаслось лишь 3,000 чел., сдавшихся впрочемъ въ плѣтъ. *)

По мѣрѣ того, какъ ухудшался составъ пѣхоты и все крѣпче и крѣпче прививалось къ европейскимъ арміямъ господство наемниковъ, тѣмъ настойчивѣе раздавались протесты противъ холоднаго оружія близкаго боя—аллебарды и меча, и тѣмъ виднѣе становилась роль пикн; отказъ отъ оружія, требовавшаго личной храбрости въ болѣе высокой степени и индивидуальныхъ способностей отдѣльных бойцовъ въ болѣе чемъ разнѣмъ, чѣмъ замѣнившія его пикн, лишше, до известной степени, пѣхоту ея наступательнаго духа, усиливъ заботы вождей о возможной сомкнутости и устойчивости, можетъ быть, на счетъ личной предприимчивости и смѣлаго порыва въ схваткѣ грудь съ грудью; тактическія формы пѣхоты стали болѣе приближаться къ подвижному укрѣпленію, защищенному чешуей изъ пикн. Одновременно, для придачи пѣхотѣ болѣе стойкости противъ непріятельскихъ лантиковъ, съ начала XVI вѣка лантпаетъ получать пѣкоторое развитіе предохранительное вооруженіе пѣхоты; сперва у испанцевъ, а затѣмъ и у французовъ, появились такъ называемыя «корсалеты», которые получали нагрудники и небольшіе круглые щиты, прикрываясь которыми, они врубались въ неподвижную массу пикперовъ.

*) «Dell'arte della guerra», перев. Ziegler'a, стр. 43.

Стремление искусственно привить механическому строю утраченную, до известной степени, наступательную форму боя, привело к тому, что пѣхота приняла клинообразный боевой порядок. Построение пѣхоты «клиномъ» было известно и раньше; о немъ уже упоминается въ сочиненіяхъ XIII и XIV вѣковъ; къ тому-же, рыцари, сражавшіеся иногда въ стрѣлшномъ строю, естественно перенесли ту-же форму построения, которую применяли и въ конномъ строю. Въ XV вѣкѣ, «клинь» становится особенно излюбленнымъ боевымъ порядкомъ германской пѣхоты; авторъ анонимной энциклопедической «книги о войнѣ» («Kriegsbuch»), издавшой около 1450 года, указываетъ *общую* форму построения клиномъ: въ первой шеренгѣ—3 человека, во второй—5, въ третьей—7 и т. д., съ прибавкой по 2 человека въ каждой слѣдующей шеренгѣ, «пока не будетъ довольно» (bis sy genug ist)*).

Въ указаціяхъ *Альбрехта Агилла*, курфюрста Бранденбургскаго, данныхъ его сыну Юанну, въ 1477 году, и хранящихся въ Берлинскомъ тайномъ архивѣ, приведенъ клинообразный порядокъ пѣхоты для значка Св. Георгія (Sant Jorgen banner), силой въ 500 чел.; 5 пикниеровъ образуютъ головной рядъ (Spitze); во 2-й шеренгѣ—7 чел.; въ 3-й—9 чел., въ четвертой—11 чел., въ 5-й—13 чел.; здѣсь должно находиться знамя, а за нимъ — всѣ остальные шеренги, по 13 чел.; такимъ образомъ получалась глубокая колонна въ 40 шеренгъ, изъ которыхъ только первые 5 были построены видѣ клина (т. е., строй, аналогичный указанному для конницы квадратно-канновому строю—черт. № 10). Съ обонхъ фланговъ его головы наступали охотники—по 12 стрѣлковъ и 12 пикниеровъ, образовавшихъ пѣхоту вродѣ крыльевъ. Въ такомъ-же родѣ строится и главный значекъ (Hauptbanner), изъ 700 чел., съ тою разницей, что въ головѣ его строится 7 или 9 чел. и далѣе постепенно клинь растетъ въ глубину на 2 человека, пока шеренга не достигнетъ 19 человекъ; въ этой послѣдней шеренгѣ клина помѣщается знамя, и далѣе слѣдуетъ глубокая колонна, по 19 рядовъ въ шеренгѣ; по флангамъ ея тоже наступаютъ крылья изъ стрѣлковъ и пикниеровъ **).

Клинообразное построение переходитъ и въ XVI вѣкъ и, повидному, сохраняется въ пѣхотѣ дольше, чѣмъ въ конницѣ, что опять-таки доказываетъ, что имъ хотѣли дополнить подостававшій пѣхотѣ наступательный характеръ дѣйствій, которымъ конница скорѣе могла проникнуться, будучи, по преимуществу, наступательнымъ родомъ оружія.

Маркграфъ *Альбрехтъ Бранденбургскій* (первый герцогъ Пруссій) рекомендуетъ, въ написанной имъ книгѣ о войнѣ («Kriegs-

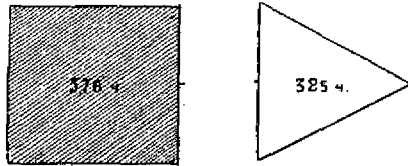
*) *Alms*, «Geschichte der Kriegswissenschaften», томъ I, стр. 323.

***) *Ель-мис*, «Handbuch», стр. 923.

buch“, *) построение клиномъ въ совокупности пѣхоты и конницы; приложенныя къ главѣ 69-й этого сочиненія чертежи (8, 10 и 11), представляють переходы изъ квадратнаго порядка въ остроугольный («Spitz»); при построении одного «клина» изъ колонны, въ 1-й шеренгѣ ея, — всѣ люди, кромѣ одного средняго челоуѣка, во 2-й — всѣ, кромѣ 3-хъ среднихъ, и т. д. — до послѣдней шеренги, въ которой лишь фланговые люди — поворачивались кругомъ и шли въ тылъ клина, гдѣ соединялись по диагонали образовавшагося сзади главнаго клина изъ этихъ двухъ меньшихъ клиньевъ прямоугольника. Можно было также изъ одного квадратнаго построения образовать три клина, или наконецъ, образовать новый клинъ приращиваньемъ къ флагамъ заднихъ шеренгъ фланговыхъ людей переднихъ шеренгъ квадратнаго порядка.

Въ половинѣ XVI вѣка являютя многочисленные воен-

Черт. 11.

Треугольный строй, атакующій «четверной строй» (по Лору).

ные теоретики, которые, увлекаясь общими «научными» направлениемъ, создаютъ многочисленные образцы боевыхъ порядковъ, прилагая и арифметическія таблицы съ численіемъ, сколько придется ставить воиновъ въ различныхъ шеренгахъ, при данномъ числѣ бойцовъ.

Такова «Полевая книжка всевозможныхъ боевыхъ порядковъ», изданная, въ 1569 году, математикомъ Лоромъ, **) которая даетъ треугольное построение и таблицу для него и для квадратнаго порядка, съ указаніемъ числа рядовъ и шеренгъ, при силѣ отрядовъ отъ 50 до 50.000 челоуѣкъ. Особенность треугольнаго строя Лора заключается въ томъ, что основаніе треугольника обращено къ противнику, а вершина къ тылу (черт. 11). Побужденіемъ къ такому порядку авторъ выставляетъ необходимость атаковать строемъ, равнымъ по протяженію фронта съ противни-

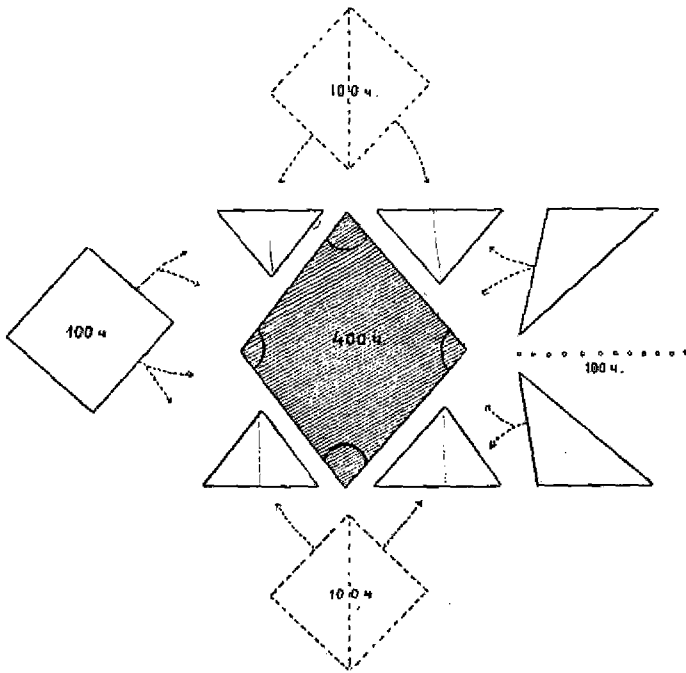
*) Представленной, въ 1552 г., своему личному владѣтелю, королю польскому, Сигизмунду II Августу, и переведенной, по приказанію послѣдняго, Матвѣемъ Стробичемъ на польскій языкъ. Часть польскаго перевода издава въ 1858 году въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: «Alberti Marchionis Brandenburgensis, Ducis Prussiae. Libri de Arte Militari». (Варшавская бібліотека гр. Красинскаго). Рукопись перевода имѣется въ Краковской бібліотекѣ Чарторижскихъ.

**) *L'art. «Kriegs Feldbüchlein»* (von allerley Schlochtordnungen). 1569. Dillingen. (Библіотека Главнаго Штаба, № 2619).

комъ, построеннымъ въ «четверномъ» порядкѣ, если непріятель превосходить численно; очевидно, что треугольнымъ строемъ можно атаковать квадратный, имѣя вдвое меньше силъ, чѣмъ ихъ заключается въ квадратѣ, и имѣя съ нимъ равное протяженіе фронта, но странно, какъ этотъ математическій не додумался до болѣе простаго способа атаки—прямоугольнымъ строемъ, глубина котораго была-бы вдвое меньше протяженія по фронту, чѣмъ достигался такой-же результатъ.

Вообще, треугольникомъ очень высоко цѣнились Лоромъ и ре-

Черт. 12.

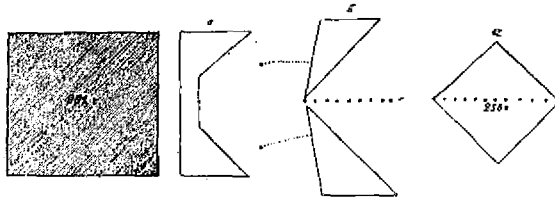

Атака «четверного» строя треугольниками (по Лору).

комендовались имъ для атаки квадратнаго построения даже въ томъ случаѣ, когда имѣлись въ распоряженіи равныя съ противникомъ силы, которыя въ такомъ случаѣ дѣлились на 4 квадрата, наступавшіе одной изъ своихъ вершинъ къ угламъ непріятельскаго квадрата; не доходя его, квадраты останавливались и затѣмъ люди, стоявшіе вправо отъ діагонали каждаго малаго квадрата, поворачивались направо и заходили правымъ плечомъ, а лѣвые стоявшіе дѣлали это влѣво, атакуя, какъ указано на чертѣжѣ 12-мъ, двѣ стороны четверного порядка противника. При значительномъ превосходствѣ силъ противника, когда нельзя

было атаковать двѣ стороны квадрата, то, по раздвоеніи боевого порядка атакующаго, треугольники направлялись противъ фронта квадрата (черт. 13), а промежутокъ между ними заполнялся людьми, стоявшими на мѣстѣ по діагонали. Наконецъ, даже фронтъ четверного порядка предлагалось строить, въ видѣ четырехъ выступившихъ клиньевъ, съ цѣлью разстроить сомкнутость порядка противника

Черт. 13.

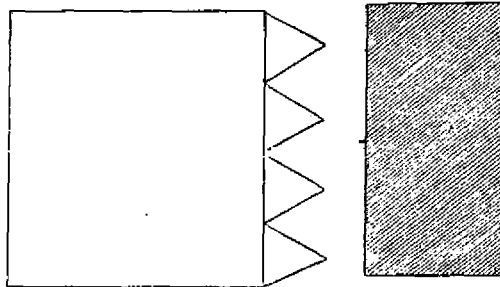

Атака „четверного“ строя, при численномъ превосходствѣ противника.
(по Лору).

(черт. 14); конечно, это все были лишь теоретическія измышленія математика, посвятившаго свой трудъ практикѣ—Шарггину, который, вѣроятно, никогда такихъ хитроумныхъ „фортелей“, какъ выражался самъ Лоръ, не употреблялъ на дѣлѣ.

Знаменитый отецъ балястики, итальянецъ *Тарталия*, въ со-

Черт. 14.

„Четверной“ строй съ выступившими клиньями (по Лору).

чиненіи своемъ, напечатанномъ въ 1546 году, „*Quesiti et inventioni*“, хотя и считаетъ построение „длиномъ“ нѣсколько устарѣвшимъ, тѣмъ не менѣе, говоритъ, что старыя опытные начальники иногда къ нему съ успѣхомъ прибѣгаютъ; для построения онъ рекомендуетъ ставить людей въ прогрессіи, начиная однимъ вономъ въ первой шеренгѣ и постепенно увеличивая ихъ число двумя въ каждой слѣдующей шеренгѣ. Для противодѣйствія клину, *Тарталия* совѣтуетъ ему противопоставить два клина, которые могли-бы охватить съ фланговъ непріятельскій клинъ;

задняя шеренга у обоих клиньев сливалась в общее и имело основание, для удобства управления или, что, тем не менее, вероятно, было затруднительным. Атаку противника клинвыми рекомендовалось подготовить огнем, направленным, главным образом, против тех пунктов неприятельского боевого порядка, на которые направляется вершина нашего клина. Наконец, Тарталья приводит также построение нескольких пар клиньев, поставленных одна за другой, при чем задняя пара считается „особым резервом“. Способ, предложенный Тартальей для перестроения из четверного порядка в клинообразный, значительно проще сложных перестроений, предлагавшихся маркграфом Альбрехтом: по данному сигналу, люди поворачиваются полуборотом направо или налево, при чем те, впереди которых оказываются свободные промежутки, вступают в них; таким образом, очень просто получается косой клин-ромб, который затем может быть направлен в любую *направлении*

В изданной, в 1566 году, книге *Фронспергера* «Kriegszbuch» *) упоминается также о клиновом построении и говорится, что оно применялось старыми опытными полководцами; он рекомендует строить клином лишь головную часть колонны, при чем, или увеличивает по 1-му ряду в шеренгах (ставя в первую шеренгу 7, потом 8, 9 чел. и т. д.) или же увеличивая каждую шеренгу 2-ми рядами, (т. е. 9 рядов в 1-й, 11—во 2-й, 13—в 3-й и т. д.). За половиной поставленных таким образом людей, другая половина должна пристраиваться в четверном порядке.

Построение «клином», как мы увидим, удерживается впрочем даже отчасти в XVII вѣкѣ, и под Брейтенфельдом (1631), саксонцы принимают это построение, но те же причины, которые побудили оставить его в копичь — неудобство управления, отсутствие возможности ориентировать свое движение по флагам, легкость разрывов и крайне незначительное число участников рукопашного боя при столкновении, должны были побудить к его постепенному оставлению.

Нормальным порядком, в XVI вѣкѣ, ставится четырехугольная, вѣриѣ, прямоугольная масса, болѣе или менее приближающаяся к квадрату; чѣм постояннѣе была необходимость поддержать из глубины чувство обезпеченно-

*) Часть II, стр. XLII и XLIII. В Императорской публичной библиотекѣ (залъ 6, шк. 8, полка I, № 100) и в библиотекѣ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба имѣются болѣе новые издания 1696 г. Къ послѣднему экземпляру приложены прекрасно отдѣланные рисунки, сними съ которыхъ приведены нами на таблицахъ VI, VII и VIII.

сти тыла и чѣмъ меньшему числу бойцовъ можно было смѣло довѣрять, стави ихъ въ первые ряды, для непосредственной встрѣчи съ противникомъ, т. е., чѣмъ хуже были нравственныя качества войскъ, тѣмъ этотъ порядокъ мы видимъ болѣе глубокимъ; чѣмъ лучше имѣющіяся въ распоряженіи войска, чѣмъ болѣе довѣряетъ имъ полководецъ, тѣмъ большому числу ихъ предоставляет онъ возможность сразу схватиться съ противникомъ, тѣмъ болѣе становится широкимъ по фронту эти «четверные» порядки, тѣмъ меньше они занимаютъ мѣста въ глубину. Такъ, построение полка, изъ 12 ротъ, или значковъ (Fähnlein), по 400 чел. каждый, могло быть двоякое: или ставили 4 роты по фронту и 3 въ глубину, считалъ въ каждой ротѣ 20 рядовъ въ шеренгѣ и слѣдовательно 20 шеренгъ; тогда весь полкъ имѣлъ 80 чел. по фронту и 60 въ глубину; или ставили роты въ 10 шеренгъ въ глубину, но за то всего 3 роты по фронту и 4—въ глубину; тогда получался удлинненный порядокъ заключавшій 120 чел. по фронту и только 40 чел. въ глубину. Во обонхъ случаяхъ пикниеры окаймляли порядокъ съ фронта, тыла и фланговъ *).

Авторъ «*Вѣрнаго совѣта*» (1522 г.) говоритъ, что широкій боевой порядокъ предпочтительнѣе глубокаго, и многими малыми колоннами можно достигнуть большаго, чѣмъ меньшимъ числомъ крупныхъ колоннъ. Широкимъ порядкомъ, по его мнѣнію, удобнѣе охватить съ фланговъ узкій по фронту боевой порядокъ, который, еслибъ и оказался численно сильнѣе, все-же осужденъ въ такомъ случаѣ на пораженіе, такъ какъ бой рѣшаются первыя 5—6 шеренгъ, которыя кончаютъ дѣло, пока еще не схватились остальные. Изъ 10.000 пѣхотинцевъ онъ предлагаетъ оставить въ главной колоннѣ 6.000 чел., которые расположить въ 3 раза болѣе широкой по фронту, чѣмъ глубокой колоннѣ (примѣрно, слѣдовательно 135 чел. по фронту и 45 въ глубину).

Въ томъ-же родѣ говоритъ и *Альбрехтъ-Бранденбургскій* доказывая пользу широкаго фронта и увеличенія числа колоннъ тѣмъ, что при большемъ протяженіи фронта, большее число бойцовъ приметъ участіе въ атакѣ и въ рукопашномъ бою.

Но такіе совѣты, повидимому, казались еще несвоевременнымъ; плохія качества войскъ вызывали глубокія построенія,

*) *Рестав.* «Исторія пѣхоты», т. 1, стр. 147.

такъ какъ не было достаточнаго числа бойцовъ, на которыхъ можно было-бы вполне положиться, и ученые теоретики измѣдовали въ своихъ трактатахъ, главнымъ образомъ, квадратные строи, которые подраздѣляли на квадраты «по мѣстности», или геометрическіе, и квадраты «по числу людей», или ариометическіе.

Альбрехтъ Бранденбургскій считаетъ для пикинеровъ глубину одного ряда въ 7 футовъ, именно: 1 футъ на самого человѣка, 3 фута пространства передъ нимъ и 3 фута—за нимъ; по фронту же онъ полагаетъ достаточнымъ имѣть 3 фута между доктами; общепотребительный порядокъ былъ такой, который позволялъ свободно проходить какъ между рядами, такъ и между шеренгами *). На основаніи подобнаго разчета имъ составлена была таблица, которая показываетъ, сколько человѣкъ необходимо поставить въ глубину и по фронту, при данномъ числѣ наличныхъ бойцовъ, чтобы получить примѣрный геометрическій квадратъ (на мѣстности) **).

Упомянутый уже Тарталья, въ «Quesiti et inventioni» (1538 г.) рѣшаетъ тоже математически этотъ вопросъ, принимая отношеніе глубины къ ширинѣ расположенія отдѣльнаго бойца—равнымъ 7:3. Сложнымъ вычисленіемъ онъ опредѣляетъ число шеренгъ и рядовъ, при условіи полученія геометрическаго квадрата; такъ, для массы въ 3.600 человѣкъ, онъ полагаетъ выйти 91 рядъ въ шеренгѣ и число шеренгъ 39 (при этомъ остается 119 человѣкъ лишнихъ).

Чаще однако примѣнялись ариометическіе квадраты, по числу людей, такъ какъ расчетъ оказывался гораздо проще:—изъ общаго числа приходилось извлечь только квадратный ко-

*) Хотя многие военачальники находили такой разомкнутый порядокъ удобнымъ лишь на маршѣ, а въ бою люди преимущественно смыкались вплотную. Такъ, при Червономъ, Монлюккѣ, встрѣчая атаку ландскнехтовъ, приказать переднимъ шеренгамъ тѣсно сомкнуться, а заднимъ—все время вапирать на передніе ряды.

**)

Число вмѣщающихся въ распоряженіи бойцовъ.	Число рядовъ.	Число шеренгъ.
448	32	14
525	35	15
5.800	116	50
60.375	375	161

*

рень, чтобы сразу получить число рядовъ и число шеренгъ, но при этомъ глубина на мѣстности обыкновенно значительно превышала протяженіе по фронту, такъ какъ дистанція между шеренгами, особенно на маршѣ, всегда были больше интерваловъ между рядами.

При такомъ порядкѣ невольно бросается въ глаза, какъ мало было протяженіе по фронту колоннъ, которое очень мало увеличивалось съ возрастаніемъ числа людей (такъ, квадратъ, заключавшій въ себѣ 2.500 чел., имѣлъ въ глубину и по фронту по 50 чел.; а 10.000 чел., т. е. отрядъ въ 4 раза сильнѣе, имѣлъ по фронту и въ глубину лишь вдвое большее число людей — 100 чел.). Рассчитавъ, какую глубину слѣдуетъ придать сжатой массѣ, главный начальникъ указывалъ своимъ значкамъ (ротамъ), во сколько шеренгъ они должны стать и затѣмъ пристраивалъ значки одинъ рядомъ къ другому; такимъ образомъ, въ значкѣ было столько-же шеренгъ, сколько ихъ предполагалось имѣть въ цѣлой колоннѣ. Число-же значковъ въ колоннѣ было крайне непостояннымъ: подъ Павіей — 29 значковъ ландкнехтовъ *), собранныхъ Фрундсбергомъ и Зптитхомъ Эмскимъ, образовали двѣ наступавшія рядомъ квадратныя колонны въ которыхъ, за выдѣленіемъ 2.000 чел. Пескарѣ, одновременно двигались, а затѣмъ вели бой нѣсколько мѣтъ, чѣмъ по 5.000 чел. въ каждой; въ слѣдующемъ году Фрундсбергъ собираетъ уже 12.000 чел. въ одну колонну. Въ общей колоннѣ, такимъ образомъ, ставился не только помѣкь, служившій преимущественно хозяйственно-административной единицей, но иногда 2—3 помѣка, образовавшихъ неповоротливую массу, въ которой, по показаніямъ Фронспергера, слѣдовало ставить 101 шеренгу въ глубину при 101 рядѣ въ каждой **). (См. фиг. № 19, на табл. VI, извлеченной изъ соч. Fronsperger'a).

При увеличеніи численности пѣхотинцевъ, образовывавшихъ колонну, приходилось ставить значки въ два ряда, связывая ихъ такимъ образомъ по-парно; при этомъ обращалось вниманіе, чтобы самые знамена — значки придавали-бы общей колоннѣ «внушительный» видъ; обыкновенно половина ихъ располагалась въ самомъ центрѣ колонны, $\frac{1}{4}$ часть позади примѣрно первой четверти глубины колонны и $\frac{1}{4}$ впереди послѣдней ея четверти. Понятно, что на это выстраиваніе

*) Въ значкѣ состояло около 380 чел.

***) Fronsperger. «Kriegsbuch». 1596, ч. II, стр. XLII.

тяжело управляемой, неподвижной массы проходило не мало времени и, какъ свидѣлствуютъ современники (Chantereau), перѣдко, во время приведенія колонны въ порядокъ, раздавались изъ глубины ея недовольные крики по адресу завѣдывавшихъ этимъ помощниковъ главныхъ начальниковъ (sergeants de bande) *).

Боевые строи, рекомендовавшіеся французскими авторами того времени, неизгладимы впрочемъ такой бесполезной глубиной. Такъ, въ рукописи Шантеро «Miroir des armes militaires et instruction de gens de pied», par Chantereau, посвященной въ 1540 году, королю Франциску I, рекомендуется уже построение батальоновъ, вдвое болѣе длинныхъ протяженіемъ по фронту сравнительно съ глубиной (3.602 пикнера и аллебардиста строятся въ колонну изъ 42' шеренгъ, по 85 рядовъ) **). Но такъ какъ во французской арміи все еще продолжали преобладать пехотные наемники, то они приносили съ собою и свои строи, которые, такимъ образомъ, на практикѣ оставались грузными квадратами.

Скоро, впрочемъ, явилась новая побудительная причина, настоятельно требовавшая уменьшенія глубины колонны и заключавшаяся въ постепенномъ развитіи огнестрѣльнаго оружія, влияние котораго выразилось въ необходимости прибѣгать къ болѣе тонкимъ построеніямъ, съ одной стороны—съ цѣлью уменьшенія потерь, а съ другой—съ цѣлью увеличенія числа стрѣлковъ, могущихъ одновременно дѣйствовать огнемъ. Распространеніе огнестрѣльнаго оружія и замѣна пѣхоты лука и арбалета послѣдовали однако далеко не быстро и далеко не всюду одинаково. Англичане, гасконцы и восточные народы удержали метательное оружіе почти до половины XVI вѣка; поляки сохранили арбалеты до 1552 г. ***), и опытные полководцы перѣдко предпочитали имѣть лучниковъ и арбалетчиковъ, чѣмъ аркебузеровъ. Въ походъ Карла V въ Алжирь, въ 1541 году, мавританскіе и турецкіе лучники дѣйствовали значительно успѣшнѣе имперскихъ аркебузеровъ; дождь подмокнулъ пороховъ послѣднихъ, и, не будучи совершенно въ состояніи открыть дѣйствительную стрѣльбу, они поворно бѣжали, заставивъ императора пожалѣть о томъ, что онъ не взялъ

*) Prince Napoléon-Louis Bonaparte. «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie». Paris, 1846; т. I, стр. 152.

**) Тамъ-же, стр. 153.

***) Гейманъ. «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новыя вѣка», ч. II, кн. 1, стр. 9 (выносок).

сь собою изъ Испаніи пѣсколькихъ тысячъ лучииковъ *). Несовершенство ручного огнестрѣльнаго оружія было еще настолькоъ велико, что, даже въ 1535 г., дю-Беллэй указываетъ, что число раненыхъ и убитыхъ метательнымъ оружіемъ бывало больше, чѣмъ отъ двойнаго числа аркебузеровъ **). Въ 1549 г., побѣдоносная французская армія Генриха II осталовилась подъ Булонью, вслѣдствіе сильнѣйшаго дождя, изъ опасенія, что аркебузеры, которые не были въ состояніи производить стрѣльбу, будутъ уничтожены 1.000—1.200-ми англійскихъ лучииковъ, запыавшихъ Булонь. Впрочемъ французы являются въ послѣдній разъ, въ большомъ сраженіи, вооруженными арбалетами, въ 1515 г., при Мариньяно, хотя еще въ 1523 г., Монплюкъ пишетъ, что набранныя имъ войска состояли только изъ арбалетчииковъ, «потому что до тѣхъ поръ не было аркебузеровъ среди нашего народа» ***), а затѣмъ добавляетъ, что ему удалось оставить у себя шесть гасконскихъ-же аркебузеровъ, которые пришли сдаться изъ неприятельскаго лагеря. Только послѣ сраженія при Павіи, начинается распространеніе аркебузы, которая была легче, позволяла носить на себѣ большій запасъ огнестрѣльныхъ припасовъ и давала большую дальность, а главное, представляла вѣроятность дальнѣйшаго своего усовершенствованія, котораго трудно было уже добиваться въ метательномъ оружіи; кромѣ того, аркебузеры получали большее жалованье, что также способствовало распространенію аркебузы ¹⁾).

Распространеніе огнестрѣльнаго оружія сдѣлало крупныя шаги со времени изобрѣтенія мушкета (около 1521 года), замѣнявшаго постепенно аркебузу; дѣйствительность послѣдней оказалась, съ улучшеніемъ предохранительнаго вооруженія, настолькоъ слабой, что аркебузинныя пули (вѣсомъ отъ 2 до 2½ лотовъ) не всегда пробивали его; поэтому явилась потребность увеличить пѣсколько калибръ, вѣсъ заряда и самой пули (мушкетная пуля вѣсила около 4 лотовъ). При этомъ получились пѣкоторое увеличеніе дальности—до 300 шаговъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и увеличеніе вѣса всего оружія, такъ что, для удоб-

*) Выдержка изъ *Senftenberg's*: «Von all-riei Kriegswehr», приведенная въ «Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie». *Prince Napoléon-Louis Bonaparte*. (т. I, стр. 148) также у *Jähns's* «Handbuch», (стр. 1055).

**) «Discipline militaire» 1592 liv. I, ch. 4. стр. 21, лѣв.»

***) «... encores en ce temps lн, il n'y avoit point d'arquebuziers parmi nostre nation». («Commentaires», liv. I, стр. 11)

¹⁾ «...au temps present chacun veut estre Harquebuzier: ie ne sçay si c'est pour lever plus de gages, ou pour estre moins chargé, ou pour combattre de plus loing». *Guillaume du Bellay*; «Discipline militaire». 1592; (livre I, ch. 4, стр. 20, лѣв.).

ства дѣйствій, мушкетъ, вѣсившій отъ 15 до 17 фунтовъ, пришлось снабжать особой вилкой или сошкой. (См. фиг. 38, на табл. X). Почти одновременно происходила замѣна неудобнаго флигельнаго замка—улучшеннымъ колеснымъ замкомъ. Впрочемъ, втеченіи почти всего XVI вѣка, стрѣлки, вооруженные мушкетами, продолжаютъ называться, по старой привычкѣ, аркебузерами *). Повидимому, ралѣе другихъ были приняты мушкеты испанцами, которые вооружились ими уже подъ Ля-Бикокой (1522) и подъ Павіей (1525). По совѣту Монлюка, маршалъ Бриссакъ приказалъ изготовить 400 мушкетовъ, въ 1552 г.; они были розданы, по 20 на роту, и послѣдніе ихъ солдаты получали прибавку жалованья **).

По мѣрѣ усовершенствованія ручнаго огнестрѣльнаго оружія, естественно увеличивалось число вооруженныхъ имъ стрѣлковъ. Мы уже видѣли, что, въ средній XV вѣка, у швейцарцевъ число аркебузеровъ было очень незначительно (едва 2⁰/₀); въ концѣ того-же вѣка, при Карлѣ VIII, тѣ-же швейцарцы вооружили на 1.000 чел. уже 100 стрѣлковъ аркебузами, т. е., имѣли ихъ 10⁰/₀.—Альбрехтъ Ахиллъ, курфюрстъ Бранденбургскій дѣлать ополченіе на 3 части: $\frac{1}{2}$ вооружаетъ аллебардами, $\frac{1}{4}$ аркебузами и $\frac{1}{4}$ арбалетами. Швейцарцы, поступившіе на службу, въ 1511 г., къ папѣ, считали на 10.000 чел.—2.500 стрѣлковъ, т. е. уже достигли 25⁰/₀ стрѣлковъ; при походѣ Фруидсберга на Римъ, $\frac{1}{7}$ часть ландскнехтовъ была вооружена аркебузами, т. е., нѣсколько меньше 15⁰/₀. Легионы Франциска I (1534) заключали $\frac{1}{3}$ стрѣлковъ, т. е., 33⁰/₀. Во французскихъ старинхъ дружинахъ, заявившихъ въ 1552 г. Мездъ, на 15.000 чел. числительнаго состава, число аркебузеровъ было отъ 5 до 6-ти тысячъ, т. е., отъ 33⁰/₀ до 40⁰/₀, но и большая часть

*) Интересно, что самое названіе «мушкетъ» произошло вовсе не отъ мушки, какъ это могло-бы казаться, по первому впечатлѣнію, но отъ итальянскаго «миссечетта», что значитъ колючка (нерѣдко употреблявшійся для соколиной охоты). По средне-вѣковому обычаю, именами разныхъ, преимущественно хищныхъ, птицъ называли вначалѣ тяжѣлыя стрѣлы большихъ арбалетовъ (которыя летали, подобно хищнику, бросаясь падая на свою добычу); вѣтъмъ названіе перенеслось на самое орудіе, бросавшее ихъ, а потомъ перешло и на болѣе легкія изъ огнестрѣльныхъ орудій—пистолеты, вошедшія на боевыхъ повозкахъ, родѣ тѣхъ, которыя употреблялъ Педро Наварро подъ Равенной, подобно тому, какъ были фальконы (соколы), нахигали (соловьи) и т. п., а затѣмъ эти облегченныя военные орудія были сняты съ повозокъ, снабжены вилками, и, такимъ образомъ, обратились въ ручное оружіе. (Viollat le Duc: «Dictionnaire raisonné», t. VI, стр. 413; также Jahn's: «Handbuch», выд. на стр. 1036 и его-ж.: «Geschichte der Kriegswissenschaften», т. I, стр. 659).

**) Montiu: «Commentaires» (liv. II, стр. 139).

никшеровъ была вооружена заткнутыми за поясъ пистолетами. Къ половинѣ XVI вѣка, въ арміи Максимилиана II считалось необходимымъ въ каждомъ значкѣ (Fähnlein), слой въ 400 человекъ, имѣть уже до 200 аркебузеровъ, т. е., 50⁰/₀; при этомъ число мушкетеровъ тоже возросло съ 10 на роту—до 50 *). Такимъ образомъ, въ теченіи ста лѣтъ (1450—1550) процентъ пѣхотинцевъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, возросъ отъ 2-хъ до 50.

Увеличеніе числа людей, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, поставило на очереди вопросъ о наиболѣе целесообразномъ ихъ строѣ, о способѣ комбинированія ихъ боевой дѣятельности съ дѣятельностью пѣхоты, вооруженной холоднымъ оружіемъ, а также о соответствующихъ боевыхъ порядкахъ совокупности различныхъ родовъ пѣхотинцевъ.

По примѣру древнихъ римлянъ, въ этомъ отношеніи, была оцѣнена, прежде всего, важность подготовки боя легкой пѣхотой, дѣятельность которой позволяла полководцу завязать бой, не ставя все сразу на карту, выиграть одинъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ на войнѣ—*время*, съ тѣмъ, чтобы, ориентировавшись въ расположеніи и силѣ противника, въ свойствахъ мѣстности и характерѣ завязываемаго боя, тѣмъ целесообразнѣе и вѣрнѣе нанести свой главный ударъ, или, буде обстановка боя складывалась невыгодно, уклониться отъ рѣшительнаго столкновенія. До появленія огнестрѣльнаго оружія, легкая пѣхота, служившая для этого подготовительнаго періода боя, состояла изъ лучниковъ и арбалетчиковъ. Вплоть естественно, что и огнестрѣльное оружіе прежде всего получило примѣненіе въ вооруженіи той-же легкой пѣхоты, предназначенной, къ веденію подготовительнаго боя, такъ какъ метательное и огнестрѣльное оружіе по своему характеру, вообще, способствуетъ лишь подготовкѣ рѣшенія, но не даетъ, въ большинствѣ случаевъ, достиженія самого рѣшенія боя. Обыкновенно, отъ каждаго ряда главной массы выдѣлялось по одному такому легко-вооруженному пѣхотинцу, которые или вызывались, какъ охотники, или определялись жребіемъ **);

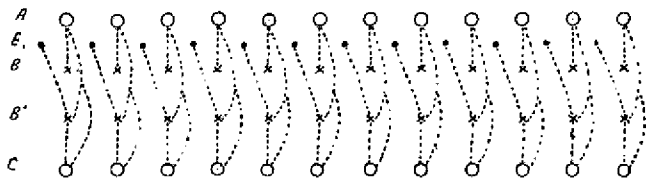
*) *Рисковъ*. «Исторія пѣхоты», (т. I, стр. 209). *Quarré de Vernexil*, (стр. 108). *Jahn*. «Handbuch», (стр. 1062 и 1209). *Пумперский*. «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка», (т. II, стр. 107—108). *Гейсманъ*. «Краткій курсъ», (т. II, кн. I, стр. 8—9).

***) *Fr. Isperger*. «Kriegszbuch», 1596 г. (т. II, стр. XLIII) «...er thue es mit willen, oder verliere durch spiel-n...»; можетъ быть, отсюда и происхожденіе ихъ названія «verlorene Knechte», т. е., въ смыслѣ—пропавшіе, потерявшіе. Дальше указывается другой смыслъ этого имени.

поэтому численность легкой пѣхоты была крайне ограниченной, равняясь числу рядовъ въ шеренгѣ, которое, какъ мы видѣли, при глубокихъ порядкахъ пѣхоты, было незначительно.

Источники мало даютъ указаній, въ какомъ порядкѣ велся этотъ бой легкой пѣхотой; сохранились только названія ея: «потерянная толпа» (verlorene Haufen), «пропавшіе ребята» (enfants perdus) *), которыя, повидимому, указываютъ, что особаго руководства имъ въ бою не было, что начальник считалъ ихъ «потерянными» для рѣшительнаго боя и что они руководились преимущественно собственнымъ здравымъ смысломъ, производя стрѣльбу, принимаясь, по мѣрѣ возможности, къ

Черт. 15.

Совокупный строй лучниковъ и аркебузеровъ. (по Виолла ле-Дюкь).

мѣстности, рассыпаясь по ней болѣе или менѣе густо, въ зависимости отъ численности силъ, выдѣленныхъ для подготовки боя или наступая небольшими сомкнутыми частями **). Такъ какъ вооруженіе легкихъ войскъ, въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ, было смѣшанное, и, одно время, въ числѣ ихъ находились и лучники и аркебузеры, то были попытки совмѣстить ихъ дѣйствіе; такъ, образовали первую шеренгу (черт. 15) изъ лучниковъ А, вторую и третью — В и В¹ изъ аркебузеровъ и четвертую — С, снова изъ лучниковъ. Произведя выстрѣлъ, аркебузеры А поворачивались кругомъ и, пройдя между рядами, занимали мѣсто послѣдней шеренги С, а эта послѣдняя про-

*) Необходимо однако имѣть въ виду, что далеко не рѣдкость было встрѣтить въ числѣ «пропавшихъ ребятъ» вооруженныхъ и холоднымъ оружіемъ, и, какъ мы видѣли подъ Мариньяно и подъ Ли-Викокой, у швейцарцевъ они состояли изъ алебардистовъ; по тактической организаціи, предложенной Гильомомъ де-Беллэй-Лавжей, для легионовъ 1536 г., въ «пропавшіе ребята» выдѣлялись двѣ дружины, изъ которыхъ каждая состояла изъ 340 стрѣлковъ и пикинеровъ. («Discipline militaire», 1532 г., стр. 59 и 62, лѣв.).

**) «...leur office sera de combattre sans tenir ferme et en courant çà et là, soit qu'ils chassent les ennemis ou qu'ils soient chassés, en quoy les Fiquiers seruiront beaucoup; car ils sont:ndront les Harquebouteziers», какъ говорить du Bellay («Discipline militaire», стр. 38).

двигалась впередъ къ шеренгѣ лучниковъ В¹, которые, въ это время, выдвигались въ Е и, вмѣстѣ съ лучниками В, производили стрѣльбу изъ лука. Когда хотѣли возобновить стрѣльбу аркебузеровъ, то перешедшіе въ В¹, аркебузеры (бывшій 4-я шеренга) выступали въ 1-ю шеренгу, а лучники занимали прежнее положеніе В—В¹, а аркебузеры бывшей 1-й шеренги, оставаясь въ С, заряжали свои аркебузы. Подобный контрмаршъ рядами могъ производиться безъ нарушенія порядка, если интервалъ между рядами былъ не менѣе 1¹/₂—2-хъ шаговъ.

По флангамъ этого «стрѣлковаго частокла» (*haie des tailleurs*) располагались пикинеры или конныя части, прикрывавшіе стрѣлковъ отъ атаки во флангъ; при такой атакѣ стрѣлки скрывались позади пикинеровъ и строились въ квадратную колонну*). Выдвинутые впередъ «пропавшіе ребята», обыкновенно не удалялись болѣе 150—200 шаговъ отъ расположенныхъ въ «четверномъ» строю главныхъ силъ, или «свѣтлой толпы» (*heller Haufen*). Эти послѣднія, изъ людей, преимущественно вооруженныхъ холоднымъ оружіемъ, служили легкой пѣхотѣ прикрытіемъ, въ случаѣ перехода непріятеля въ рѣшительное наступленіе, или когда онъ выдвигалъ самаго опаснаго для стрѣлковъ противника—хорошую кошицу, противъ которой стрѣлки, при плохомъ еще состояніи огнестрѣльнаго оружія и при невозможности производить скорой палбы, а также при отсутствіи у нихъ хорошаго холоднаго оружія, были, на близкой дистанціи, почти беззащитны. Съ увеличеніемъ однако числа людей, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое, какъ мы видѣли, къ срединѣ XVI вѣка, достигло почти 50% всего состава войскъ, число стрѣлковъ и «пропавшихъ ребятъ» должно было значительно увеличиться, и подобный порядокъ началъ представлять крупное неудобство, вырывая изъ непосредственнаго командованія начальниковъ слишкомъ значительныя силы; иногда, какъ подъ Черизолой, подъ начальствомъ даровитаго, энергичнаго руководителя (Монлюкъ), стрѣлки и въ большихъ массахъ приносили весьма благоприятные результаты, но при естественномъ желаніи — не предоставлять исхода боя такой случайности, какой является подобный исключительный руководитель, и сохранить въ своихъ рукахъ управленіе болѣе значительными силами, явились попытки расположить стрѣлковъ въ самомъ «четверномъ» строю.

*) *Viollet le Duc*. «Dictionnaire raisonné»; т. VI, стр. 422.

Рукописный сборникъ конца XV вѣка, приписываемый Филиппу Сельденеку ^{*)}, подъ заглавіемъ „Ordnung der Fußknecht zu einem Feldschlagen“, даетъ указаніе на одно изъ первыхъ по времени рѣшеній вопроса о размѣщеніи стрѣлковъ въ самомъ четверномъ порядкѣ, по способу, замѣтванному, повидимому, отъ швейцарцевъ. Самое простое рѣшеніе было образовать изъ

Черт. 16.

Ф. а.

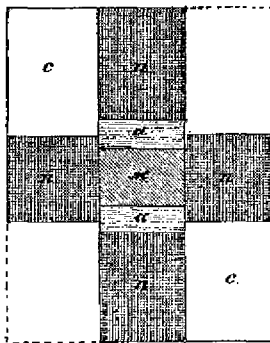

Четверной строй, съ стрѣлками на флангахъ (по Сельденеку).

стрѣлковъ наружные фланги или крылья четверного порядка (черт. 16); для 1000 чел., Сельденекъ предлагаетъ ставить въ шеренгу 100 чел., имѣя въ серединѣ аллебардистовъ, затѣмъ сваружи ихъ—пикинеровъ и наконецъ, на крайнихъ оконечностяхъ—стрѣлковъ; такимъ образомъ, получалась глубина всего въ 10 шеренгъ, что, для той эпохи, было строемъ очень тонкимъ.

Черт. 17.

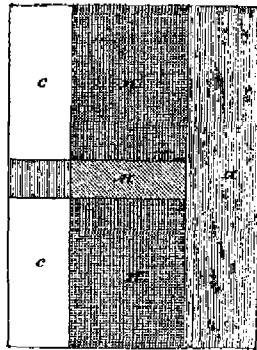
Ф. б.

Крестообразный строй
(по Сельденеку).

Черт. 18.

Ф. в.

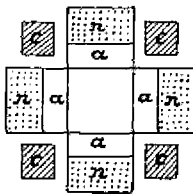
Колонна, прикрытая съ фланга
лѣвыми стрѣлками (по Сельденеку).

Впрочемъ, если стрѣлковъ было много, то Сельденекъ предлагалъ болѣе глубокий строй, основу котораго составляли крестообразно поставленные пикинеры; въ центрѣ этого креста становились аллебардисты и меченосцы, а во входящихъ углахъ, образуемыхъ выступившими частями креста,—стрѣлки (черт. 17);

^{*)} Хранятся въ библиотекѣ великаго герцога Ваденскаго въ Карльсруэ. (Jahn's, «Geschichte» т. I, стр. 323—327).

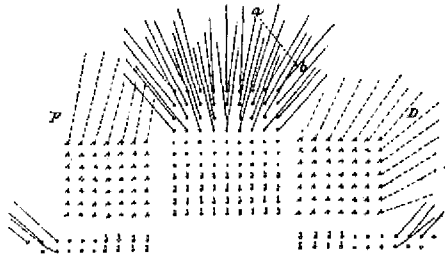
если их не доставало, чтобы запожнить всё 4 входящих угла, то они заповдвигали лишь лѣвый передній и задній правый углы; это расположение давало возможность, въ случаѣ атаки съ фронта и съ тыла, дѣлать весь строй пополамъ, поворачивая тыльную половину кругомъ, при чемъ въ обѣихъ половинкахъ сохранялись всё виды пѣхоты со стрѣлками на лѣвыхъ флангахъ. Когда стрѣлки выдвигались для завязки боя, то строй обращался въ крестъ изъ пикьеровъ. Наконецъ, если мѣстность прикрывала коловну отъ атаки (съ фланговъ), то пикьерныя крылья сливались съ средней частью пикьеровъ, и колонна Сельденека принимала видъ, указанный на черт. 18. Аллебардисты располагались вдоль всего праваго фланга колонны, а меченосцы отдѣляли переднюю часть стрѣлковъ отъ тыловой.

Черт. 19.

Крестообразный строй
(по Виоллэ ле-Дюкь.)

Черт. 20.

Передняя часть крестообразнаго строя (по Виоллэ ле-Дюкь.)

Крестообразные строи Сельденека напоминаютъ также построение, приводимое Виоллэ ле-Дюкомъ *), съ той лишь разницей, что въ послѣднемъ (черт. 19 и 20) самая середина креста оставалась пустою, а стрѣлки, будучи малочисленнѣе пикьеровъ и аллебардистовъ вмѣстѣ взятыхъ, образовали меньше квадраты во входящихъ углахъ (въ 7 шеренгъ, по 7 рядовъ въ шеренгѣ); аллебардисты становились пояди пикьерныхъ квадратовъ, въ 4 шеренги.

Герцогъ Филиппъ Клевс ***) даетъ слѣдующее описаніе боевоя порядка пѣхоты конца XV вѣка (1489 г.): впереди идутъ 50—60 паръ «пропавшихъ ребячь», ****) (compaignons perdus), которые вступаютъ «безъ строя» (sans ordre); затѣмъ строится главная колонна: впереди— 4 шеренги пикьеровъ, за ними— 2 шеренги аллебардистовъ и при нихъ одинъ значекъ; затѣмъ слѣдовали снова пикьеры такъ, чтобы

*) *Viollé le Duc. «Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque carlovingienne à la renaissance». Paris. 1874. t. VI, стр. 418.*

**) «Description de la forme et de la manière de fonder le faict de la guerre»; въ рукописи это сочиненіе появилось въ 1498 г., напечатано было въ Парижѣ, въ 1688 г., подъ другимъ заглавіемъ: «Instruction de toutes manières de guerres». Переводъ этого труда имѣется въ соч. Фронспергера «Kriegsbuch». 1596.

****) Исвъ говорить: 50—60 паръ «пропавшихъ ребячь», но въ переводѣ Фронспергера говорится лишь: «50—60 verloren knechte».

израсходована была половина всего наличнаго ихъ числа; за пикинерами размѣщались почти всѣ аллебардисты и посреди ихъ — значки, въ тылу которыхъ снова въ обратномъ порядкѣ повторялась головная часть колонны: 2-я половина пикинеровъ, двѣ шеренги аллебардистовъ со значкомъ и въ самомъ хвостѣ 4 шеренги пикинеровъ; аллебардисты, расположенныя въ центрѣ, прикрывались съ фланговъ 3—4 шеренгами пикинеровъ. Съ лѣваго фланга этой колонны, располагалась вдоль всей ея глубины, лучинка (*gents de traict*), по 4 человека въ шеренгѣ; болѣе 4-хъ лучинковъ не рекомендовалось ставить, чтобы, въ случаѣ атаки на флангъ колонны, пики правѣе ихъ находившихся пикинеровъ, могли бы предохранить лучинковъ, укрывавшихся подъ эти пики; для большаго же числа стрѣлковъ длина пики оказывалась недостаточной.

Пристраиваніе стрѣлковъ преимущественно съ лѣваго фланга у Клеве и у Сельденека, повидимому, указываетъ на то, что они являлись второстепеннымъ родомъ войскъ, балластомъ, который и пристраивали къ право-фланговымъ пикинерамъ и аллебардистамъ, бывшимъ, по своей надежности, устойчивой опорой полководца. Впрочемъ у Клеве, правѣе его пѣхоты, двигалась компания (въ порядкѣ описанномъ выше, на стр. 223, выш.), и потому, можетъ быть, онъ желалъ помѣстить стрѣлковъ на наружномъ флангѣ общаго боевого порядка. Сочиненіе Клеве не даетъ, къ сожалѣнію, никакихъ указаній на протяженіе его боевого порядка по фронту и въ глубину; тѣмъ не менѣе, имѣются указанія на то, что уже къ концу XV вѣка французскія войска не строили чрезмерно глубокихъ боевыхъ порядковъ пѣхоты, и протяженіе ихъ колоннъ по фронту почти всегда превышало глубину.

Интересна схема пѣхотной колонны, конца XV-го и начала XVI вѣка, приводимая Виолэ ле-Дюкомъ *) изъ всевозможныхъ родовъ бывшей тогда въ употребленіи пѣхоты, для отряда

Черт. 21.

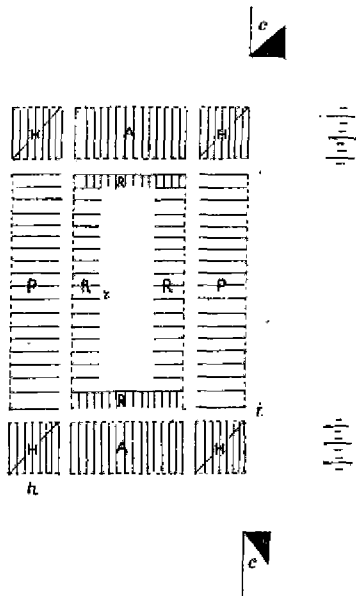

Схема боевого порядка, съ колонной различно вооруженныхъ пѣхотинцевъ (по Виолэ ле-Дюку).

*) *Viollet le Duc*, «Dictionnaire raisonné», т. VI, стр. 405—406.

въ 1006 человекъ (342 пикниера, 294 алебардиста, 190 аркебузеровъ и 180 лучниковъ и арбалетчиковъ); (черт. 21). Центральную массу составляли алебардисты и копейщики (R), строившіеся въ 5 шеренгъ, съ фронта и съ тыла внутренняго прямоугольника и образовывавшихъ по 2 сквозныхъ ряда вдоль фланговъ этого прямоугольника; съ фронта и съ тыла алебардисты прикрывались 9-ю шеренгами пикниеровъ (P), по флангамъ которыхъ располагались 4 крыла аркебузеровъ (H), строившіеся въ 9 шеренгъ по 5 рядовъ; между переднихъ и заднихъ крыломъ аркебузеровъ, съ каждой стороны, по флангамъ алебардистовъ, строились лучники и арбалетчики (A), также имѣвшіе по 5 рядовъ въ шеренгѣ. Впереди этого прямоугольника выстраивались артиллерійскія орудія, а по флангамъ—копейца.

Желаніе упорядочить бой «пропавшихъ ребятъ» особенно замѣтно у автора сочиненія «Вѣрный Совѣтъ» («Trewer Rath». 1522 г.), придающаго имъ дѣйствіямъ совершенно роль авангарда; численность «пропавшихъ ребятъ», при отрядѣ въ 10.000 чел. пѣхоты, указана имъ въ 3.200 чел., и наступали они въ колоннѣ съ достаточно широкимъ фронтомъ, имѣя по флангамъ 200 человекъ стрѣлковъ-скороходовъ (lauffer). «Пропащіе ребята» схватываются съ передовымъ отрядомъ противника, а въ то-же время главныя силы (Gewalthaufen) въ колоннѣ, вдвое болѣе широкой чѣмъ глубокой, имѣя 300 человекъ скороходовъ, на обѣихъ флангахъ, и 400 человекъ въ резервѣ съ тыла (Anhang), не ожидаютъ исхода этого боя, но продолжаютъ наступать, выдвигаясь правѣе или лѣвѣе «пропавшихъ ребятъ»; въ то-же время скороходы съ фланговъ быстро выдвигаются въ рѣшительную минуту и атакуютъ непріятельскія орудія, стараясь овладѣть ими, пока они не успѣютъ еще дать ни одного выстрѣла, уклоняясь однако и рассыпаясь при атакѣ сомкнутыхъ частей. Въ рѣшительную минуту, выдвигается бѣгомъ резервъ (500 ч.) и бросается на одинъ изъ фланговъ противника, что обыкновенно даетъ самые дѣйствительные результаты. Нельзя не согласиться съ Ленсомъ*), что подобный способъ наступленія пѣхоты обнаруживаетъ уже значительное тактическое развитіе и здравый боевой смыслъ у автора, мысли котораго однако настолько опередили его современниковъ, что взгляды его долго еще оставались «сокровенными» («verborgen Ding») для полководцевъ его времени, и не примѣнялись ими на практикѣ.

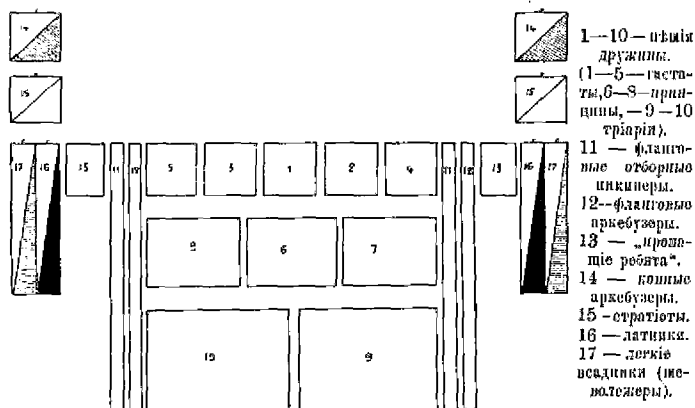
Тактическіе порядки легіонной пѣхоты Франциска I, судя по описанію до-Беллэй**), были слѣдующими: изъ 6.000 чел.

*) Jähns. «Geschichte der Kriegswissenschaften», т. I, стр. 475—477.

**) Guillaume du Bellay Langey. «Discipline militaire». 1592, liv. I, стр. 59—64.

легиона выдѣлялись «пропаціе ребята», въ числѣ 680 аркебузеровъ и 170 пикперовъ, служившихъ первымъ сомкнутой поддержкой. Въ началѣ построения легиона они ставились на флангахъ, въ колоннѣ въ 20 шеренгъ, по 21 ряду въ каждой, аркебузеры—впередѣ пикперовъ, а затѣмъ, при завязкѣ боя, выдвигались впередъ и разсыпались. Главную массу легиона образовали 10 когорты, или дружины (bandes), состоявшихъ изъ 3.600 пикперовъ и 600 аллебардистовъ. (Черт. 22). По флангамъ этихъ дружинъ становились, въ глубокой ко-

Черт. 22.

Построеніе французскаго легиона (по де-Веллэй-Ланжой).

лоннѣ рядами, 210 аркебузеровъ и 210 отборныхъ пикперовъ. 10 дружинъ строились въ три линіи, располагаемыя другъ отъ друга на дистанціи въ 25 шаговъ; въ первой линіи, соответствовавшей римскимъ гастатамъ,—5 дружинъ, во второй (принципы)—3 дружины и въ третьей (триаріи)—2 дружины. Каждая дружина строилась въ 20 шеренгъ, изъ которыхъ первая 8 состояли изъ пикперовъ, затѣмъ слѣдовали 4 шеренги аллебардистовъ, со знаменемъ-значкомъ, и замыкали дружину опять 8 шеренгъ пикперовъ; въ каждой шеренгѣ по 21 ряду.

Въ дружинахъ первой линіи люди располагались, считая на человѣка по фронту по 2 шага (на походѣ по 3) и въ глубину по 3 шага на шеренгу (на походѣ—по 4, во время столкновения съ противникомъ—по одному шагу);

такимъ образомъ, каждая дружина 1-й линіи занимала 42 шага по фронту и 60 шаг. въ глубину. Въ дружинахъ второй линіи на каждого человека приходилось по фронту и къ глубину вдвое больше, а въ третьей—люди располагались почти втрое шире, чѣмъ въ первой. Эти 10 дружинъ занимали, слѣдовательно, 230 шаговъ по фронту и 320 шаг. въ глубину.

Фланги пѣхоты легіона прикрывались конницей: 100 латниками и 100 легкими всадниками, становившимися рядомъ съ первыми; и тѣ и другіе—въ колоннѣ по 10 рядовъ въ шеренгѣ. Впереди этой конницы выдвигались еще съ каждаго фланга по двѣ дружины стратиготовъ и конныхъ аркебузеровъ. Допускались также варианты: расположение легіона въ 2 линіи, по 5 дружинъ въ каждой, или въ 3 линіи, располагая въ 1-й и 3-й—по 4 дружины, а въ средней—2 дружины.

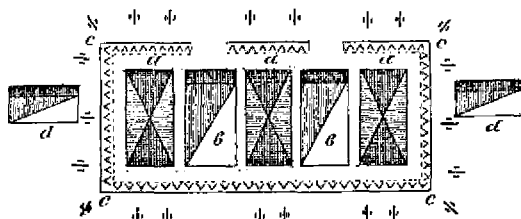
«Пропанце ребита», по образцу римскихъ велиговъ, вызывали бой, затѣмъ наступали пикинеры, отбивали атаку неприятельской конницы и бросались на пѣхоту противника, прикрываясь круглыми щитами (*rondelle*); въ рукопашной схваткѣ, они брались за мечи, и алябардисты ихъ поддерживали. Изъ четырехъ легіоновъ, поставленныхъ попарно, дю-Беллэй образуетъ нормальный боевой порядокъ арміи, въ видѣ пустаго внутри прямоугольника, помѣщая по флангамъ его конницу соответствующихъ двухъ легіоновъ (которые, впрочемъ, на практикѣ, конницы не имѣя). По примѣру Макіавелли, объ артиллеріи почти не упоминается, а вмѣсто аркебузеровъ еще предпочитается имѣть арбалетчиковъ.

Боевой порядокъ легіона, предложенный дю-Беллэй, какъ видно, отличается отъ предложеннаго Макіавелли (черт. 6, на стр. 22), тѣмъ, что въ послѣднемъ дружины триаріевъ и принциповъ стоятъ на боѣе значительныхъ интервалахъ, тогда какъ во французскомъ легіонѣ сами люди стоятъ на большихъ интервалахъ, чѣмъ гастаты, и интервалы между дружинами одинаковы во всѣхъ трехъ линіяхъ, что нельзя считать усовершенствованиемъ порядка Макіавелли, такъ какъ у послѣдняго, при совокупномъ дѣйствіи обѣихъ линій, боѣе обезпечивался порядокъ боя: дружины триаріевъ и гастатовъ не перемѣшивались другъ съ другомъ, что было неизбежно, при отступленіи гастатовъ французскаго легіона на линію принциповъ. Кроме того, недостатокъ этого построения, также какъ и у Макіавелли,—стремленіе приспособить строй только къ оборонительнымъ дѣйствіямъ, при чемъ участіе въ бою принциповъ и триаріевъ становится возможнымъ лишь съ отступ-

лением гастатов на заднія линии, а не съ наступлениемъ послѣднихъ, какъ у римлянъ.

Желаніе держать поближе къ сомкнутымъ частямъ стрѣлковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать имъ возможность дѣйствовать изъ своего оружія, привело къ довольно неудачной идеѣ окруженія сомкнутыхъ пикшерныхъ батальоновъ настоящей стрѣлковой каймой; увлеченіе такими строями привело къ тому, что стали окружать стрѣлками не только пѣхоту, но даже тяжелую конницу. Верхомъ подобнаго уродливаго представленія о стрѣлкахъ явилось окруженіе стрѣлковой каймой цѣлага боевого порядка 120-тысячной арміи Карла V, собранной имъ въ 1532 г., подъ Вѣлой, противъ турокъ. Въ центрѣ этого

Черт. 23.

Боевой порядокъ арміи Карла V (1532).

боевого порядка (черт. 23), должны были стать три пикшерныхъ колонны, силой по 24.000 чел. (а) Каждая изъ нихъ состояла изъ 156 шеренгъ и изъ столькоже-же рядовъ въ шеренгѣ, занимая по фронту 186 шаговъ и въ глубину 372 шага. Въ двухъ интервалахъ между ними располагалась тяжелая конница, около 20.000 чел. (b) и кругомъ всей этой массы, въ 30 шагахъ, выстроены были, въ 5 шеренгъ, стрѣлки (20.000 ч.), впереди которыхъ были разбросаны артиллерійскія орудія (c); въ этой живой оградѣ, имѣвшей всего два выхода, была выставлена только легкая венгерская конница (d) *).

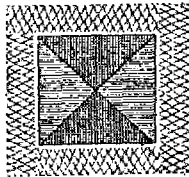
Этотъ грузный боевой порядокъ 120-тысячной арміи, общее протяженіе котораго по фронту было всего 1.000 шаговъ, напоминаетъ массивное укрѣпленіе съ брустверомъ изъ стрѣлковъ и является доказательствомъ оборонительнаго направленія, принятаго въ тактикѣ германской арміей, въ

*) *Ростовъ*, «Исторія пѣхоты», (т. I, стр. 286). *Гейманъ*, (ч. II, кн. 1, стр. 10). *Meunier*, «Geschichte des Kriegswesens», Wien 1868. (т. II, стр. 352). *Jahn*, «Handbuch», (стр. 1211).

силу недоброкачества тѣхъ элементовъ, которыми, поневолю, пришлось ее пополнить, въ предположеніи, что достигнуто при этомъ численностью можно будетъ остановить національное турецкое войско, одушевленное религіознымъ фанатизмомъ и достигшее, въ это время, высшаго проявленія боевого наступательнаго духа. Неудачи, которыя постоянно терпѣли арміи Габсбурговъ, въ XVI и XVII вѣкахъ, отъ турокъ, доказали, какъ мало было пригоденъ подобный способъ дѣйствій и какъ мало приносило пользы стремленіе къ увеличенію численности силъ, при подобной ихъ эксплуатаціи.

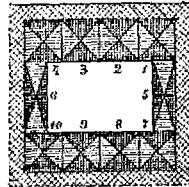
Обруженіе батальоновъ стрѣлковымъ поясомъ не замедлило получить теоретическаго защитника, въ лицѣ вышеупомяну-

Черт. 24.

Квадратный строй, съ внутреннимъ поясомъ стрѣлковъ.

Черт. 25.

Квадратъ, съ внутреннимъ поясомъ стрѣлковъ.

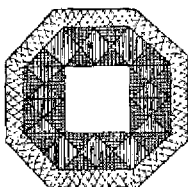
того итальянскаго ученаго, Тарталья: считая необходимымъ упорядочить расчеты людей, для составленія «четверного» строя, онъ составилъ свои таблицы, вводя въ счетъ и людей для «внѣшней стрѣлковой оболочки» (*fornitura di archebuzieri*).

Лишь только сожнутыя части противника отбрасывали стрѣлковъ, которые вели бой впереди въ разсыпномъ строю, послѣдніе тотчасъ-же спѣшили къ своимъ батальонамъ и скрывались подъ нихъ, становясь на колѣни, или садясь на землю (черт. 24), а чаще стараясь проникнуть какъ-нибудь между рядами пикьеровъ, чтобы вполнѣ укрыться за ихъ силами, очевидно, такой способъ дѣйствій чрезвычайно затруднялъ пикьеровъ въ самую трудную минуту, когда имъ приходилось дѣйствовать своимъ оружіемъ, и велъ къ безпорядку и всеобщей путаницѣ, которая очевидно возрастала, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось и число стрѣлковъ; если прежде не допускалось имѣть болѣе 4-хъ стрѣлковыхъ рядовъ, передъ пиками, то къ половинѣ XVI вѣка, пришлось допустить 6 и даже 8 шеренгъ стрѣлковъ, такъ какъ число людей,

вооруженных опестрѣльнымъ оружіемъ, постоянно увеличивалось; при такихъ условіяхъ, пикинеры уже никакъ не могли выполнить лежащія на нихъ обязанности по прикрытію стрѣлковъ.

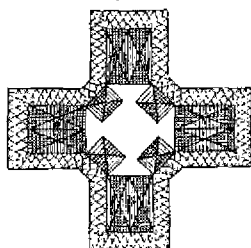
Чтобы помочь этому горю, явился очень простой способъ, именно, стали строить *пустые внутри четверные строи*; этикъ увеличивался периметръ всей массы пикинеровъ, увеличивалась, слѣдовательно, и длина стрѣлковой линіи, а потому могла быть уменьшена ея глубина, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, утилизовались и находившіеся до тѣхъ поръ внутри батальи люди, не принимавшіе дѣятельнаго участія въ бою; наконецъ, сдѣлалось возможнымъ стрѣлкамъ, пользуясь проходами, дѣйствительно скрываться за пикинерами и находить себѣ мѣсто внутри батальи. (Черт. 25).

Черт. 26.

Восьмиугольный строй.

Черт. 27.

Крестообразный строй.

Герцогъ *Амбрезъ Бранденбургскій* (1552 г.) рекомендуетъ строить такой *пустой четверной строй изъ полныхъ квадратовъ*, выводя изъ нихъ $\frac{1}{2}$ людей изнутри и строя, такимъ образомъ, рядомъ съ полнымъ—пустой квадратъ. Пустые квадраты, по его мнѣнію, хороши и для обороны, такъ какъ даютъ возможность большому числу людей дѣйствовать оружіемъ, и для атаки, потому что легко внутри имѣть орудія, которыя, въ рѣшительную минуту, открываются и съ близкой дистанціи обстрѣлываютъ противника.

Иногда четвероугольникъ оставался открытымъ съ фронта, имѣя впереди лишь два рога, между которыми помещался обозъ; иногда же обратно,—отсутствовала тыловая часть, и строй принималъ форму буквы П (фиг. № 28, на табл. VII).

Желаніе еще больше увеличить протяженіе стрѣлковой линіи привело къ самымъ разнообразнымъ неуклюжимъ построеніямъ—восьмиугольникамъ, (черт. 26), пустымъ внутри крестамъ (черт. 27), кольцообразнымъ порядкамъ, получавшамся округленіемъ угловъ пустого квадрата, и такіе по-

рядки, конечно, почти не имели практического применения, а существовали лишь в теории.

Нормальным порядком имперской армии быть, по прежнему, полный квадрат, окруженный поясом стрѣлковъ, въ 5—6 шеренгъ; такимъ образомъ, выработался такъ называемый *венгерскій боевой порядокъ*. Его впрочемъ часто употребляла и испанская армия, потому что, входя первою въ составъ имперско-габсбургской армии, она выработала средина съ послѣдней тактической формы, сохранившейся и послѣ того, какъ Испанія, по отреченіи Карла V, перестала составлять неразрывное цѣлое съ священной Римской имперіей: такъ, родство политическое неизбежно влечетъ за собою родственныя аналогичныя взгляды и въ области военного дѣла и вызываетъ сходство вырабатываемыхъ стратегическихъ и тактическихъ формъ.

Въ испанской арміи различали полные квадраты (инго—стѣна) и пустыя (сегса—заборъ, или согга—небольшой дворъ). Къ послѣднему порядку часто прибѣгали, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось защищать великихъ сановниковъ и государей; хотя бока этого дворика изъ пѣхоты былъ очень неглубокъ — всего въ 3 шеренги глубины, но за то передніе ряды первою связывали себя желѣзной цѣпью и образовали непроницаемую стѣну изъ шикъ *).

Одновременно съ указаннымъ неудачнымъ рѣшеніемъ вопроса о связи пѣхоты, вооруженной холоднымъ оружіемъ, со стрѣлками, путемъ окруженія послѣдними пикетирныхъ батальоновъ, тотъ-же вопросъ развивался въ другомъ направленіи, именно — путемъ снабженія сомкнутыхъ пикетирныхъ частей, съ фланговъ, стрѣлковыми крыльями; иногда совмѣщались оба способа размѣщенія стрѣлковъ. Цримѣръ удачнаго размѣщенія стрѣлковаго крыла мы видимъ подъ Черизолой (вѣтерани). Эти крылья выдвигались частью уже заранее впередъ или назадъ, образуя такъ называемыя «рога», (Hörner), при чемъ и самыя эти крылья, или рога стали располагаться, по общему обычаю, тоже въ четверномъ или квадратномъ строѣ (чертежи №№ 20, 21 и 22, на табл. VII).

Таковы порядки, рекомендуемые преимущественно *Альбрехтомъ Бранденбургскимъ* (1552). Въ подобномъ-же родѣ описаніе построе-

*) Впрочемъ въ испанской арміи, которая, въ то время, вела войну чуть-ли не на всѣхъ театрахъ стараго и новаго свѣта, были известны и другія построенія, бывшія тогда въ ходу: германскій «клинь» (сипео), швейцарскій круглый «ежъ» (шела—жернонь), французскій «частоваль» (ваза—огородъ, вѣроятно отъ французскаго haub), и австрійскій крестъ (la cruz).

ния въ 3 й части книги Фронспергера *)). Боевой порядок полка (10 значковъ) пѣхоты, общей численностью въ 4000 чел., въ томъ числѣ 1500 аркебузеровъ, строится, по Фронспергеру, слѣдующимъ образомъ (фиг. 19, натабл. VII): въ 2500 человекъ, вооруженныхъ длинными и короткими оружіемъ, строится четверной строй, заключающій 51 рядъ въ каждой изъ 59 шеренгъ **). Затѣмъ изъ 1000 стрѣлковъ образуются 4 крыла, по 30 шеренгъ каждое, съ 7-ю рядами въ шеренгѣ. (Тоже непонятная арифметика? $30 \times 7 = 210$, а на крыло приходится 250 чел.). Значки—знамена вводятся во внутрь и, располагаясь, какъ указано на чертежѣ, прикрываются аллебардистами, идя снаружи, на флангахъ, отъ 3 до 5 рядовъ пикинеровъ (S и F), прижимающихся къ аркебузерамъ, окаймляющимъ всю колонну (E и E), а сзади прикрываются 13—14 шеренгами пикинеровъ. Рекомендовалось также впереди первой шеренги пикинеровъ или непосредственно за ней имѣть рядъ стрѣлковъ, а за тремя первыми рядами пикинеровъ располагать одинъ рядъ аллебардистовъ.

Капитаны становятся по два на углы и по одному въ серединѣ первой и задней шеренгъ; остающіеся 500 стрѣлковъ или выдвигаются впередъ, въ качествѣ вольныхъ стрѣлковъ (Freyschützen), или прикрываютъ непосредственно флаги главной колонны, окаймляя ее со всѣхъ сторонъ.

Въ подобныхъ построеніяхъ, съ выдвинутыми стрѣлковыми крыльями и рогами, нельзя не видѣть опять-таки оборонительнаго отпечатка; новидемому, при атакѣ противникомъ такого строя, хотѣли создать изъ нихъ что-то вроде бастіоновъ, защищавшихъ доступъ въ куртины—пикирными рядами; словомъ, и тутъ видно стремленіе создать изъ живой силы людей мертвыя формы неподвѣжнаго укрѣпленія.

Глубокое построеніе стрѣлковъ ставило на очереди новый вопросъ—какъ производить огонь изъ подобнаго строя? Уже въ концѣ XV вѣка, долгое заряжаніе аркебузы и полная безпомощность стрѣлка, въ это время, побудили изыскать способы для постоянной смѣны стрѣлковъ, но производствѣ ими выстрѣла, новыми стрѣлками, которые успѣли-бы заранѣе изготовиться къ стрѣльбѣ. Мы видѣли два такихъ способа: 1) отстрѣлявшая шеренга становится на колѣно и поверхъ ея открываетъ стрѣльбу слѣдующая шеренга, которая затѣмъ также падаетъ, и т. д.; этотъ способъ, первое указаніе о которомъ можно видѣть въ штурмѣ Брешіи Гастомомъ де-Фуа (1512 г.) и въ бою при Ля-Бикокѣ (1522 г.), гдѣ его примѣнялъ Пескара, назывался «съ паденіемъ» (niederfallen) и годился пре-

*) «Kriegsbuch» (над. 1596 г.), стр. CV.

***) Простое умноженіе показываетъ однако, что для этого нужно 3009 чел., а не 2500.

интуитивно при оборонѣ; либо 2) помощью контръ-марша рядами, при которомъ отстрѣлявшіе стрѣлки первой шеренги поворачивались кругомъ и, пройдя между разомкнутыми рядами, становились въ заднюю шеренгу, гдѣ заряжали свои аркебузы, а тѣмъ временемъ, изготовившаяся къ стрѣльбѣ вторая шеренга заступала ихъ мѣсто и открывала огонь. При медленности заряжанія примитивной аркебузы, требовалось не менѣе 12 шеренгъ, для производства непрерывной стрѣльбы послѣдовательно смѣнявшимися стрѣлками. Уже курфюрстъ *Альбрехтъ Ахильс*, въ упомянутомъ своемъ трудѣ «*Preparation zum Feldzuge*» (1477), даетъ указаніе о подобной стрѣльбѣ, о которой говоритъ, «что стрѣлки должны идти, какъ колесо» (in ein Rad gehen), попеременно возвращаясь къ линіи огня, обозначаемой двумя воткнутыми вѣлками, и производя постѣ стрѣльбы контръ-маршъ рядами. При осадѣ Ланса, въ 1552 году, Монлюкъ расположилъ стрѣлковъ, по 10 человекъ, за каждой бойницей и, стрѣляя поочередно, добился того, что, когда послѣдняя шеренга производила выстрѣлъ, то ей мѣсто заступала отстрѣлявшая передъ тѣмъ первая шеренга стрѣлковъ, которые въ то-же время, изготовившись, могли открыть стрѣльбу *).

Въ открытомъ полѣ однако это «колесо» не дѣйствовало. При атакѣ конницей, стрѣлковыя кучи давали общій залпъ, дѣйствительность котораго была порой смертоноснѣе для самихъ стрѣлковъ, чѣмъ для противника: неудобный для стрѣльбы строй приводилъ къ тому, что заднія шеренги стрѣлковъ стрѣляли, въ лучшемъ случаѣ, поверхъ головъ своихъ товарищей, впереди расположенныхъ, а иногда, конечно, конечно, доставалось и имъ самимъ. Вслѣдъ затѣмъ, когда этотъ залпъ оставался безъ благоприятныхъ результатовъ, стрѣлкамъ не оставалось ничего дѣлать, какъ бѣжать подъ укрытіе пикетировъ, окружая ихъ каймой, или усиливая уже бывшую кайму, чѣмъ, конечно, крѣпче стѣснялись дѣйствія окаймлявшихъ стрѣлковъ и позади ихъ находившихся пикетировъ, которые не были въ состояніи, въ достаточной мѣрѣ, защитить стрѣлковъ своими пиками. Очевидно, что конницѣ противника, сохранившей свѣжія части, неразстроеннаго оплеча, представлялось, при подобныхъ условіяхъ, широкое поле для достиженія блестящихъ результатовъ; выдвигнувъ передовыя части, съ цѣлью вызвать огонь стрѣл-

*) *Montluc*. «*Commentaires*»; (liv. II, стр. 133, пѣв.), также *Fustosius* («*II* т. 1) и *льхоты*, т. I, стр. 229).*

ковъ и ихъ безпорядочное бѣгство подъ пикн, она могла затѣмъ атаковать образовавшуюся нестройную толпу и, врываясь на плечахъ стрѣлковъ въ середину пикнеровъ, производить между ними безпощадную рѣзню.

Стремленіе избавиться отъ такихъ неудобствъ, ведется въ двоякомъ направленіи или: 1) защитой стрѣлковъ помощью заблаговременнаго ихъ размѣщенія непосредственно позади первой шеренги пикнеровъ, что, какъ мы видѣли, было съ успѣхомъ примѣнено Монаюкомъ въ Черизольскомъ сраженіи (1544 г.) и вело къ органической связи дѣйствій холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, или 2) обезпеченіемъ стрѣлковъ различнаго рода мѣстными препятствіями, располагая ихъ преимущественно на недоступныхъ съ фронта участкахъ позиціи, или наконецъ, создавая для атакующей конницы искусственныя препятствія, въ видѣ рововъ, волчьихъ ямъ, штурмфалловъ, рогатовъ и боевыхъ повозокъ, располагаемыхъ вагенбургомъ.

Въ виду того развитія, которое получило примѣненіе вагенбурговъ на поляхъ сраженій XV и XVI вѣковъ, особенно послѣ значительныхъ успѣховъ, достигнутыхъ чехами-гуситами, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на изслѣдованіи этого вопроса. Когда, въ XIV вѣкѣ, городскія и сельскія общины вступили въ борьбу съ феодальной рыцарской конницей и стали организовать по преимуществу пѣхотныя ополченія, то послѣднія тотчасъ-же почувствовали необходимость изыскать средство, съ одной стороны, для ускоренія своихъ передвиженій, которыя производились значительно медленнѣе движеній ихъ противниковъ, а съ другой, — для усиленія своего расположенія, при атакѣ непріятельской конницей, страшной для не имѣвшей предохранительнаго вооруженія пѣхоты, и при несовершенствѣ тогдашняго огнестрѣльнаго оружія. Обоимъ этимъ требованіямъ, какъ нельзя лучше, удовлетворяла повозка; она давала возможность перевозить пѣхоту на дальнія разстоянія и, въ то-же время, образуя изъ повозокъ вагенбурги и укрываясь за ними, можно было парализовать самую лихую кавалерійскую атаку. Къ тому-же, городскія и сельскія общины, по условіямъ своей повседневной домашней жизни, всегда имѣли достаточное количество обыкновенныхъ повозокъ, которыя легко можно было употребить для военныхъ цѣлей.

Въ организациі общинныхъ ополченій видно стремленіе создать изъ каждой повозки пѣхоту вродѣ рыцарскаго «конья»; такъ, при опредѣленіи состава ополченій, обыкновенно указы-

Вагенбургъ.

валось, что каждые 5—6 человекъ должны имѣть боевую повозку, снабженную часто легкимъ орудіемъ, вроде сербатапа, или возмной аркебузы: самое вооруженіе этихъ 5—6 человекъ опредѣлялось обыкновенно смѣшанное, т. е., между ними быть, напр., одинъ лучникъ, одинъ аркебузеръ, одинъ арбалетчикъ и одинъ пикперъ (см. фиг. 40, на табл. XI); такимъ образомъ, ту элементарную организаціонную единицу, которая въ рыцарскомъ ополченіи называлась «копьемъ», замѣстила въ городскихъ и сельскихъ ополченіяхъ «повозка».

Служа средствомъ для передвиженій пѣхоты и получивъ указанное организаціонное значеніе, повозки, въ то-же время, начали примѣняться и въ тактическомъ смыслѣ: размѣстившіеся на нихъ стрѣлки получали нѣкоторое командованіе, способствовавшее дѣйствию ихъ орудія, а расположившіеся за повозками, они прикрывались отъ конной атаки, какъ-бы брустверомъ, что, въ то время (XIV вѣкъ), когда еще полевая фортификація была лишь въ зародышѣ, представляло для нихъ несомнѣнную выгоду. Вагенбурги образовали, такимъ образомъ, пѣхоту вроде редюитовъ, дававшихъ надежное укрытіе при наступленіи противника.

Первыми удачными примѣненіями повозокъ, какъ средства, успливавшаго дѣятельность пѣхоты въ бою противъ рыцарской конницы, мы видимъ во фландрскихъ войнахъ XIV вѣка. Въ 1304 году, графъ Филиппъ Фландрскій, въ сраженіи при *Монъ-энъ-Песель*, охранялъ тылъ своей арміи тремя рядами плотно связанныхъ другъ съ другомъ повозокъ. Въ 1382 году, въ сраженіи при *Брюгге*, 5.000 гентцевъ, при 200 повозкахъ-одноколкахъ, покрытыхъ желѣзными остріями, отбили атаку на вагенбургъ 40.000 чел. графа Фландрскаго *) Въ томъ-же году, при *Роосбекъ*, фламандцы воспользовались подвижными рибодекэнами, т. е., повозками, на которыхъ были размѣщены пиццали, и, хотя фламандцы были здѣсь разбиты, но все-же удержали противника, окруживъ свой боевой порядокъ этими рибодекэнами, образовавшихъ не только искусственное препятствіе, но и сослужившихъ службу огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ своихъ орудій. Положенное показывается, какое важное значеніе имѣли въ ополченіяхъ общинъ вагенбурги, служившіе надежнымъ оплотомъ противъ конницы, способствовавшіе дальнѣйшему развитію подвижной артиллеріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣнявшіе роль полевыхъ укрѣпленій.

*) *Рюстотъ*; (т. I, стр. 124); *Мизевицъ*, (стр. 161).

Это значение боевых повозок было вполне оценено знаменитым чешским полководцем Яном Жижкой, видящимъ въ нихъ надежную опору для своихъ преимущественно пѣхотныхъ ополченцевъ, противъ прекрасной имперской конницы *). Онъ усовершенствовалъ «военные артикулы», выработанные еще до него, въ 1413 году, *Галекомъ изъ гор. Гудетина*, «подкоморникомъ короля Вѣнцеслава»; согласно этимъ артикуловъ, при каждой военной повозкѣ, должны были находиться два воина съ щитами и со щитами, называвшимися «навесницъ»; при повозкѣ, кромѣ того, находились: аркебуза, 2 топора, 2 лопаты, 2 сѣкиры, 2 кирки, 1 рогазка и 1 пика; подъ повозкой висѣла доска, привязанная накрутико къ обѣмъ осямъ и цѣпь для скрѣпленія съ сосѣдней повозкой.

При Жижкѣ, повозки, кромѣ пассивно-оборонительнаго значенія, которыя онѣ имѣли до него, получили даже характеръ активно-наступательнаго средства. Прежде всего, онъ усилилъ составъ пѣхотинцевъ, состоявшихъ при каждой повозкѣ, доводя его до 4 человекъ, которые были вооружены боевыми пѣшомъ (окованнымъ желѣзомъ), аллебардой (сулицами), лукомъ и аркебузой (изображеніе подобной повозки, со всеми видами пѣхотинцевъ на ней, см. фиг. 40, на табл. XI). Число повозокъ рассчитывалось по одной на 20 человекъ пѣхоты (50—на 1000 ч.); пѣхотинцы, не помещавшіеся на самыхъ повозкахъ, стояли отдѣленіями за ними, въ такъ называемыхъ «улицахъ». Немногочисленная-же конница была вѣдъ повозокъ, которыя на походѣ обыкновенно двигались въ четырехъ рядахъ; два крайнихъ изъ нихъ были нѣсколько длиннѣе среднихъ, и лишки пер-

*) Ленъ («Handbuch», стр. 943 и 873) предполагаетъ, что употребленіе повозокъ, какъ боевого средства, находится въ зависимости отъ степени сохраненія народомъ кочевого образа жизни, при которомъ повозка, какъ страпствующій домъ, составляетъ необходимую принадлежность каждой семьи, и потому и легко можетъ быть примѣнена для военныхъ цѣлей. Онъ приводитъ въ примѣръ славянъ, которые, подъ влияніемъ монгольскаго нашествія, сохранили склонность къ бою съ повозками и, въ доказательство, ссылается на палкѣ «гуляй-городъ». Не оспаривая этотъ вопросъ по существу, мы должны однако замѣтить, что фламандцы и чехи, вѣроятно, давно забыли о кочевомъ образѣ жизни, когда употребляли свои вагенурги, и что, на нашъ взглядъ, кажется, было-бы правильнѣе считать, что повозка служила весьма существенной помощью особенно тѣмъ арміямъ, которыя, имѣя хорошую пѣхоту, нуждались въ конницѣ и должны были бороться съ противникомъ, главная сила котораго была именно въ хорошей конницѣ; такъ, фламандская пѣхота принуждена была вступить въ борьбу съ внушительной фланцузской конницей; чехи-гуситы—съ имперскими (венгерскими) лихими наводниками; намъ, русскимъ, во время нашествія татаръ, пришлось удерживать прекрасную татарскую конницу; сильныя стойкой пѣхотой, всѣ эти національности усиляются еще болѣе опорой на вагенбургъ.

вахъ назывались повозочными крыльями; въ случаѣ атаки противника, эти крылья смыкались къ серединѣ, лошади выпрягались, оглобли клялись на впереди стоящую повозку, и все онѣ связывались цѣпями, образуя, такимъ образомъ, сомкнутый вагенбургъ, или таборъ (отъ горы Оаворъ, какъ была главный лагерь гуситовъ, откуда и пошла «табориты»). Повозки управлялись особыми сигналами, подаваемыми флагами съ повозокъ-же, и при атакѣ противника могли, по заранѣ условленнымъ знакамъ, строить очень сложныя построения, въ видѣ буквъ V, S, Z и т. п.; форма, такихъ построений, вѣроятно, обуславливалась рельефомъ мѣстности. (Боевой порядокъ гуситовъ—см. схему № 18, на табл. V). Въ лабиринтѣ улицъ, искривлявшихся между рядами повозокъ, противникъ запутывался, какъ въ сѣтяхъ, и въ эту-то минуту его разстройству, пѣхота окончательно поражала его цѣпами, мечами и стрѣльбой съ повозокъ; тѣ-же всадники, которые выбирались изъ лабиринта, становились добычей сжѣдившей за этимъ конницы (kopieberg'ovъ). Эней Сильвій Пиколомнини (впоследствии папа III П) сравниваетъ войско Жижки съ чудовищемъ, которое неожиданно и быстро охватывало своими многочисленными руками свою добычу, сжимало, раздробляло и поглощало ее *).

Примѣромъ того, какъ Жижка умѣлъ придавать наступательный характеръ своему боевому обозу, служить прорывъ его, въ 1421 г., при горѣ *Таурганъ*, когда армія Жижки, окруженная многочисленною имперскою арміею, казалось, была обречена на неминуемую гибель; однако связанныя цѣпами повозки, на которыхъ ѣхали отборныя чешскіе воины, прорвали непріятельское расположеніе, быстро спустившись съ горы, а пораженные неожиданностью имперцы норовисто разступились передъ этой странствующей крѣпостью, не отваживаясь на ея атаку, чѣмъ дали возможность гуситамъ почти безъ потерь достигнуть Колявна.

Для атаки расположенія противника (преимущественно—его пиканьерныхъ батальоновъ), боевыя повозки стали снабжаться косами, сериами, рядами пикъ; лошадей отпрягали и ватѣмъ, управляя оглоблями, проникали съ этими повозками въ сере-

*) *Meunier*, (ч. II, стр. 114—115). *Голлицъ*, (т. III, стр. 88). *Jöhns*: «Handbuch», (стр. 889—892). *Пузыревскій*: «Средне вѣка», (ч. II, стр. 37—39). *Гейсманъ*: «Краткій курсъ», (ч. I, стр. 153—157). Изъ атласа, приложеннаго къ послѣднему, взята и помѣщенная на табл. V схема № 18 боевого порядка гуситовъ.

дипу неприятельскихъ сожнутыхъ частей, а вѣдѣ за ними, прикрываясь щитами-панцеями, врывались въ образовавшиеся разрывы мечники и алзебардисты, которые шли непосредственно за повозками.

По прихѣру чеховъ и другіе народы, — венгры, пѣмны, бургунды и другіе завели себѣ подобныя-же «боевыя повозки».

Въ войнѣ горожанъ Нюрнберга противъ *Альбрехта Бранденбургскаго*, въ 1450 году, произошелъ интересный бой при *Хельмбахѣ*, во время котораго Альбрехтъ 5 разъ атаковалъ вагенбургъ нюрнбергцевъ, готовившихся переправиться вбродъ черезъ рѣку Редницъ и хотѣлъ прижать ихъ къ рѣкѣ, на другомъ берегу которой было, къ тому-же, расположено его собственныя войска, съ прикрытіемъ въ 5.000 пѣхотинцевъ. Не смотря на выгодныя для *Альбрехта* условія боя, горожане отбили всѣ атаки, благодаря разумной стрѣльбѣ изъ орудій, расположенныхъ на повозкахъ; они не сразу выпустили залпомъ всѣ свои заряды, какъ это обыкновенно практиковалось, но постепенно, по извѣстной очереди, благодаря чему конницы никакъ не удавалось уцѣлить минуту, когда прекратился-бы огонь, на что она рассчитывала, ввиду обыкновеннаго, въ то время, способа встрѣчи кавалерійскихъ атакъ *).

Желаніе придать наступательный характеръ дѣйствіямъ вагенбурга привело къ тому, что, по прихѣру конницы, германцы стали и повозки строить „клиномъ“; по крайней мѣрѣ, такое строеніе заключаетъ историческій сборникъ *Легенды Дакенберга*, мюнхенскаго оружейника, написавшаго свою исторію-графію въ 1443 году. Онъ ставитъ повозки: въ 1-мъ ряду—одну, во 2-мъ—двѣ, въ 3-мъ—три и т. д. **).

Одѣливъ значеніе вагенбурга, *Альбрехтъ, маркграфъ Бранденбургскій*, издалъ, въ 1462 г., указъ, согласно которому, при слѣдованіи вагенбурга, наружные ряды его дѣлались на 2 повозки длиннѣе внутреннихъ рядовъ; наружныя повозки снабжались надежными цѣпями, для скрѣпленія ихъ между собой, а двойныя доски, составившія ихъ бока, имѣли отверстія для стрѣльбы (бойницы) и сверху по 2 загородки; снизу, подъ ступицами, подвѣшивалась 3-я доска, не позволявшая атакующимъ, при штурмѣ вагенбурга, пролѣзть подъ дною повозки. Передъ вагенбургомъ слѣдовала въ авангардѣ передовая значка (Reinpaug), впереди котораго никто не имѣлъ права выѣзжать, „для грабежа или для кормленія лошадей“. Передъ каждою рядомъ повозокъ слѣдовали 10 человекъ съ щитами и 10 человекъ съ лопатами и кирками, для исправленія путей. Половина пѣхоты и трабантовъ шли впередъ вагенбурга, прикрывая продовольственные повозки; другая половина, —сзади, въ одной колоніи, вылазла впередъ, назадъ и на фланги дозоры. (Vor-, Nach- und Neben-Traber).

При слѣдованіи черезъ дефиле, сперва проходитъ правый наружный рядъ повозокъ и, пройдя тишину, останавливается, ожидая послѣдательнаго прохожденія остальныхъ повозокъ; вѣдѣ за-

* Jähns. «Handbuch», стр. 946.

**) *Ein- und Zwei-», «Geschichte», т. I, стр. 260.*

тѣмъ продолжается движеніе, по возможности, въ прежнемъ порядкѣ.

Курфюреть Альбрехтъ Агилъ Бранденбургскій, въ заботахъ объ усовершенствованіи организаціи вагенбурга и дѣйствій имъ въ бою, издавъ, въ 1475 г., постановленіе, на основаніи котораго вагенбургъ, при остановкахъ, должны были окружаться рвомъ и валомъ, а по 4-мъ угламъ ихъ располагались орудія; снаружи вагенбурга должна была оставаться лишь $\frac{1}{4}$ всей конницы. При каждой повозкѣ должны были состоять 6 пѣхотинцевъ; 1.000 пѣхотинцевъ, при нѣсколькихъ всадникахъ, располагались удвухъ воротъ вагенбурга и по 500 человекъ — у каждого изъ его наружныхъ угловъ. Въ резервѣ, въ центрѣ, располагались 2000 пѣхотинцевъ и остальная конница.

Въ упомянутыхъ уже указаніяхъ сыну курфюрста Альбрехта Ахилла („Preparation zum Feldzuge“), въ 1477 году, онъ даетъ точныя постановленія о маршѣ вагенбургомъ и о расположеніи его на отдыхѣ, для чего устанавливалось и связывалось пѣшыми по 100 повозокъ, по сторонамъ квадрата, около 500 шаговъ длиной, считая на отпряженную повозку, плотно прижатую къ соседней, по 5 шаговъ. Эти 400 повозокъ образовывались изъ двухъ наружныхъ рядовъ походной колонны, а средніе два ряда ея устанавливались въ серединѣ квадрата, оставляя между собой и наружными повозками „улицы“, около 20 фут. шириной.

Изъ другихъ сочиненій конца XV вѣка, мы узнаемъ, что, хотя вагенбургъ принимали квадратную или вообще четырехъ-угольную форму, но допускались и полулуныя и треугольныя вагенбургъ; послѣдніе—особенно при расположеніи впереди мостовъ. *Людвигъ фонъ Эйбе*, въ своей „Книгѣ о войнѣ“ („Kriegsbuch“, 1500 г.) считаетъ необходимымъ для 50.000 чел. имѣть 5.000 повозокъ, располагаемыхъ на маршѣ въ 4 колонны, между которыми наступали войска; при вагенбургѣ слѣдовали на повозкахъ 30 камнеметныхъ пушекъ, и мелкія ищали, располагавшіяся преимущественно на повозкахъ наружныхъ обозныхъ колоннъ, съ выдѣленіемъ нѣкотораго количества для продолжнаго обстрѣливанія „улицъ“. На маршѣ пушки шли въ интервалахъ между головами четырехъ рядовъ повозокъ (черт. 28). За орудіями слѣдовали: въ правомъ интервалѣ— три колонны стрѣлковъ, въ промежуткахъ между которыми наступали двѣ пикнерныя колонны; въ среднемъ— конные стрѣлки, главная масса тяжелой конницы и пѣшіе стрѣлки; въ лѣвомъ— головная колонна стрѣлковъ, затѣмъ шли пикнеры, въ третьей колоннѣ аллебардисты и замыкали опять пѣшіе стрѣлки *).

Изъ французскихъ писателей конца XV вѣка, болѣе подробно описываются вагенбургъ лишь герцогомъ *Филиппомъ Клеве*, рекомендовавшимъ ***) прикрывать тылъ и фланги походнаго войска, помощью боевыхъ повозокъ (сагоу), двигающихся

*) *Jähns*, «Handbuch»; стр. 351.

**) *Philippe de Clève*. «Description de la forme et de la manière de fonder le fait de la guerre» (переводъ у Франсепера, въ «Kriegsbuch»).

въ двухъ колоннахъ. Саперы и артиллерясты все еще дѣйствуютъ, по пастакленію герц. Клеве, въ самой тѣсной связи съ повозками, но орудія располагаются уже не на самыхъ повозкахъ,

Черт. 28.

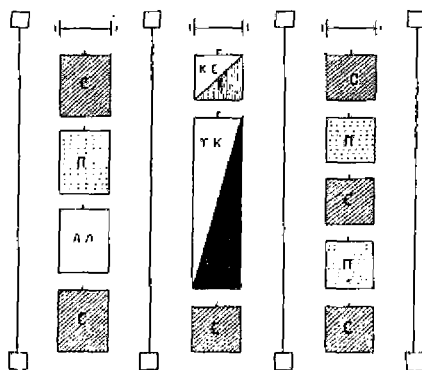
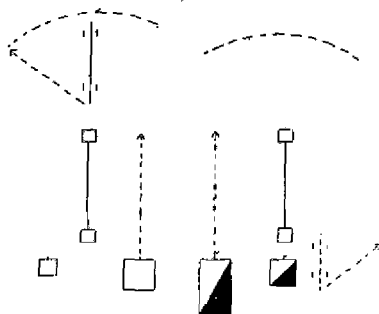

Схема походнаго движенія 50-ти тысячнаго отряда, прикрытаго вагенбургомъ (по Людвигу фонъ-Шубе). 1500 г.

а имѣютъ свои особыя телѣжки, движущіяся или впереди лѣвой обозной колонны, или половинна впереди лѣвой, а другая половинна позади правой колонны повозокъ (черт. 29). Общій бое-

Черт. 29.

Возной порядокъ съ вагенбургомъ (по Филиппу Клеве).

вой порядокъ лѣхоты и конницы (см. выше стр. 222 и 252) строится позади этого вагенбурга, при чемъ выставляется выгода, что своя артиллерія ближе на глубину вагенбурга къ войскамъ противника, чѣмъ его собственная артиллерія къ нашимъ вой-

скамъ и потому можно нанести неприятелю артиллерійскимъ огнемъ болѣе чувствительный цѣтеря (если при этомъ, конечно, онъ не принялъ такого-же построенія). Невыгода такого построенія составляла однако возможность для противника захватить внезапной атакой всю артиллерию и обозъ, до выручки ихъ нашими войсками. Послѣ артиллерійской подготовки, герцогъ Клеве предлагаетъ вести боевой порядокъ между обѣими колоннами повозокъ, которыя должны держаться на такомъ интервалѣ между собой, чтобы допускать подобное развертываніе боевого порядка внутри ихъ. Такимъ образомъ, обозными колоннами, во время боя, будутъ служить прикрытіемъ фланговъ, а противникъ при наступленіи все время будетъ подвергаться дѣйствию нашей артиллеріи (если имѣется артиллерія позади правой колонны то она развертывается вправо, вѣ обозной колонны). Герцогъ Клеве считаетъ наиболѣе выгоднымъ встрѣтить противника рукопашнымъ боемъ на линіи головъ обозныхъ колоннъ и совѣтуетъ, сообразно этому, соразмѣрять свое наступленіе; тогда артиллерія будетъ имѣть возможность дѣйствовать до самой минуты непосредственнаго етолкновенія и нанесетъ противнику наибольшій уронъ. *Когда весь боевой порядокъ войдетъ между обозными колоннами, то герц. Клеве предлагаетъ завернуть хвосты ихъ къ серединѣ и сомкнуть весь интервалъ между ними, что, во-первыхъ, обезпечитъ тылъ боевого порядка отъ покушеній противника, а во-вторыхъ, затруднитъ трусамъ предаться бѣгству съ поля сраженія **).

Боевой порядокъ герцога Клеве, комбинирующій съ обозными колоннами, представляетъ интересъ главнымъ образомъ потому, что онъ не есть лишь праздное теоретическое измышленіе, но практиковался имъ въ дѣйствительности; по крайней мѣрѣ, герцогъ увѣряетъ, что онъ, въ такомъ порядкѣ, часто велъ бой противъ болѣе сильнаго числомъ противника и на равнинной мѣстности, и Богъ ему даровалъ побѣду, отчего онъ и считаетъ этотъ боевой порядокъ наиболѣе безопаснымъ и вѣрнымъ, хотя онъ далеко не вѣрнѣе правится, потому что «при немъ не предоставлено на выборъ собственной воли отдѣльныхъ лицъ—вести-ли бой или бѣжать» **).

*) «Affin que ne puissiez avoir qu'à l'entrée de votre enroy, là ou vous combattez... aussi que nuls de vos g nés ne puissent fuir que par là ou ils combattent pourquoi ils valent mieux...»

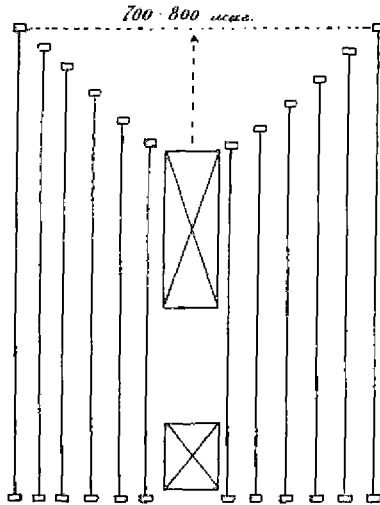
**) «Toutefois il ne plaist pas à chacun, pour ce qu'ils ne peuvent pas combatre ou fair à leur volonté, mais de ma part le trouve bon et seur ainsi!...» (стр. 76—79, изд. 1558 г.).

Въ началѣ XVI вѣка, боевыя повозки начинаютъ выходить изъ всеобщаго употребленія, замѣняясь уже настоящею подвижною артиллеріей, которая начинаетъ получать значительное самостоятельное развитіе. Тѣмъ не менѣе, въ 1512 г., подъ Равенной, мы видимъ еще 30 боевыхъ повозокъ, снабженныхъ косами, пиками и легкими орудіями, легко управлявшихся пѣхотинцами при помощи 6-футоваго вилкообразнаго дышла, при опусканіи котораго на землю, поднимался непроницаемый рядъ пикъ, не позволявшій противнику пробраться къ орудіямъ и ихъ защитникамъ. Педро Наварро однако не могъ завести значительнаго количества подобныхъ повозокъ, и потому онѣ не могли играть въ этомъ сраженіи такой выдающейся роли, которую сумѣлъ имъ придать знаменитый Янъ Жижка. Онѣ составляли уже переходъ къ легкимъ артиллерійскимъ орудіямъ, которые все болѣе и болѣе вытѣсняли «боевую повозку» гуситовъ (такая переходная форма боевыхъ повозокъ изображена на фиг. 41, табл. XI). вмѣстѣ съ тѣмъ, въ XVI вѣкѣ, начало равняться и полевое шжеверное искусство, а литература того времени указываетъ, что фортификаціонныя работы дѣлали вагенбургги, до известной степени, излишними; такъ, графъ Сольмсъ («Kriegsregierung». 1550 г.) совѣтуетъ чаще прибѣгать къ полевымъ укрѣпленіямъ, потому что они не требуютъ такихъ расходовъ, какъ заведеніе многочисленныхъ «боевыхъ повозокъ», и выѣсть съ тѣмъ, вполнѣ способны, при расположеніи на мѣстѣ, замѣнить вагенбургги. Впрочемъ, еще въ 1537 году, полковникъ Фельсъ, съ 4.000 чел., успѣшно обороняется въ вагенбургѣ, въ теченіи трехъ дней, противъ 20.000 чел., пока не подошла къ нему вырочка.

Первый герцогъ прусскій, Альбрехтъ Бранденбургскій, вѣвукъ Альбрехта Ахилла, въ своемъ «Kriegsbuch» (1552 г.) все еще рекомендуетъ движеніе въ походномъ порядкѣ вагенбургомъ (черт. 30). Повозки у него наступаютъ въ 12 рядовъ, глубина которыхъ постепенно сокращается къ серединѣ; между двумя средними рядами оставляется свободный промежутокъ, около 90 сажень (4½ сажн, или 192,15 метр.), въ которомъ слѣдуютъ войска съ артиллеріей и съ продовольственнымъ обозомъ; при подобномъ порядкѣ, разстояніе между головами флаговыхъ колоннъ повозокъ, будучи раза въ три больше промежутка между двумя средними колоннами, допускало развертываніе на этой линіи боевого порядка, который являлся, такимъ образомъ, защищеннымъ съ флаговъ

и отчасти съ тыла. Нечего и говорить, что примѣненіе такого порядка возможно было только на вполне равнинной и непересѣченной мѣстности, такъ какъ, для наступленія всего вагенбурга, требовалось открытое пространство въ 700—800 шаговъ по фронту движенія. Герцогъ Альбрехтъ даетъ также указаніе о болѣе сосредоточенномъ походномъ порядкѣ вагенбурга, при которомъ повозки идутъ близко, рядомъ другъ съ другомъ, и связываются по фронту цѣпами, а внутри едутъ

Черт. 30.

Походный порядокъ, прикрытый вагенбургомъ (по Альбрехту Бранденбургскому) 1552 г.

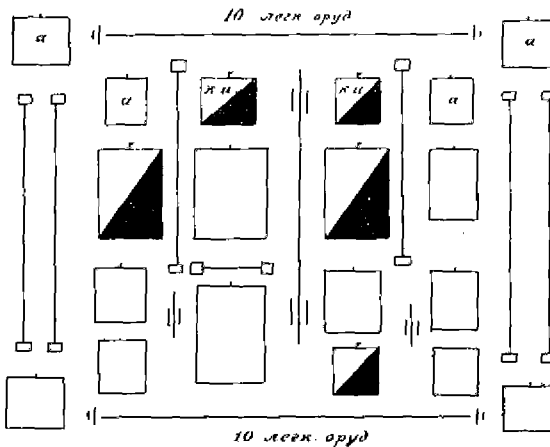
пѣхота; такой порядокъ рекомендуется принимать въ виду многочисленной непріятельской конницы, когда нѣтъ средствъ выдвинуть противъ нея достаточно сильной собственной кавалеріи.

Во 2-й половинѣ XVI вѣка, вагенбурги, во всякомъ случаѣ, теряютъ свое значеніе и главнымъ образомъ потому, что исчезли тѣ причины, которыя ихъ вызывали: рыцарская конница окончательно сошла со сцены, а съ другой стороны, усовершенствованіе ручного огнестрѣльнаго оружія и, главное, — улучшение состава пѣхоты сдѣлало послѣднюю болѣе независимой и самостоятельной, менѣе нуждающейся въ поддержкѣ вагенбурга, тѣмъ болѣе, что при

наступлении и атаки, могущественной помощницей ей стала артиллерия, а при расположении на месте, для обороны, стали прибегать къ помощи полевых укреплений.

Фронспергеръ, во II части своего „Kriegsbuch“ ^{*)}, говоритъ о вагенбургѣ, какъ о полузабытомъ уже способѣ охранять войска на маршѣ и на отдыхѣ; тѣмъ не менѣе, онъ также предлагаетъ пользоваться обыкновенными и боевыми повозками ^{**)}, для прикрытія фланговъ войскъ на маршѣ, особенно на равнинныхъ театрахъ войны, напр., въ Венгрии. Какъ показано на схемѣ

Черт. 31.

Наступленіе 4-хъ колоннъ, прикрытыхъ повозками (по Фронспергеру).

(черт. 31), составленной по гравюрѣ изъ книги Фронспергера, между двумя двойными рядами такихъ повозокъ наступаютъ 4 войсковыя колонны, въ интервалахъ между которыми двигаются также тяжелая артиллерія и повозки съ боевыми припасами; во главѣ всего походнаго порядка, а также въ тылу двигалась, въ развер-

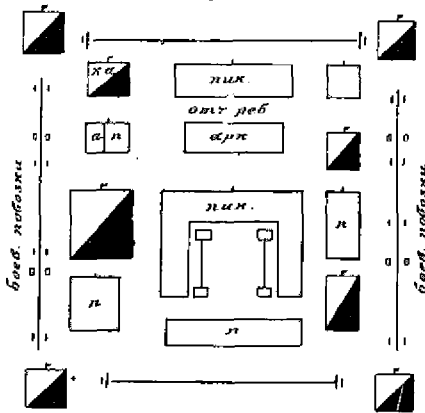
^{*)} Изд. 1596 г., стр. XVIII.

^{**)} Текст ошибается, говоря, что Фронспергеръ уже не упоминаетъ о боевыхъ повозкахъ («Von Streitwagen im eigentlichen Sinne ist gar nicht mehr die Rede». «Geschichte...», т. I, стр. 766). На самомъ дѣлѣ, во 2-й части труда Фронспергера встрѣчается перифраза выраженіе «Streit-Karren» — боевая повозка, а чертежъ, приложенный къ стр. I второй части «Kriegsbuch» (табл. VII, № 23), наглядно представляетъ намъ на флангахъ наступающихъ колоннъ такіа боевая повозки, съ пожеженными на нихъ арбузами, а также повозки съ пиками, игравшія роль подвижныхъ препятствій.

нутой линии, болѣе легкая артиллерія, прикрытая стрѣлками въ небольшихъ колоннахъ. Для походнаго движенія въ виду противника, Фронспергеръ предлагалъ порядокъ, схематически изображенный на чертежѣ 32 (и въ свѣжкѣ съ оригинала—на табл. VII); согласно этого чертежа, боевыя повозаки наступали съ обонхъ фланговъ, а легкая артиллерія съ фронта и съ тыла; продовольственныя подводы и обозъ занималъ середину этого порядка и охранялся пикнерами, поставленными „коломъ“.

Дольше сохранилось употребленіе вагенбурговъ въ тѣхъ арміяхъ, которымъ еще противостояла хорошая конница; таковой была, напр., въ концѣ XVI вѣка, турецкая кавалерія,

Черт. 32.

Наступленіе боевого порядка (по Фронспергеру).

и вотъ, въ сочиненіи Швенди «Kriegsdiscurs» (1575 г.), онъ совѣтуетъ въ войнахъ съ турками, при наступленіи по венгерскимъ равнинамъ, непременно имѣть надежную опору въ вагенбургѣ, при чемъ вновь возвращается къ идеѣ «боевыхъ повозокъ», предлагая размѣщать на нихъ легкія орудія-фальконеты и органичныя орудія, а при атакѣ рекомендуетъ располагать на повозкахъ-же и пѣшихъ стрѣлковъ. Удачное призмѣненіе вагенбурга мы видимъ еще въ отступленіи герцога Пармскаго изъ Корбейли въ Бельгію (1590 г.). Съ cadaго фланга походнаго порядка его, которому угрожала превосходная конница Генриха IV, двигалось 3—4 ряда обозныхъ подводъ и повозокъ съ припасами, а въ серединѣ ѣхали тѣлги съ большими. Подъ прикрытіемъ этого вагенбурга и

съ помощью испанскихъ конныхъ аркебузеровъ, поочередно возвращавшихся въ вагенбургъ, послѣ каждого произведеннаго ими выстрѣла, для заряжанія, герцогу удалось отступать безъ особыхъ потерь *).

Такимъ образомъ, въ общемъ выводѣ о вагенбургахъ, мы должны признать, что они служили оплотомъ пѣхотѣ противъ сильной конницы; неустойчивыя городскія и сельскія ополченія находятъ въ нихъ могущественное и удобное, при ихъ социальной жизни, средство, чтобы парализовать рыцарскую конницу, сильную своимъ наступательнымъ образомъ дѣйствій. Съ теченіемъ времени, городскія и сельскія повозки совершенствуются, обращаясь въ «боевыя», а эти послѣднія способствуютъ замѣнѣ прежнихъ грузныхъ малоподвижныхъ бомбардъ и кулевринъ легкими полевыми артиллерійскими орудіями. Окрѣпшая пѣхота, усиленная подвижной артиллеріей, уже перестаетъ пуждаться въ непосредственномъ прикрытіи вагенбургами изъ боевыхъ повозокъ, представлявшихъ извѣстныя неудобства и лишніе расходы, особенно съ тѣхъ поръ, когда оборона начала находить помощь въ инженерномъ искусствѣ и когда тяжелая конница стала терять свое прежнее значеніе.

Какъ выше было выяснено, первый примѣръ заведенія Артиллеріи. сильной артиллеріи показала Франція; походъ Карла VIII въ Италію особенно былъ привести въ изумленіе современниковъ, и нами были приведены ихъ описанія французскихъ орудій, которыя, повидному, внушали имъ страхъ и трепетъ однимъ своимъ видомъ.

Однако и во Франціи и, особенно, въ Германіи, артиллерія получала своеобразное развитіе, надолго задержавшее правильное ея употребленіе въ бою, не позволившее твердо установить тактическое пользованіе ею, какъ родомъ оружія. Правительство, обремененное заботами объ утвержденіи своей власти въ государствѣ, всегда нуждавшаеся въ людяхъ и средствахъ, не рѣшалось, а отчасти было даже лишено возможности взять это дѣло въ собственныя руки, опасаясь, такъ сказать, рисковать, ввиду новизны дѣла, и на свой страхъ завести собственную артиллерію; преслѣдуя тотъ-же болѣе экономный принципъ пайма, практиковавшійся въ организаціи вооруженной силы, правительство нанимало оружейниковъ и пушкарей съ ихъ орудіями, поручая имъ-же и употребленіе ихъ на войнѣ, что представляло тѣмъ большее удобство, что,

*) Jákms. «Handbuch», стр. 268.

при развитіи городской ремесленной жизни, литейцки и кузнечные мастера охотно занялись спеціальностью изготовленія орудій. Уходъ за орудіемъ, присмы заряжанія и производства выстрѣла, особенно при тогдашней несовершенной конструкціи орудій, требовали осмотрительности и умѣнья; наемныя войска, необученныя и неподготовленныя къ этому, были для этихъ цѣлей мало пригодными, и вотъ почему артиллерія не образовалась, въ XV и отчасти въ XVI вѣкѣ, правильно организованнаго рода орудія, по являлась полу-независимымъ отъ арміи, ремесленно-цеховымъ учрежденіемъ, имѣвшимъ лишь назначеніе помогать, когда то окажется удобнымъ, дѣйствіямъ главныхъ родовъ орудія, т. е., конницы и пѣхотѣ.

Такое положеніе артиллеріи естественно привело къ тому, что тактика ея не могла успѣшно развиваться, такъ какъ для этого *недоставало внутренней прочной связи съ другими родами орудія и не было достаточной военной подготовки у пушкаррей, задача которыхъ казалась уже хорошо выполненной, если имъ удавалось отлить грандіозную пушку, которая бросала снаряды на далекое разстояніе и при этомъ сама не разрывалась.* При подобныхъ условіяхъ вполне понятно, что пушкарскіе мастера, въ постоянномъ стремленіи перещеголять другъ друга въ размѣрахъ и въ изяществѣ украшеній отливаемыхъ орудій, не придали значенія важнѣйшимъ *тактическимъ требованіямъ отъ артиллеріи: ея подвижности и однообразію ея калибровъ;* несоблюденіе первого условія, выразившееся въ громоздкихъ орудіяхъ, (80 и 60 фунтовая картаузы), которыхъ тащили иногда 20—30 лошадей (см. фиг. 46, на табл. XI), повело къ чрезвычайной медленности всѣхъ ея передвиженій и почти полной невозможности маневрировать на полѣ сраженія; разнообразіе калибровъ мѣшало правильной организаціи питанія артиллеріи огнестрѣльными припасами, такъ какъ орудія должны были часто прекращать стрѣльбу, въ самыя критическія минуты боя, вслѣдствіе израсходованія снарядовъ даннаго калибра.

Затрудненія въ дѣятельности артиллеріи, происекавшія вслѣдствіе разнообразія калибровъ, увеличивались еще болѣе отъ того, что строгаго раздѣленія на осадную и полевую артиллерію не было; осада входила, почти безъ исключеній, во всякую военную операцію, и потому армія, выступавшая въ походъ, должна была имѣть при себѣ орудія такихъ калибровъ, снаряды которыхъ могли-бы разбивать крѣпостныя постройки и бороться съ сильной артиллеріей, ихъ оборонявшей; а потому въ

такой армии имѣлись громадные мортиры, бомбарды, картежи, наряду съ самыми легкими кулевринами и фокошю, преимущественно предназначавшимися для дѣйствій противъ подвижныхъ цѣлей и, особенно, противъ конницы.

До какой степени сковывающимъ образомъ вліяла эта неорганизованная артиллерія на дѣйствія войскъ, рельефно выступаетъ изъ одной біографіи Байрда, авторъ которой, говоря объ артиллеріи Максимилиана I, въ 1507 году, сообщаетъ, что, вслѣдствіе недостатка средствъ, въ имперской арміи имѣлись лошади и повозки, поднимавшія лишь половину всѣхъ артиллерійскихъ орудій; а потому, при всякомъ передвиженіи, приходилось оставлять на ночлегѣ другую ихъ половину, съ сильнымъ прикрытіемъ, пока повозки и лошади не возвращаясь обратно для перевозки оставшейся части орудій *).

Поэтому, не смотря на значительное количество орудій, число которыхъ относительно другихъ родовъ оружія, въ концѣ XV вѣка, уже дошло отъ 2½ до 3-хъ и даже болѣе на 1.000 человекъ, артиллерія не была въ состояніи оказать той помощи, которой отъ нея ожидали до тѣхъ поръ, пока само правительство не взяло артиллерійскаго дѣла въ свои руки, пока оно само не начало отнимать орудія, соответственно своимъ дѣйствительнымъ надобностямъ и не завело находившихся на постоянной государственной службѣ артиллеристовъ, при чемъ, конечно, первоначально объ специальности—подготовленіи орудій и ихъ обслуживаніи при стрѣльбѣ—были вначалѣ тоже слиты, ради необходимой экономіи; въ мирное время, артиллеристы отливали свои пушки, а въ военное—стрѣляли изъ нихъ; только значительно позже, уже въ концѣ XVI вѣка, произошло раздѣленіе труда по этимъ двумъ отдѣламъ артиллеріи.

Починъ въ созданіи артиллеріи, какъ рода оружія, дала опять Франція. Мы видѣли, какія мѣры были для этого приняты Людовикомъ XI и Людовикомъ XII. Учрежденіе при первомъ изъ нихъ, по проекту *Гастара Бюро*, постоянныхъ «артиллерійскихъ дружинъ» (*bandes d'hommes de metier*) было началомъ новой эры для артиллеріи, и тотчасъ-же получились результаты этой благотворительной мѣры, такъ какъ немедленно была созвана важность сокращенія числа калибровъ и увеличенія подвижности артиллерійскихъ орудій. Уже при Фран-

*) Выписка изъ «Le loyal serviteur», сл. XXXII, приведена у *Schiss'a*: «Handbuch», стр. 1072.

цискъ I мы видимъ всего 8 калибровъ, изъ которыхъ четыре (отъ 80-ти до 15-ти фунт.) соответствовали осаднымъ — и четыре (отъ 7-ми фунтоваго до 14-ти унцоваго фокопио) — полевымъ орудіямъ. Насколько возросла подвижность французской артиллеріи, доказываетъ намъ ея дѣятельность подъ Равенной, Мариньяно и Павіей. Способность къ маневрированію стала обнаруживаться именно съ тѣхъ поръ, когда артиллеріей заинтересовались и дѣйствіями ея стали руководить не дѣтейщики и кузнечные мастера, а люди военные, испытанные въ бояхъ и хорошо знакомые съ боевыми требованіями и условіями. Блестящимъ примѣромъ, въ этомъ отношеніи, служитъ дѣятельность герцога Феррарскаго въ Равеннскомъ сраженіи, 1512 года.

Германская артиллерія находилась въ худшихъ условіяхъ и, можетъ быть, оттого, что *развитіе промышленно-ремесленной жизни, сила и благосостояніе городскихъ общинъ, съ одной стороны, и слабости имперской власти, съ другой,* — побуждали государей преимущественно прибѣгать къ помощи городскихъ цеховыхъ пушкарскихъ мастеровъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе, какъ казалось, вполне успѣшно справлялись съ задачею изготовленія артиллерійскихъ орудій; хроническій же недостатокъ средствъ отпымалъ всякую возможность императорамъ взять артиллерійское дѣло въ свои руки.

Вотъ почему мы видимъ, что изготовленіе орудій и техника артиллерійско-литейнаго дѣла въ Германіи нисколько не отстаетъ отъ другихъ государствъ, а порой (особенно въ XV вѣкѣ) идетъ даже впереди, и знаменитое «Feuerwerksbuch», приписываемое пушкарскому мастеру *Мемлингену*, представляетъ доказательство того, какіе успѣхи сдѣлалъ въ Германіи, съ самаго начала XV вѣка, теорія стрельбы, изготовленіе пороха, снарядовъ и орудій; но ни въ немъ, ни вообще ни въ какомъ другомъ сочиненіи XV вѣка не дается ни малѣйшихъ указаній о томъ, какъ должна дѣйствовать артиллерія въ бою и какъ двигается она на походѣ. Это не принадлежало къ области знаній пушкарскихъ мастеровъ, и поэтому, понятно, нельзя было и требовать отъ нихъ разумной тактической дѣятельности.

Всеобщую путаницу орудій германской артиллеріи увеличивало еще то, что имперская армія заключала въ себѣ артиллерію всевозможныхъ княжествъ, герцогствъ и маркграфствъ, и ей приходилось часто дѣйствовать совместно съ такой-же разнокалиберной артиллеріей испанской и итальянской; такимъ образомъ, *политическая разнохарактерность союзной*

Римской империи отразилась и на составъ артиллерійскихъ орудій, вышедшихъ изъ литейныхъ мастерскихъ многочисленныхъ городовъ доброй половины Европы, а потому косвенно повліяла и на тактику этого рода оружія, не представляющую въ XV и въ XVI вѣкахъ ни одного положительнаго тактическаго образца, который приближался-бы къ дѣйствию государственной объединенной французской артиллеріи подъ Равенной, Марильяно и Павіей.

Подвижность французскихъ орудій позволяла вести ихъ преимущественно при авангардѣ, и съ самаго начала боя начинать обстрѣливаніе непріятельскаго расположенія. Подъ прикрытіемъ этой канонады, развергивалась на наиболѣе выгодныхъ позиціяхъ остальная легкая артиллерія, а также устанавливались тяжелыя орудія, которыя слѣдовали при главныхъ силахъ. Затѣмъ, по мѣрѣ наступленія пѣхоты и конницы, артиллеріи приходилось или прекращать огонь, или переѣзжать на другія позиціи, преимущественно фланговыя относительно расположенія противника, для продольнаго обстрѣливанія его позиціи. Съ цѣлью увеличить подвижность орудій и легче побороть мѣстныя затрудненія, иногда, для подобныхъ переѣздовъ, припрягали лошадей изъ подъ тяжелыхъ бомбардъ, остававшихся на мѣстѣ.

Дѣйствительность артиллерійской канонады была, какъ мы видѣли, иногда очень значительная, что происходило вслѣдствіе тѣхъ массивныхъ колоннъ и глубокихъ порядковъ, которые примѣнялись пѣхотой и конницей, а также по той причинѣ, что въ предшествовавшую эпоху войска пріучились наступать по вполне открытой мѣстности до самыхъ ближнихъ дистанцій, не терпя большаго пораженія и потому не заботясь о какомъ-либо примѣненіи къ мѣстности и укрытіи отъ огня; теперь, когда вмѣсто сравнительно невинныхъ стрѣлъ изъ луковъ и арбалетовъ, на дистанціи 200—300 шаговъ отъ противника, нельзя уже было безнаказанно наступать по открытой мѣстности, такой рѣзкой переходъ естественно не обошелся безъ жестокихъ уроковъ, и мы видимъ, что боевой опытъ уже приводитъ лучшихъ начальниковъ къ принятію извѣстныхъ мѣръ для укрытія отъ огня ихъ войскъ, хотя-бы въ видѣ лежанія подъ выстрѣлами, предписаннаго де-Бутьеромъ, подъ Черизолой и Педро Наварро,—подъ Равенной.

Впрочемъ, дѣйствительность артиллерійскаго огня уменьшалась вслѣдствіе его малой скорости, о которой, даже во второй половинѣ XVI вѣка, гр. Іоаннъ Нассаускій говоритъ,

что изъ одного орудія, въ теченіи всего сраженія, не дѣлалось болѣе 4—5 выстрѣловъ.

Дальнѣйшее усилѣнное развитіе французской артиллеріи, въ XVI вѣкѣ, было однако задержано сраженіемъ при Павіи. Съ 1525 года, потерявъ всю свою артиллерію, что, къ слову сказать, при малой ея подвижности въ ту эпоху, являлось постояннымъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всякаго пораженія, французы, до конца XVI вѣка, почти не заводятъ новой артиллеріи и являются, почти во всѣхъ послѣдующихъ сраженіяхъ этого вѣка, примѣрно, съ такой-же слабой и малочисленной артиллеріей, съ какой ихъ побѣдила подъ Павіей имперская армія.

Источники не даютъ возможности опредѣленно выяснитъ причины того явленія, что въ послѣдовавшихъ религіозныхъ войнахъ во Франціи, да и въ Германіи, обычной нормой численности артиллеріи сражавшихся въ полѣ арміи, сдѣлалось 4—6 орудій, спускаясь, въ относительномъ количествѣ, порою менѣе 1-го орудія на 1.000 чел.

Недостатокъ средствъ и обѣдненіе правительствъ, вовлеченныхъ въ почти непрерывную борьбу, было, конечно, одной изъ главныхъ причинъ, задерживавшихъ дальнѣйшее развитіе артиллеріи. Послѣ чувствительной потери французами всѣхъ орудій подъ Павіей, они не были въ силахъ завести подобную-же артиллерію; вмѣстѣ съ тѣмъ, самый исходъ этого сраженія—побѣда почти не имѣвшей артиллеріи арміи и пораженіе той стороны, которая имѣла ее очень многочисленной,—не остался безъ вліянія на умы современниковъ, не давшихъ себѣ труда выяснитъ истинныхъ причинъ пораженія, судившихъ исключительно по окончательнымъ результатамъ и естественно приходившихъ къ выводу, что многочисленная артиллерія вовсе не нужна. Мы видимъ, что подобному взгляду о малой пользѣ, приписанной артиллеріей, подчинились и такіе выдающіеся современники, какъ Макіавелли. Была однако еще одна, на нашъ взглядъ, едва-ли не важнѣйшая причина: *послѣ образованія хорошей пѣхоты, артиллерія не была уже такой насущной потребностью для борьбы съ ослабѣвшей тяжелой дворянской конницею; служба, въ предшествовавшую эпоху, могущественнымъ вспомогательнымъ средствомъ для борьбы съ послѣдней, теперь, когда рыцарство было окончательно побѣждено, а пѣхота, на которую отпала государственная власть, достаточно окрепла, роль артиллеріи начинаетъ временно падать*

прямѣрно въ той-же мѣрѣ, въ какой падаеть значеніе вагенбурговъ. Мы, такимъ образомъ, постоянно возвращаемся къ одиѣмъ и тѣмъ-же основнымъ причинамъ, лежащимъ въ глубокихъ видоизмѣненіяхъ самого государственнаго соціальнаго строя и неотразимо вліявшихъ пѣзъ его глубины на всю военную организацію, на самый составъ войскъ, на ихъ тактику и стратегию.

Улучшеніе качествъ пѣхоты дало ей значительную подвижность; конница уже раньше обладала ею въ достаточной мѣрѣ, а съ введеніемъ легкой конницы стала также еще подвижнѣе; артиллерія-же, въ этомъ отношеніи, какъ выше указано, отстала, и это также не мало способствовало тому, что въ полѣ отъ нея старались избавиться: она слишкомъ сильно задерживала ставшій возможнымъ быстрый ходъ военныхъ дѣйствій. Чувствуя насущную необходимость придать арміямъ быстроту дѣйствій, рѣшились пожертвовать тѣмъ средствомъ борьбы, которое, до сихъ поръ, не удавалось облегчить настолько, чтобы оно не загроуждало дѣйствій другихъ родовъ оружія. Независимо отъ самой громоздкой конструкціи тогдашнихъ орудій, быстрота ихъ движеній очевидно не могла сравниться со скоростью движенія пѣхоты и конницы, вслѣдствіе той незначительной дорожной сѣти и плохого состоянія путей сообщенія въ ту эпоху, и потому нельзя приписывать лишь низкому состоянію артиллеріи, то, что артиллерійскія орудія не успѣвали на походѣ за войсками, но, какъ видно, на это вліялъ и общій уровень культуры европейскихъ государствъ того времени.

Борьба государствъ конца XV и первой половины XVI вѣка преимущественно вызывалась столкновеніями интересовъ въ пограничныхъ областяхъ: устанавливались, такъ сказать, границы новыхъ государствъ; при слабости еще неокрѣпнаго народнаго чувства, вопросъ сводился къ тому, будутъ-ли Габсбурги владѣть Бургундіей, Лотарингіей и Нидерландами, или эти области отойдутъ къ Франціи? Утвердятся-ли въ Ломбардіи и въ Пьемонтѣ имперское вліяніе или французское? При такихъ условіяхъ, становится понятной та важность, которую приписывали овладѣнію и оборонѣ каждаго ключка земли, каждой крѣпости или замка.

Вотъ почему, при слабомъ артиллерійскомъ составѣ полковыхъ армій, мы, тѣмъ не менѣе, видимъ многочисленныя, преимущественно тяжелыя орудія, сосредоточенныя въ крѣпостяхъ и замкахъ; когда-же приходилось, для осады подобныхъ

крѣпостей, сосредоточивать противъ нихъ сильную артиллерію, то ее стали подвозить уже не изъ состава арміи, дѣйствующей въ полѣ, а изъ собственныхъ, неугрожаемыхъ противникомъ крѣпостей, и такой способъ служилъ переходомъ къ заведенію тяжелой осадной артиллеріи, которая постепенно отдѣляется отъ полевой. Въ организациі этой послѣдней однако еще долго не сознавали огромной важности увеличенія подвижности облегченіемъ орудія и его станка, и, при ослабшемъ интересѣ къ артиллеріи, тактика ея опять падаетъ, а литейщики и пушкари, не имѣвшіе зрѣлаго тактическаго взгляда на ея дѣйствія въ полѣ, увлекаются всякаго рода ухищреніями, разнообразя снова калибры и доводя до смѣшного максималныя и минималныя ихъ размѣры.

Тѣмъ не менѣе, теоретически, сознаніе важности артиллеріи продолжало развиваться, и въ половинѣ XVI вѣка, мы опять встрѣчаемъ авторовъ, которые говорятъ объ артиллеріи, какъ о родѣ оружія, а не какъ о побочномъ маловажномъ аксессуарѣ войны. Такъ, въ вышеупомянутомъ сочиненіи графа Сольмса «Kriegsregierung» (1550 г.) предлагается раздѣлить имѣвшіяся въ распоряженіи государства орудія на отдѣленія, вѣрныя особымъ начальникамъ изъ дворянъ, которые могли бы служить дѣятельными помощниками главному начальнику всей артиллеріи (Zeugmeister) и въ свою очередь являлись бы начальниками надъ нѣсколькими пушкарскими мастерами (Büchsenmeister); т. е., этой мѣрой, осуществленной, впрочемъ, гораздо позднѣе, предлагалось учрежденіе, подходящее къ современнымъ батарейнымъ командамъ.

Въ слѣдующемъ-же году, императоръ Карлъ V издаетъ первое наставленіе, предназначенное для обученія своихъ нидерландскихъ артиллерійскихъ мастеровъ и офицеровъ, какъ во время мира, такъ и на войнѣ *).

Карлъ V, не только въ теоріи придавалъ артиллеріи соотвѣствующее ей значеніе, но и на практикѣ стремился къ ея упорядоченію, и въ Шмалькальденской войнѣ 1546 года имѣлъ при своей арміи (изъ 90.000 пѣхотинцевъ и 16.000 конницы) до 140 орудій большихъ калибровъ. Кроме того,

*) Instruction et ordonnance aduinée, faicte et conclate par l'Empereur tur la conduicte des maistres et officiers de son artillerie en ses pays dembas sans en temps de paix que de guerre». Augsburg, 5 avr. 1551. Къ сожалѣнію, Іенсъ («Geschichte», т. I, стр. 761) ограничивается однимъ заглавіемъ этого интереснаго документа, рукопись котораго хранится въ королевской библиотекѣ въ Брюсселѣ (№ 16228).

конницы было придано значительное количество болѣ легких орудій.

Одновременно съ учрежденіемъ во Франціи «шести ка- либровъ» (стр. 203), является болѣ зрѣлымъ взглядъ на дѣйствіе артиллеріи въ бою, и въ 1557 году, Францискъ Ра- жонъ, французскій артиллерійскій комиссаръ, такъ опредѣ- ляетъ тактическое ея значеніе: «Хорошо расположенная и снабженная хорошей прислугой артиллерія является вѣрнымъ залогомъ побѣды. Разумный артиллеристъ долженъ избрать, вблизи самаго мѣста боя, командующую выгодную позицію, съ которой не затруднялось-бы дымомъ орудій, или другимъ ка- кимъ-либо способомъ, наблюденіе того, что предпринимаетъ приближающійся для боя противникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не стѣснялось-бы расположеніе собственной пѣхоты и конницы. Если при этомъ онъ позаботится о такомъ расположеніи артиллеріи, чтобы она могла продолжать огонь съ возможной скоростью и мѣткостью, особенно пустотѣлыми снарядами, наполненными небольшими пулями (т. е., нѣчто вроде шрап- пели), цѣпными ядрами и картечью, которые оказываютъ самое большое дѣйствіе, такъ, чтобы изъ этой адской части непрерывно выбрасывались-бы гибель и пораженіе, то, какъ- бы ни былъ сильно и хорошо расположенъ противникъ, онъ будетъ принужденъ къ разсѣянію и безпорядку» *).

Однако подобныя, новые для тогдашняго времени взгляды, свидѣтельствующія о значительномъ развитіи артиллерійской мысли, со времени Павія, на практикѣ еще долго не примѣ- нялись, и надо было еще ожидать выступленія на европейскій театръ борьбы такого гениальнаго полководца, какъ Густавъ Адольфъ, чтобы они вылились въ живительную форму.

По мѣрѣ увеличенія значенія пѣхоты, процентное отно- шеніе ея къ конницѣ постоянно возрастало, и уже къ началу XVI вѣка, во французской арміи, конница составляла лишь $\frac{1}{8}$ общей численности войскъ. У испанцевъ, численность конницы была еще меньше. У Гонзалва Кордуалскаго, на 9.000 чел. пѣхоты, приходилось 900 конныхъ латниковъ и 1.000 ч. легкой конницы, т. е., кавалерія составляла нѣ- сколько болѣе $\frac{1}{6}$ вѣсѣ войскъ.

Въ арміи Франциска I, въ 1515 году, на 40.000 чел. пѣхоты, было 7.500 чел. конницы, т. е. болѣе $\frac{1}{5}$ общей численности арміи; правда, что такое уменьшеніе во многомъ зависѣло отъ труднаго

Соединеніе
трехъ родовъ
орудія на
отдыхѣ,
на походѣ и
въ бою.

*) Jahn, «Handbüch»; стр. 1222.

для конницы переходил через Альпы. В 1525 году, у имперцевъ, на 25.000 пѣхотинцевъ, приходилось 4.300 всадниковъ, т. е., по одному кавалеристу на 6 пѣхотинцевъ; у Франциска I, процентъ конницы былъ пѣсколько меньше: на 26.000 пѣхотинцевъ—3.900 всадниковъ (такъ было уплотнено войскамъ содержаніе, хотя эти числа не вполне соответствовали численному составу войскъ). Такое-же, примѣрно, отношеніе конницы къ пѣхотѣ было и въ итальянскихъ арміяхъ; папскія войска, въ 1526 году, должны были состоять изъ 8.000 чел. пѣхоты и 1.500 кавалеристовъ, а венеціанцы выставили 8.000 пѣхотинцевъ и 1.600 всадниковъ. Въ арміи Карла V 1532 года, противъ турокъ, изъ 120.000 человекъ, 30.000—приходилось на конницу, т. е., она составляла $\frac{1}{4}$ войскъ.

Вообще-же, къ середнѣ XVI вѣка, процентъ конницы падаетъ, и она составляетъ отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{7}$ всей вооруженной силы главныхъ европейскихъ державъ того времени*).

Какъ выше было указано, артиллерія, въ концѣ XV вѣка, достигла значительной цифры отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 орудій на 1.000 чел. Таково было, по крайней мѣрѣ, ея отношеніе къ другимъ родамъ оружія во французской арміи

Такой относительной цифры достигла артиллерія, въ 1499 году, въ войскахъ Людовика XII, въ которыхъ состояло 21 орудіе на 400 копій латниковъ и 4.700 пѣхотинцевъ, т. е., примѣрно на 6.700 чел. (считая боевую силу коня въ 5 всадниковъ). Въ 1502 году, въ неаполитанской арміи, на 6.000 всадниковъ и 3.500 пѣхотинцевъ приходилось 26 орудій, что составляло $2\frac{3}{4}$ орудія на 1.000 чел.**).

Вслѣдъ затѣмъ, къ серединѣ XVI вѣка, преобладающее отношеніе артиллеріи къ другимъ родамъ оружія, по вышеизложеннымъ причинамъ, падаетъ примѣрно до 1-го орудія на 1.000 чел.

Такимъ образомъ, эпоха возрожденія представляетъ, въ организаціи вооруженной силы, значительное измѣненіе состава войскъ по родамъ оружія: по мѣрѣ уменьшенія значенія въ общегосударственномъ строѣ феодальнаго рыцарства и увеличенія значенія городскихъ и сельскихъ общинъ, на которыя начинаетъ опираться государственная власть, — постепенно сокращается численность конницы, преобладавшей въ рыцарскихъ ополченіяхъ, и возрастаетъ количество поставляемой сельскими и городскими жителями пѣхоты.

а) Расположеніе на отдыхѣ. (Лагери).

Если справедливо, что въ настоящее время, на войнѣ, войскамъ приходится значительно большее время двигаться походомъ, чѣмъ вести бой, то въ ту отдаленную эпоху, еще

*) *Ростовъ*, т. I, стр. 241—242.

**) *Жаннъ*. «*Handbuch*», стр. 1072.

большее время войска стояли на мѣстѣ, т. е., располагались лагеремъ. Осторожный, выжидательный образъ веденія войны, хрупкость организаціи армій и ихъ малопадежный составъ, побуждали воздерживаться, при малѣйшей къ тому возможности, отъ утомительныхъ передвиженій войскъ и отъ требованій отъ нихъ проявленія усиленной дѣятельности. При всякомъ подобномъ напряженіи силъ, арміи падали таять отъ побѣговъ и дезертирства, и дисциплина войскъ расшатывалась. Кромѣ того, многочисленные осады и обложенія крѣпостей вызывали также долгое стояніе на мѣстѣ, при чемъ часть войскъ занимала обыкновенно укрѣпленные осадныя линіи, а другая занимала лагерь въ виду крѣпости, на случай отраженія нападенія деблокадной арміи, или для усиленія линій, при попыткахъ осажденнаго къ прорыву.

Такія условия вызывали обстоятельную регламентацію лагерной жизни и порядка расположенія войскъ ии отдыхѣ. Такъ какъ лагерь занимался обыкновенно на болѣе или менѣе продолжительное время, то, при выборѣ его, прежде всего, заботились объ удобной его оборонѣ; каждый лагерь долженъ былъ служить и хорошей позиціей, и, при помощи инженернаго усовершенствованія, постепенно превращался въ родъ крѣпости временнаго характера, которую не легко было штурмовать открытой силой. Когда время не позволяло падежно укрѣпить лагерь, то ограничивались построеніемъ вагенбурга, который, какъ выше было указано, служилъ первымъ оборонительнымъ оплотомъ и, съ этой цѣлью, усилялся «босвыми повозками» и легкой артиллеріей. Часто расположеніе вагенбурга кругомъ лагеря усиливалось еще валомъ и ровомъ.

Общая форма лагеря соответствовала этой оборонительной идеѣ его, т. е., была преимущественно или округленной или четырехъ-угольной; лагеря послѣдней формы были квадратные или въ видѣ болѣе или менѣе удлинненныхъ прямоугольниковъ, иногда совмѣщали округленную форму съ четырехъ-угольной, присоединяя полукругъ къ служившему ему основаніемъ квадрату или прямоугольнику *).

*) Такой именно формы лагерь представляетъ изображенный на табл. VIII рисунокъ № 24, составляющій копию гравюры, приложенной къ II части «Манги о войнѣ» Фронспергера («Kriegsbuch», изд. 1596). Рисунокъ очень живо изображаетъ всю лагерную жизнь арміи того времени, устройство палатокъ, шалашей, конюшенъ и вагенбурга, а вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ представленіе о той поразительно близости, съ какой располагались войска осаждающаго къ осажденной крѣпости и о той мирной

Что касается до самого расположенія войска внутри вагенбурга или укрѣпленныхъ линій, то каждому роду оружія и каждой части войскъ указывалось особое мѣсто, при чемъ конница обыкновенно располагалась на разстояніи аркебузнаго выстрѣла отъ пѣхоты.

Легкія орудія располагались, большею частью, изготовленными для стрѣльбы на сборномъ пунктѣ (Lägerplatz), а тяжелыя осадныя орудія располагались впереди артиллерійскаго лагеря и при нихъ-же находились саперы (Schanzengräber). Огнестрѣльные припасы помѣщались обыкновенно въ самое лагерь, и отведенное для нихъ мѣсто окружалось крѣпкимъ валомъ или особымъ вагенбургомъ и надежно охранялось. При орудіяхъ находился запасъ пороха и снарядовъ на одинъ день. Люди располагались въ палаткахъ и шалашахъ, устраивавшихся также для лошадей, оставлять которыхъ, продолжительное время, подъ открытымъ небомъ было, конечно, неудобно. Палатки и шалашы поставлялись преимущественно городскими общинами и цехами. Главнѣйшій начальникъ помѣщаясь въ обширной палаткѣ, посреди своихъ войскъ, а вблизи располагался многочисленный его штабъ; нерѣдко впрочемъ, опасаясь возстаній своихъ-же войскъ или съ цѣлью избѣгнуть опасности при нечаянномъ нападеніи, главнокомандующіе занимали вблизи-лежащія замки и вообще крѣпкія постройки *). Чтобы быть подготовленнымъ къ быстрому занятію боевого расположенія по тревогѣ, войска передъ занятіемъ лагеря выстраивали сперва такъ называемый «холостой порядокъ для боя», и только послѣ того расходились на назначенныя имъ мѣста.

Гитомъ дю-Беллоэ даетъ слѣдующій образецъ для расположенія лагеремъ французскаго легіона (черт. 33). Избравъ ровную площадь, около 640 шаговъ въ квадратъ, въ центрѣ ея отводили мѣсто въ 40 шаговъ по фронту и въ глубину, для полковника и его штаба; отъ этой центральной площадки шли крестомъ улицы такой-же ширины, направлявшіяся къ воротамъ изъ лагеря, которыя, въ случаѣ расположенія вдали отъ противника, устраивались съ каждой изъ 4-хъ сторонъ свѣта, при томъ такъ, чтобы фронтъ лагеря былъ обращенъ къ востоку; только въ виду противника становилась фронтомъ къ нему. Въ 4-хъ квадратахъ, кругомъ

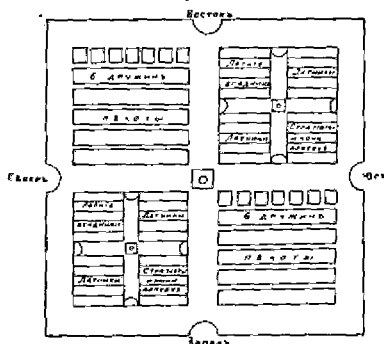
обстановкѣ въ немъ, когда рядомъ шелъ ожесточенный бой и бомбардированіе крѣпости. Испанцы почти полное отсутствіе прислуги у орудій, что не мешало имъ, вонидимому, громить стѣны крѣпости.

*) Францезгеръ располагаетъ палатку полководца, хотя и въ серединѣ лагеря его войскъ, но отдѣльно отъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ массъ (Haufen), «Kriegszbuch» 1596; кн. II, стр. XXXVI.

палатки полковника, располагались: въ правомъ переднемъ и лѣвомъ заднемъ квадратахъ,—конница, а въ двухъ остальныхъ—пѣхота, по 6 дружинъ въ каждомъ; каждой дружинѣ отводилось мѣсто, въ 240 шаговъ длины по фронту и 35 шаговъ въ глубину, при чемъ эта площадь дѣлилась по фронту на 7 участковъ—одна въ для капитана дружины и остальные шесть для 6 капральствъ.

Квадраты, предоставленные конницѣ, въ свою очередь, дѣлились взаимно перпендикулярными улицами на 4 меньшихъ квадрата, среди которыхъ располагались палатки капитановъ конныхъ дружинъ; въ правомъ переднемъ и лѣвомъ заднемъ квадратахъ, въ 5 рядахъ, по 100 шаговъ длиной, размѣщались, по 50 латниковъ,

Черт. 33.

Расположеніе лагеремъ (по до-Веллей).

въ лѣвомъ переднемъ — 100 легкихъ всадниковъ и въ правомъ заднемъ—50 стратиготовъ и 50 конныхъ аркобузеровъ (т. е., на латниковъ отводилось вдвое болѣе мѣста, чѣмъ на остальную конницу, и на каждого изъ нихъ полагалась отдѣльная палатка). Кавалерійскій лагерь отдѣлялся отъ прочихъ траншеей, „чтобы не допустить кражи лошадей, какъ это часто случается, когда пѣхота располагается рядомъ съ конницей“ *).

Улицы служили не только для движенія по нимъ войскъ, но также и для ихъ упражненій, и въ нихъ-же размѣщались ряды торговцевъ, маркитантовъ и ремесленниковъ, слѣдовавшихъ съ легиономъ. Кругомъ лагеря, въ разстояніи 40 шаговъ отъ расположенія людей, шла траншея со рвомъ; промежутокъ между палатками и траншеей долженъ былъ оставаться свободнымъ для возможности развернуться войскамъ при нападеніи противника на лагерь.

Для расположенія лагеремъ цѣлой арміи изъ 4-хъ легионовъ (24.400 чел. пѣхоты и 2.500 всадниковъ), до-Веллей отводить центральную площадь, въ 170 шаговъ длины и ширины, для Командующаго арміей и 3-хъ его помощниковъ—начальника пѣ-

*) «Discipline militaire»; стр. 53.

хоты, начальника конницы и квартирмейстера, или „лагернаго маршала“ (*maréchal de camp*) со штабомъ. Кругомъ располагались, по сторонамъ крестообразно расположенныхъ улицъ, 4 легиона въ томъ-же порядкѣ, какъ выше указано для каждаго легиона. Лагерь окружался также общей трапзеей, но ширина вѣншихъ улицъ достигала уже 160 шаг. для развертыванія всей арміи вдоль укрѣпленныхъ линій. Если укрѣпленія возводились вблизи противника, то работа эта возлагалась на „тріаріевъ“, а „гастаты“ и „принципы“ выдвигались впередъ, въ боевомъ порядкѣ, и прикрывали работы, по окончаніи которыхъ тріаріи первыми располагались лагеремъ, а остальные вельды за ними входили въ лагерь, и послѣдними занимали его конница и „пропаціе ребята“ *).

Изъ хозяйственныхъ учреждений, въ чертѣ лагеря указывались, для каждаго пѣхотнаго полка — общіе продовольственные рынки и отдѣльный продовольственный рынокъ для всадниковъ, — «чтобы не было столкновенія съ пѣхотинцами и прочими *профанами*». Здѣсь собирались припасы, поставляемые купцами и заготовляемые самими войсками, на артеляхъ, началахъ, но, на случай недостатка въ припасахъ, имѣлся, кромѣ того, общій продовольственный рынокъ, гдѣ собирались запасы распорядженіемъ самого главокомандующаго, и откуда, въ случаѣ нужды, они выдавались на войсковые продовольственные рынки, чтобы избѣгнуть недостатка, недоразумѣній и возстанія при недостаткѣ припасовъ. Кромѣ того, отводилось мѣсто для маркитантовъ и мясной рынокъ, по близости бойни. Устраивались также отхожія мѣста, и отводилось, наконецъ, мѣсто для полевого суда, обычной принадлежностью котораго была висѣлица; выдвигалась она, для всеобщаго устрашенія, вблизи мясного и маркитантскаго рынковъ, какъ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстъ.

При расположеніи лагеремъ, рекомендовалось заботливо укрѣпить его и «не подчиняться мѣстности, но подчинять себѣ самому мѣстность», и образцомъ въ этомъ отношеніи выставлялся римляне.

Лагерь, по мнѣнію дю-Беллей, долженъ удовлетворять двумъ главнымъ условіямъ: 1) быть расположеннымъ въ здоровой мѣстности и 2) не допускать нападенія противника, который могъ-бы захватить при этомъ пути подвоза жизненныхъ припасовъ и отрѣзать наши войска отъ воды.

Съ разумной заботливостью разсматриваетъ тотъ-же авторъ санитарныя условія, необходимыя при расположеніи войскъ на отдыхѣ, при чемъ замѣчаетъ, что доставленіе солдатамъ удобной, здоровой жизни въ лагерѣ удерживаетъ ихъ отъ побѣговъ; нечистоты и зловонія, заражающія воздухъ въ лагеряхъ, не смотря

*) Тамъ-же, стр. 154 и 167.

на кратковременность пребывания въ нихъ, являются, по его мнѣнію, главной причиной эпидемій и особенно чумы; вотъ почему онъ безусловно запрещаетъ убивать скотъ или выбрасывать внутренности убитыхъ животныхъ, въ чертъ лагерей, или закапывать трупы лошадей и собакъ и вообще что-бы то ни было, что могло-бы издавать зловоніе, предупреждая насмѣшки надъ тѣмъ, что онъ трактуетъ о такихъ, съ перваго взгляда, ничтожныхъ предметахъ; про тѣхъ, которые другого взгляда, онъ говоритъ, что они, навѣрное, не бывали въ кампаниі или недолго стояли на мѣстѣ лагеремъ, потому что они оцѣнили-бы, въ противномъ случаѣ, какал зараза распространяется въ лагерѣ, если не принять строгихъ мѣръ по уборкѣ всѣхъ нечистотъ и по тщательному закапыванію ихъ, ядал отъ лагернаго расположенія. Въ примѣрѣ онъ приводитъ армію Лотрека въ Неаполѣ, почти уничтоженную чумной эпидеміей, вслѣдствіе непріятія указанныхъ санитарныхъ мѣръ *). Въ числѣ обязанностей полковника онъ указываетъ, что послѣдній долженъ сердечно относиться къ больнымъ и раненымъ и заботиться о соотвѣтственномъ за ними уходѣ; **) такое отношеніе къ своимъ даже самымъ низшимъ подчиненнымъ доставитъ ему общію любовь солдатъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставитъ ему выгоду, такъ какъ онъ не будетъ принужденъ бороться не только съ непріятелемъ, но и съ болѣзнями. Поддержаніе здоровья солдатъ дю-Веллэй видятъ также въ правильныхъ военныхъ упражненіяхъ («до появленія пота у обучаемыхъ») и въ заботахъ о соответствующемъ довольствіи низшихъ чиновъ; не смотря на то, что солдаты приобрѣтали себѣ продукты покувкой на выдававшееся имъ жалованье, онъ рекомендуетъ образованіе при лагерѣ неприкосновеннаго запаса, съ мѣсячнымъ продовольствіемъ для всѣхъ людей и лошадей, кромѣ стѣна, при чемъ приводитъ даже расчетъ такого запаса хлѣба, для арміи въ 40.000 чел.

Для охраненія расположенія на отдыхѣ, ежедневно на- б) Сторожевая
служба.
ряжались караулы къ выходамъ изъ лагеря (нормально, къ каждому выходу—100 человекъ днемъ и 200 человекъ—ночью); караулы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не пропускали изъ лагеря людей, не снабженныхъ разрѣшеніемъ отъ капитановъ на отлучку изъ лагеря. Ночью, кромѣ усиленія карауловъ, паряжались къ паружнымъ рядамъ повозокъ вагенбурга $\frac{1}{4}$ предназначенныхъ для обороны ихъ войскъ, и на повозкахъ часто хранились наготовѣ камни (!) для встрѣчи ими противника. Впереди паружныхъ рядовъ повозокъ, именно на дистанціи метаній камнемъ, зажигались ночью костры, для освѣщенія ближайшихъ къ лагерю подступовъ. Между этими кострами и валомъ или повозками, окружавшими лагерь, постоянно

*) Тамъ-же, стр. 168, 176 и 166.

**) *...avoir le pour aux malades et aux blessés, à ce qu'ils soient servis et pansés diligemment...* (тамъ-же, стр. 159).

посылалась пѣшіе патрули. При тревогѣ, повозки наружнаго ряда вагенбурга занимались обыкновенно пятью пѣхотинцами каждая, а 2-го ряда—двумя. Латники изготовлялись къ бою пѣшкомъ, а трабанты тѣмъ временемъ сѣдлали лошадей *).

Дю-Беллэй выделяеть для сторожевой службы $\frac{1}{2}$ всѣхъ силъ и отъ 4-хъ легионовъ (образующихъ 48 дружинъ—значковъ), назначаетъ 1 значекъ для охраны штабъ-квартиры Командующаго арміей, 2-й значекъ—для охраненія боевыхъ припасовъ, 3-й и 4-й значки наблюдаютъ за порядкомъ на рынкахъ; остальные 12 значковъ охраняють наружныя трапезы вдоль лагеря, притомъ такъ, чтобы эти караулы были назначаемы для наблюденія частей, не прилегающихъ къ ихъ собственному лагерному расположенію, чтобы близость своихъ палатокъ не составляла-бы искушенія для оставленія своихъ постовъ. Изъ этой наружной охраны главная часть сосредоточивалась у воротъ и по 4-мъ исходящимъ угламъ лагеря. Четвертая часть находящихя въ караулѣмъ нарядѣ людей бодрствуетъ и находится при оружіи; по сигналу, подаваемому трубачомъ генерала, производится смѣна этой дежурной части. Выдвигать охраненіе впередъ, за трапезы, окружающія лагерь, *дю-Беллэй* не совѣтуетъ, такъ какъ это ведетъ, по его мнѣнію, или къ побѣгамъ часовыхъ, или къ тому, что противникъ, незаметно подойдя къ постамъ, снимаетъ ихъ, во время сна, которому предаются удаленные отъ глазъ начальника часовые; вообще, отправление сторожевой службы, по свидѣтельству *дю-Беллэй*, велось крайне небрежно, такъ какъ назначенные для этого люди только и дѣлали, что пьянствовали, играли въ карты и свали. Значительное улучшение несенія этой службы *дю-Беллэй* видитъ въ ежедневномъ назначеніи одного изъ 4-хъ полковниковъ—командировъ легионовъ, для общаго наблюденія днемъ и ночью, за исправностью отправления службы всѣми чинами, находящимися въ сторожевомъ нарядѣ.

Коница также привлекалась для несенія сторожевой службы, главнымъ образомъ для провѣрки карауловъ; отъ нея назначались не болѣе 2-хъ десятковъ (*décuries*) отъ каждой дружины въ 100 чел.; т. е., въ нарядѣ была $\frac{1}{2}$ кавалеріи. Если кругомъ лагерьа мѣстовъ была открытая, то рекомендовалось, для наблюденія за дорогами, высылать разѣзды и за черту лагернаго расположенія.

Швенди, говоря о сторожевой службѣ **), совѣтуетъ полководцу возможно чаще лично повѣрять караулы, которые должны быть такъ расположены, чтобы могли предупредить войска о приближеніи противника и, имѣя съ тѣмъ, занимать пункты, которыми противникъ не могъ-бы овладѣть безъ нѣкоторой потери времени; для увеличенія ихъ сопротивленія, полезно ихъ укрѣплять и окружать повозками. Въ открытомъ

*) *Fronsperger*. «Kriegszbuch» 1506; кн. II, стр. XXXIII и слѣдующія.

***) *Lasarus Schwendi*. «Kriegs Discurs». стр. 75 и 76, изд. 3-е, 1605 года; первое изданіе относится къ 1675 году.

полк: рекомендуется назначать для этой службы легкую конницу («geringe Pferden»). Установлению пропуска («Lösung») п выборе для этого таких словъ, которыя были-бы помянуты осъмъ национальностями, составляющимъ армию, приписывается большое значеніе.

Также разумно привѣщались къ условіямъ тогдашней войны и походные порядки того времени. Какъ уже было выше указано, походный порядокъ старались, по возможности, приблизить къ боевому, такъ какъ построеніе для боя требовало вообще очень значительнаго времени и, при быстрой конной атакѣ противника, развертываніе изъ глубокой походной колонны въ скомпитую «четверную» массу могло-бы задержать ея построеніе. Поэтому, въ зависимости отъ мѣстности, которую приходилось проходить, походные порядки являлись болѣе или менѣе сосредоточенными.

Согласно указаній Фрицбергера, при нормальномъ порядкѣ на походѣ, на равнинахъ, артиллерию слѣдовало держать въ центрѣ, располагая ее возможно болѣе широкимъ фронтомъ, иѣхоту направлять справа, конницу влѣво отъ нея. Однако трудно проходимаа мѣстность, по сторонамъ дорогъ, принуждала отказываться отъ сосредоточеннаго расположенія и принимать походный порядокъ съ менѣе широкимъ фронтомъ; тогда дробленіе въ глубину походнаго порядка должно было удовлетворять условію возможно быстраго построенія боевого порядка, что достигалось или расположеніемъ ротъ (значковъ) одной за другой въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны были стать въ четверномъ порядкѣ, или, если въ немъ предполагалось расположить роты парами, то п на походѣ ихъ, по возможности, вели попарно, т. е., если въ четверномъ боевомъ порядкѣ роты становились рядомъ въ 20 шеренгъ и въ каждой шеренгѣ по 8 рядовъ, то онѣ и шли на походѣ одна за другой, нѣмля по фронту 8 рядовъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, лишь пристроить шедшія въ тылу роты влѣво или вправо къ впереди идущей ротѣ, для образованія общаго четвернаго порядка, или двигались двойной колонной, ротами попарно, если это позволяла ширина дороги.

При этомъ стрѣлки, необходимые для завязки боя, выдвигались впередъ и размѣщались по одному изъ 3-хъ слѣдующихъ способовъ:

1) или въ головѣ шли стрѣлки половиною вѣкъ роты, слѣдовавшихъ въ колоннѣ полка; а другая половина ихъ шла въ тылу, за пикиерами полка;

2) или каждая рота имѣла стрѣлковъ при себѣ и выдвигала половину своихъ стрѣлковъ въ голову, а другая половина ихъ шла въ хвостъ пикинеровъ соответствующей роты;

3) или (при движеніи ротъ парами) въ головѣ шли стрѣлки 1-й роты, за ними пикинеры обѣихъ ротъ и затѣмъ стрѣлки 2-й роты, за которыми снова стрѣлки 3-й роты, пикинеры 3-й и 4-й ротъ и стрѣлки 4-й роты и т. д. *).

Если роты сами выстраивали болѣе широкій фронтъ, при построеніи боевого порядка, чѣмъ фронтъ походной колонны, то онѣ дробились въ глубину послѣдней, на части, соответствовавшія предположенной глубинѣ боевого строя, и выстраивали его постепеннымъ выдвиганіемъ изъ походной колонны этихъ частей и пристраиваніемъ ихъ къ головной части.

Быль однако въ употребленіи и другой способъ развертыванія походныхъ колоннъ—постепеннымъ vzdвиганіемъ рядовъ; такъ, дю-Беллэй приводитъ примѣръ перестроенія походной колонны дружины, по 5 рядовъ въ шеренгѣ, въ колонну, имѣющую 10 рядовъ въ шеренгѣ и вдвое меньшее число шеренгъ, путемъ vzdвиганія всѣхъ шеренгъ, а затѣмъ изъ этой колонны вторичнымъ vzdвиганіемъ строится колонна въ 21 шеренгу, по 20 рядовъ въ каждой; эта послѣдняя колонна именно та, которая строится дружиной при боевомъ построеніи легіона **).

Если у противника преобладала конница, и приходилось двигаться по открытой равнинной мѣстности, то стрѣлки или убирались въ послѣднія шеренги, или армія образовала пустой квадратъ, въ серединѣ котораго размѣщались стрѣлки.

Впереди походнаго порядка наступалъ «летучій значекъ» (Reppfähnlein), преимущественно изъ одной конницы, назначеніе котораго заключалось въ отбрасыванія мелкихъ отрядовъ противника и въ устраниеніи съ пути наступленія всего того, что могло задержать движеніе позади слѣдовавшихъ главныхъ силъ. Въсѣтъ съ тѣмъ, на летучемъ значкѣ лежало охраненіе войскъ на походѣ и при разбиваніи лагеря, такъ какъ, приди на почлегъ, летучій значекъ не имѣлъ права расходиться, пока не будетъ окончательно выстроенъ вагенбургъ. За летучимъ значкомъ шелъ авангардъ, отъ котораго и выдѣлялся летучій значекъ.

Сочиненіе «*Trewer Rath*» опредѣляетъ силу авангарда (fürzvgk) въ 400 коней и 2.000 пѣхотинцевъ, при соответ-

*) *Рисков.* «Исторія вѣхоты», т. I, стр. 293—294.

**) «*Discipline militaire*», стр. 33, явл.—34.

ствующей артиллерии. За авангардом следовали главные силы, въ составъ которыхъ входили: тяжелая артиллерия, главная масса пѣхоты, продовольственный обозъ (авторъ называетъ послѣдній характернымъ именемъ: «fauler Haufen», т. е., — «лѣнная куча»), и тяжелая конница. Въ хвостъ колонны двигался тыльный отрядъ—аррьергардъ (nachzugsk), изъ 2.000 пѣхотинцевъ, съ соответственнымъ количествомъ конницы и артиллерии. Такимъ образомъ, въ общемъ, дѣленіе на три части боевого порядка сохранялось и на маршѣ.

Походный порядокъ значительныхъ массъ дробился на части. Такъ, армію въ 50.000 чел., при 5000 повозкахъ, *Альбрехтъ Агилъ* дѣлитъ на 4 части, которыя разрѣшаетъ вести по разнымъ дорогамъ, съ тѣмъ однако, чтобы къ вечеру сосредоточивались всѣ силы. Въ походномъ порядкѣ отдѣльныхъ пѣхотныхъ полковъ проводилась та-же система, какъ и въ боевомъ порядкѣ, т. е., пикниеры (приблизно по 3 роты) образовали передніе и тыльные ряды, алесбардисты и, вообще, вооруженные короткимъ холоднымъ оружіемъ, становились въ центрѣ, охраняя знамена; аркебузеры, перемежаемые съ пикниерами, шли также во фланговыхъ рядахъ колонны. Легкіе всадники, окружая колонну, охраняли ее отъ нечаянныхъ нападѣній. Обозъ и понтонный паркъ двигался со стороны, противоположной фронтному подраздѣленію противника, если только не приближали къ вышеуказанному порядку движенія вагенбургомъ (стр. 268).

Интересно распределеніе на маршѣ 12.000-наго отряда, приведенное въ сочиненіи гр. *Сольмса*. Передовой отрядъ (Vorzug) составляется изъ 100 стрѣлковъ или легкихъ всадниковъ, изъ которыхъ 15 выдвигаются впередъ, въ головной патруль (Vorwart), и по 3 человека образуютъ боковые патрули (Seitenwart), а 2 человека служатъ связью между передовымъ отрядомъ и легкими знаменомъ (Reisflabben)—изъ 200 всадниковъ-копейниковъ и 160 конныхъ стрѣлковъ. За нимъ наступаютъ „пропащія ребята“ изъ 2000 чел., набранныхъ со всей пѣхоты и подчиненныхъ 5-ти капитанамъ. Все это, слѣдовательно, составляетъ авангардъ. Остальные 8.000 чел. образуютъ главные силы, наступающія въ двухъ колоннахъ; при первой слѣдуютъ 4 полевыхъ серпантинны и двѣ четверочныя повозки съ огнестрѣльными припасами, а на вѣнцѣмъ флангѣ этой колонны наступаютъ 1.500 всадниковъ; при второй—8 пушекъ и картаузи и 4 повозки съ припасами. За ними двигаются всѣ остальные орудія и обозъ, и съ тыла весь порядокъ охраняется аррьергардомъ, изъ 70 всадниковъ, съ тыльнымъ патрулемъ, изъ 7 всадниковъ, и боковыми патрулями, по 2 всадника *).

Походный порядокъ арміи изъ 4-хъ легионовъ, предложенный *де-Беллэй*, мало отличается отъ вышеуказанныхъ: легкую конницу—стратиготовъ и конныхъ аркебузеровъ—опъ высматъ да-

* *Jähns*. «Handbuch»; стр. 1077.

леко впередъ, главные силы двигаетъ въ колоннѣ, имѣя по фронту, по возможности, 10 рядовъ въ шеренгѣ, и за каждымъ легиономъ направляетъ принадлежащій ему обозъ; кромѣ этого „солдатскаго“ обоза, онъ выдѣляетъ обозъ, составляющій достояніе всей арміи, какъ-то — боевые, продовольственные припасы и артиллерию; зтогъ, такъ сказать, обще-армейскій обозъ, дю-Беллэй рекомендуетъ распределять поровну между 4-ми легионами. Наконецъ, если страна была враждебна и возможно было ожидать со всѣхъ сторонъ атаки противника, то армія наступала въ видѣ карре, имѣя по легиону съ каждой стороны и обозъ внутри легионовъ *).

Заботливость къ санитарному состоянію войскъ распространяется у дю-Беллэй и во время совершенія марша. Такъ, онъ предостерегаетъ отъ походныхъ движеній въ жаркое время дня, советуя лѣтомъ выступать до разсвѣта съ тѣмъ, чтобы придти на ночлегъ до наступленія самаго жаркаго времени дня, и считаетъ, что зимой, въ снѣжную, морозную погоду, лучше совсѣмъ не совершать походовъ, особенно, если нѣтъ возможности развести огонь; на отдыхѣ необходимо наблюдать за тѣмъ, чтобы солдаты не пили дурную, стоячую воду и т. п. **).

Въ составѣ арміи мы видимъ, въ большинствѣ случаевъ, достаточно благоустроенные поштонные парки. Дѣйствительно, при тогдашнемъ бездорожьи и отсутствіи постоянныхъ переправъ, очень важно было имѣть контоны и, вообще, перевозимыя принадлежности, для устройства переправъ; правда, конструкция ихъ была несовершенна — это были просто громоздкія суда, снабженныя переводными и пастилкой для моста ***). Суда укрѣплялись на ливнѣ моста на якоряхъ, или при помощи крѣпкихъ канатовъ привязывались къ берегамъ, если это позволяли скорость теченія и размѣры рѣки, или наконецъ, прикрѣплялись къ особымъ шестамъ, устанавливаемымъ поперекъ русла.

Какъ только мостъ былъ наведенъ, черезъ него проходила сильная пѣхотная часть, по возможности съ легкой артиллеріей и частью конницы; расположившись на другомъ берегу, отрядъ этотъ занималъ оборонительное положеніе, на время совершенія переправы остальными войсками; часто въ первую голову перевозили также «боевыя повозки» и возможно больше легкой артиллеріи, которая образовали на другомъ берегу ватенбургъ, замѣнявшій наши современныя подмостныя укрѣпленія; впрочемъ иногда, если позволяло время, насыпались

*) «Discipline militaire», стр. 125, глѣв.—126.

***) Тамъ-же, стр. 173.

***) Фронспергеръ указываетъ, что при арміи должны слѣдовать, для наводки мостовъ, не менѣе 30 судовъ; подробности ихъ устройства и способъ перевозки см. на стр. 163, а также у Фронспергера («Kriegszwisch», кн. 4-я, стр. LXIV, глѣв.)

также валы вокругъ повозокъ вагенбурга. Немедленно по совершении переправы, мостъ долженъ былъ разбираться и грузиться на подводки, для дальнѣйшаго слѣдованія.

Эпоха возрожденія наукъ и искусствъ, отразившаяся въ г) Боевые порядки трехъ родовъ оружія и, главнымъ образомъ, возстановившая утерянное, во время господства феодальной системы, значеніе пѣхоты, не выработала еще опредѣленныхъ порядковъ и основныхъ формъ, для совокупныхъ дѣйствій въ бою пѣхоты, конницы и артиллеріи.

Въ предшествовавшую эпоху—до середины XV вѣка, преобладавшее значеніе рыцарской конницы давало ей и первое мѣсто въ боевомъ порядкѣ: она занимала одну или нѣсколько линій въ длину всего боевого расположенія и грозила раздавить всякаго пѣхотинца, осмѣливавшагося нарушить эти ея прерогативы (Кресен, 1346 г.). Болѣе чѣмъ скромное мѣсто пѣхоты было въ обозѣ, въ тылу. По мѣрѣ паденія гордыхъ феодаловъ и увеличенія значенія въ вооруженной силѣ государства городского и сельскаго сословія, вмѣстѣ съ вышеуказаннымъ процептнымъ возрастаніемъ численности пѣхоты и параллельнымъ улучшеніемъ ея качества, она начинаетъ завоевывать себѣ и болѣе почетное мѣсто въ общемъ боевомъ порядкѣ, выдвигаясь въ первую линію и занимая расположеніе или въ центрѣ ея (Мариньяно, Ля-Викока), или, уступая еще центральное мѣсто рыцарямъ (какъ подъ Павіей, 1525 г.), и располагаясь на флангахъ. Не доказываетъ-ли такое постепенное видоизмѣненіе боевого порядка, какъ глубоко оліяютъ не только на стратегію, но и на тактику, на самую форму боевыхъ построеній,—весь строй государственной политической жизни, степень развитія культурно-соціального порядка и основанная на нихъ организація государственной вооруженной силы и способъ ея комплектованія.

Грубый, нескучный способъ группировки силъ для боя, практиковавшійся въ періодъ столѣтней войны и заключавшійся въ простомъ расположеніи выдвинутыхъ на поле сраженія силъ, главнымъ образомъ конницы, въ большихъ непереворотливыхъ массахъ, поставленныхъ одна за другою, безъ всякой заботы о ихъ вѣдессообразномъ взаимодействіи и поддержкѣ другъ друга въ бою, съ единственнмъ попеченіемъ полководца—обезпечить успѣхъ рукопашнаго единоборства выгоднымъ расположеніемъ

своих войск въ отношеніи солища и вѣтра *), постепенно сдѣлается такими тактическими формами, въ которыхъ видно стремленіе организовать взаимную поддержку, воспользоваться полнѣе всѣми силами, приведенными къ бою, и качествами различныхъ родовъ оружія, давая имъ возможность свободно развить свою боевую дѣятельность.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи были швейцарскіи уступной боевой порядокъ, о которомъ уже указано было выше. Раздѣленіе арміи въ полѣ, по примѣру швейцарцевъ, на 3 группы, — авангардъ, главные силы и аррьергардъ — вызвало соотвѣтственное дѣленіе обоихъ главныхъ родовъ оружія на 3 части, хотя швейцарскія войска состояли, почти исключительно, изъ одной пѣхоты; желаніе сдѣлать каждую часть возможно самостоятельнымъ, при отдѣльномъ стоякновеніи съ противникомъ, побудило придавать къ пѣхотнымъ колоннамъ конницу, но такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, всѣ три части выстраивались на полѣ сраженія въ одну линію, то въ общемъ боевомъ порядкѣ конница перѣдко являлась въ интервалахъ между пѣхотными массами, какъ мы это видѣли подъ Равенной (1512) и Черпаолой (1544).

Артиллерія, по тѣмъ-же причинамъ придаваемая и авангарду и главнымъ силамъ, еще не успѣла завоевать себѣ постоянное соотвѣтственное мѣсто въ общемъ боевомъ порядкѣ. Иногда она разбрасывалась по всему фронту (Дя-Бикока, 1522); иногда огонь ея закрывался наступленіемъ другихъ частей боевого порядка, и, будучи неспособной къ быстрымъ передвиженіямъ, она принуждена была прекратить свою боевую дѣятельность въ самую необходимую минуту (Павія, 1525). Только, въ видѣ исключенія, болѣе даровитые начальники артиллеріи проявляли своей починъ и, въ стремленіи продолжать артиллерійскую подготовку атаки, изыскивали флажковыя позиціи, на которыхъ и перѣзжали, хотя-бы лишь съ болѣе легкими орудіями. Дѣятельность герцога Феррарскаго подъ Равенной, въ этомъ отношеніи, является наиболѣе поучительнымъ примѣромъ. Впрочемъ, сознаніе важности болѣе продолжительной артиллерійской подготовки сказывалась тѣмъ, что большая часть легкихъ орудій сдѣдовали уже при авангардѣ и потому имѣли возможность дѣйствовать все время, пока подходили къ полю сраженія главные силы и аррьергардъ. (Черизола).

Служа, главнымъ образомъ, поддержкой пѣхотѣ противъ

*) Изъ этого общаго правила были, конечно, исключенія, какъ напр., боевой порядокъ англичанъ, въ ср. при Кресн (1346 г.)

рыцарской конницы, т. е., преимущественно усиливая оборону, артиллерия тѣснѣе связывается съ пѣхотой, чѣмъ съ конницей; только подъ Черизолой находимъ мы первый признакъ совмѣстныхъ дѣйствій конницы съ артиллеріей (развѣдывательный бой, 10 апр.). Располагая свою артиллерію на позиціи, обороняющійся начинаетъ пользоваться свойствами мѣстности, къ чему побуждала особенно безпомощность артиллеріи, при атакѣ ея противникомъ; поэтому стали считать наиболѣе выгодными недоступныя съ фронта и съ фланговъ артиллерійскія позиціи, допускавшія, въ то-же время, обстрѣлъ подступовъ но наиболѣе вѣроятнымъ направлениемъ атаки противника.

Неспособность артиллеріи къ маневрированию побуждала принимать мѣры къ тому, чтобы подвести противника въ сферу ея огня соответственными дѣйствіями другихъ войскъ. Съ другой стороны, и атакующій, конечно, старался вести свое наступленіе, избѣгая чувствительныхъ потерь, вызывавшихся движениемъ въ районѣ неприятельскаго артиллерійскаго и ружейнаго огня. Въмѣсто прежнихъ грубыхъ атакъ въ лобъ, неудача которыхъ, какъ подъ Ля-Бюккой и Мариньяно, давали себѣ уже достаточно сильно чувствовать, стали прибѣгать къ болѣе искуснымъ способамъ атакъ, совмѣщая фронтальныя атаки съ обходами фланговъ и тыла, пользуясь условіями мѣстности (Аньяделло, Черизола), примѣняя новыя построенія войскъ, дававшія шансы на успѣхъ уже въ силу своей неожиданности (Павія, Черизола)... словомъ, проявляя, въ той или въ другой формѣ, болѣе искусныя тактическія приемы, для обезпеченія успѣха въ бою.

Литература того времени ограничивается однако весьма немногочисленными указаніями такихъ приемовъ, при построеніи общаго боевого порядка.

Дю-Беллой-Ляжжэй, являясь послѣдователемъ Маккиавелли, приводитъ, подобно ему, описаніе примѣрнаго боя, при чемъ даетъ нѣсколько соответственныхъ указаній о построеніи боевого порядка и о веденіи боя. Открытіе артиллерійскаго огня, также какъ и у Маккиавелли, сопровождается замѣчаніемъ, что снаряды безвредно проносятся надъ головами нашихъ войскъ; тѣмъ не менѣе, при атакѣ артиллеріи рекомендуется быстрота наступленія, чтобы не давать возможности противнику произвести вторичный залпъ изъ орудій, и для такого наступленія признается соответственнымъ принять тонкій разсыпной порядокъ, чтобы избѣгнуть значительнаго пораженія *), а такъ какъ въ подобномъ порядкѣ

*) *...sur au moyen de la vistesse vous ne luy (à l'artillerie) donnez point de loysir de redoubler coup. Et pource que vous estes espars, elle rencontre tant moins de gens quand elle tire.* («Discipline militaire», под. 1592 г., стр. 77, глв.).

вели бой только „пронашіе ребята“, то на нихъ и возлагается атака артиллеріи, впрочемъ съ присоединеніемъ къ нимъ охраняющихъ флаги легіона аркебузеровъ, а также легкой конницы.

Обращаетъ на себя вниманіе постоянная забота дю-Веллэй о поддержкѣ конными частями пѣхоты и обратно; латники поддерживаютъ бой легкой конницы и „пронашіихъ ребятъ“, а послѣдніе, по сближеніи для атаки главныхъ силъ, отступаютъ въ порядкѣ на флангахъ или въ тылу сомкнутыхъ частей легіона, съ тѣмъ, чтобы служить резервомъ, или поддержкой, для удара въ удобную для того минуту *). Атака направляется не только на фронтъ, но и на одну изъ фланговъ, куда преимущественно двинуты конница и „пронашіе ребята“. Наконецъ, для преслѣдованія, послѣ того какъ противникъ началъ отступать, двинута вся конница, за исключеніемъ 200 латниковъ, оставленныхъ въ резервѣ, и всѣ „пронашіе ребята“ съ фланговыми аркебузерами и отборными пикнерами.

Для управленія боемъ признается необходимымъ, чтобы полководецъ не принималъ бы непосредственнаго участія въ рукопашной схваткѣ, а чтобы устранить самое искушеніе главнаго начальника — сломать коніе съ противникомъ, дю-Веллэй совѣтуетъ ему сѣвшиваться во время боя. Ссылаясь на примѣры классическихъ полководцевъ, французскій авторъ указываетъ, что они сами давали приказанія для всей арміи, какъ относительно построенія боевого порядка, такъ и для подаванія сигналовъ при началѣ боя и для направленія поддержекъ (subsides) съ одного пункта къ другому; тогда какъ современные автору вожди дѣлаютъ въ бою лишь то, что соответствуетъ долгу простого храбраго солдата; настоящій-же начальникъ долженъ, по мнѣнію дю-Веллэй, съ началомъ боя, тщательно наблюдать за дѣйствіями противника, заботиться объ успѣхѣхъ всего дѣла, предохранять свои войска отъ напрасныхъ потерь, которые были-бы нанесены имъ его (начальника) вѣдѣ, и направлять для удара тѣ или другія части своихъ войскъ **). Дю-Веллэй не отрицаетъ однако необходимости полководцу иногда лично принять участіе въ рукопашномъ бою, но считаетъ, что это должно быть допущено лишь въ крайности и только въ самомъ концѣ боя, для поддержанія духа въ рядахъ войскъ, поколебленныхъ неприятельской атакой.

*) „...lesquels (enfants perdus) après qu'ils ont commencé Bataille se rangent en tres-bon ordre sur le derriere ou sur les flancs pour servir de Subsides, en attendant qu'ils voyent quelques occasion pour nuire aux ennemis.“ (Тамъ-же, стр. 82, стб.)

**) „Mais ceux d'aujourd'huy ne pensent qu'à faire ce qu'un simple Soldat vaillant homme doit faire depuis que la Bataille est commencée, là où il seroit requis qu'un bon chef advisast de tous costez ce que les ennemis font contre les siens, à fin de pourvoir à tout, et garder que ceux de son party ne reçoivent quelque perte par sa faute, en quoy il est nécessaire qu'il employe les uns et les autres des siens.“ (Тамъ-же, стр. 83.)

**) „... tellefois tant que sa personne mesmes y mette la main; neantmoins ecy doit estre le plus tard qu'il sera possible... ou s'il combat ce doit estre à l'extremité... Et ce faisant ne luy pourra estre reproché qu'il ne s'acquitte honnestement de sa charge jaçoit qu'il n'y mette point les mains...“ (Тамъ-же, стр. 83.)

Но если-бы начальнику не пришлось даже повсе править личное участие въ рукопашной схваткѣ, то за это нельзя обвинять его въ томъ, что онъ не съ честью выполнилъ свои обязанности вождя, такъ какъ уже вся предшествовавшая служба начальника, достигающаго званія полководца, должна доказывать, что онъ человекъ смѣлый и отважный.

Особая глава сочиненія дю-Веллэй посвящена „стратегемамъ, или военнымъ хитростямъ“; здѣсь приведены историческіе примѣры изъ войнъ Алишбала, Цезаря, Сципиона и другихъ полководцевъ, и сдѣланъ общий выводъ изъ ихъ дѣйствій, который сводится къ тому, что, разгадавъ намѣренія противника, слѣдуетъ добровольно и сознательно сдѣлать то, къ чему противникъ предполагаетъ насъ принудить силой, подготовивъ однако средства къ тому, чтобы по достиженіи противникомъ этой поставленной имъ первоначальной цѣли, положеніе его не дало-бы ему ожидаемыхъ имъ выгодъ (такъ, если противникъ желаетъ прорвать центръ, то слѣдуетъ заранее его ослабить, и отступать въ центръ, но тѣмъ сильнѣе атаковать противника съ фланговъ). Сознательно подчиняясь, съ виду, цѣлямъ противника, обезпечивается порядокъ собственныхъ войскъ, которая приняла-бы въ замѣшательство, если-бы принужденъ былъ силой удара противника подчиниться его намѣреніямъ *). Такимъ образомъ, дю-Веллэй требуетъ уже искуснаго *manœuvrieren des wecks*, а советъ его—уклонять слабую сторону, противъ которой собраны противникомъ его главные силы, и, пользуясь данной обстановкой, направить свои собственные силы на его слабую часть,—кошечно, сохранять значение и для современной намъ эпохи.

Изъ нѣмецкихъ авторовъ, *Шенди* считаетъ одинаково полезнымъ—или ставить колонны пѣхоты, рядомъ, какъ можно ближе другъ къ другу, чтобы онѣ образовали одну линію **) и могли-бы столкнуться съ противникомъ одновременно, или такъ, чтобы колонны схватывались тогчасъ одна послѣ другой. Однако и онъ уже рекомендуетъ имѣть спяный резервъ, или засадный отрядъ (*versteckten Haufen*), который выгодно направить скрытно въ тылъ или во флангъ противника. Обращается еще, по прежнему, вниманіе на солнце, вѣтеръ и пыль, чтобы наступленіе не велось имъ на-встрѣчу и чтобы они не затрудняли тяжелаго рукопашнаго боя, хотя и предупреждается, что опасно изъ-за такихъ причинъ уклониться отъ прямого направленія къ противнику, разъ уже наступленіе рѣшено; объ этомъ слѣдуетъ позаботиться заранее ***). Полководцу рекомендуется избирать мѣстность сообразно съ

*) c. le plus grand remede que l'on puisse trouver contre la conclusion de son ennemy, est de faire son bon gré ce que l'ennemy estime qu'il nous contiendra faire par force, pource, qu'en le faisant volontairement, l'on le fait par bon ordre à son advantage et au preiudice de l'ennemy: là où si l'on le faisoit malgré soy, ce seroit pour tomber manifestement en perdition. (Тамъ-же, стр. 103, 25, и 107, прав.).

**) und so viel möglich schier ein stirn gemacht werden. (Kriegs Discurs, стр. 88, изд. 1605 г.).

***) Тамъ-же, стр. 90.

составомъ его арміи, отдавая предпочтеніе равниннымъ, открытымъ полямъ, при болѣе сильной чѣмъ у противника конницѣ, и отходя въ гористую, пересѣченную страну—въ обратномъ случаѣ. При значительномъ численномъ превосходствѣ противника и возможности его атаки со всѣхъ сторонъ, предлагается окружить боевой порядкомъ двумя-тремя рядами повозокъ и снабдить ихъ достаточнымъ числомъ стрѣлковъ. Послѣ побѣды рекомендуется молитва и обдумываніе, какъ-бы кончить войну, но о преслѣдованіи не говорится ни слова *).

Духовная работа полководца въ сраженіи прилагалась преимущественно въ предварительныхъ распоряженіяхъ, самое большое—при завязкѣ боя. Управленіе самымъ боемъ, соответственное направленіе резервовъ, маневрированіе частями боевого порядка, когда уже сраженіе было завязано, мы встрѣчаемъ въ самой слабой степени, главнымъ образомъ потому, что такое управленіе возможно лишь съ тыла, при условіи, что полководецъ, находясь при резервахъ, не принимаетъ личнаго участія въ боевыхъ схваткахъ, тогда какъ, въ разсматриваемую эпоху, какъ доказываютъ примѣры Равенны, Павія и Черизолы (гр. Эптіенскій), не смотря на взгляды передовыхъ людей (какъ дю-Беллэй), все еще не вноятъ исчезъ рыцарскій предрасудокъ, что полководецъ долженъ быть первымъ бойцомъ.

При рыцарскихъ войскахъ, стронившихся для боя въ одну линію, сраженіе, представлявшее, главнымъ образомъ, скоротечный кавалерійскій бой, не дѣлалось, въ большинствѣ случаевъ, болѣе подучаса; при такихъ условіяхъ, полководцу не было даже возможности проявить свою дѣятельность въ управленіи боемъ; оставалось только, дѣйствительно, стать въ первыхъ рядахъ конницы и показать личный примѣръ мужества и искусства владѣть оружіемъ. Съ увеличеніемъ участія въ сраженіи пѣхоты, продолжительность боя возрастаетъ до 3-хъ—4-хъ и болѣе часовъ, достигая, при Мариньяно, продолжительности до 20 часовъ, и начинаетъ уже сказываться необходимость управленія боемъ; становится уже фактически возможнымъ проявлять такую дѣятельность главнаго начальника, и если не сразу она дѣйствительно проявляется, то не бездарностью тогдашнихъ полководцевъ, или отсутствіемъ у нихъ правильнаго тактическаго взгляда на бой, должны мы себѣ объяснить подобное явленіе, но духомъ того времени, остатками рыцарскихъ традицій и положительной невозмож-

*) Тамъ-же, стр. 89.

ностью полководцу оставаться в тылу, управляя оттуда боемъ, указывая направление для наступленія резервамъ и т. п. Его подчиненные все еще должны были видѣть, на сколько ихъ вождь заслуживаетъ имени «перваго рыцаря», которому принадлежала честь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность,—первому скрестить копье съ противникомъ, на колѣ брани. Понятно, что только такіе старческіе вожди, какъ Гуасто—подъ Черизолой, могли отказываться отъ подобной чести и оставаться в тылу своихъ войскъ, по понятнo и то, что именно такіе полководцы и не могли оказывать благоприятнаго вліянія на управленіе боемъ.

Разумные, искушенные опытомъ военачальники, какъ мы видѣли, начинаютъ уже сознавать вредъ этого устарѣвшаго рыцарскаго обычая, явившагося, главнымъ образомъ, результатомъ мелочнаго тщеславія и гордости средне-вѣковыхъ вождей, которые, будучи закованы въ желѣзо съ головы до ногъ, не подвергались, въ эпоху лука и стрѣлы, слишкомъ большому риску при такомъ личномъ открытіи боя, а между тѣмъ получали почетную славу перваго скрестившаго копье съ противникомъ рыцаря.

Альбрехтъ Ахилъ указываетъ мѣсто полководца при небольшомъ резервѣ, изъ 300 всадниковъ, который подходитъ „умѣреннымъ аллюромъ (*sanftes trabes*) и въ добромъ порядкѣ, къ полю сраженія... не двигается къ мѣсту самаго боя, пока время не придетъ, чтобы затѣмъ поддержать отсутствующія свои части и, преслѣдуя отбитаго противника, нанести ему окончательное пораженіе. При этихъ 300 коняхъ можетъ оставаться самъ вождь, тѣмъ онъ себѣ приобретаетъ достаточно чести и похвалы“ *).

Послѣднія слова и нахожденіе начальника во главѣ лишь *коннаго резерва* все еще указываетъ на то, что авторъ принужденъ считаться съ общепринятыми взглядами, платить дань своему все еще, въ нѣкоторой мѣрѣ, рыцарскому вѣку.

Альбрехтъ Ахилъ совѣтуетъ постепенно увеличивать въ глубину численность частей боевого порядка, такъ что боевой порядокъ 12-ти тысячнаго отряда у него распределяется слѣдующимъ образомъ: 400 коней и 700 пѣхотинцевъ образуютъ передовой отрядъ, далѣе слѣдуютъ 200 коней и 1.500 пѣхотинцевъ; наконецъ, двѣ большія массы главныхъ силъ—въ 3.000 и 4.000 человекъ пѣхоты, и за ними—300 коней резерва; съ наружнаго фланга, главные силы прикрываются особыми крыльями и особый отрядъ, 200—300 человекъ, находится при артиллеріи и вагенбургѣ.

Авторъ „*Вирнаго Совѣта*“ („*Trewer Rath*“, 1523 г.), распределяя конницу въ 1500 всадниковъ, тоже указываетъ мѣсто пол-

*) *Jähns*; „*Handbuch*“, стр. 984.

ководца при резервѣ, въ 300 коней, располагаемомъ позади двухъ конныхъ отрядовъ и направляемомъ лично главнымъ начальникомъ „туда, гдѣ больше всего нуждаются въ поддержкѣ, или гдѣ враженіе можетъ быть скорѣе всего выиграннымъ, при чемъ не должно обращать вниманія на разговоры о томъ, что онъ (подководецъ) находится въ послѣдней линіи“ *). Затѣмъ рекомендуется собразовать боевой порядокъ съ условіями мѣстности и расположеніемъ противника, направляя артиллерійскій огонь преимущественно противъ его конницы, если она превосходитъ силу собственной кавалеріи, а въ противномъ случаѣ, артиллерія должна избрать себѣ цѣлью пѣхоту; конницу и орудія сабдуетъ распределять преимущественно по флангамъ. Авторъ предпочитаетъ имѣть много колоннъ (слѣдовательно меньшей силы) и болѣе широкій боевой порядокъ, допускающій охватъ расположенія противника.

Успѣхи огнестрѣльнаго оружія начинаютъ развивать склонность къ занятію сильныхъ оборонительныхъ позицій: и стрѣлки и артиллерія были, въ то время, сами по себѣ, беззащитны, когда противникъ успѣвалъ сблизиться настолько, чтобы начать рукопашный бой; слѣдовательно, надо было его по возможности дольше задержать подъ огнемъ расположенныхъ за мѣстными или искусственными препятствіями стрѣлковъ и артиллерійскихъ орудій; обороняющійся могъ съ большимъ удобствомъ развивать за такими преградами всю силу своего огня, не опасаясь страшной для него кавалерійской атаки, при чемъ и управление огнемъ становилось болѣе или менѣе возможнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда представлялся случай обстрѣлывать наступающаго самымъ дѣйствительнымъ фланговымъ огнемъ. И вотъ, мы видимъ войска, не только занимающими болѣе или менѣе сильныя позиціи, но и самые строи (кресты, пустые квадраты съ крыльями и т. п.) становятся подвижными укрѣпленіями, приспособленными болѣе къ оборонѣ, чѣмъ къ наступленію и атакѣ **). Но очевидно, если обѣ стороны имѣли склонность къ подобному образу дѣйствій, то боевая дѣятельность войскъ замедлялась, время проходило въ мелкихъ стычкахъ, заманиваніяхъ подъ выстрѣлы и маневрахъ, которые лишь оттягивали окончательное рѣшеніе.

Такого рода медленность въ операціяхъ была, впрочемъ, всегда болѣе полезна одной сторонѣ, чѣмъ другой, и потому переходъ къ болѣе активнымъ дѣйствіямъ начинался тѣмъ изъ

*) «Und soll sich nicht daran kehren, dasz man sagt er sey im Treffen der Letzt gewesen». (Jöbels. «Geschichte der Kriegswissenschaften», т. I, стр. 476).

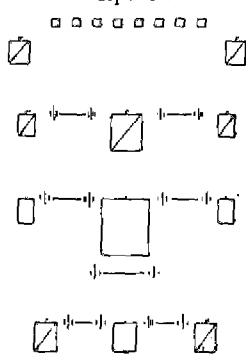
**) «Formation de bataille d'infanterie en redoute», какъ говоритъ *Villedieu le Duc* («Dictionnaire raisonné», т. VI, стр. 407).

противниковъ, которому откладываніе рѣшительнаго единоборства приносило меньше пользы; часто въ этому побуждало и потеряннѣе наемниковъ, не получившихъ исправно своего содержанія и желавшихъ вознаградить себя добычей. Необходимо поэтому было найти формы, которыя, ввиду получившихся преимуществъ обороны, были-бы приспособлены къ веденію наступленія и атаки и при этихъ невыгодныхъ условіяхъ. Такія формы старались сперва искать въ видоизмѣненіи самаго строя, перенося наступательную идею въ механическую форму клина; когда-же неудобства управленія и маневрированія имъ побудили отъ него отказаться, то обнаружилась стремленіе въ направленіи удара преимущественно на фланги непріятельскаго расположенія, въ примѣненіи резервовъ, въ пользованіи неожиданностью нападешя, въ организаціи наступательныхъ крыльевъ, составленныхъ изъ двухъ и даже трехъ родовъ оружія.

Интересное построеніе тако-го „наступательнаго крыла“ даетъ, въ VI части своего „Kriegsbuch“, герцогъ прусскій, *Альбрехтъ Бранденбургскій*. Въ числѣ 42 предлагаемыхъ или боевыхъ порядковъ, является одинъ (черт. 34), въ которомъ, въ первой линіи, наступаетъ сильный отрядъ стрѣлковъ, поддерживаемый съ фланговъ двумя колоннами легкой конницы, затѣмъ большая масса тяжелой кавалеріи (кирасиръ), по обѣимъ флангахъ которой располагается по батареямъ, въ свою очередь прикрытыхъ съ фланговъ легкой конницей. Въ 2-й линіи, слѣдуетъ главная пѣхотная масса, тоже съ артиллеріей на флангахъ, прикрытой небольшими пѣхотными командами. Позади главныхъ силъ пѣхоты—еще батарея, скрытая, до самой рѣшительной минуты, отъ взора противника, съ цѣлью внезапнаго выезда вправо или влево отъ пѣхотной массы, для обстрѣливанія избраннаго пункта атаки, или съ цѣлью—продольно обстрѣливать мѣстность впереди фронта пѣхоты. Такое-же назначеніе имѣлъ наступающій въ 3-й линіи общій подвижный резервъ, составленный изъ 3-хъ родовъ оружія — стрѣлковъ, конницы и артиллеріи.

Въ другомъ построеніи, Альбрехтъ Бранденбургскій ставитъ артиллерію въ пустыхъ пѣхотныхъ квадратахъ—въ первой линіи, за которой наступаетъ 2-я линія, изъ стрѣлковъ и кирасиръ, и въ 3-й линіи опять пѣхотная и кавалерійскія части. Иногда стрѣл-

Черт. 34.

Боевой порядокъ наступательнаго крыла (по Альбрехту Бранденбургскому).

вые и конные отряды сосредоточиваются нмъза однимъ изъ фланговъ, съ цѣлю, въ минуту надобности, продолжить этотъ флангъ, для притворнаго охвата или для производства самому такого охвата войскъ противника.

Фронсергеръ приводитъ построение боевого порядка, рекомендуемаго герцогомъ *Клеве* *), а именно: съ лѣваго фланга пѣхоты (которая строится, какъ указано на стр. 252), пристраниваются 4—5 рядовъ аркебузеровъ; съ праваго-же фланга, пѣхота прикрывается кирасирами, по 19 — 21 рядовъ въ шеренгѣ, а за ними легкая конница, которая, какъ выше указано, въ свою очередь, прикрывается съ фланговъ 2-мя рядами кирасиръ. Передняя шеренга поставленныхъ уступомъ кирасиръ должна проходитьъ противъ среднихъ значковъ пѣхоты, чтобы имѣть достаточный разбѣгъ при атакѣ, которую Клеве считаетъ необходимымъ произвести одновременно съ столкновениемъ пѣхотныхъ массъ. Относительно артиллерии выше было указано оригинальный способъ ея слѣдованія впереди лѣвой колонны пѣхоты и ея обоза (черт. 29); вмѣстѣ съ тѣмъ, Клеве рекомендуетъ скрывать въ пѣхотныхъ частяхъ легкія орудія, которыя, при встрѣчѣ непріятельской атаки, быстро выдвигаются, для обстрѣливанія противника.

Сраженія того времени показываютъ, что, хотя въ современной литературѣ и появлялись мнѣнія о необходимости имѣть резервы и послѣдовательно вводить свои силы въ бой, (Маккиавелли, дю-Беллэй, Альбрехтъ Бранденбургскій и друг.), тѣмъ не менѣе, резервы, въ большинствѣ случаевъ, или совершенно отсутствовали, или были крайне слабыми и не могли поэтому вліять на исходъ боя. Судьбу сраженія рѣшало обыкновенно первое-же столкновение, которое происходило преимущественно параллельно, по всему фронту, послѣ предварительной подготовки огнемъ и боемъ «пропавшихъ ребятъ», а иногда и послѣ ряда поединковъ высшихъ начальниковъ.

По сближеніи огромныхъ сомкнутыхъ колоннъ, на 150—200 шаговъ, войны становилась на колѣни и, послѣ краткой молитвы, отряхнувъ прахъ со своей одежды, иногда поцѣловавъ землю или проглотивъ даже комочъ земли—вмѣсто причастія,—шла скорымъ шагомъ на непріятеля, держа пики на перевѣсь, стремясь такъ столкнуться съ нимъ, чтобы фронтъ своей колонны какъ разъ совпалъ-бы съ фронтомъ колонны противника, а въ то-же время, на флангахъ ихъ сталкивалась конница, а иногда велся и стрѣлковый бой крыльями аркебузеровъ. Съ началомъ рукопашнаго боя начиналось массовое подталкиваніе переднихъ пикировъ задними

*) «Kriegszbuch», ч. II, 1696, стр. LXIX.

ихъ рядами, которые, будучи пока, болѣе или менѣе, въ безопасности, стремились увеличить своимъ давлѣніемъ силу удара первыхъ шеренгъ; безпощадная рубка кончалась, при стойкихъ противникахъ, избіеніемъ ихъ переднихъ шеренгъ. (См. рисунокъ боя ландскнехтовъ № 10, на табл. II). Въ густой толпѣ поднимались столбы дыма, порой закрывавшіе значки и знамена, къ которымъ приковывалось вниманіе заднихъ рядовъ, такъ какъ только по этимъ значкамъ можно было имъ судить о степени удачи шедшей впереди сваяки. При страшной физической работѣ передовыхъ борцовъ, конечно, имѣло нѣкоторое значеніе направленіе вѣтра и солнца, потому что стороны, имѣвшей ихъ позади себя, становилось возможнымъ держаться болѣе упорно, не теряя болѣе продолжительное время своихъ силъ. Меченосцамъ и аллебардистамъ, наблюдавшимъ за малѣйшими разрывами въ неприятельскихъ рядахъ, удавалось иногда пролѣзть ползкомъ, прикрываясь щитами подъ пиками переднихъ пикинеровъ или между ними, и тогда начиналась ужасная рубка ихъ короткимъ оружіемъ снизу, по погамъ противниковъ («sie schnitten blutige Hosenbänder», какъ говорить современникъ)*).

Послѣ этого рукопашнаго боя, который очевидно не могъ быть продолжительнымъ, одна сторона, оказавшаяся слабѣйшей, часто въ силу худшаго вооруженія, физическаго утомленія и разнаго рода случайностей, обращалась обыкновенно непосредственно въ бѣгство; упреждающаго отступленія почти невозможно было организовать, такъ какъ, вслѣдствіе близости противника, всякій, повернувшійся къ нему спиной, могъ быть почти увѣреннымъ, что его нагонитъ неприятельскій мечъ. Единственную надежду поэтому естественно было возлагать на скорость бѣгства съ поля сраженія. Конечно, при этомъ и побѣдитель терялъ всякій тактический порядокъ и, если удавалось внимательному полководцу ввести въ дѣло хотя-бы и слабыя силы, оставшіяся въ его распоряженіи, то иногда этимъ онъ давалъ новый оборотъ всему сраженію.

Но какіе резервы, по большей части, отсутствовали, такъ какъ преобладающей формой боевого порядка, по прежнему, оставалось расположеніе всѣхъ силъ въ одну линію, какъ ни возставали противъ этого Маккиавелли и его послѣдователи.

*) Jahn; «Handbuch», стр. 942 — 943. Для такого именно боя ландскнехты вооружались огромными мечами длиною въ 5 фут., которыми сражались, держа ихъ обѣими руками (фиг. № 34, на табл. X).

Мы видимъ въ главнѣйшихъ сраженіяхъ разсматриваемой эпохи (Равенна, Павія, Черизола) что авангардъ, главные силы и аррьергардъ различались только на походъ, а въ бою образовали правое крыло, центръ и лѣвый флангъ боевого порядка. Полководцу, начинавшему бой въ головѣ своихъ силъ, казалось неразумнымъ оставлять какую-либо часть ихъ не введенною въ бой, потому что, во-первыхъ, находилъ впереди, онъ самъ былъ лишенъ возможности направлять ее впередъ, когда того потребуетъ боевая обстановка, а во-вторыхъ, при дурномъ качественномъ составѣ наемныхъ войскъ, можно было опасаться, что оставленный въ тылу резервъ предпочтетъ вовсе не принимать участія въ бою, а, увидя неудачу передовыхъ войскъ, разбѣжится во всѣ стороны, не сломавъ ни одной пики.

Наемныя войска, такимъ образомъ, въ силу своихъ собственныхъ качествъ, требовали отъ полководца единовременнаго полнаго эксплуатированія ихъ боевой дѣятельности, побуждала его отказываться отъ послѣдовательнаго ввода въ бой ильвищахъ отъ его распоряженія сила. Это были войска, по преимуществу, движимыя порывомъ: удавалось вождю возбудить ихъ аппетиты и насытити ачностю, или злобу противъ своихъ соперниковъ (какими, напр., всегда были швейцарцы и ландскнехты), — и ихъ грузныя фаланги неудержимо неслись противъ непріятельскихъ линій (иногда даже вопреки волѣ полководца, какъ подъ Ля-Бикокой). Но порывъ быстро остывалъ, лишь только оказывалось, что добыча обходится слишкомъ дорого, и не оставалось болѣе побудительной двигательной силы, которая могла-бы ихъ тогда снова двинуть въ бой, для его возобновленія. Призракъ матеріальнаго довольствія оказывался слишкомъ слабымъ, когда приходилось жертвовать жизнью.

Стремленіе удержать свои ненадежныя войска на полѣ сраженія, въ своей власти, побуждало вождя къ одновременному вводу ихъ въ бой, къ построению въ видѣ одной плотной сомкнутой массы, къ окруженію ея со всѣхъ сторонъ преградами и препятствіями, которыя не только затруднили-бы противнику доступъ къ ней, но и препятствовали-бы собственнымъ войскамъ удалиться съ поля сраженія, когда имъ это заблагоразсудится. Боевые порядки приняла видъ сомкнутыхъ укрѣпленій, или грузной мало-подвижной крупности, и всѣ дѣйствія ея защит-

никовъ должны были быть строго согласованы съ волей ея команданта, который не только отдавалъ всѣ необходимыя для боя приказанія, но долженъ былъ и самъ, личнымъ примѣромъ, показать, что должны дѣлать его войска.

Нельзя однако не видѣть въ боевыхъ порядкахъ разсматриваемой эпохи нѣкотораго раздвоенія: если, съ одной стороны, продолжаютъ еще существовать неповоротливыя фаланги, то съ другой,—являются попытки расчленивъ эти фаланги на болѣе дробныя части, придать имъ нѣкоторую гибкость и самостоятельность; и такое раздвоеніе становится понятнымъ, если обратиться къ составу тогдашней вооруженной силы, къ способамъ ея комплектованія: и тамъ было раздвоеніе,—остатки рыцарскихъ феодальныхъ дружинъ и войска общинныхъ ополченій, смѣшанныя съ частями, комплектованными на новыхъ началахъ (ордонансовыя роты, легионеры, кирасиры, ландскнехты). Каждая изъ этихъ частей остается при своей тактикѣ, дерется врозь, не оказываетъ въ бою дѣйствительной поддержки другъ другу, и эта рознь продолжается вплоть до начала XVII вѣка.

Учрежденіе войскъ на жалованьи и постепенная замѣна ими рыцарскихъ ополченій, должны были положить начало общей нивелировкѣ тактическихъ формъ и сгладить существовавшія въ нихъ различія; съ переходомъ условной феодальной службы къ правильному отправленію военной службы за жалованье, было заложено основаніе постоянной арміи, и съ нею началась и новая тактика (такъ, напр., ордонансовыя роты переходятъ отъ рыцарскаго строя «частоколомъ»—en haie—къ построенію эскадронами). Но, понятно, этотъ переходъ не могъ совершиться сразу, почему и тактика этой «переходной эпохи» заключаетъ формы, еродныя, съ одной стороны, предшествовавшей эпохѣ, съ другой,—являющіяся уже предвѣстниками новой тактики.

Разпорядность элементовъ, составлявшихъ вооруженную силу тогдашнихъ государствъ, значительно затрудняла управленіе всѣми этими слабо связанными другъ съ другомъ отдѣльными единицами: во главѣ послѣднихъ стали чуждые другъ другу, не имѣвшие внутренней спайки отдѣльные начальники, и у каждаго изъ нихъ было свое честолюбіе, свои цѣли, свои симпатіи и антипатіи, свои методы веденія боя... Только значительный боевой опытъ полководца, его особый талантъ, искусное веденіе операцій и строгая, справедливая дисциплина... могли связать довѣріемъ къ вождю разпорядныя

войска, бывшія подъ его начальствомъ, и придать имъ требуемое единство въ бою.

Вой рѣшалъ судьбу кампаніи, можетъ быть, въ болышей мѣрѣ, чѣмъ въ послѣдующія времена, когда создались многочисленныя постоянныя войска. Дѣйствительно, при слабѣжѣ числомъ и далеко не сплоченныхъ войскахъ, пораженіе, даже не вполне рѣшительное, вело къ полному разстройству вооруженной силы, и не было средствъ, чтобы ее востановить и пополнить. Вотъ, можетъ быть, почему и не было настоящей необходимости преслѣдованія: побѣжденная армія и безъ него была обречена на разсѣяніе, а между тѣмъ разсѣдоточенныя войска преслѣдователя также могли потерять свою сплоченность, войти въ соглашеніе съ побѣдителемъ, или специально заняться грабежомъ. Вотъ почему побѣдители предпочитали держаться сосредоточенно на полѣ сраженія и трубить «викторію», хотя это вовсе не значитъ, что теорія недоразвилась до сознанія необходимости извлекать пользу изъ одержанной побѣды: Гаримберто, напр., опредѣленно говоритъ, что не менѣе важно умѣть воспользоваться побѣдой, чѣмъ побѣдить *).

Общій выводъ
о стратегіи
и тактикѣ въ
эпоху возрожденія.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что хотя на практикѣ, въ разсмаатриваемую эпоху, почти не встрѣчается искусныхъ стратегическихъ движеній, сопряженныхъ съ обходами противника съ фланговъ и съ тыла, а въ тактикѣ еще продолжаютъ примѣняться неповоротливыя, тяжелыя фаланги и одновременный ударъ ими въ бою, при отсутствіи резервовъ, но уже начинаются, главнымъ образомъ пока въ теоріи, стремленія къ другимъ болѣе совершеннымъ формамъ, а главное, начинается примѣняться, уже и на практикѣ, *расчетъ таксовъ устѣха* полководцемъ, тщательное изученіе имъ условій обстановки и, особенно, изслѣдованіе мѣстности, сообщеніе соображеній вождя его подчиненнымъ и обсужденіе, совмѣстно съ ними, лучшихъ способовъ для достиженія поставленной цѣли; начинается дѣйствительное управленіе войсками въ бою, какъ передачей точныхъ предварительныхъ распоряженій вождя его подчиненнымъ (первая диспозиція), такъ и посредствомъ специально назначаемыхъ помощниковъ его, облеченныхъ его довѣріемъ и обязанныхъ слѣдить за дѣйствіями противника и принимать соотвѣтствующія обстановкѣ мѣры (Равенна, Ла-Бьякока и

*) «Non é minor virtù il sapere usar la vittoria che l'vincerla»

особенно Червизола); учреждается, наконец, и особая должность для таких лиц *) словом, начинается облуживаться научное отношение къ военному искусству, и бои перестают быть единоборствомъ грубой силы, а вмѣсто личной отваги и искусства владѣнія оружіемъ, преобладающее значеніе получаютъ расчетъ, наблюденіе и вѣрный взглядъ военный; интеллектуальныя качества стали отнынѣ болѣе важными, чѣмъ грубая физическая сила и блестящая храбрость. И такое *обращеніе военного дѣла на путь науки явилось естественнымъ слѣдствіемъ всеобщаго возрожденія наукъ и искусствъ и результатомъ изученія классическихъ народовъ*. Послѣдніе представители феодальныхъ рыцарей съ горечью убѣждаются, что война перестала быть ихъ исключительнымъ достоинствомъ и, такъ сказать, излюбленнымъ ихъ спортомъ, а сдѣлалась серьезнымъ, политическимъ орудіемъ государственной власти, привлекая, для обезпеченія успѣха, по возможности *всю класси населенія*; и какъ только началась эта «демократизація» военного ремесла, — тотчасъ же начались ея плоды въ видѣ *зарожденія народной пылкости*, востенный ростъ которой въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ далъ возможность, съ теченіемъ времени, перейти и къ болѣе совершеннымъ стратегическимъ и тактическимъ формамъ.

Вышеизложенный очеркъ стратегіи и тактики, конца XV и начала XVI вѣковъ, позволяетъ сдѣлать заключеніе, что, въ эпоху возрожденія, военное дѣло, подобно другимъ наукамъ и искусствамъ, нашло основанія, для своего дальнѣйшаго развитія и, главное, для освобожденія отъ сковывавшихъ его предрасудковъ и узкихъ понятій среднихъ вѣковъ, — *въ древнихъ классическихъ образцахъ*. Выдающиеся военные и политическіе дѣятели XV и XVI вѣковъ обратились къ изученію тактики и стратегіи древнихъ римлянъ и грековъ и отыскала въ развалинахъ классическаго міра готовыя формулы и теоретическія положенія, рѣзко отличавшіяся отъ современныхъ имъ порядковъ, выработанныхъ средне-вѣковымъ преобладаніемъ феодальной системы.

Однако, воспринимая отъ военного искусства древнихъ народовъ пока лишь его наружныя формы и внѣшній обликъ, арміи новыхъ государствъ еще не оживотворяютъ его тѣмъ внутреннимъ духовнымъ смысломъ, которымъ были пропитаны

*) Ближе другихъ подходящая къ начальнику штаба должность «*mestre de camp*», учреждена, какъ постоянная должность, ранѣе другихъ, во Франціи, въ 1544 году. (*Suzanne*; «*Histoire de l'infanterie*», стр. 109).

служившія имъ образцами классическія формы. Такъ обыкновенно начинается всякое подражаніе, а въ данномъ случаѣ, причина этого явленія заключалась и въ томъ, что *государственная и народная идея не успѣли еще выработать тѣ жизненные условія, при которыхъ процвѣтали у классиковъ и получили полное выраженіе внѣшнія формы всякъ вообще наукъ и искусствъ, а въ томъ числѣ и военнаго дѣла.* Явилось, прежде всего, стремленіе противодействовать лишь формамъ, выработаннымъ феодальнымъ строемъ общественной жизни, такъ какъ смутно, порой безсознательно, догадывались, что античныя формы стояли выше, но все-же духъ и порядокъ средне-вѣковой латинской системы еще оставался живучимъ и еще долго проявлять свое вліяніе, тормозившее дальнѣйшее развитіе общенародной вооруженной системы.

Но примѣру классиковъ, передовые военные дѣятели эпохи возрожденія заботятся о созданіи пѣхоты; въ ней они видятъ всю силу будущихъ армій; уже высказывается мысль, что лучшая конница не устоитъ передъ хорошо вооруженной и правильно организованной пѣхотой; но на самомъ дѣлѣ, рыцарская конница еще долго царитъ на поляхъ сраженій; при Мариньяно, она побѣждаетъ лучшую европейскую пѣхоту (швейцарцевъ); при Чериволя, съ успѣхомъ ведетъ бой съ ландскнехтами и испанскими ветеранами. Причина этого явленія заключалась въ томъ, что *не было пока достаточно сильныхъ социальныхъ и нравственныхъ двигателей, которые обусловили-бы преобладаніе пѣхоты, такъ рельефно сказывавшееся въ сраженіяхъ классическихъ народовъ.* Внутреннія побудительныя причины, логично вызывавшія такое явленіе, конечно, не поддавались такъ легко подражанію, какъ внѣшнія формы организаціи вооруженной силы, и вотъ почему феодальные рыцари являются окончательно побѣжденными только тамъ, гдѣ особые условія политической народной жизни создаютъ сильную духомъ, стойкую и сплоченную пѣхоту. Преобладающимъ же въ подобныя благопріятныя условія является *пробужденіе народнаго самосознанія, вызванное борьбой за независимость.* Такая борьба требуетъ полного напряженія всѣхъ слоевъ общества, а не однихъ, такъ сказать, специальныхъ „мастеровъ благороднаго дѣла войны“, какими считали себя рыцари. Достоинно вниманія, что такое національное самосознаніе развивается преимущественно въ бѣдныхъ горныхъ странахъ или болотистыхъ приморскихъ областяхъ, одинаково неудобныхъ для дѣятвннй рыцарской конницы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удаленныхъ отъ средне-европейскихъ

равнинъ, подверженныхъ могущественнымъ политическимъ влияніямъ и благоприятствованнымъ дѣйствіямъ сильной копницы. Въ Швейцаріи, во Фландріи, на сѣверѣ Испаніи... не оказалъ своего вліянія общераспространенный, въ то время, предразсудокъ о непобѣдимости грозныхъ латниковъ, и среди пастуховъ и бѣдныхъ селячьихъ сохранились природныя національныя силы, не устранившіяся рыцарской конницы великихъ государствъ, готовыхъ ихъ поглотить, и давшихъ ей жестокій отпоръ.

Но тамъ, гдѣ такихъ условій не выработалось, гдѣ копировалась лишь внѣшняя форма классической организаціи вооруженной силы и гдѣ не образовалась пѣхота, приближавшаяся, по своей стойкости и нравственной силѣ, къ греческой и римской пѣхотѣ, тамъ (въ Италіи, частью во Франціи и въ Германіи) она еще долго обращается въ бѣгство, при одномъ видѣ закопанныхъ въ желѣзо рыцарей. Съ цѣлью избѣжать такого печальнаго результата, европейскія государства начинаютъ копировать вооруженіе, организацію и строи пѣхоты, побѣдившей рыцарскія войска, т. е., главнымъ образомъ, швейцарцевъ, и обращаются, за недостаткомъ собственной хорошей пѣхоты, къ наемникамъ, опять-таки, прежде всего, цѣпкая швейцарскія войска.

Мы видѣли послѣдовавшее постепенное ухудшеніе этихъ послѣднихъ и рассмотрѣли тѣ неуклюжія тактическія формы, которыя начали ими примѣняться, именно съ того времени, когда они стали продавать чужестраннымъ вождямъ свою боевую службу и когда, для удержанія въ повиновеніи своихъ наемниковъ, полководцы увидѣли себя принужденными принимать мѣры, чтобы обезпечить себѣ исполненіе своей роли, т. е., — имѣть въ своихъ рукахъ послушное орудіе, а не дѣйствующую вразбродъ толпу мародеровъ. Но механическое средство сломить войска построениемъ грузныхъ фалангъ оказалось недействительнымъ. Страсть къ наживѣ, эгоизмъ, развивавшійся въ наемникахъ ихъ службой исключительно ради денегъ и добычи, сдѣлала эти войска бичемъ страны и самымъ ненадежнымъ орудіемъ въ рукахъ полководца. Нужны были другіе побудительные мотивы, чтобы вести война на бой, чтобы сдѣлать изъ него гибкаго и послушнаго исполнителя воли вождя, которому стало-бы тогда возможнымъ примѣнять и другія, болѣе гибкія тактическія формы. Но для этого нужна была народная пѣхота, являвшаяся либо въ силу упомянутыхъ выше условій, либо вслѣдствіе коренной социальной реформы,

которая одухотворила-бы заимствованныя у древних вышшія формы военнаго дѣла.

Окончателное торжество народной арміи послѣдовало лишь съ утвержденіемъ принципа всеобщей воинской повинности, выдвинутаго лишь великой французскою революціей, а первый толчекъ для развитія военнаго дѣла въ этомъ направленіи, послѣ возрожденія наукъ и искусствъ, дали религіозныя войны.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ первому выпуску.

«Le rozier des guerres».

(Розанъ войнъ) *).

Книга, подъ этимъ заглавіемъ, появилась въ печати въ 1522 году и написана, вѣроятно, около 1480 года; хотя авторомъ ея признается обыкновенно самъ король Людовикъ XI, но нѣкоторые считаютъ, что она написана по приказанію его противника, Карла Смѣлаго; вѣрнѣе всего считать, что трудъ этотъ принадлежать перу одного изъ приближенныхъ короля Людовика XI, на что, повидимому указываетъ и гравюра, приложенная къ книгѣ и изображающая ея поднесеніе королю; изъ буквъ стлховъ, находящихся подъ этой гравюрой, нѣкоторые историки выводятъ скрытое въ нихъ имя автора—Этьена Порше, а по другимъ—Пьера Шенизо.

Въ первой главѣ книги (prologue) указано ея *содержаніе*. Вторая глава заключаетъ философскія разсужденія о *миръ, смерти и души*. Третья глава касается вопросовъ о *государствѣ, о владѣніяхъ королей и принцевъ, о правосудіи и объ общественномъ блазѣ* (bien commun). Четвертая глава разсматриваетъ *рыцарство, признанное для защиты общественного блага, и качества людей, которые*

*) Это метафорическое заглавіе пояснено въ предисловіи, которое подраздѣляетъ весь трудъ на двѣ части; первая «заключаетъ нѣсколько прекрасныхъ розъ и бутоновъ, для обученія и мудраго наставленія королямъ, принцамъ, рыцарямъ, капитанамъ и военнымъ людямъ, какъ они должны вести войска и биталю противъ непріятеля, какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ; вторая розанъ, иначе говоря, краткая историческая хроника, заключаетъ нѣсколько прекрасныхъ розъ и бутоновъ, извлеченныхъ изъ дома Франціи и Англіи, какъ по главной, такъ и по боковымъ линиямъ, подобно тому, и Германіи, Испаніи, Шотландіи, Сициліи, Фландріи и другимъ христіанскимъ королевствъ, а также и вѣрнымъ».

Намъ не удалось найти въ бібліотекахъ Петербурга оригинала этого сочиненія, содержаніе котораго передается по извлеченіямъ, приведеннымъ въ сочиненіяхъ: *Hardy*; «Origines de la tactique française», (т. II, стр. 255—260); *Brandt*; «Geschichte des Kriegswesens» (т. III, стр. 31—34). *Jahn*; «Geschichte der Kriegswissenschaften» (т. I, стр. 353—355) и особенно по *Ziegler*'у, который приложилъ къ своему переводу сочиненія Маккиавелли (*Dell'arte della guerra*). «Die Kriegskunst in sieben Büchern», почти полныя переводы большаго интереснаго главы «Розанъ войнъ» (стр. 286—299).

должны быть для этого избраны. („Des chevaliers, ordonnez pour la garde du bien commun et quelz gens on y doit eslire“). Пятая глава трактует о *дьятелиности Государя передъ войной*. („Des choses qui conviennent au prince“) и о мѣрахъ по организации соответственнаго числа войскъ, которыя должны быть въ полной готовности къ войнѣ (comme il peut ordonner ses gens pour en avoir prestement à toute heure et tel nombre quil luy plaire). Шестая глава излагаетъ главныя основанія *для возведенія войскъ на войну*. „Comment lost doit estre conduit“. Седьмая глава касается *отношеній государя къ его вельможамъ* („Des choses que le prince doit faire et condiderer en sa seigneurie“). Восьмая и донытая главы представляютъ *историческую хроннку* правленія первыхъ французскихъ королей до рожденія наследника престола (дофена Карла), въ 1470 году (...contenant cronique abregee du Royaume de France et daucuns autres Royaumes, depuis les premiers Roys de France, insignes au couronnement du Roy, fait pour monsieur le dauphin Charles son fils).

Эта хроника, повидному, спеціально предназначалась для обученія наследника, будущаго короля Карла VIII.

Приводимъ извлеченіе изъ болѣе интересныхъ главъ этой книги:

ГЛАВА IV.

О рыцарствѣ, призванномъ для защиты общественнаго блага.

„Рыцарство предназначается для защиты государства и общественнаго блага. Король долженъ вести его въ бой и вообще вести войну.

Народъ не можетъ быть побѣжденъ, если король хорошо понимаетъ искусство рыцарскаго дѣла, такъ какъ онъ можетъ собрать столько войскъ и рыцарей, сколько ему заблагоразсудится.

Необходимъ осмотрительный мудрый выборъ новыхъ рыцарей и обученіе ихъ искусству владѣть оружіемъ. Слѣдуетъ ихъ приучить къ военной дисциплинѣ ежедневными упражненіями и, еще до выхода въ поле, приучить ихъ мысли ко всему тому, что можетъ произойти въ войскахъ и въ бою; дѣяныя-же должны быть наказаны, для собственнаго исправленія и для примѣра другимъ. *Знаніе военнаго дѣла возвышаетъ мужество въ бою.*

Никто не странится показать на дѣлѣ то, что онъ знаетъ; небольшое, но хорошо обученное войско легче одерживаетъ побѣду, чѣмъ грубая масса, ничего не понимающая въ военномъ ремеслѣ^{*)}, которая всегда приносится въ жертву смерти.

Добраго рыцаря совершенствуетъ честь; она предписываетъ ему избѣгать позора бѣгства и одерживать побѣду надъ врагомъ. Рыцарь долженъ быть надѣленъ разумомъ, тѣлесной силой, мужествомъ, вѣрностью и опытомъ въ владѣніи оружія, въ своемъ ремеслѣ. Нельзя требовать отъ человѣка, который обучался лишь

^{*)} «In omni autem proelio plus valet disciplina et ars militaris quam virtus indocta».

работать перомъ, или иглой, или бритвой *), чтобы онъ владѣлъ искусно мечемъ. Вѣрный рыцарь *неподкупенъ*: онъ предпочтетъ умереть, чѣмъ, благопріятствовать, въ чемъ бы то ни было, врагамъ государства или чѣмъ обратиться въ позорное сѣгство.

Рыцари призваны для охраны и защиты *общественнаго блага*; поэтому, если они получаютъ несправно содержаніе и всетаки живутъ на счетъ народа, то они заслуживаютъ скорѣе имя разбойниковъ, чѣмъ рыцарей, и даже тѣ, которые предоставляютъ или возможность такъ жить, заслуживаютъ подобное-же названіе. Ипчѣмъ нимъ не одержавъ побѣды надъ всѣмъ міромъ римскій народъ, какъ постоянными упражненіями во владѣніи оружія, искусствомъ ставить войска въ боевомъ порядкѣ и разумнымъ употребленіемъ рыцарства (?)

Признаки сильнаго рыцаря.

(Des signes de fort chevalier).

Кто имѣетъ открытые глаза, прямо держитъ голову, имѣетъ широкую грудь, большія, высокія плечи, толстыя, крѣпкія руки, сильную шею, длинныя пальцы, небольшой животъ, широкія бедра, жилистыя, твердыя ноги, тотъ достоинъ быть рыцаремъ. Не слѣдуетъ принимать высокій ростъ за признакъ силы.

Больше всего опасаются быть ранеными—малокровные. Меньше боятся смерти тѣ, которые менѣе предаются безпечной, роскошной жизни, какую ведутъ богачи и кутилы.

Не блестящія одежды и не богатство доспѣховъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, дѣлаютъ противниковъ склонными къ уступкамъ и къ почитенію **), но лишь страхъ передъ оружіемъ обращаетъ ихъ къ послушанію.

Выгоднѣе приучить къ владѣнію оружіемъ своихъ собственныхъ подданныхъ, чѣмъ ванимать чужихъ, для того, чтобы имъ воспользоваться на войнѣ. Выгоднѣе и безопаснѣе довѣрить охрану своихъ городовъ, крѣпостей и замковъ тѣмъ, которые имѣютъ въ нихъ свое движимое и недвижимое имущество, чѣмъ иностранцамъ, которымъ нечего терять и которые болѣе склонны къ подкупамъ, потому что они имѣютъ столько-же въ Брюгге, сколько и въ Гентѣ.

О рѣчахъ, которыя должны быть произнесены государемъ передъ войной.

(Des exhortations que le prince doit faire quand il veut aller en guerre).

Нѣтъ въ мірѣ болѣе вѣрнаго средства, для защиты своего владѣнія, какъ быть любимымъ своими людьми; самое ужасное—

*) Вѣроятно, здѣсь намекъ на парикмахера Людовика XI, Оливье Ледъ, который былъ назначенъ посланникомъ въ Гентъ и, съ тѣхъ поръ, присвоилъ себѣ званіе благороднаго рыцаря.

**) Ne la noblesse de vestemens, ne les richesses d'or, ne d'argent et pierres precieuses ne font point.

держатъ ихъ въ страхѣ; тотъ, кто жаждетъ устрашать—долженъ самъ держаться на-сторожѣ противъ тѣхъ, которые его боятся; иначе онъ близокъ къ гибели. Но чтобы быть любимымъ,—надо самому любить.

Государь долженъ избѣгать войны, насколько это возможно, потому что она никогда не принесетъ выгоды государству. Если однако ему невозможно избѣжать войны, то ему слѣдуетъ спросить совѣта мудрыхъ людей, какъ обезпечить свое государство со всѣхъ сторонъ; онъ долженъ собрать опытныхъ на войнѣ начальниковъ, какъ для совѣщаній съ ними, такъ и для веденія военныхъ дѣйствій. Затѣмъ онъ долженъ потребовать отъ своихъ подданныхъ и друзей, чтобы они собрались въ лучшемъ изъ своихъ городовъ, и здѣсь держитъ передъ ними рѣчь, въ которой долженъ похвалить ихъ за ихъ готовность служить ему, напомнить о славѣ ихъ предковъ, показать коварство неурята, представить всю честь и всѣ выгоды побѣды падъ нимъ, и весь позоръ и стыдъ пораженія, воссламенить этимъ ихъ мужество, вѣру въ себя и охоту идти въ бой. У него не должно при этомъ вырваться ни одного слова, которое выдавало-бы его нерѣшительность; его рѣчь должна дышать гнѣвомъ и ненавистью къ противнику; его взоръ долженъ быть ужасенъ, его голосъ—грозиымъ; пусть его конь со ржаніемъ топчетъ землю... Вся его рѣчь должна произвести на войска такое впечатлѣніе, что вслѣдъ за его словами долженъ раздастся боевой кликъ и бряцаніе оружіемъ, какъ будто уже пронекодитъ схватка и рукопашный бой. И тогда государь долженъ торжественно собственноручно раздать знаменамъ хоругви".

Затѣмъ слѣдуютъ вѣншіе физическіе признаки разумнаго (sage) и смѣлаго воина вообще.

ГЛАВА V.

О дѣятельности Государя передъ войной.

„Государь не долженъ лично некатъ сраженія и бои и становиться въ переднихъ рядахъ своихъ смѣлчаконъ. Его заботы должны быть направлены къ тому, чтобы обезпечить свои войска боевыми припасами, орудіями и жизненными средствами; онъ долженъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобы быть разумнымъ полководцемъ. Только въ крайнемъ случаѣ сражается онъ лично, потому что, если пастуху не повезетъ, то стадо его разбѣжится и будетъ на краю гибели.

Кто хочетъ жить въ мирѣ, тотъ пусть готовится къ войнѣ и кто хочетъ побѣдить, тотъ пусть прилежно обучаетъ своихъ рыцарей. Кто хочетъ выиграть сраженіе, тотъ пусть сражается съ искусствомъ и не предоставляетъ ничего случайностямъ.

Не долженъ мудрый государь приходить въ гнѣвъ на своего полководца, который понимаетъ больше въ войнѣ, чѣмъ онъ самъ (государь).

Какія владѣнія, какія богатства могутъ быть вѣрно сохранены—безъ защиты ихъ оружіемъ? Никто не будетъ достаточно смѣ,

длать, чтобы отважиться на нарушение владѣній королевства и на нападеніе на него, если онъ знаетъ, что оно готово къ самооборонѣ и отомститъ за поруганіе своихъ правъ. Не слѣдуетъ вести войну, чтобы воевать, но чтобы мирно обладать страной.

Для военныхъ дѣлъ государю слѣдуетъ имѣти 4-хъ генераль-капитановъ (capitaine généraux); подъ начальствомъ каждого изъ нихъ—10 викаріевъ, которымъ подчинено по 10 капитановъ; у каждого капитана подъ начальствомъ—10 десятниковъ (desicion) и каждый изъ послѣднихъ командуетъ 10-ю воинами; численность всего войска будетъ, такимъ образомъ, 40.000 чел. Если требуется только 10.000 воиновъ, то достаточно призвать лишь одного генераль-капитана съ его подчиненными; если понадобится лишь 1000 чел., то слѣдуетъ призвать одного викарія съ его людьми; наконецъ, если нужно всего 100 чел., то призывается лишь одинъ капитанъ съ его сотаей; этимъ облегчается тяжесть расходовъ и не придется государю дѣлать слишкомъ большихъ затратъ.

ГЛАВА VI.

Какъ слѣдуетъ вести война на войнѣ.

„Собравъ свои войска и позаботившись о необходимыхъ запасахъ, государь долженъ постараться вести ихъ въ неприятельскую страну, чтобы причинить вредъ противнику и лишитъ его мужества, не разоряя войной земли своихъ подданныхъ.

Государь, который хочетъ разумно вести на войну свои войска, долженъ:

1) *Получити письменное описаніе путей и проходовъ, наиболее короткихъ и безопасныхъ, съ отмѣткою тѣхъ опасностей, которымъ можно подвергнуться при слѣдованіи ими, и тѣхъ средствъ, которыми можно устранимъ подобную опасность.*

2) Воспользоваться путеводами и проводниками, знающими дороги; слѣдить за ними, чтобы они не измѣнили, угрожая смертью, при малѣйшемъ сомнѣніи въ ихъ вѣрности, и обѣщая богатія награды, если они ведутъ себя исправно.

3) Окружить себя хорошими вѣрными солдатами, опытными и искусными, какъ во владѣніи оружіемъ, такъ и въ веденіи дѣйствительныхъ сраженій.

4) Оставлять возможно долже въ невѣденіи о направленіи своего движенія; чѣмъ болѣе тайно будутъ держаться совѣщанія, тѣмъ скорѣе удастся предпріятіе.

5) Отборныхъ своихъ воиновъ слѣдуетъ послать въ наиболее опасное мѣсто.

6) Имѣть въ составѣ каждой колонны (баталіи) развѣдчиковъ (coureurs) и легкихъ всадниковъ (chevaucheurs), на хорошихъ лошадяхъ и вполнѣ вѣрныхъ.

7) Держать войска въ хорошемъ порядкѣ, распредѣляя ихъ по баталіямъ такъ, что, если противникъ появляется неожиданно,

онъ встрѣчаетъ ихъ соответственно построенными и всегда готовымъ къ бою.

8) Знать, — располагаетъ-ли непріятель большимъ числомъ конницы, чѣмъ пѣхоты, или обратно, и въ чемъ заключается главная сила его арміи; помнить при этомъ, что пѣхота мучше всего сражается въ открытомъ полѣ.

Не слѣдуетъ располагать своего лагеря слишкомъ близко къ рѣкамъ и горамъ. Во время сраженія, слѣдуетъ стараться выиграть высокія (командующія) мѣста; слѣдуетъ остерегаться пажьны. Какъ только начинается колебаться часть непріятельскихъ войскъ, слѣдуетъ настойчиво продолжать атаки, потому что этииъ, скорее всего, можно одержать побѣду.

Все помысли и стремленія вождя должны быть направлены къ тому, чтобы превайти своихъ противниковъ въ искусствѣ и хитрости. Поэтому онъ *долженъ себя представляти, какъ бы онъ поесту-наль, самъ же ему пришлось действовать съ противной стороны.*

Никто не долженъ знать его плановъ, хочетъ-ли онъ дать сраженіе, или осадить городъ, или переправиться черезъ рѣку, или совершить набѣгъ и т. п.

Во время боя не слѣдуетъ занимать своими войсками слишкомъ широкаго фронта, чтобы не быть прорванными непріятелемъ, но и не принимать слишкомъ густого, глубокаго расположе-нія, чтобы войска не затрудняли-бы другъ другу употребленіе оружія.

Сраженіе есть наиболее опасная вещь въ мірѣ; нельзя быть поэтому слишкомъ разумнымъ и осторожнымъ передъ боемъ. Ошибки, сдѣланныя при всякомъ другомъ случаѣ, могутъ быть впоследствии исправлены; напротивъ, ошибка, совершенная въ бою, непоправима, и наказаніе за нее слѣдуетъ немед-ленно. Кто, именно, въ сраженіи дѣлаетъ промахъ, тотъ или бьнаетъ убитъ, или предается бѣгству и становится, вслѣдствіе этого, такимъ боязливымъ, что онъ едва-ли осмѣлится затѣмъ вторично атаковать противника.

Что надо взвѣсить передъ боемъ.

Прежде чѣмъ рѣшиться на сраженіе, необходимо взвѣсить 12 вопросовъ:

- во-1-ыхъ, численность противниковъ;
- во-2-ыхъ, упражнялись-ли они во владѣніи оружіемъ и имѣютъ-ли боевой опытъ;
- въ 3-хъ, мужественны-ли они;
- въ 4-ыхъ, выносливы-ли они и обладаютъ-ли физической силой;
- въ 5-ыхъ, разумны-ли, спаровисты-ли и единодушны-ли они;
- въ 6-ыхъ, смѣлы-ли и храбры-ли они наизъ, или-же могутъ быть легко обращены въ позорное бѣгство;
- въ 7-ыхъ, имѣютъ-ли они больше лошадей и лучше-ли ихъ кони;
- въ 8-ыхъ, имѣютъ-ли они больше предохранительнаго воору-женія, чѣмъ мы;

въ 9-ыхъ, лучше-ли они снабжены жизненными припасами;
въ 10-ыхъ, принадлежать-ли имъ командующія мѣста;
въ 11-ыхъ, будетъ-ли солнце и вѣтеръ за нами или на-встрѣчу намъ.

въ 12-ыхъ, кто ожидаетъ прибытія болѣе значительныхъ подкрѣпленій.

О боевыхъ порядкахъ.

Хорошій вождь долженъ умѣть располагать свои войска въ любой изъ пяти формъ боевого порядка:

Первая — въ видѣ *длиной и тонкой линии*; она годится только при оборонѣ гавани (побережья).

Вторая, — *квадратомъ*; это худшая боевая форма.

Третья, — *клиномъ*, или въ видѣ *кленей*;

Четвертая, — въ видѣ *штыка*;

Пятая, — въ видѣ *круга*.

Которая изъ нихъ лучшая, — должно рѣшить искусство военачальниковъ, хотя, съ перваго взгляда, кажется, что порядокъ „клиномъ“ самый лучший; но для правильной оцѣнки, необходимо также принять въ расчетъ артиллерию обѣихъ сторонъ.

Какъ можетъ опредѣлить государь силу противника.

Государь долженъ знать, что семь вещей могутъ дать преимущество на войнѣ.

1) Хорошій боевой порядокъ, соответствующій дѣлан, которой стремится достигнуть въ бою, а также соображенный съ числомъ артиллеріи обѣихъ сторонъ и съ численностью войскъ.

2) Удобная для дѣйствій мѣстность.

3) Благопріятныя противнику условія погоды, какъ-то вѣтеръ, дождь, солнце, или тѣ-же условія, ему неблагоприятныя.

4) Заблаговременныя свѣдѣнія о приближеніи противника.

5) Возможность отдохнуть и подкрѣпить себя пищей.

6) Достиженіе единодушія и любви между подчиненными.

7) Степень знанія плановъ противника.

Когда слѣдуетъ атаковать противника.

Государь долженъ стремиться атаковать непріятели:

1) когда онъ утомленъ походомъ;

2) когда онъ перешагиваетъ черезъ рѣку, или втянулся въ тѣснину, или проходитъ болотистое пространство;

3) когда онъ приведенъ въ безпорядокъ восхожденіемъ на горы;

4) когда солнце, пыль и вѣтеръ ему на-встрѣчу;

5) когда онъ снятъ или отдыхаетъ, при условіи, что свои войска успѣли подкрѣпить себя пищей и питьемъ и нѣсколько передохнули; передъ самымъ боемъ ѣсть не слѣдуетъ, потому

что, при наполненномъ желудкѣ, раны опаснѣе и съ трудомъ заживаютъ.

О правилахъ войны.

Въ концѣ концовъ, *слѣдуетъ думать все, что полезно намъ и вредно противнику* и помнить, что *все полезное ему—вредно намъ.* (Tu dois toujours faire ce qui est convenable à toy et nuisible à ton adversaire et penser que ce qui luy aide, te nuist toujours). Кто могъ-бы учить другаго тому, чему его самого никогда не учили. (Qui trouveras-tu, qui puisse apprendre à autre ce qu' il ne aprint oncques lui même).

Кто повѣритъ, что тотъ рыцарь смѣлъ, который, изъ нерадѣнія, даетъ заржавѣть своему оружію.

Много есть рыцарей, которые, по вѣщности, полны мужества, но, будучи подвергнуты испытанію,—не исполняютъ своего долга.

Кто разъ предается бѣгству, тотъ будетъ постоянно опасаться боя.

Никогда не слѣдуетъ вести въ бой рыцарей, которые заранѣе не испытаны въ умѣніи владѣть оружіемъ или вообще въ томъ, чѣмъ они должны служить. (Tu ne dois jamais mener Chevaliers en bataille, si paravant ne les as esprouvées en fait d'armes, ou de sens à ce qu' il te serve).

На маршѣ и въ бою, латники должны всегда сохранять порядокъ въ движеніи; они должны умѣть быстро и одинаковымъ аллюромъ сомкнута ѣздить, потому что разьединенное и лишенное порядка войско всегда въ опасности подвергнуться пораженію.

Тотъ, у кого есть предохранительное вооруженіе, дерется лучше, чѣмъ лишенный такового. Внѣстающія на солнцѣ латы войска часто устрашаютъ противника.

Не боится тотъ боя и рукопашной схватки, кому известна собственная сила и искусство.

Полезно привыкнуть въ мирное время къ тому, что необходимо знать въ сраженіи боя.

*На маршѣ войска подвергаются болѣе сличности, чѣмъ въ сраженіи *)*.

Если часть войска выдвинулась далеко вперед и подверглась нападенію, то она не столько думаетъ объ оборонѣ, сколько о бѣгствѣ. А позади идущіе, оставленные передними, теряютъ надежду на побѣду и легко отбрасываются превосходящими силами противника.

Пусть никто не отчаивается исполнить то, что уже разъ было приведено въ исполненіе.

*) Это замѣчаніе вѣскозько противорѣчитъ сказанному выше събъ опасности сраженій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ на сознаніе необходимости *охранять необходимое движете* отъ великихъ случайностей, которыя, будучи непредусмотрѣваемыми, могутъ повести къ болѣе печальнымъ результатамъ, чѣмъ предвидѣнный бой.

Легче приучить къ мужеству „новыхъ рыцарей“, чѣмъ исправить тѣхъ, которые уже приучились обращаться въ бѣгство.

Мудрое управленіе, знакомство съ искусствомъ дать бой противнику и разумное пріяніе этого искусства даютъ государю побѣду надъ врагами.

Хорошо снарядившись, приготовившись и построивши боевой порядокъ, можно внезапной атакой противника, не изготовившаго своихъ силъ, привести его въ замѣнательство и колебаніе; смятеніе-же противника передъ боемъ даетъ уже намъ половину побѣды надъ нимъ.

Лучше побѣдить своихъ противниковъ, минувъ ихъ средствомъ жизни и утрачивъ, чѣмъ при помощи личной храбрости (Mieux vault vaincre ses ennemis par mesaise ou par pauvre, que par vertu).

Самые лучшие совѣты тѣ, которыхъ твой противникъ не можетъ узнати прежде, нежели ты ихъ исполнишь. (Nuls conseils ne sont meilleurs, que ceulx que ton adversaire ne peut savoir, avant que tu les faces)

Ничто такъ не полезно на войнѣ, чтобы предохранить отъ пораженія и нанесенія вреда противникомъ, какъ точное знаніе его обстоятельствъ; поэтому вѣтъ болѣе полезныхъ затратъ, какъ тѣ, которыя дѣлаются на содержаніе вѣрныхъ разумныхъ шпионовъ, или ложныхъ перебѣжчиковъ, переходящихъ къ противнику, но остающихся, на самомъ дѣлѣ, преданными тебѣ.

Слѣдуетъ заботиться о поддержаніи мира и единодушія въ своихъ войскахъ, особенно между конницей и пѣхотой, потому что обыкновенно между ними является естественная рознь.

Миръ, принимаемая въ срѣзности, должны подчиняться необходимости (обстоятельствамъ). Когда пренебрегаютъ военнымъ искусствомъ, то уничтожаютъ различіе между мужикомъ и рыцаремъ. Полезно-ли государю, если его исправно получающіе содержаніе латники и наемники живутъ на счетъ народа и уменьшаютъ его (государя) доходы.

Прежде всего, слѣдуетъ обратиться къ тѣмъ мѣрамъ, которыя не приносятъ большого вреда даже въ случаѣ неудачи, но которыя, при удачѣ и искусномъ выполненіи, могутъ принести большія выгоды.

Не возлагай чрезмерныхъ надеждъ, когда „новые рыцари“ желаютъ боя, потому что послѣдній заманивъ для тѣхъ, которые его никогда не испытали, и часто случается, что требующіе на словахъ честнаго боя, на самомъ дѣлѣ тайно больше думаютъ о бѣгствѣ, чѣмъ о боѣ.

Хвастуны склонны кричать издалека; не слѣдуетъ поэтому позволять поднимать крики прежде, чѣмъ войска столкнутся.

Обученіе войскъ болѣе вліяетъ на исходъ боя, чѣмъ ихъ храбрость.

Очень выгодно привлечь къ себѣ и приять на службу добровольно переходящихъ неприятелей, потому что перебѣжчики наносятъ болѣе ущербъ противнику, чѣмъ убитые. (Grande seurte est de atraire et recevoir aucuns des ennemis, quant ils se viennent rendre en loyauté, car plus lassent et grevent les fuitifs leurs adversaires, que ceux, qui sont occis).

Лучше сохранить позади своих главных сил (батальн) нѣсколько *поддержек*, чѣмъ слишкомъ широко расположить своихъ рыцарей. (Mieux vault apres la bataille garder plusieurs aides, que espandre ses Chevaliers trop largement).

Едва ли можетъ быть побѣжденъ тотъ, кто точно знаетъ истинную силу своихъ людей и своихъ противниковъ. (A peine peut-il estre vaincu, qui cognoist veritablement la force de ses gens et de ses adversaires).

Мужество больше влѣяетъ, чѣмъ множество; но часто мѣстность влѣяетъ еще больше, чѣмъ мужество. (Vertu aide plus que ne fait multitude; aucunesfois aide plus le lieu que la vertu).

Искусство и мудрость имѣютъ большее значеніе, чѣмъ сила (масса); и часто случается, что немногочисленные, но хорошо управляемые бойцы обращаютъ въ бѣгство безпорядочную массу.

Войска усиливаютъ себя земляными работами (Ost profite par labourer et travailler).

Отъ природы мало людей обладаютъ силой; но хорошая военная выучка (дисциплина) дѣлаетъ воиновъ сильнѣе одаренныхъ тѣлесной силой. (Nature crée peu de fors hommes, mais par bonne doctrine—„bona disciplina“—plusieurs sont plus forts que par vertu corporel). На сколько ядро болѣе цѣнно, чѣмъ скорлупа, на столько искусство важнѣе силы.

Никогда не веди твоихъ рыцарей въ бой, если они не проникнуты увѣренностью въ побѣду.

Внезапныя событія устрашаютъ испуганнаго; обичныя вещи претерпѣваются. (Choses soudaines espouventent les ennemis, et celles qui font accoustumées sont mises en despit).

Тотъ, кто разбросалъ свои войска и неразумно преслѣдуетъ или противника, хочетъ отдать ему приобретенную побѣду. (Celuy, qui a ses gens espendus et suit ses ennemis follement, il leur vient donner la victoire qu'il avoit acquise).

О величинѣ войска.

Многочисленные но хорошо обученные воины достоинѣе для одержанія побѣды, чѣмъ грубая масса безъ военной дисциплины, потому что такая всегда приносится въ жертву смерти. Во всѣхъ сраженіяхъ, никакое множество не дастъ столько, сколько мужество. (En toutes batailles nulle multitude ne profite tant, comme fait vertu).

Какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, „Le rozier des guerres“ представляетъ много идей, почерпнутыхъ изъ Вегеція, но, при всемъ несходствѣ военного строя XV вѣка съ древне-римской организаціей, основы ея, приложенныя Вегеціемъ ко всему вооруженному римскому народу, служены были авторомъ рассматриваемой книги, ограничившимъ свое изслѣдованіе однимъ рыцарскимъ сословіемъ: вѣсто фигурирующаго у Вегеція общаго понятія „miles“—воинъ, у автора „Le rozier des guerres“ яляется специальное выраженіе „chevalier“—рыцарь, который одинъ только считается достойнымъ

исследования элементомъ вооруженной силы страны, и это представление настолько глубоко проникаетъ автора, что онъ явно усматриваетъ даже основу римской военной организаціи въ чуждомъ ей сословіи рыцарей! Но уже самое вниманіе, удѣляемое изученію классиковъ, является знаменіемъ времени, особенно въ ту эпоху, когда еще не явились исследования Маккиавелли, посвященные болѣе основательному изученію военного устройства древне-классическихъ народовъ.

Во всякомъ случаѣ, „Le rozier des guerres“, даетъ цѣнныя указанія, характеризующія господствовавшіе взгляды на военное дѣло государственныхъ дѣятелей XV вѣка, и нѣкоторые изъ этихъ идей (наиболѣе интересныя выдѣлены нами курсивомъ) настолько сохранили значеніе и до нашего времени, что на рубежѣ XX вѣка естественно думать, что эти идеи выработаны военными дѣятелями чуть-ли не послѣдняго столѣтія, тогда какъ они, какъ оказывается, высказывались еще 4 вѣка тому назадъ.

Письмо короля Франциска I своей матери, Луизы Савойской,

послѣ сраженія при Мариньяно, 14 сентября 1515 года *).

Государыня, съ цѣлью дать Вамъ вѣрныя свѣдѣнія о событїихъ сраженія, увѣдомляю Васъ, что вчера, около часу пополудни, наша стража, бывшая у воротъ на Миланской дорогѣ, донесла, что швейцарцы выступили изъ города, чтобы дать намъ бой. Услыхавъ это, я построилъ нашихъ ландскнехтовъ въ три отряда („en trois troupes“): два—по 9.000 чел. и третїй—около 4.000, такъ называемыхъ „пропавшихъ ребятъ“ („enfants perdus“) Петра Наварро—по сторонамъ дорогъ, вмѣстѣ съ французскими пѣхотинцами и авантюристами.

Дорога, по которой наступали упомянутые швейцарцы, была нѣсколько стѣснена, почему оказалось невозможнымъ расположить нашихъ конныхъ латниковъ, какъ на равнинѣ, что едва не вызвало у насъ большого безпорядка. Мои главныя силы были на разстоянїи полета стрѣлы отъ монхъ двухъ отрядовъ конныхъ латниковъ; позади насъ былъ мой братъ д'Алансонъ, съ остальными войсками аррьергарда, а наша артиллерія была у дорогъ (на Миланъ). Швейцарцы образовали три отряда (trois troupes): первый—въ 10.000, второй—въ 8.000 и третїй—въ 10.000; будьте увѣрены, что они наступали съ цѣлью разбить государя, что удалось-бы имъ, еслибъ послѣднїй не имѣлъ-бы хорошихъ сподвижниковъ.

Прибывъ къ мѣсту боя, почувствовалъ уронъ отъ нашей артиллерїи, они направились въ сторону закрытой мѣстности.

Солнце начало заходить, такъ что мы не могли пока нанести имъ большихъ потерь нашей артиллерїей; я Васъ увѣряю, что невозможно было наступать съ болѣею яростью и стремительностью.

Ихъ встрѣтила конница авангарда; латники ловко и весело атаковали ихъ во флангъ. Копнетабль, маршалъ Шабаингъ,

* Переводъ съ подлиннаго письма, приведеннаго въ сочиненїи Hardy: „Origines de la tactique française“ (т. II, стр. 269—281).

Имбрекуръ, Телнини, Понъ-де-Реми и другіе, которые находились тамъ, были однако отброшены на свою пѣхоту.

Облака пыли, а также наступавшая ночь мѣшали видѣть другъ друга; при этомъ произошло нѣкоторый безпорядокъ (il y eut quelque peu de désordre). Но Богъ далъ мнѣ милость, направилъ меня на флангъ тѣхъ, которые ихъ горячо преслѣдовали и мнѣ показалось умѣстнымъ атаковать ихъ. Далю Вамъ слово, Государыни, что какъ ни дружно наступали молодцы (gentils galants) швейцарцы, мы жестоко отбросили ихъ отрядъ, силой до 4.000, заставивъ ихъ бросить свои щикъ и закричать: „Франція“.

Это дѣло облегчило положеніе нашихъ войскъ. Съ тѣмъ, которые могли слѣдовать за мной, мы двинулись впередъ и встрѣтили другой отрядъ, въ 8.000 чел., который сперва сочли за ландскнехтовъ, потому что наступила уже темная ночь. Тѣмъ не менѣе, когда мы ихъ крикнули „Франція“, утѣрило Васъ, что 500—600 щикъ встрѣтили насъ въ упоръ (ils nous jetèrent cinq à six cents piques au nez), показавъ этимъ, что они не принадлежали къ нашимъ друзьямъ. Тотчасъ-же они были атакованы и отброшены въ самый ихъ лалаткамъ, и такимъ образомъ, они должны были прекратить преслѣдованіе ландскнехтовъ.

Ночь была темна и, еслибъ не луна, мы не могли-бы разлачать другъ друга. Я отправился къ артиллеріи, чтобы собрать около нея 500—600 латниковъ, съ которыми твердо держаться противъ большого отряда швейцарцевъ.

Тѣмъ временемъ, братъ коннетабль собралъ всю французскую пѣхоту и часть латниковъ и атаковалъ съ ними швейцарцевъ такъ стремительно, что онъ разсѣялъ ихъ, числомъ отъ 3 до 6.000, и отбросилъ ихъ отрядъ; мы, съ своей стороны, дали залпъ пѣзъ артиллерійскихъ орудій по другому отряду швейцарцевъ и вслѣдъ затѣмъ немедленно ихъ атаковали, одержавъ надъ ними верхъ и заставивъ обратно переправиться по броду, которымъ они успѣли воспользоваться *).

Исполнивъ это, мы вернулись къ артиллеріи; братъ коннетабль отправился на другой флангъ лагера. Швейцарцы расположились такъ близко, что насъ раздѣлялъ лишь ровъ. Всю ночь мы оставались верхомъ, съ копьемъ въ рукѣхъ и съ шлемомъ на головѣ, а наши ландскнехты—въ полной готовности къ бою.

Будучи ближе всѣхъ къ нашимъ противникамъ, я долженъ былъ выставить охрану, такъ что они насъ не застали врасплохъ на слѣдующее утро.

Надо Вамъ пояснить, что бой продолжался съ 3-хъ часовъ пополудни до 11—12 часовъ ночи, когда луна зашла. Было произведено до 30 великолѣпныхъ атакъ, и вѣрнѣе, Государыни, что намъ пришлось быть 28 часовъ на копѣ и съ шлемомъ на головѣ, безъ щикъ и щикъ.

Утромъ, за часъ до разсвѣта, мы переоблѣкли нѣсколько наше расположеніе; нашъ капитанъ (начальникъ) ландскнехтовъ

*) Этотъ именно моментъ изображенъ на копіи съ бирьянѣа гробницы Франциска I. (Фиг. 14, на табл. IV).

счелъ болѣе удобною нашу новую позицію; вмѣстѣ съ тѣмъ, я послалъ просить брата коннетабля держаться на другой дорогѣ и точно также послалъ къ брату д'Алансону, который не могъ подойти съ вечера.

Когда разсвѣло и мы могли различать предметы, я вышелъ изъ нашего лагеря, съ двумя дворянами, которые остались со мной послѣ вечерняго боя, и послалъ еще просить главнаго начальника (*grand maître*)*, чтобы онъ присоединился ко мнѣ, примѣрно съ сотней латниковъ.

Какъ только мы это исполнили—господа швейцарцы начали атаку своимъ порядкомъ, чтобы еще разъ испытать боевое счастье. Когда они выступили изъ своего лагеря, я приказалъ дать по нимъ до дождики орудіиныхъ выстрѣловъ, такъ удачно направленныхъ, что они бѣгомъ возвратились въ свой лагерь.

Тамъ они раздѣлились на три отряда. Такъ какъ ихъ лагерь былъ укрѣпленъ, и мы не могли ихъ оттуда прогнать, они оставили передъ нами фронтъ 8.000 чел. и всю артиллерию и выслали два другихъ отряда къ двумъ угламъ (флангамъ) нашего лагеря: одинъ—противъ брата коннетабля, другой—противъ брата д'Алансона. Тотъ, который былъ направленъ противъ коннетабля, былъ мужественно отброшенъ французскими авантюристами Петра Наварро; ихъ отбили и большею частью разсѣяли. Пять или шесть тысячъ швейцарцевъ ушли собраться, но они были разбиты столькими-же авантюристами съ помощію коннетабля, который бросился въ самую ихъ середину, съ частью своихъ латниковъ.

Въ это время, прибылъ Вароломей Альвіано, приведя съ собой отрядъ венеціанской конницы, съ помощію которой имъ удалось окончательно разсѣять швейцарцевъ. Я былъ при ландкнехтахъ главныхъ силъ; мы все время продолжали канонаду съ швейцарцами; былъ вопросъ, кто раньше оставитъ свое расположеніе. Мы держались восемь часовъ противъ всей швейцарской артиллеріи, которая, увѣряю Васъ, заставила склониться не одну голову.

Въ концѣ конновъ, отъ главнаго отряда, бывшаго противъ меня, отдѣлилось 5.000 чел., которые опрокинули нѣсколько нашихъ латниковъ, преслѣдовавшихъ неуряделя, отброшеннаго братомъ д'Алансономъ. Эти 5.000 швейцарцевъ дошли до ландкнехтовъ, которые такъ хорошо приняли ихъ огнемъ аркебузеровъ, пиками и стрѣлами, что ни одному не удалось бѣжать (*il n'en échappa la queue d'un*), потому что всѣ войска вступили съ нимъ въ бой и собрались, чтобы встрѣтить ихъ атаку.

Всѣмъ затѣмъ мы сдѣлали видъ, что идемъ противъ нихъ (*nous fimes semblant de marcher aux autres*); они пришли въ безпорядокъ, бросили свою артиллерию и бѣжали по направлению къ Милану.

Изъ 28.000 швейцарцевъ, которые наступали противъ насъ, только 3.000 избѣгли смерти или плѣна; изъ нашихъ, послѣ сдѣ-

*) Людовикъ Орлеанскій, герцогъ де-Лонгевиль.

лапного мною смотра, я не досчитываюсь около 4.000. Въ общемъ, съ обѣихъ сторонъ, выбыло до 30.000 чел.

Сраженіе было продолжительныхъ: со вчерашняго дня, съ 3-хъ часовъ пополудни, до 2-хъ часовъ сегодня, рѣшался вопросъ, кто проиграетъ бой и кто одержитъ побѣду; безпрестанно происходили схватки или стрѣляла артиллерія, какъ днемъ, такъ и ночью; и увѣряю Васъ, Государыни, что я видѣлъ, какъ лавдскнехты мѣрили свои пики съ швейцарцами и какъ латники бросались съ конями въ рукахъ; пусть больше не называютъ латниковъ „вооруженными зайцами“, потому что безопибочно можно сказать, что имъ принадлежить честь побѣды; и думаю, что не лгу, говоря, что по пятьсотъ и по пятисотъ (латниковъ) сдѣлано было до тридцати ведикольныхъ атакъ, прежде чѣмъ выиграть сраженіе (par cinq cents et par cinq cents, il ait été fait plus de trente belle charges avant que la bataille fût gagnée).

Вообще, можно сказать, что за послѣдніе 2.000 лѣтъ не было такого благороднаго и кровопролитнаго боя; бывшіе подъ Равенной говорятъ, что тамъ одержала была побѣда цѣною потери, въ три раза меньшихъ.

Сенешаль д'Арманьякъ (Гяльо де-Женульятъ), со своей артиллеріей, имѣетъ право сказать, что и ему отчасти принадлежить честь побѣды, потому что не было человека, который служилъ-бы такъ хорошо, какъ онъ; и, слава Богу, всѣ паша здравствуютъ. Во-первыхъ, я съ братомъ коннетаблемъ, г.г. де-Вендомъ, де-С. Поль, де-Гизъ, маршалъ де-Шабаннь, главный начальникъ де-Лонгевиль. Изъ высокопоставленныхъ лицъ убитъ лишь д'Имбрекуръ и находится при смерти Бюссъ; много сожалѣній вызываетъ потеря этихъ двухъ лицъ.

Убито нѣсколько дворянъ моей свиты. Вы узнаете ихъ имена поимно моего письма. Принцъ де-Тальмонъ опасно раненъ, и хочу еще разъ увѣрить Васъ, что братъ коннетабль и г. де-С. Поль также доблестно ломали копья, какъ и дворяне, какихъ-бы то ни было рода. Я говорю о людяхъ, которыхъ лично видѣлъ въ дѣлѣ.

Написано въ лагерѣ при С. Бригиттѣ, въ пятницу, 14 дня сентября, 1515 г.

„Франциска“ *).

*) Передъ самымъ боемъ, когда прибылъ Флѣранжъ съ донесеніемъ о наступленіи швейцарцевъ, Франциска, согласно старымъ традиціямъ, пожелала быть посвященнымъ въ рыцари и, съ этой цѣлью, позвала Ваарда, которому сказала: «Ваардъ, мой другъ, я хочу сегодня быть посвященнымъ въ рыцари вашей рукой, потому что рыцарь, сражавшійся пѣшкомъ и верхомъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, боемъ всѣхъ достоинъ это сдѣлать».

«Государь, отвѣтилъ Ваардъ, тотъ, кто коронованъ, посвященъ и помазанъ посланнымъ съ неба святымъ мирою, король такого благороднаго государства и первый сынъ церкви—тотъ и безъ того рыцарь надъ всѣми остальными рыцарями».

«Да, да, сказалъ король, торопитесь, Ваардъ; не ссылаетесь на законы и церковныя правила; исполняйте мое желаніе и мой приказъ». Тогда

Дополнительныя поправки:

1) Выноску на стр. 43—44 слѣдуетъ дополнить ссылкой, что составъ кошия ординавсовой роты (1 жандармъ, 1 кутильеръ, 1 пажъ, 2 дучника и 1 слуга) указанъ также въ трудѣ *Пузыревскаго* («Исторія военного искусства въ средніе вѣка»; ч. II, стр. 218).

2) На стр. 96, 7-я строка снизу, вмѣсто словъ «почти двое сутокъ»—слѣдуетъ читать «почти сутки».

3) На стр. 97, 13-я строка снизу вмѣсто словъ «сынъ его, Карль V», слѣдуетъ читать: «преемникъ его, Карль V» и на той же стр., 9-я строка, вмѣсто: «унаследовавъ по отцу права»—«унаследовавъ, по императорскому титулу, права». На 8-й строкѣ (той же страницѣ), слова: «своего дѣда» слѣдуетъ выпустить. (Карль V былъ сыномъ Филиппа Красиваго и Иоанны Безумной).

Баардъ взявъ въ руки свой мечъ и далъ имъ ударъ по плечу короля, сказалъ: «Государь, пусть это исполнится, какъ будто я былъ-бы Роландомъ или Оливье, Годефрау или его братомъ, Валдуинномъ. Вы первый государь, котораго я посвящаю въ рыцари. Да будетъ воля Божья, чтобы, на войнѣ, вы не бѣжали передъ лицомъ непріятеля». А затѣмъ, отойдя въ сторону, воскликнулъ:

«Счастливы ты, Баардъ, что посвятилъ въ рыцари такого великолѣпнаго, могущественнаго короля. И ты, мой добрый мечъ, будешь храниться, какъ святыня, и будешь въ чести передъ всеми остальными; только противъ невѣрныхъ турокъ, сарацинъ и мауровъ я буду тебя обважать». Выдержки изъ дневника доктора Шампье (Symphorien Champier), состоявшаго при герцогѣ Лотарингскомъ, участникъ сраженія при Мариньяно приведены въ соч. *Hardy* («Origines de la tactique française», т. VI, стр. 316).

1938